С. Г. АГАДЖАНОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОГУЗОВ И ТУРКМЕН СРЕДНЕЙ АЗИИ IX-XIII вв.

АШХАБАД 1969

ТҮРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ
Ш. БАТЫРОВ АДЫНДАКЫ ТАРЫХ ИНСТИТУТЫ

С. Г. АГАЖАНОВ

IX—XIII АСЫРЛАРДА ОРТА АЗИЯ ОГУЗЛАРЫНЫҢ ВЕ ТҮРКМЕНЛЕРИНИҢ ТАРЫХЫНЫҢ ОЧЕРКЛЕРИ

ТССР ЫА-ның корреспондент-члени, тарых ылымларының докторы Л. А. РОСЛЯКОВЫҢ редакцнясы билен

«ЫЛЫМ» НЕШИРЯТЫ
Ашгабат. 1969

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш. БАТЫРОВА

С. Г. АГАДЖАНОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОГУЗОВ И ТУРКМЕН СРЕДНЕЙ АЗИИ IX—XIII вв.

Под редакцией доктора исторических наук,
члена-корреспондента АН ТССР А. А. РОСЛЯКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЫЛЫМ»
Ашхабад 1969

9 (С) 12
А23

В предлагаемой книге исследуется комплекс проблем истории предков туркменского народа. Значительное место в монографии занимают проблемы социально-экономического строя и военно-политической истории огузов и туркмен. Специальная глава монографии посвящена происхождению сельджукидов и сельджукскому движению X—XI вв. Приводится очерк истории государства сырдарьинских огузов, сыгравшего важную роль в истории Средней Азии и Восточной Европы. Заключительная глава монографии посвящена историческим судьбам огузов и туркмен в составе государства сельджукидов и после монгольского нашествия на Среднюю Азию.

Монография рассчитана на преподавателей, научных работников, студентов и широкий круг читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга посвящена огузам и туркменам Средней Азии IX—XIII вв.[1] Хронологические рамки монографии обусловлены не общей исторической периодизацией, а состоянием фактического материала. Работа охватывает время от первых упоминаний огузов в арабо-персидских источниках до постепенного исчезновения их имени со страниц истории Средней Азии после монгольского нашествия.

Огузские племена оказали большое влияние на ход исторических событий в Средней Азии и Восточной Европе в IX—X вв. Благодаря образованию в середине XI в. обширной державы сельджукидов[2] огузы и туркмены стали играть важную роль почти на всем мусульманском[3] Востоке. Появление сельджуков на мировой арене изменило, по образному выражению К. Маркса, все «отношения в Передней Азии» (253, с. 109). Главным образом это было связано с широким распространением при сельджукидах феодального института икта. «Только турки, — писал Ф. Энгельс, имея в виду сельджуков,— впервые ввели на Востоке в завоеванных ими странах нечто наподобие помещичьего феодализма» (467, с. 165).

---

[1] В настоящей работе не рассматривается вопрос о соотношении между огузами Средней и Центральной Азии, поскольку он выходит за рамки избранной темы. Исследование этой проблемы к тому же крайне осложняется из-за спорности вопроса об этно-политических связях между огузами, токуз-гузами и уйгурами. В исторической литературе на этот счет имеется немало различных взглядов, но нет общепринятой точки зрения (545; 589; 594; 621; 632; 707).

[2] В публикуемой книге термином «сельджукиды» обозначается династическая фамилия, под управлением которой находились племена сельджуков. Последнее название прилагается к объединению племен, основное этническое ядро которого состояло из огузов и туркмен.

[3] Данный термин употребляется нами не в узком религиозном, а широком культурно-политическом значении. Географически он распространяется на страны, некогда входившие в состав арабского халифата (ср. 725, с. 6).

Образование империи сельджукидов явилось крупным этапом в дальнейшем развитии феодальных отношений в Средней Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, в Закавказье и Малой Азии. Это грандиозное событие имело и другие важные объективно-исторические последствия для стран Востока. Туркмены и огузы, ушедшие в XI—XIII вв. в Закавказье и Малую Азию, приняли участие в формировании азербайджанского и турецкого народов. Огузские племена, оставшиеся в пределах Средней Азии, Ирана и Афганистана, явились важным слагаемым в консолидации туркменской народности. Значительные этнические группы огузского происхождения влились в состав казахов, узбеков, каракалпаков, башкир, татар. Огузская проблема имеет, следовательно, отношение к целому ряду тюркоязычных народов советского и зарубежного Востока. Разработка данной проблемы обретает большую значимость не только для истории Средней, но и Передней и Малой Азии.

Название «огуз» получило широкое распространение в Средней Азии начиная с IX—X вв. Очевидно, это было следствием разгрома огузами печенежского союза племен и образования державы сырдарьинских ябгу. В конце IX в. огузы нанесли печенегам при содействии хазар сокрушительное поражение и овладели их землями между Уралом и Волгой. С этой поры до середины XI в. политическая гегемония на обширном пространстве степной полосы Средней Азии находилась в руках огузских вождей.

Огузами в Средней Азии именовались тюркоязычные, преимущественно кочевые племена, жившие наиболее компактно в Прикаспии, низовьях Сыр-Дарьи и Приаралье[1]. Большинство этих племен входило в X—XI вв. в состав государства ябгу, столицей которого был г. Янгикент. Среди огузов, особенно кочевых и полукочевых, доминировал монголоидный расовый тип. Туркменами называлась лишь часть огузов, которая ассимилировалась с европеоидным, преимущественно ираноязычным населением Средней Азии. Название «туркмен» прилагалось также к отдельным, вероятно, метисированным этническим группам халаджей и карлуков (626; 627; 716).

Средневековые огузы и туркмены были довольно близкими, но не абсолютно идентичными народами. Огузов нельзя считать единственными предками современных туркмен, основное ядро которых сформировалось из тюркизированных потомков древнего индоевропейского населения степей и оазисов Закаспия. Однако этнические компоненты огузского происхождения сыграли чрезвычайно важную роль в формировании туркменской народности.

[1] Резюмируемая ниже точка зрения о соотношении терминов «огуз» и «туркмен» более подробно изложена автором в его статьях и научных докладах. Попытка осветить этногенез огузов и туркмен сделана нами в специальном докладе на первом Всесоюзном совещании о происхождении туркменского народа (в соавторстве с А. А. Росляковым и А. К. Каррыевым). Основные проблемы этнической истории огузов рассмотрены автором в докладе на тюркологической конференции, состоявшейся в июне 1967 г. в Ленинграде (см. 21; 25; 26; 196).

В публикуемой работе делается попытка выяснить ареал расселения, показать основные черты общественного и политического строя, проследить исторические судьбы огузов и туркмен Средней Азии в IX—XIII вв.[1] Проблема образования туркменской народности, окончательное формирование которой выходит за хронологические рамки избранной темы, будет освещена нами в специальной монографии.

В ходе исследования проблем истории огузов и туркмен Средней Азии в IX—XIII вв. приходилось наталкиваться на серьезные трудности. Главным образом это объясняется состоянием источниковедческой базы и неравномерной изученностью различных аспектов избранной темы. Особенно трудно было при освещении исторических судеб огузов и туркмен XI—XIII вв. ограничиться географическими рамками публикуемой книги. В рассматриваемый период не сложились еще этнические и политические границы, которые существуют в настоящее время. Поэтому в работе используются наиболее характерные факты о туркменах и огузах Ирана, Сирии, Ирака, Закавказья и Малой Азии XI—XIII вв. Изучение этих фактов на основе сравнительно-исторического метода позволяет выявить общие закономерности в политическом и социально-экономическом строе огузов и туркмен исследуемой эпохи.

В издаваемой книге имена собственные, географические и другие термины даны без фонетической транслитерации по чисто техническим причинам[2]. Названия рукописных сочинений и отдельных публикаций на арабском, персидском и турецком языках приведены в русской транскрипции. Ссылки на использованную литературу и источники даны в самом тексте публикуемой монографии. Первая цифра в круглых скобках при этом означает порядковый номер помещенного в конце работы библиографического списка. Затем в ссылке указываются страницы, а римская цифра обозначает соответствующий том или выпуск использованной литературы и источников.

Считаю приятным долгом принести благодарность своим коллегам — сотрудникам Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР, принявшим активное участие в обсуждении публикуемой книги. Особенно признателен А. А. Рослякову, способствовавшему пробуждению во мне еще в студенческие годы серьезного интереса к огузской проблематике. Глубокую благодарность выражаю научным сотрудникам ЛОИНА АН СССР В. А. Ромодину, С. Г. Кляшторному, К. Н. Юзбашяну и О. Г. Большакову за полезные советы при написании предлагаемой работы. Большую признательность выражаю В. И. Беляеву, Н. Д. Миклухо-Маклаю и О. Ф. Акимушкину за указание на списки ряда восточных историко-географических сочинений, хранящихся в ИНА АН СССР.

[1] В издаваемую работу не включена глава о восстании огузов весной 1153 г. против сельджукидских властей Хорасана. Данный вопрос был рассмотрен автором в его кандидатской диссертации, подготовленной к изданию отдельной книгой.

[2] По этой же причине не удалось правильно набрать названия отдельных работ на иностранных языках, особенно на турецком, а также некоторые буквы арабского шрифта.

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Племена огузов и туркмен Средней Азии довольно рано привлекли внимание средневековых хронистов, путешественников, географов и лингвистов. Большой интерес к ним проявили не только восточные, но и западные историки, особенно в эпоху крестовых походов (552; 152). Среди относительно большого круга источников по избранной теме ведущее место занимают сочинения, написанные на арабском, иранских и тюркских языках[1]. Характеристика большинства этих источников дана В. В. Бартольдом (65), В. И. Беляевым и А. А. Ромаскевичем (265), И. Ю. Крачковским (221), К. Каэном (535). Значительное место им отведено и в специальных трудах по мусульманской историографии К. Брокельмана (520), К. Стори (742), Х. Гибба (114), Ф. Розенталя (725), Б. Шпуллера (740).

Наличие столь обширной литературы избавляет нас от необходимости останавливаться подробно на каждом источнике. В предлагаемом обзоре главное внимание уделяется наиболее важным источникам, помогающим уяснить соответствующие разделы книги. Рассматриваемые источники функционально подразделяются на несколько больших категорий. Среди них можно выделить комплексы исторических и географических трудов, документальные сборники, энциклопедические и филологические сочинения.

Историко-географические труды IX—X вв.

В средневековой арабо-персидской историографии первые сведения о племенах огузов и туркмен приведены в источниках IX—X вв. Данная пора знаменуется прогрессом в различных отраслях науки и культуры стран мусульманского Востока. Большие успехи были достигнуты и в области развивавшихся в тесной связи исто-

[1] Письменные источники на восточных языках составляют основную базу для воссоздания истории огузов и туркмен IX—XIII вв. Этнографические и вещественные памятники крайне малочисленны и рассматриваются нами в соответствующих главах монографии.

рико-географических знаний. Создается ряд крупных трудов всеобщего и регионального направлений, развиваются местные исторические школы. В значительной мере этому способствовал распад арабского халифата, приведший к возрождению культуры покоренных народов. Наиболее крупными центрами науки являлись экономически развитые столичные города Ирака, Египта, Ирана, Средней Азии. Основным средством культурного общения служил арабский язык, удержавший свою гегемонию на несколько веков. Историография на этом языке развивалась под влиянием синтеза племенных сказаний и генеалогий арабов, хадисной литературы, старых эпических традиций иранцев, сирийцев и других народов (114; 725).

В IX—X вв. особенно больших успехов достигла арабоязычная географическая наука, переживавшая эпоху своего расцвета. Существенную роль в этом сыграли предшествующие арабские завоевания, практические задачи административно-налогового управления, интенсификация сухопутной и морской торговли. Необходимость обеспечения внешней безопасности, экспансионистские и миссионерские устремления стимулировали накопление информации о соседних народах (221). Значительный интерес начинает проявляться и к тюркоязычным племенам Средней Азии, которая служила одним из форпостов ислама. В IX в. в поле зрения арабоязычных историков и географов попадают и огузы, ставшие активной силой на границах Хорезма, Мавераннахра и Хорасана.

В арабоязычных исторических произведениях наиболее ранние сведения о племенах огузов приведены в труде Ибн Джабира ал-Балазури (+892). Его сочинение под названием «Китаб футух ал-булдан» генетически восходит к жанру «книг походов» (114; 725). Исторический труд Балазури сохранился до наших дней лишь в сокращенной редакции (659). Балазури весьма редко ссылается на предшествующих авторов, но среди его первоисточников назван ряд важных, утраченных сейчас исторических произведений. Автор «Китаб футух ал-булдан» отличался стремлением к последовательному изложению событий и критическим подходом к отбору фактического материала. В целом его труд является вполне надежным источником, заслужившим признание в зарубежной и советской историографии.

В том же IX в. известия о племенах огузов появляются и в арабоязычных географических сочинениях. Одно из первых упоминаний огузов в такого рода источниках содержится в «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» Ибн Хордадбеха (820—912). Это произведение относится к специфическому направлению описательной географии — «науке о путях и государствах» (221, с. 19).

Близкими по жанру к труду Ибн Хордадбеха являются сочинения Йакуби (+892) и Кудамы ибн Джафара (+922—948). Йакуби был не только географом, но и историком прагматического направления, пытавшимся уяснить причинную обусловленность событий. Однако наибольшее значение для нашей темы имеет его

географический труд «Китаб ал-булдан». Это произведение окончено в 891 г. и основано главным образом на расспросных данных, полученных во время многолетних путешествий автора (221, с. 151; 520, I, с. 226). Йакуби тщательно сопоставлял одни известия с другими, отбрасывая недостоверные сведения. Сочинение Йакуби является ценным источником, содержащим обширный историко-этнографический материал. Приводимые им сведения значительно расширяют наши познания о тюрках, в том числе огузах Средней Азии.

Среди рассматриваемого комплекса источников следует назвать и «Китаб ахбар ал-булдан» Ибн ал-Факиха (543; 357). Произведение это написано около 903 г. и сокращено в первой четверти XI в. (395, I; 774, с. 11). Однако наряду с краткой до нас дошла и более полная редакция, сохранившаяся в мешхедском списке (98). Сочинение Ибн ал-Факиха принадлежит к занимательно-литературному направлению описательной географии. Отличительной чертой данного труда является бессистемность изложения и довольно ощутимый компилятивный характер. Несмотря на это, сочинение Ибн ал-Факиха заслуживает самого пристального внимания. В «Китаб ахбар ал-булдан» содержатся важные историко-географические сведения, отсутствующие в других источниках. Большой интерес представляют главы о тюркских племенах, их быте, нравах и обычаях. Приходится лишь сожалеть, что первоисточники этих известий еще недостаточно выяснены (98; 265; 774). Особое значение для нашей темы имеет приводимое Ибн ал-Факихом историческое предание о так называемом дождевом камне. Ибн ал-Факих ссылается при этом на рассказы Абу-л-Аббаса Исы ибн Мухаммада ибн Исы ал-Марвази[1] и Дауда ибн Али ал-Бадгиси, наместника Хорасана (167, л. 171). Последний, судя по тексту мешхедской рукописи, был современником правителя из династии саманидов — Исмаила ибн Ахмада (892—907).

Рассказ Абу-л-Аббаса Марвази ведется со слов одного из огузских царевичей по имени Балкик. Помимо сочинения Ибн ал-Факиха это предание содержится в трудах Наджиба Хамадани (XII в.) и Амина Рази (XVI в.). Однако в «Аджаиб ал-махлукат» и «Хафт иклим» приводятся детали, отсутствующие в «Китаб ахбар ал-булдан». Наджиб Хамадани и Амин Рази, вероятно, пользовались более обширной, чем представленная в мешхедском списке, редакцией произведения Ибн ал-Факиха (207; 273).

Почти одновременно с произведением Ибн ал-Факиха в начале X в. Ибн Русте написал многотомное энциклопедическое сочинение. Однако из этого обширного труда сохранился лишь один том с астрономическим введением и историко-географическим описанием иклимов (265, с. 21). Сочинение Ибн Русте под названием «Китаб ал-алак ан-нафиса» было закончено вскоре после 903 г.

[1] И. Ю. Крачковский склонен думать, что под этим именем скрывается известный литератор IX в. Абу-л-Аббас Джафар ибн Ахмад ал-Марвази (221, с. 127).

(221, с. 159). Рассматриваемый труд целиком основан на книжных источниках, но это не снижает его достоинств. Ибн Русте кропотливо собрал множество ценных фактов из произведений различных путешественников и географов (520, I, с. 227). Большое значение имеют его разделы о тюркоязычных племенах и населенных ими землях (160; 449).

Десятое столетие явилось апогеем в истории развития географических знаний в странах мусульманского Востока. Особенно большие успехи были достигнуты в области картографии и описательной географии. Создается так называемый Атлас ислама, возникший под непосредственным влиянием старых иранских традиций (221, с. 170). Одно из первых собраний таких карт с пояснительным текстом содержалось в написанном около 920 г. сочинении Абу Зайда ал-Балхи (850—934). Географический труд Балхи подвергся обработке и был пополнен новыми фактическими сведениями между 930 и 933 г. (221, с. 196). Автором этого переработанного труда под названием «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» был Абу Исхак ал-Истахри. Произведение Истахри в свою очередь было отредактировано и дополнено в X в. Абу-л-Касимом ибн Хаукалем. Сочинение Ибн Хаукала в первом варианте посвящено эмиру Сирии из династии хамданидов Сайф ад-Дауле (+967). Вторая редакция этого труда была составлена позднее, вероятно, около 977 г. в Сицилии (520, I, с. 229; 221, с. 199). Исследованиями де Гуе и И. Х. Крамерса доказано, что Ибн Хаукал использовал полный, а не сокращенный вариант произведения Истахри. Первоначальная редакция этого труда сохранилась в персидско-таджикских переводах с арабского оригинала (272; 405; 559). В этих переводах имеются сведения, которые отсутствуют в дошедших до нас рукописях сочинения Истахри. Данные персидско-таджикских версий восходят к полной редакции труда Истахри, которой пользовался Ибн Хаукал (265, с. 27). В этих версиях содержатся важные для нашей темы известия о племенах огузов, живших в долине Сыр-Дарьи и Шашской области.

Среди географических сочинений X в., написанных на арабском языке, следует особо выделить живой рассказ путешественников. Произведения этого рода, относящиеся к жанру описательной географии, являются ценными историческими первоисточниками. Одним из таких источников является давно известная в отечественной историографии (575) «Книга» Ахмада ибн Фаддлана. В 921—922 гг. он принял участие в посольстве халифа ал-Муктадира в Волжскую Булгарию. Главой этой дипломатической миссии, в которую входил Ибн Фадлан, был назначен Сусан ар-Расси (206; 208; 770).

После возвращения посольства в Багдад халифу был представлен отчет, составленный Ибн Фадланом. В записке описан маршрут путешествия через Иран, Хорасан, Мавераннахр и Хорезм в Камскую Булгарию. Посольство Сусана ар-Расси, направляясь из Хорезма в страну булгар, проехало по кочевьям огузов

в нынешнем Западном Казахстане. Ибн Фадлан в своей «Книге» дает отличающееся большой меткостью наблюдений подробное описание повседневного быта огузов. В его отчете содержатся также замечательные данные о социальных отношениях, политическом строе и хозяйстве кочевых огузов X века.

Современником Ибн Фадлана был странствователь и бродячий поэт Абу Дулаф (221, с. 186). Он некоторое время служил при дворе саманидского эмира Насра II ибн Ахмада (914—942). Абу Дулаф около 942 г. отправился в путешествие из Мавераннахра в Китай и Индию. Поездка была, вероятно, связана с прибытием в Бухару китайского посольства. Очевидно, Абу Дулаф сопровождал в обратный путь эту дипломатическую миссию (220, с. 280, 281). Путешественник оставил записку с описанием своего маршрута через земли огузов, карлуков, печенегов и других тюркоязычных племен (359).

В исторической литературе начиная с прошлого столетия долгое время господствовало скептическое отношение к «Посланию» Абу Дулафа. В. В. Григорьев, например, считал, что этот странствователь написал свою «Записку» по слухам, с чужих слов (123, с. 3), аргументируя свою оценку «Послания» Абу Дулафа в частности тем, что тот помещает огузов к востоку от Бухары. Такая локализация, по его мнению, противоречит данным всех остальных арабских географов. Однако В. В. Григорьев не принял во внимание тот факт, что группа огузских племен обитала в X в. в Семиречье[1]. Очевидно, по землям этих огузов и проехал Абу Дулаф, направляясь из Бухары в Китай.

Одним из выдающихся арабских путешественников X в. был Абу-л-Хасан ал-Масуди (+956). В молодые годы он странствовал по Ирану, затем побывал в Индии, на Цейлоне, в Китае, Хорасане, Сирии, Египте (485; 486). Масуди составил в 944 г. тридцатитомную историко-географическую энциклопедию под названием «Ахбар аз-заман» (725, с. 411). До нашего времени из нее сохранились лишь краткие извлечения и сокращенные обработки. К их числу относится «Мурудж аз-захаб», который был закончен в 947 г. и переработан в 950 г. (265, с. 25). Незадолго до смерти Масуди написал «Китаб ат-танбих» — аналитический указатель с добавлениями к прежним трудам (520, I, с. 143—145). Произведения Масуди основаны на личных наблюдениях, рассказах купцов, путешественников и письменных источниках[2]. В его трудах приведен ряд оригинальных историко-этнографических сведений о племенах огузов Средней Азии. Очевидно, эти данные были накоплены им в 914—915 гг. в ходе его странствований по Ирану и Хорасану (486, с. 514). Масуди пишет, что он плавал из Абескуна в Табаристан, где собрал различные сведения у купцов и владельцев морских кораблей (661, I, с. 274).

[1] Н. Н. Пантусов считал, что описываемые Абу Дулафом огузы жили в Центральной Азии (328; ср. 790).

[2] Среди них были произведения Ибн Хардадбеха и Джайхани (221, с. 179).

Историко-географические данные, основанные на личных наблюдениях, занимают еще более важное место в сочинении Абу Абдаллаха ал-Макдиси (947—1000). Жажда познания дальних стран заставила его объехать большинство мусульманских областей Востока. В 986 г. Макдиси закончил в первом варианте произведение под названием «Ахсан ат-такасим фи марифат ал-акалим». Спустя приблизительно три года он составил новую редакцию своего труда, посвятив его фатимидским правителям Египта (520, I, с. 230). В предисловии к «Ахсан ат-такасим» он подверг критике труды предшественников и сделал попытку исправить их ошибки. Макдиси, наряду с материалами собственных путешествий, использовал сообщения различных информаторов и «книги, найденные в царских архивах» (221, с. 211). Сочинение Макдиси является одним из самых ценных произведений средневековой арабоязычной географической литературы. Особый интерес для нас представляет содержащееся в труде Макдиси первое в мусульманских источниках упоминание туркмен (66, с. 548).

В X в., наряду с произведениями на арабском языке, появляется ряд сочинений на фарси (дари). Крупными центрами научной мысли помимо Басры, Куфы, Багдада становятся Нишапур, Бухара, Старый Ургенч. Первые исторические труды на персидском и таджикском языках представляли собой переводы с арабского (651; 740). Однако в дальнейшем возникают оригинальные исторические, географические, энциклопедические сочинения на фарси. В X в. везир саманида Насра ибн Ахмада (914—943) написал труд под названием «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик». Столетия не пощадили творения Джайхани, которое сейчас безвозвратно утрачено[1]. К. Брокельман считал, что это произведение было завершено между 892 и 907 г., что вряд ли соответствует действительности (520, I, с. 228). В. В. Бартольд и И. Ю. Крачковский показали, что Джайхани написал свой труд не ранее 922 г. (64, с. 42; 221, с. 222). Джайхани, по словам Макдиси, собрал обширную информацию о странах и народах, сопредельных с Мавераннахром и Хорасаном. Он призвал к себе иноземных послов и купцов и стал расспрашивать об их странах и ведущих туда торговых дорогах. Макдиси свидетельствует, что в труде Джайхани упоминались самые отдаленные и малоизвестные остановки и населенные пункты (695, с. 12—14). Особенно подробно им были описаны долины, холмы, горы и реки, находившиеся на этих караванных путях. Произведение Джайхани, по утверждению Макдиси, состояло из семи томов, но наряду с полной существовала и сокращенная редакция «Китаб масалик ал-мамалик» (221, с. 219—224).

---

[1] В 40-х годах текущего столетия в журнале «Ариана» появились статьи М. Х. Шаика о рукописи произведения Джайхани, хранящейся в кабульском музее. Небольшая заметка о находке в Афганистане труда Джайхани под названием «Ашкал ал-алам» или «Масалик ал-мамалик» была опубликована Р. Фраем. Однако, как показал В. Ф. Минорский, кабульский список является не чем иным, как одной из персидских версий сочинения Истахри (735; 577; 685).

При написании своего труда Джайхани, вероятно, пользовался также одноименным сочинением Ибн Хордадбеха (265, с. 17—18). Отрывки из географического произведения Джайхани сохранились в трудах более поздних средневековых авторов. Большие цитаты из «Китаб масалик ал-мамалик» приведены в сочинениях Гардизи, Марвази, Идриси. Географический труд Джайхани был также использован неизвестным автором «Худуд ал-алам», составленным около 982 г. Исследованиями В. В. Бартольда и В. Ф. Минорского установлено, что это сочинение основано на нескольких первоисточниках (450; 680). Прежде всего в нем чувствуется зависимость от трудов Балхи, Истахри, Ибн Русте. Одним из источников сведений автора «Худуд ал-алам» о тюрках Средней Азии явилось утраченное произведение Джайхани (688, с. 262).

Отличительной чертой рассмотренного выше комплекса источников является сознательное ограничение круга описываемых стран областями распространения ислама. Наиболее рельефно это прослеживается в трудах арабоязычных географов классической школы (221, с. 205). Поэтому в них содержится в общей сложности незначительное количество сведений о племенах огузов и туркмен. Исключение составляют, пожалуй, лишь записки путешественников, особенно Ибн Фадлана, оставившего подробное описание повседневного быта огузов. В центре повествований остальных авторов находятся преимущественно мусульманские народы. Когда же они упоминают о племенах «неверных», в том числе об огузах, главное внимание сосредоточивают на распространении ислама в их стране. С другой стороны, в этих источниках значительный интерес проявляется к форпостам, служившим пунктами торговли и военных столкновений с карлуками, огузами и другими тюрками на границах Хорезма, Мавераннахра и Хорасана. Информация о соседних с этими областями племенах тюрок возрастает или уменьшается в зависимости от хода развития взаимоотношений земледельческих оазисов с кочевой степью. В этом отношении наглядным примером является труд Джайхани, который преследовал не столько научные, сколько чисто практические цели. Макдиси свидетельствует, что саманидский везир, собирая данные о сопредельных народах, хотел подготовиться к завоеванию этих стран (695).

Газневидская историография XI в.

Историография Средней Азии, Ирана и Афганистана, особенно периода царствования газневидов и сельджукидов, отличается своим ярко выраженным придворным характером. Династические хроники преобладают над традиционной анналистикой и трудами по всеобщей истории. Историки в своей подавляющей массе обычно избегают выражать собственное мнение и комментировать беспристрастно описываемые события. Заметное исключение в этом отношении составляет Абу-л-Фазл Бейхаки, не скрывающий отрицательных сторон правления газневидов. Большинство же истори-

ческих произведений отличается приторным сервилизмом, прикрытым иногда заумной риторикой (478; 725). Сказывается влияние мусульманской ортодоксии, поддерживавшей «благочестивый» авторитет тюркских династий (740, с. 219). В придворных хрониках этой поры сама династическая история нередко фальсифицируется в ущерб объективной истине.

Однако наряду с этим в рассматриваемое время развиваются основные жанры исторической литературы (725; 740). Благодаря внедрению персидского и таджикского языков исторические произведения становятся достоянием широких кругов образованных людей. Значительно расширяются познания в области исторической этнографии, особенно в изучении тюркоязычных народов Средней Азии. Появляются специальные трактаты и экскурсы о тюрках, отличительных чертах их кочевого быта, нравах и даже физическом облике. В источниках этой поры накапливается большой фактический материал о тюркоязычных племенах, в том числе огузах и туркменах Средней Азии.

В XI—XII вв. пробуждается большой интерес к тюркоязычным племенам в историографии мусульманского Востока. Это объясняется выходом тюрок на мировую арену после создания держав газневидов, сельджукидов и хорезмшахов. С образованием этих государств возникают новые культурные центры в Средней Азии, Иране, Афганистане. В прежде захолустной Газне появляется целая плеяда ученых, окружавших султана Махмуда (997—1030). Среди них был придворный историк Абу Наср ал-Утби, завершивший в 1021 г. сочинение под названием «Китаб ал-йамини». Основной целью автор ставил прославление Махмуда, но описываемые им события объективно служат обвинением деспотии газневидов (65, с. 65). Труд Абу Насра ал-Утби написан рифмованной прозой вычурным стилем, затрудняющим понимание смысла. Поэтому начиная с XIII в. появляются специальные филологические толкования к этому историческому труду. Однако наибольшую известность приобрел комментарий, составленный в XVIII в. Ахмадом ибн Али ал-Маниии (520, II, с. 282). В 1206 г. «Китаб ал-йамини» был переведен на таджикский язык Абу Шарафом Джербадекани (742, I, с. 250—252). Историческое произведение ал-Утби является одним из главных источников по истории Средней Азии второй половины X—первой четверти XI в. Особенно важное значение для нас имеет рассказ о племенах огузов, участвовавших в борьбе между караханидами и саманидами за обладание Мавераннахром.

Около 1050 г., в правление газневидского султана Абд ар-Рашида (1049—1053) был написан исторический труд под названием «Зайн ал-ахбар». В этом сочинении, автором которого был Гардизи, имеется специальный раздел о карлуках, огузах, ягма, кимаках и других тюркоязычных народах (54). Абу Саид Гардизи в

этой главе ссылается на труды Ибн ал-Мукаффы[1], Ибн Хордадбеха[2], Джайхани и анонимное произведение «Таваду ад-дунйа». Сведения, приводимые Гардизи, обнаруживают сходство с описанием тюрок в других средневековых источниках. В. В. Бартольдом отмечено совпадение текста Гардизи с соответствующими известиями «Худуд ал-алам» и «Муджмал ат-таварих» (54, с. 79). Сейчас к этому перечню можно добавить сообщения Марвази, Шабангараи и Шюкруллаха. Объяснить подобное сходство в описании тюркских племен в этих исторических трудах можно лишь общностью их первоисточников.

Один из разделов «Зайн ал-ахбар» посвящен царствованию газневидских султанов. Исторические сведения, приводимые в труде Гардизи, обрываются на правлении Маудуда ибн Масуда (1042—1048). Большой интерес для нас представляют рассказы Гардизи о взаимоотношениях первых сельджукидов с газневидами. В «Зайн ал-ахбар» повествуется также о многолетней сельджуко-газневидской войне в Хорасане. Гардизи был современником тех крупных событий, но его изложение отличается сжатостью, нередко в ущерб подлинной исторической картине.

Замечательным источником по истории туркмен XI в. является труд Абу-л-Фазла Бейхаки[3]. Сочинение этого историка-мемуариста под названием «Тарих-и Масуди» довольно хорошо известно в современной историографии. Интересные сведения о биографии и творчестве Бейхаки приведены в работах М. Минови (691), С. Нафиси (7), К. Е. Босфорса (514), А. К. Арендса (8). Труд Абу-л-Фазла Бейхаки, как известно, не дошел до нас полностью. Первые части сочинения утеряны, из них сохранились лишь извлечения в отдельных ираноязычных хрониках (514). Сведениями из утраченных томов произведения Бейхаки пользовались, в частности, Джузджани (XIII в.) и Хафиз-и Абру (XV в.). Джузджани ссылается на труд Бейхаки под названием «Тарих-и Насири», откуда заимствует данные о начальном этапе сельджуко-газневидских отношений[4].

---

[1] Абу Абдаллах Ибн ал-Мукаффа (+757) известен как переводчик на арабский язык «Калилы и Димны», а также пехлевийской «Книги царей». Гардизи в указанной главе о тюрках ссылается на труд Ибн ал-Мукаффы под названием «Китаб руб ад-дунйа».

[2] В. В. Бартольд полагал, что Гардизи использовал утраченное сочинение Ибн Хордадбеха «Собрание генеалогий персов и их колоний» (54, с. 79).

[3] Абу-л-Фазла Бейхаки не следует путать с Абу-л-Хасаном Бейхаки, известным под псевдонимом Ибн Фундук (300). Последний, носивший почетный лакаб Захир ад-Дин, родился в 1105 г. и скончался в 1169 г. (612, с. 297—318). Абу-л-Хасан Бейхаки является автором написанного в 1167 г. регионального исторического труда «Тарих-и Бейхак». Ибн Фундуку принадлежало также не дошедшее до нас сочинение по истории Хорасана. Пересказы и цитаты из этого произведения сохранены Ибн ал-Асиром, Йакутом, Джувейни, Ибн Халликаном (612; 535).

[4] Сандом Нафаси сделана попытка восстановить текст утерянных разделов сочинения Бейхаки на основе фрагментов, сохранившихся в отдельных средневековых источниках (514, с. 11).

Оставшиеся части труда Бейхаки, основанные на личных наблюдениях и копиях официальных документов, посвящены царствованию султана Масуда (1030—1041). Абу-л-Фазл Бейхаки, в отличие от подавляющего большинства арабо-персидских историков, рисует всестороннюю и яркую картину своей эпохи. Произведение Бейхаки является самым ценным источником по истории туркмен и сельджукского движения в XI в.

Трактаты о племенах тюрок

В середине XI в., после образования империи сельджукидов появляются специальные труды, посвященные тюркоязычным племенам Средней Азии. Одним из таких произведений является «Китаб тафдил ал-атрак» Абу-л-Ала ибн Хассула (+1058). Свою «Книгу о достоинствах тюрок» он написал после взятия сельджуками Багдада и посвятил ее Кундури — везирю султана Тогрул-бека (492; 493).

Описание тюрок в «Китаб тафдил ал-атрак» обнаруживает некоторое сходство с известиями Абу Османа Амра ибн Бахра ал-Джахиза (+869). Перу Джахиза принадлежит множество произведений, одно из которых специально посвящено тюркам (777). В сочинении этого ученого-энциклопедиста описываются военные качества, нравы и обычаи тюркских племен (243). Очевидно, в его трактате прежде всего имеются в виду ягма, чигили, огузы, из которых состоял контингент аббасидских тюрок-гулямов (484). Джахиз особо предостерегает от одностороннего суждения о тюркоязычных народах (793).

Подобно своему предшественнику, Ибн Хассул призывает к объективной оценке тюркских народов. В кратком предисловии к трактату он отмечает, что хочет показать особенности характера, а также достоинства и храбрость тюрок. В «Китаб тафдил ал-атрак» нет перечня описываемых тюркских племен. Скорее всего Ибн Хассул описывает выходцев из нынешней Средней Азии. Автор «Книги о достоинствах тюрок» был особенно хорошо осведомлен о современных ему огузах и туркменах. Трудно поэтому допустить, чтобы в сочинении Ибн Хассула не нашлось места для их характеристики. В пользу этого говорит и сам факт посвящения данного трактата сельджукидскому везиру.

Описание тюркоязычных племен Средней Азии имеется также в сочинении Шараф аз-Замана Тахира Марвази (736). Хотя труд Марвази носит название «Природные свойства животных», но в нем содержатся главы о различных племенах и народах. Трактат Марвази содержит выдающийся по своей значимости отрывок о туркменах и огузах[1]. Шараф аз-Заман, врач и естествоиспытатель, служил при дворе Меликшаха (1072—1092) и, вероятно, его преемников вплоть до Санджара (1118—1157). Марвази

[1] Интересные сведения о тюркоязычных народах содержатся также в завершенном в 1206 г. в Лахоре историческом труде Фахр ад-Дина Мубаракшаха. В его сочинении под названием «Тарих» приведен список тюркских племен, дается характеристика их письменности, языка, религиозных верований и обычаев (751).

использовал при написании своего труда различные источники, в том числе сочинение Джайхани (736, с. 6—8). Описание тюркских народов в труде Марвази в целом ряде случаев совпадает с текстом Гардизи и «Худуд ал-алам».

Сочинение Марвази было использовано более поздними авторами, в частности, Мухаммадом Ауфи (XIII в.). В последнее время востоковеды обратили внимание на связь известий Марвази о тюрках с соответствующими известиями авторов XIV—XV вв. Шабангараи[1] и Шюкруллаха[2].

Сельджукская историография XI—XII вв.

В XI в. наряду с общими сочинениями о тюрках создаются первые исторические труды, посвященные династии сельджукидов. Одним из таких произведений является «Малик-наме», составленное неизвестным автором в XI столетии. История первых сельджукидов излагается в нем со слов знатного эмира Инанч-Байгу, современника и родича Мухаммада Тогрул-бека (1038—1063). Оригинал «Малик-наме», написанный по-арабски, не сохранился, но цитаты и пересказы из него приводятся Ибн ал-Асиром (XIII в.), Абу-л-Фараджем (XIII в.), Мирхондом (XVI в.) и другими историками (529, с. 31—65). Непосредственное влияние этого источника чувствуется в трудах Ибн Хассула, Садр ад-Дина Хусейни (XII в.), Мехмеда Нешри (XV в.) и Муслих ад-Дина Лари (XVI в.).

В «Малик-наме» содержатся интересные сведения по истории сельджукского движения X—XI вв. Однако в этом историческом труде имеется явная тенденция возвеличить сельджукидов. Скорее всего подобная тенденция исходит от самих представителей старшей ветви этой династии. Первые сельджукские правители усиленно пропагандировали идею о своем высоком и благородном происхождении (586, с. 299). Очевидно поэтому автор «Малик-наме» приписывает им знатное царское происхождение.

В династической истории средневекового Востока фальсификация генеалогии тех или иных феодальных правителей — весьма ординарное явление. Даже родословная буидов — выходцев из крестьян Дейлема — возводилась к древним царским фамилиям.

[1] В 1962 г. нам удалось обнаружить отрывок о тюрках в рукописи «Маджма ал-ансаб» Шабангараи (23). В этом труде имеется специальная глава, озаглавленная «Особенности тюркских народов». Использованный нами список представляет собой автограф, завершенный в 1336 г. (282, с. 220—238). Описание тюрок, в том числе огузов, в трудах Шабангараи и Шюкруллаха в основном совпадает с известиями Гардизи, Марвази и Ауфи. Вместе с тем в «Маджма ал-ансаб» и «Бахджат ат-таварих» имеется ряд интересных дополнений (23).

[2] Отрывки из его «Бахджат ат-таварих» о тюрках были изданы еще И. Хаммером (590). В 1957 г. Г. Хазаи опубликовал главы из труда Шюкруллаха по софийской рукописи национальной библиотеки им. В. Коларова (593). Софийский манускрипт с персидским оригиналом труда Шюкруллаха переписан во второй половине XVI в. (539, с. 158). Однако более ранний, датированный 1432 г., список «Бахджат ат-таварих» хранится в ИНА АН СССР (465; 724). Данная рукопись сочинения Шюкруллаха использована нами наряду с публикациями И. Хаммера и Г. Хазаи.

Подобные извращения истории придворными летописцами были высмеяны Ибн Мискавайхом и Абу Рейханом Бируни (14; 759).

Ценнейшим первоисточником по истории державы сельджукидов является трактат Низам ал-Мулька «Сийасат-наме» (388). Низам ал-Мульк занимал должность везира при султанах Алп-Арслане (1063—1072) и Меликшахе (1072—1092). В «Сийасат-наме» содержатся примечательные сведения не только о структуре империи сельджукидов, но и положении туркменских племен. В настоящее время, наряду с персидским оригиналом, известен и средневековый турецкий перевод этого источника (624). Низам ал-Мульку приписывается также руководство по государственному управлению под названием «Весайа» (651, с. 113). Цитаты из этого трактата приведены в труде Ахмада Гаффари (XVI в.) и других историков (51, с. 135—137). Однако принадлежность данного сочинения знаменитому сельджукидскому везирю XI в. остается пока недоказанной (651).

В XII в. появляется целый ряд сочинений по истории сельджукского государства (65; 535). Одно из таких произведений было написано Ануширваном ибн Халидом Кашани (+1139). Сочинение позднее было переведено с фарси на арабский язык Имад ад-Дином Исфахани (1125—1201). Последний дополнил труд Ануширвана и довел изложение событий до 1194 г. В 1226 г. это сочинение было сокращено Абу-л-Фатхом Бундари, снабдившим его предисловием и комментариями. Произведение Исфахани, основанное на труде Кашани, является важным источником по истории державы сельджукидов (520, I, с. 314—316).

В 1126 г. неизвестным историком был составлен обширный труд под названием «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас». Это сочинение представляет большой интерес для истории сельджукидской державы. Составитель «Муджмал ат-таварих» пользовался многочисленными историческими трудами (535, с. 64). В числе своих источников он указывает региональные хроники Исфахана, Хамадана и другие исторические сочинения (283, с. 72—328). Среди использованных им произведений упоминается и «Сийар ва футух-и султан Санджар» (283, с. 412). Автором «Жизнеописания и побед султана Санджара» был знаменитый поэт XII в. Муиззи Нишапури (284).

В рассматриваемом историческом труде содержатся также рассказы о тюркоязычных племенах. Среди них имеется древнейшая версия сказания о легендарном Огуз-хане (66, с. 35). Предание несколько отличается от соответствующего известия, приведенного в сочинении Гардизи. В «Муджмал ат-таварих» по сравнению с «Китаб зайн ал-ахбар» содержится более обширная версия этого исторического предания.

В 1953 г. в Тегеране опубликован долгое время считавшийся утерянным труд автора XII в. Захир ад-Дина Нишапури под названием «Сельджук-наме» (161). Вместе с сочинением Захир ад-Дина издано и «Продолжение», написанное в 1202 г. Абу Хамидом

Мухаммадом ибн Ибрахимом[1]. В основу тегеранского издания положены две рукописи, первая из которых заключена в одном переплете с сочинением автора XIV в. Хаммдуллаха Казвини «Тарих-и гузида», а вторая сохранилась в «Зубдат ат-таварих» Кашани (XVI в.). Публикаторы «Сельджук-наме» считают, что указанные две рукописи содержат подлинный текст сочинения Захир ад-Дина Нишапури. Однако турецкий ученый Ахмед Атеш, издавший текст Рашид ад-Дина, использовавшего «Сельджук-наме», полагает, что издатели «Сельджук-наме» пользовались рукописями труда Захир ад-Дина, которые так или иначе подвергались позднейшим интерполяциям (720, с. 15 и след.). Далее Ахмед Атеш на основании публикуемого им текста Рашид ад-Дина исправляет ошибки, имеющиеся в тегеранском издании. Многие из его коррективов личных имен, географических и племенных названий, несомненно, являются правильными. Однако в отдельных случаях Ахмед Атеш предлагает неправомерные конъектуры[2]. Публикация «Сельджук-наме», несмотря на ряд текстологических погрешностей, является все же крупным событием (535, с. 73—74).

Значение «Сельджук-наме» как исторического источника, пожалуй, трудно переоценить. Достаточно сказать, что это сочинение послужило для многих позднейших авторов основным пособием по истории сельджукидов. Одним из первых труд Захир ад-Дина использовал в XIII в. Мухаммад Раванди (766). Пользовался «Сельджук-наме» и Рашид ад-Дин Фазлуллах, который в основном сохранил текст своего первоисточника. Сочинением Захир ад-Дина Нишапури в XIV—XVI вв. пользовались историки Хафиз-и Абру, Хамдуллах Мустоуфи Казвини, Муслих ад-Дин Лари, Махмуд Аксарайли (535, с. 73—76). Определить источники Захир ад-Дина довольно трудно, поскольку он их не указывает. Лишь в одном месте имеется ссылка на труд Абу Тахира Хатуни (348, с. 60; 535, с. 66, 67), который ведал финансами Гоухар-хатун, жены султана Мухаммада ибн Меликшаха (1153—1159).

Исторический труд Захир ад-Дина Нишапури содержит ценные сведения о первых сельджукидах. В «Сельджук-наме» приводятся также важные подробности о борьбе туркменских вождей с газневидами, финансах, налоговой системе и государственном управлении империи сельджукидов[3].

---

[1] Захир ад-Дин Нишапури завершил свой труд в царствование сельджукидского правителя Тогрула II (1177—1194). Исмаил-хан Афшар утверждает, что автор «Сельджук-наме» умер в 1187 г., но в пользу своего мнения не приводит никаких доказательств (348, с. 59).

[2] Ахмед Атеш, например, безоговорочно исправляет имя Муса-байгу на Муса-ябгу.

[3] В XII в. помимо общих трудов по истории державы сельджукидов появляются и региональные сочинения о различных ветвях этой династии. К числу таких произведений относятся труды Афзал ад-Дина Кермани (48; 49), которые были использованы в XVI в. Мухаммадом Ибрахимом (535, с. 76 и след.). В этих сочинениях описывается также образование в Кермане огузского государства динаридов в конце XII в. (ср. 607).

Хорезмшахская историография XII—начала XIII в.

В конце XII—начале XIII в. крупным центром науки и культуры в Средней Азии являлся Хорезм. После гибели восточно-сельджукского государства историография на персидском языке интенсивно развивается при дворе хорезмшахов. Однако благодаря монгольскому погрому большинство произведений, созданных в ту пору, не сохранилось до наших дней. Среди оставшихся исторических сочинений необходимо отметить труд Садр ад-Дина Хусейни, служившего при хорезмшахе Текеше (1172—1200). Основное содержание труда Хусейни составляет история державы сельджукидов[1], но в нем описываются также события конца XII в. Последние разделы этого сочинения при скудности источников указанной поры имеют особенно важное значение (727; 747).

В XII в. при хорезмшахе Текеше было также написано произведение Фахр ад-Дина Рази (1159—1210) под названием «Джами ал-улюм» (437). Сочинение Рази представляет собой научную энциклопедию, в которой содержится немало исторических сведений[2]. Труд Фахр ад-Дина Рази сохранился в двух редакциях, из которых вторая является более обширной (438).

Документальные сборники XII в.

В пору существования империй сельджукидов и хорезмшахов помимо нарративных исторических сочинений появляются собрания различных писем и официальных документов. Одно из таких эпистолярных произведений было составлено в XII в. Мунтаджаб ад-Дином Беди (281). В царствование Санджара (1118—1153) он занимал пост главы «диван-и инша», ведавшего дипломатической и официальной перепиской[3]. Перу Беди принадлежит большое количество писем и государственных указов, объединенных под названием «Китаб атабат ал-катаба». Среди этих документов имеются ферманы о назначении государственных чиновников по сбору налогов, высших должностных лиц, наместников городов и целых областей (648, с. 367—388). Исключительную ценность представляют грамоты о передаче в управление специального чиновника (шихне) туркмен Гургана, Дехистана и Шахристана.

Современником Мунтаджаб ад-Дина Беди был поэт и видный сановник при дворе хорезмшахов Рашид ад-Дин Ватват (1089—1178). Долгое время он занимал должность главы (раиса) диван-и инша в правление Атсыза (1127—1156). Приблизительно

---

[1] В числе более поздних трудов по истории сельджукского государства следует указать на сочинение автора XIV в. Мухаммада Язди (548; 747).

[2] В этом отношении интересно также сочинение Мухаммада ибн Наджиб Бекрана, посвященное хорезмшаху Мухаммаду ибн Текешу (1200—1220). Значительное место в этом труде, представляющем собой географический обзор тогдашнего мира, отведено Средней Азии и Ирану (294). Сочинение Бекрана было в XV в. сокращено Абу Саидом Джурджани (272; 273). Определенный интерес для нас представляет также анонимное географическое сочинение, написанное в XIII в. (29; 271).

[3] Мунтаджаб ад-Дин Беди, вероятно, являлся также некоторое время главой диван-и ишраф — канцелярии по надзору за государственным имуществом и доходами (281, с. 67—69).

между 1157 и 1172 г. Ватват составил два сборника писем и документов (765). В них содержится частная и деловая переписка, копии различных государственных указов и распоряжений. Большое значение для нас имеют письма Атсыза к вождям огузов, восставших в 1153 г. против Санджара. В этих документах приведены интересные сведения о военной организации и хозяйственной жизни огузских племен XII в.[1]

Историко-географические произведения XI—XII вв.

В XI—XII вв. большой интерес, пробудившийся в восточной и западной историографии к тюркоязычным народам Средней Азии, получил отражение и в географической науке. Особое значение в этом отношении имеют работы величайшего ученого XI в. Абу Рейхана Бируни[2]. В 1025 г. им был завершен труд по астрономической географии под названием «Тахдид нихайат ал-амакин» (90; 105; 644). В этом сочинении Бируни дает определение широт и долгот ряда местностей и населенных пунктов Средней Азии (511; 644). Ценность географических сведений Бируни усиливается тем, что многие из них основаны на результатах его личных астрономических определений (74). Такого рода измерения производились им и в местности, расположенной между Джурджаном и областями тюрок-огузов (511, с. 66, 74). Приводимые Бируни координаты среднеазиатских местностей, основанные на принципах математической географии, отличаются высокой точностью (375, с. 86).

Приблизительно между 1029 и 1034 г. Бируни завершил свою работу под названием «Китаб ат-тафхим ли-аваил санаат ат-танджим» (483). Трактат является большой научной энциклопедией по математике, астрономии, географии, а также астрологии. Наибольший интерес для нас в данном труде представляют разделы о населенных пунктах семи поясов земли. В этом сочинении Бируни упоминает также страну туркмен, помещаемую им в шестом иклиме.

После 1030 г. Абу Рейханом закончен другой трактат, известный под названием «Канун ал-Масуди» (511). Сочинение принесло заслуженную славу и популярность Бируни. В этом труде приведено краткое описание традиционных климатов и их обитателей. В специальной таблице отмечены также долготы и широты ряда населенных пунктов в стране огузов и туркмен.

В последнее десятилетие своей жизни Бируни написано сочинение «Китаб ал-джамахир фи марифат ал-джавахир» (13; 16). Хотя трактат посвящен различным минералам, но в нем содержатся ценные исторические и географические сведения. Большое зна-

[1] Отдельные письма и документы из сборников Ватвата и Беди сохранились в рукописи ИНА АН СССР под названием «Инша» (177; 724). В виде извлечений они изданы В. В. Бартольдом в первой части его монографии «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (55).

[2] Абу Рейхан Бируни написал множество сочинений по самым различным отраслям знаний. Среди них имелись также исторические произведения, большинство которых не дошло до нас; к числу сохранившихся трудов по истории относится «Хронология», завершенная Бируни около 1000 г. (14; 96; 454).

чение имеет для нас приводимая Бируни этимология слова «туркмен». Абу Рейхан был первым из мусульманских авторов, давших объяснение этого термина (21; 25).

Абу Рейхан Бируни использовал большой круг источников на различных языках. Кроме письменных источников Бируни привлекал личные наблюдения и расспросные данные. Абу Рейхан воспользовался, например, пребыванием в Газне в XI в. киданьской дипломатической миссии для пополнения своих знаний о странах Дальнего Востока (511, с. 118). Бируни, кажется, был первым среди мусульманских географов, сообщающих о народах Прибайкалья и Восточной Сибири (673, с. 215). Эпоха Бируни характеризуется крупными передвижениями кочевников из Центральной в Среднюю Азию. Миграции затронули и значительную массу огузов и туркмен XI в. Поэтому труды Абу Рейхана Бируни имеют большое значение для освещения исследуемых проблем.

В середине XII в. Абу Абдаллахом Мухаммадом ибн Мухаммадом ал-Идриси (1100—1166) был написан обширный географический труд «Нузхат ал-муштак фи хтирак ал-афак», или «Китаб Руджар». Сочинение посвящено королю Сицилии Рожеру II (1154—1164) и содержит уникальное описание страны огузов, принадлежавших им городов и крепостей. Критический текст географической энциклопедии Идриси, к сожалению, до сих пор не издан. Поэтому мы пользовались рукописями его сочинения, а также французским переводом А. Жобера (583).

При написании предлагаемой монографии мы пользовались рукописью сочинения Идриси из собрания восточных манускриптов Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (2). И. Ю. Крачковский отмечает, что этот список был приобретен в 90-х годах XIX в. в Тегеране. Рукопись написана прекрасным магрибинским почерком и, вероятно, является копией с автографа Идриси (222, с. 24, 25). Данный список положен в основу русского перевода отрывка о стране огузов из «Китаб Руджар» (265, с. 220—222). Однако в этом переводе имеются неправомерные чтения названий местностей, гор, рек и озер. Для установления правильности этих наименований нами привлечен микрофильм софийского списка труда Идриси (76), а также географические карты, изданные К. Миллером (679), Мухаммадом Бахджатом ал-Асари и Джавадом Али (404). Ценным пособием при исследовании данных «Нузхат ал-муштак» явились труды Ибн Саида ал-Магриби (1214—1327), Абу-л-Фиды (1273—1331), Ибн Халдуна (1332—1406), Ибн ал-Варди (+1446), Ибн Ийаса (1448—1524). Перечисленные арабские географы прямо или косвенно использовали сочинение Идриси (221; 551; 277); они нередко приводят сведения, отсутствующие в известных нам списках «Китаб Руджар». Объясняется это тем обстоятельством, что они использовали различные списки географических трудов Идриси. Ибн Саид, Абу-л-Фида и Ибн Ийас, например, пользовались также сочинением Идриси под названием «Рауд ал-унс ва нузхат ан-нафс» (657). Дан-

ный географический труд посвящен Вильгельму I (1164—1166), королю Сицилии, при дворе которого в последние годы своей жизни служил Идриси (642, с. 221).

В основе известий «Нузхат ал-муштак» о климатах, населенных тюркоязычными народами, главным образом лежат данные Ибн Хаукала и Джайхани (60, с. 57; 265, с. 33; 642, с. 221). Идриси в предисловии к своему произведению (583) ссылается на Ибн Хаукала, Джайхани, Ибн Хордадбеха, Макдиси и других средневековых географов и историков[2]. С. Л. Волин (265, с. 220) и О. Прицак (716, с. 400) считают, что описание страны огузов в «Китаб Руджар» заимствовано из сочинения Джайхани[3]. Основная часть текста Идриси, по нашему мнению, действительно основана на труде Джайхани. Однако в некоторых местах Идриси, вероятно, внес в свой первоисточник фактический материал из труда Ибн Хаукала. В сочинении Идриси, как резонно заметил В. В. Бартольд, при описании Хорезмского озера, имеются детали, совпадающие вплоть до ошибок с соответствующим местом из произведения Ибн Хаукала (63, с. 35, 44).

В целом повествование Идриси о стране огузов базируется главным образом на сочинении Джайхани. Подобный вывод напрашивается при тщательном анализе ряда фактов, содержащихся в «Нузхат ал-муштак». В начале своего известия о стране огузов Идриси пишет: «Хорезмское озеро, как передают рассказчики и сообщают повествующие (со слов) путешествовавших к нам огузских князей (мулюк), имеет в окружности триста миль» (265. с. 220). Трудно допустить, чтобы Идриси имел здесь в виду знатных огузских вождей, прибывших из далекой Средней Азии в Палермо, ко дворцу Рожера II или его преемника Вильгельма I.

Против такого мнения говорит то обстоятельство, что в тексте Идриси при описании Аральского моря упоминаются «цари (мулюк) огузов» (2, л. 108; 3, л. 516). В середине XII в., насколько известно, в Приаралье господствовали уже кыпчакские ханы, разгромившие около 1050 г. огузских ябгу. Поэтому автор «Нузхат ал-муштак» скорее всего в приведенном выше отрывке просто цитирует текст своего первоисточника. Такой метод компилятивного изложения — довольно обычное явление в средневековой мусульманской историко-географической литературе (64, с. 36; 66, с. 818).

---

[1] Краткие извлечения из этого сочинения Идриси сохранились в стамбульской рукописи, принадлежащей библиотеке Хекимоглу Али Паши (642, с. 221).

[2] Следует отметить, что в «Нузхат ал-муштак» помимо отрывка о стране огузов приведены и другие сведения об их землях. Идриси при этом иногда указывает свои источники: труды Ибн Хаукала, Кудамы ибн Джафара, Макдиси, Истахри. Сведения, приводимые им из сочинений указанных авторов, заслуживают большого внимания. В ряде случаев они содержат более обширные историко-географические данные, чем дошедшие до нас версии трудов Ибн Хаукала и других арабоязычных географов X в. (583, I, с. 7, 473, 498; II, с. 188, 190, 208, 209, 330).

[3] Иного мнения держится С. П. Толстов, считающий, что текст Идриси о стране огузов заимствован из неизвестного итинерария первой половины XI в. (420, с. 71).

Следует обратить внимание и на тот факт, что рассказ ведется со слов именитых огузских путешественников или послов. При этом невольно вспоминается свидетельство Макдиси о произведении Джайхани, написанном на основе показаний различных иностранцев. В труде Джайхани главное внимание обращалось на описание гор, рек, озер, дорог и населенных пунктов соседних с владениями саманидов областей. Рассматриваемый текст «Китаб Руджар» заключает в себе именно такого рода географические известия. В «Нузхат ал-муштак», кроме того, приведены сведения о предметах торговли с огузами, которые могли быть получены от купцов. Характерно, что наибольшей полнотой и точностью отличается информация Идриси о местностях, лежавших близ торговых магистралей. В тексте «Китаб Руджар» содержатся также важные сведения о крепостях и военных форпостах огузов. Все это также перекликается с сообщением Макдиси о том, что Джайхани, собирая информацию о соседних народах, хотел «подготовиться к завоеванию (их) областей» (695, с. 13—14).

Исходя из приведенных соображений можно думать, что описание страны огузов в «Китаб Руджар» в основном восходит к утраченному сочинению Джайхани. Однако Идриси, вероятно, в отдельных случаях вставлял в текст своего первоисточника сведения из полной редакции труда Ибн Хаукала. В силу всего сказанного выше рассматриваемый текст сочинения Идриси можно датировать X в.

Географическая энциклопедия Идриси написана в качестве пояснительного текста к своеобразным картам, предназначенным для серебряного глобуса с изображением материков земного шара (219, с. 753; 464, с. 582). Наиболее ранний атлас Идриси датирован 1154 г. и называется «Сурат ал-ард». В различных списках «Нузхат ал-муштак» сохранились и более поздние географические карты земного шара.

Отдельные исследователи ставят под сомнение достоверность атласов Идриси либо считают их плохой копией с карт Птолемея. Атласы Идриси действительно страдают схематизмом и геометризмом, присущим, впрочем, и другим средневековым мусульманским картам (219, с. 753, 754; 464, с. 573). Картографическая система Идриси, как отметил И. Ю. Крачковский, была в некотором роде шагом назад. В ее основе лежит отвергнутый более ранними мусульманскими географами птолемеевский принцип деления стран мира на семь климатов (219, с. 753). Сравнительный анализ текста и атласов «Китаб Руджар» позволяет выявить некоторые стороны картографического метода Идриси. Сопоставление показывает, что наш автор не всегда обоснованно интерпретирует данные своих первоисточников. В целом ряде случаев текст «Нузхат ал-муштак» в корне противоречит содержащимся в нем географическим картам. Однако возможно, что в этом виноват не только Идриси, но и его позднейшие компиляторы. Работа над первоначальным атласом, вероятно, не была полностью заверше-

на Идриси. Остались непроставленными названия отдельных горных хребтов, рек, городов, даже крупных озер и морей (679, I). Однако на более поздних картах отмечены почти все наименования, пропущенные в атласе 1154 г. Все это создает трудности для исследователя при определении истинности или ошибочности ряда географических представлений Идриси. В целом же карты Идриси, несмотря на свойственные им крупные недостатки, представляют значительный историко-географический интерес (222, с. 24, 25). Наибольшего внимания заслуживает сохранившийся в «Китаб Руджар» первоначальный атлас земного шара (404).

В силу отсутствия критического издания текста «Нузхат алмуштак» значительно осложняется вопрос о правильности чтений тех или иных географических названий. Установить истину можно лишь путем тщательного палеографического изучения рукописей труда Идриси. В использованных нами списках «Китаб Руджар» имеются свои графические особенности. Переписчики ленинградского и софийского списков на первый взгляд одинаково пишут, например, конечные нун и зайн. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что в начертании этих букв существует принципиальная разница. В указанных рукописях изгиб зайна менее развернут, чем у нуна, а точка в первом случае ставится у самого края правого удлиненного конца, а во втором — почти в середине буквы (ср. 207, с. 24, 25). Отмеченные палеографические особенности, по-видимому, объясняются спецификой так называемого магрибинского почерка. Ленинградский и софийский списки обнаруживают в этом отношении большое сходство с мешхедской рукописью (207, с. 12—63).

Монументальный труд Идриси, содержащий отрывки из утерянных сочинений арабоязычных историков и географов IX—X вв., является ценным источником для изучения огузов и других тюркоязычных племен Средней Азии. Значение «Китаб Руджар» не ограничивается лишь сведениями о расселении этих народов и принадлежавших им городских поселениях и крепостях. Произведение Идриси заключает в себе замечательные данные об их хозяйственных занятиях и некоторых чертах быта и культуры.

Историография Передней Азии XI—XIII вв.

В XI—XII вв. благодаря сельджукским завоеваниям сведения о туркменах и огузах появляются в армянских, грузинских и сирийских источниках[1]. В числе исторических произведений на армянском языке следует в первую очередь назвать хроники Аристакеса Ластивертци (XI в.), Матфея Эдесского (XII в.), Мхитара Айриванского (XIII в.). В трудах указанных историков описывается завоевание сельджуками Закавказья и Малой Азии (489; 538; 693).

[1] В византийской историографии первые сведения об узах (огузах) были приведены в X в. в сочинении Константина Багрянородного (398). Среди более поздних источников следует отметить труды авторов XII—XIII вв. Никифора Вриенния (181), Анны Комниной (35) и Никифора Хониата (311).

Вместе с тем они сообщают некоторые сведения о борьбе туркмен с газневидами и о происхождении сельджукидов. В основе известий многих армянских историков о сельджукских племенах лежит труд автора XII в. Иоанна Саркавага (557). Ссылки на его «Историю начала и происхождения тюрок» имеются в сочинениях авторов XIII в. Вардана Бардзберци и Киракоса Гандзакеци (109, с. 118, 119). В хронографии Мхитара Айриванского приведена генеалогическая таблица династии сельджукидов, заимствованная из труда Саркавага (270, с. 351).

Интересные сведения о сельджукских племенах заключены в грузинских летописях (595). В «Матианэ Картлиса» (XI в.) говорится о первом появлении сельджуков в Грузии и их предводителях Алп-Арслане и Меликшахе. Другой грузинский источник, написанный в XII в., рассказывает об их нашествиях на Закавказье (276).

Важным источником по истории средневековых тюркоязычных народов Средней Азии является хроника Михаила Сирийца (131). В труде этого сирийского автора XII в. имеется специальная глава о стране тюрок, их занятиях, быте и обычаях (539). Михаил Сириец уделяет особое внимание истории их миграций из Центральной в Среднюю Азию, Иран и страны Переднего Востока. Хроника содержит интереснейший рассказ о половецком и сельджукском движениях (129). В числе сирийских источников следует также упомянуть историческое сочинение Абу-л-Фараджа (1226—1286). Произведение Абу-л-Фараджа представляет собой обширный труд по всемирной истории (586). В этом сочинении приведены важные сведения о возникновении и истории сельджукского государства (130).

Историография предмонгольского времени

В начале XIII в. воинственные орды Чингис-хана разорили и подвергли страшному погрому Среднюю Азию. Очевидцем тех грозных событий был Мухаммад Несеви, один из сподвижников хорезмшаха Джалал ад-Дина (+1231). Несеви посвятил истории его царствования и походов, в том числе борьбе с монголами, специальное произведение под названием «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Мангубирти» (520, I, с. 319). Сочинение Несеви относится к весьма редкому в средневековой мусульманской историографии жанру мемуарной литературы. В этом историческом труде содержится много интересных сведений о державе последних хорезмшахов и нашествии Чингис-хана на Среднюю Азию. Особое значение для нас имеет рассказ Несеви о туркменских племенах Хорасана, принявших активное участие в борьбе с иноземными завоевателями.

Современником монгольского нашествия был и выдающийся арабский историк Ибн ал-Асир (1160—1234). Он является автором многотомного труда по всемирной истории под названием «Тарих ал-камил». В своем произведении он использовал ряд утерянных сейчас летописей и хроник, в том числе сочинения по исто-

рии Хорасана (520, I, с. 324). Ибн ал-Асир отличался большой добросовестностью и критическим тактом в отборе фактического материала (65, с. 46, 47). В его историческом труде отображены не только политические события, но и различные стороны быта и духовной культуры прошлых времен (725, с. 126, 127). Сочинение Ибн ал-Асира является также ценным источником по истории огузов и туркмен, особенно периода XI—начала XIII в. (265, с. 37—39). В последних разделах «Тарих ал-қамил», наряду с другими событиями, описываются кровавые деяния войск Чингис-хана в Средней Азии, Иране, Закавказье.

Монгольское нашествие отразилось и в труде Минхадж ад-Дина Джузджани «Табакат-и Насири» (139; 748). Сочинение Джузджани написано в Индии и посвящено делийскому султану Насир ад-Дину Махмудшаху (1259—1265). Основное внимание в этом произведении уделено истории феодальных династий Средней Азии, Ирана, Афганистана и Северной Индии. Последний раздел повествует о военных походах Чингис-хана, которому дается резко отрицательная характеристика. Наибольший интерес для нас представляют главы о правлении газневидов, сельджукидов и хорезмшахов. В этих разделах Джузджани использовал ряд источников, не дошедших до нашего времени (514; 529).

В XIII в. в персидской историографии, наряду с жанром всеобщей истории, развивается дальше региональная анналистика. Составляются труды по истории отдельных городов, крупных областей и провинций. Одним из таких произведений является «Тарих-и Табаристан», написанное Ибн Исфендияром в 1217 г. (168). Главное внимание в этом труде уделено истории Табаристана в правление феодальных династий алидов, зияридов и буидов. Однако сочинение Ибн Исфендияра имеет важное значение и для истории Хорасана и соседних областей Средней Азии. Большой интерес для нас представляет описание сельджукских завоеваний XI в. и событий периода так называемой «гузской смуты».

Историография хулагуидского Ирана

Завоевание монголами Средней Азии и Ирана нанесло сильный удар культуре этих стран. Однако после трех-четырех десятилетий упадка наблюдается подъем в некоторых отраслях науки в Южном и Западном Иране. В середине XIII—XIV вв. высокого уровня достигает персидская историография, развивавшаяся при дворе ильханов. Культурному возрождению этой поры способствовали дальнейший рост феодальных отношений, интенсификация экономических связей, особенно в области средиземноморско-азиатской торговли. Создание обширной монгольской империи и крестовые походы стимулировали расширение кругозора персидских историков. Монгольские ханы были заинтересованы в прославлении своего царствования и покровительствовали историкам и поэтам (355, с. 7 и след.).

Историографии Средней Азии и Ирана XIII—XIV вв. были присущи многие черты предшествующего времени, но имелись и

свои характерные особенности. В рассматриваемую пору наблюдается окончательное вытеснение арабского литературного языка персидским и таджикским, постепенно складывается несколько региональных исторических школ (114, с. 138 и след.). Династические хроники, ограниченные узкими рамками придворной историографии, начинают уступать свое место всеобщим историям. Развитие этого традиционного жанра приводит к созданию фактически первого в восточной историографии крупнейшего труда по всемирной истории.

Одним из ранних исторических сочинений послемонгольского времени является «Тарих-и джахангуша» Ата Малика Джувейни (1226—1283). В течение длительного времени он находился на службе у монгольских ханов и в последние годы был губернатором Багдада (762). Сочинение Джувейни закончено в 1260 г. и посвящено истории монгольских завоеваний начиная с походов Чингис-хана. Однако в целом ряде глав «Тарих-и джахангуша» излагаются факты по истории державы сельджукидов и хорезмшахов. Джувейни, насколько позволяло его служебное амплуа, старался дать правдивую историческую картину описываемой эпохи (265, с. 51). Рассматриваемое сочинение имеет важное значение для изучения общей картины и последствий монгольского завоевания Туркменистана.

В XIV в. персидско-таджикская историография достигла особенно больших успехов в хулагуидском Иране. Начало этого столетия ознаменовалось появлением «Джами ат-таварих» — одного из самых выдающихся произведений в средневековой историографии Востока (355). Основным автором и редактором этого грандиозного труда по всемирной истории был Фазлаллах Рашид ад-Дин (1274—1318). Неоспоримой заслугой его является преодоление существовавших в мусульманской историографии старых, косных представлений о всемирной истории. В «Сборнике летописей» красной нитью проходит идея о том, что история арабов и иранцев есть лишь одна из рек, впадающих в огромное море истории человечества. Именно поэтому в «Джами ат-таварих» уделяется внимание истории многих народов, начиная с Дальнего Востока и кончая Западной Европой. Значительное место в этом труде отведено монгольским и тюркским, в том числе огузским, племенам. В отдельных рукописях «Джами ат-таварих» имеется специальный раздел под самостоятельным названием «Тарих-и Огуз» (351; 352; 353). Эта полная версия сказания о легендарном Огуз-хане, к сожалению, еще не введена в научный оборот. Между тем в ней по сравнению с вариантом, содержащимся в обычных списках труда Рашид ад-Дина, приведены интересные историко-этнографические данные. Наиболее обширный вариант этого сказания находится в чагатайском переводе «Джами ат-таварих», сделанном в XVI в. туркменским историком Салыр-Баба (50; 215; 378).

Рашид ад-Дин в предисловии к «Истории Огуза» не указывает своих источников, ссылаясь лишь на анонимных «историков и по-

вествователей» (351, л. 410). Очевидно, в этом разделе он пользовался книжными источниками и устными рассказами. В. В. Радлов считал, что Рашид ад-Дин черпал сведения из уйгурской версии «Сказания об Огуз-кагане» (458) и туркменских народных преданий (343, с. 1—21). Однако рассматриваемый вариант в отличие от уйгурской версии проникнут духом ортодоксального ислама. Огуз-хан и его потомки изображаются в ней рьяными приверженцами мусульманской религии. Подобная тенденция свидетельствует о более поздней обработке древних огузских исторических сказаний. Окончательное сложение «Огуз-наме», как заметил В. В. Бартольд, относится к монгольскому периоду (502, с. 179). Это мнение подкрепляется сопоставлением версии Рашид ад-Дина с соответствующими данными, содержащимися в «Зайн ал-ахбар» и «Муджмал ат-таварих». В этих источниках ничего не говорится о принятии Огузом ислама. Напротив, легендарный предок огузов изображается как языческий заклинатель, вызывающий дождь с помощью магического камня.

В основе «Истории Огуза» Рашид ад-Дина, вероятно, лежит историко-эпический цикл «Огуз-наме». Абу Бекр ибн Абдаллах ибн Айбек в своем «Дурар ат-тиджан» сообщает о большой популярности среди огузов конца XIII—начала XIV в. сочинения под названием «Огуз-наме» (572, с. 35, 36). В этой книге заключалась история их первых царей, рассказывалось о Депе-гозе — персонаже, фигурирующем также в «Китаб-и Дедем Коркут» (218; 585). Один из таких списков «Истории Огуза» хранился у правителей туркменской династии ак-коюнлу (702, с. 51). Ссылки на «Огуз-наме» имеются также в сочинении турецкого историка XV в. Махмудоглу Хасана Баятлы (702, с. 381—387), в «Тарих-и Ал-и Сельджук»[1] и «Родословной туркмен» (212, с. 36).

Версия «Истории Огуза», имеющаяся в труде Рашид ад-Дина и других средневековых историков, содержит немало легендарных вымыслов[2]. Особенно фантастическим является рассказ о том, как Огуз-хан, будучи еще грудным ребенком, обратился в ислам. Следует также оговориться, что употребляемая в этих версиях социальная и иная терминология, несомненно, подверглась соответствующей модернизации. Поэтому ее нельзя механически переносить на «древние» события и явления, описываемые в «Истории Огуза». Данные рассматриваемых версий «Огуз-наме» вместе с тем заключают в себе некоторое «рациональное зерно» и при должном критическом подходе могут быть использованы в качест-

---

[1] В. В. Бартольд полагал, что эта рукопись является турецким переводом труда Раванди «Рахат ас-судур» (66, с. 574). Однако данное сочинение значительно отличается по своему содержанию от труда Раванди. Больше всего оно обнаруживает сходство с изданным Неджибом Асимом «Огуз-наме йа худ Сельджук-наме». Последнее сочинение, как указано в исторической литературе, принадлежит Языджиоглу Али (564, с. 11—13).

[2] Одна из поздних версий «Огуз-наме» содержится в произведении туркменского поэта-классика Андалиба (36).

ве исторических материалов. Наибольшего внимания в «Истории Огуза» заслуживает описание сельджукского движения и гибели державы сырдарьинских ябгу. Хронологически между этими событиями и временем их фиксации в труде Рашид ад-Дина прошло более двухсот пятидесяти лет. Однако в народной памяти еще хранились воспоминания о предшествующей эпохе, явившейся переломной вехой в исторических судьбах огузов. Методической основой для анализа этих рассказов из цикла сказаний «Огуз-наме» является сравнительно-исторический критерий сопоставления с данными средневековых источников. Огузские исторические предания используются нами лишь тогда, когда они перекликаются с известиями источников, близких по времени к исследуемым событиям. В остальных случаях наиболее интересные и оригинальные по содержанию народные сказания приводятся в качестве иллюстративных материалов.

Персидская историография XIII—XIV вв. внесла солидный вклад в изучение этнографии и истории тюрко-монгольских народов Восточной Азии. Благодаря «Джами ат-таварих» истории этих народов стали рассматриваться в качестве составной части всемирной истории. Значительное внимание при этом было уделено огузам и туркменам, особенно их родо-племенной системе и этнической истории. Впервые за многие столетия была сделана попытка создать общую концепцию исторического прошлого тюрок и монголов Центральной и Средней Азии. Был сделан первый опыт синтеза их генеалогических и племенных сказаний с полуэпическими народными и книжными преданиями. Столь большое начинание, естественно, не обошлось без промахов, выразившихся в некотором эклектизме, описательности и недостаточности критического чутья. Однако эти недостатки не умаляют заслуг историографии рассматриваемой поры, сделавшей большой шаг вперед в изучении истории тюркоязычных народов Средней Азии. Следует вместе с тем отметить, что в персидских источниках XIV в. при богатстве сведений о прошлом огузов и туркмен содержатся очень скудные данные об их судьбах после монгольского завоевания. Начиная с этой поры само имя «огуз» постепенно исчезает со страниц истории Средней Азии.

Историография мамлюкского Египта

В XIII—XIV вв. наряду с хулагуидским Ираном крупным центром культуры на мусульманском Востоке был мамлюкский Египет. Больших успехов, особенно в последнее столетие правления мамлюкских султанов, достигла историческая наука. Египетская историография выдвинула замечательную плеяду ученых, наподобие Таки ад-Дина ал-Макризи (+1442), Ибн Тагрибирди (+1469), Джалал ад-Дина ас-Суйути (+1505). Длительное время в Египте жил и творил один из самых выдающихся историков средневековья Ибн Халдун (1332—1406). Хотя «Мукаддима» была закончена им в Магрибе еще до переселения в 1382 г. в Каир, но именно в Египте он существенно дополнил свой исторический труд. Ибн Халдун

оказал влияние на египетских историков, в частности, на ал-Макризи, который считал его своим учителем (69, с. 63, 64).

Сочинение Ибн Халдуна, в котором синтезирован опыт предшествующей истории, философии и права, было качественно новым явлением в арабской историографии. Фактически он положил начало историко-социологической науке о человеческом обществе и внутренних закономерностях его развития. Ибн Халдун проводил материалистическую точку зрения на историю человечества, прослеживая тесную зависимость общества от характера производственной деятельности людей. Средневековая историческая наука Запада и Востока не знает историко-философского труда, равного «Мукаддиме» Ибн Халдуна (68; 69).

Трактат Ибн Халдуна ценен для нас прежде всего тем, что способствует пониманию особенностей хозяйства средневековых туркмен. Большого внимания с этой точки зрения достойно описание в «Мукаддиме», наряду с кочевой жизнью арабов и курдов, скотоводческого быта туркменских племен. Ибн Халдун различает несколько способов кочевания в зависимости от состава стад животноводов, указывая на существование у номадов антагонизма между сильными и слабыми племенами. В «Мукаддиме» рассматриваются также взаимоотношения между кочевниками и земледельческими народами оседлой полосы (710).

Филологические сочинения XIII—XV вв.

Египетская историческая школа, несмотря на большие успехи в своем развитии, все же была ограничена рамками местной анналистики (725, с. 37). Поэтому в созданных при мамлюкских султанах нарративных трудах содержится крайне мало сведений о других народах и странах. В аспекте исследуемых нами проблем более важны толковые арабо-тюркские глоссарии, написанные в рассматриваемую пору в Египте и Сирии. Появление целой серии таких словарей в XIII—XV вв. объясняется большой ролью, которую сыграли в истории этих стран тюрки-мамлюки, являвшиеся выходцами из Средней Азии, Закавказья и Восточной Европы (602; 482).

В XIII в., в правление мамлюкской ветви бахритов был составлен один из первых толковых арабо-тюркских глоссариев, написанных на основе кыпчакского и туркменского диалектов. Титульный лист уникального списка этого анонимного словаря озаглавлен: «Китаб маджма тарджуман тюрки ва аджами ва мугули ва фарси». Время составления рукописи определяется по содержащейся в ней дате переписки, относящейся к 1245 г. Автор этого толкового глоссария в целом ряде случаев особо выделяет туркменские слова, указывая на их отличие от кыпчакских и других форм (570, с. 2—6).

В XIV—XV столетиях в Египте и Сирии появляются новые филологические сочинения, двуязычные арабо-тюркские словари. Среди этих произведений следует назвать «Китаб ал-идрак ли-л-лисан ал-атрак» Абу Хаийана (1256—1345). К их числу принадле-

жит также «Тухфат аз-закийа фи-л-лугат ат-тюркийа», написанное до 1423 г. в Египте или Сирии (574). В основу этого глоссария положен кыпчакский диалект, но указывается разница между ним и туркменским языком[1].

В рассматриваемом комплексе филологических произведений имеются ценные лексические материалы туркменского и огузского языков. Они позволяют судить о различных сторонах их общественного строя, хозяйства, материальной и духовной культуры. Содержащиеся в этих глоссариях интересные данные помогают также проследить динамику развития социальных и других явлений в огузо-туркменской среде. Большой простор для их сравнительного изучения открывает наличие словаря тюркских диалектов, составленного в 1074 г. Махмудом Кашгарским. Произведение Махмуда Кашгарского «Диван лугат-ат-тюрк» является ценным источником по этнографии и истории огузов и туркмен XI в. Однако поскольку этот замечательный филологический труд достаточно широко известен, мы не останавливаемся на нем подробно.

В этом отношении достойны внимания и сельджукские тексты из Малой Азии, представленные главным образом тюркскими месневи Джелал-ад-Дина Руми и Султана Веледа (403; 731; 718). Метод перекрестного сопоставления всего комплекса этих материалов позволяет установить наиболее типичные явления и некоторые закономерности в общественном развитии огузов и туркмен исследуемого периода.

Разумеется, лексические материалы арабо-тюркских словарей XIV—XV вв. хронологически выходят за рамки избранной темы. Однако в нашем исследовании они привлекаются не в качестве основного, а лишь дополнительного источника, способствующего пониманию общественной и хозяйственной структуры огузов и туркмен XIII в.

Историография османской Турции

В XV—XVI вв. в мусульманской историографии ведущая роль в изучении огузов и туркмен переходит к турецким историкам. После создания османского государства значительно возрастает и усиливается интерес турок к своей, особенно этнической, истории. Литературный фарси, на котором писалось большинство исторических произведений в Малой Азии при сельджукидах, вытесняется турецким языком. Одним из ранних произведений османской историографии является сочинение Языджиоглу Али «Огуз-наме», или «Сельджук-наме» (318). Сочинение распадается на пять крупных разделов и написано в 1423 г. при султане Мураде II

[1] С этой точки зрения интересен также составленный при мамлюках Египта «Китаб булгат ал-муштак фи лугат ат-тюрк ва-л-кыфджак». В данном толковом словаре отмечаются расхождения и некоторые черты сходства между кыпчакским и огузским языками (792).

(1421—1451). В этом произведении чувствуется сильное влияние «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, сочинений Ибн Биби и Раванди (564, с. 11—12). В исторических трудах Языджиоглу Али использованы также огузские исторические предания и составленная на уйгурском алфавите версия «Огуз-наме» (410). В XV в. при османах было написано и сочинение Махмудоглу Хасана Баятлы, содержащее любопытные известия о «древних» огузских царях. В целом ряде случаев он приводит имена легендарных огузских правителей, не встречающиеся в других источниках. Сочинение Баятлы, вероятно, было использовано автором «Китаб-и джахан-нума» Мехмедом Нешри, которое написано в правление Баязида II (749, с. 497—503). Один из разделов его труда посвящен Огуз-хану, его потомкам и обращению тюрок в ислам. Ф. Арык полагает, что Нешри при написании данной главы помимо труда Баятлы использовал и родословные списки-шеджере (488, с. 8). В основе главы «Китаб-и джахан-нума», посвященной династии сельджукидов, лежит источник, общий с Языджиоглу Али. Нешри при составлении этого раздела использовал также сочинения Урудж-бея, Ашик Паши и других историков (488, с. 1—14; 674).

В правление османов среди огузов и туркмен Передней Азии широкое распространение имело эпическое сказание о Коркуте (56; 218). Отдельные рассказы эпоса «Деде Коркут» возникли еще в Средней Азии и были занесены в XI—XII вв. сельджукскими племенами на Кавказ и в Малую Азию.

Османская историография внесла свою лепту в изучение исторического прошлого огузов и туркмен Средней и Малой Азии. Большое внимание было проявлено к их родо-племенной системе, обычному праву и этнической истории. Наряду с этим произведениям османских историков присущи крупные противоречия и некритическое отношение к легендарным сказаниям огузов. В преданиях далекой старины придворные историографы нередко искали подтверждение законности власти османских султанов. Особенно наглядно это видно на примере рассказа Языджиоглу Али о племени кайи, из среды которых происходила османская династия.

Историография Средней Азии XVI—XVII вв.

В XVI в. в Средней Азии образовались Хивинское и Бухарское ханства во главе с узбекской династией шейбанидов. Создание этих феодальных государств оказало влияние на развитие местной историографии, способствовало возрождению интереса к тюркоязычным народам. В царствование ургенчского правителя Али-Султана (+1565) историк Салыр-Баба в 1556 г. перевел по его указанию с персидского языка «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина. Благодаря этому образованный слой местного тюркоязычного населения получил возможность ознакомиться с первой всемирной историей. Широким достоянием их стала также изложенная в «Сборнике летописей» история тюрко-монгольских народов, в том числе огузов и туркмен Средней Азии.

В XVII в. хивинский историк и хан Абу-л-Гази (1646—1663) составил «Родословную туркмен», основанную на данных нарративных источников, которые прямо или косвенно восходят к сочинению Рашид ад-Дина. Абу-л-Гази при написании своего труда использовал также туркменские родословные сказания под названием «Огуз-наме» (212). Значительное внимание в его «Шаджараи теракиме» было уделено историческому прошлому огузских племен, которые считаются предками туркменского народа.

Абу-л-Гази впервые сделал попытку систематизировать туркменские народные предания и увязать их с известиями нарративных письменных источников. В ряде случаев он критически подходит к легендарным рассказам, стараясь дать им соответствующую хронологическую интерпретацию. Однако в предпринятом им опыте синтеза данных письменных источников с туркменскими народными преданиями нетрудно заметить налеты эклектизма. Сочинение Абу-л-Гази вместе с тем является первым в мировой историографии специальным трудом, посвященным истории туркменского народа. Рукописные списки «Огуз-наме», которыми пользовался Абу-л-Гази, не дошли до нашего времени. Поэтому «Шаджараи теракиме» следует рассматривать не только как историческое пособие, но и как один из источников, сохранивших племенные сказания огузов.

Историография Западной Европы и России

В XVII в. история средневековых огузов и туркмен находит свое отражение не только в восточной, но и западноевропейской историографии[1]. Пионером в этой области среди европейских ученых был французский ориенталист Де Эрбело. В своей «Восточной библиотеке» он ввел в научный оборот сведения ряда арабо-персидских источников о происхождении и исторических судьбах огузов и туркмен (566). Отдельных проблем этнической и политической истории огузов вслед за Де Эрбело коснулся в XVIII в. французский медиевист Жан Дегинь. Большое место в его «Всеобщей истории гуннов, тюрок, монголов» было отведено сельджукидской державе, в создании которой огромную роль сыграли огузские и туркменские племена (550).

В дореволюционной историографии России начало изучения проблем истории огузов и туркмен относится к XVIII в. Первые шаги в этом направлении были предприняты В. Н. Татищевым, а затем М. Н. Карамзиным. Огузская тематика рассматривалась В. Н. Татищевым в связи с историей народов Восточной Европы. В. Н. Татищев, знавший тюркские языки, сделал попытку использовать данные Абу-л-Гази по этнологии огузских племен (412).

[1] Основные этапы изучения средневековых огузов и туркмен в историографии нового и новейшего времени освещены автором в его научных докладах (26; 196). Состояние научной разработки исследуемых проблем в советский период рассматривается нами в соответствующих главах подготовленного к изданию VII тома «Очерков истории исторической науки в СССР». Поэтому мы ограничиваемся обзором наиболее спорных и нерешенных вопросов, которые затрагивались в отечественной и зарубежной историографии XVIII—XX вв.

Дальнейшее освещение эта проблема получила в работах М. Н. Карамзина — отца русской истории. М. Н. Карамзин одним из первых указал на значение торков-огузов в истории южных областей России (192; 193).

В советской историографии начало изучения различных аспектов избранной темы было положено капитальными трудами В. В. Бартольда. Работы этого крупного востоковеда заложили прочный источниковедческий фундамент для воссоздания средневековой истории туркменского народа. Особый интерес для нас представляет труд В. В. Бартольда, специально посвященный историческому прошлому туркмен (66). Правда, в этой и других работах В. В. Бартольда, как отмечалось в советской литературе, имеются существенные недостатки. Однако в целом труды В. В. Бартольда являются ценными исследованиями, не утратившими до сих пор своего научного значения.

В числе опубликованных позднее работ советских историков необходимо отметить работы В. А. Гордлевского, А. Ю. Якубовского, С. П. Толстова, Б. Н. Заходера, А. А. Рослякова[1]. Большой интерес для нас представляет фактический материал, накопленный Хорезмской археолого-этнографической (ХАЭЭ) и Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедициями (ЮТАКЭ). Особенно примечательны результаты обследования ХАЭЭ ряда принадлежавших огузам городищ в низовьях реки Сыр-Дарьи.

Важное значение для исследуемой темы имеют сводные труды по истории туркменского народа. Среди них прежде всего следует назвать «Очерки» (323) и двухтомную «Историю ТССР» (182). Издание этих обобщающих работ явилось крупным событием в историографии нашей республики. В первом томе «Истории ТССР» подведены итоги многолетних научных изысканий о древнем и средневековом Туркменистане. Ряд глав и разделов этого труда освещает исторические судьбы огузов и туркмен, их социально-экономический строй в IX—XIII вв.

Спорные проблемы истории огузов и туркмен IX—XIII вв.

В последние три столетия исследователи стран Западной Европы, России и зарубежного Востока проделали большую работу в области изучения различных аспектов истории средневековых огузов и туркмен. Значительный вклад в разработку многих кардинальных вопросов на основе марксистско-ленинской концепции исторического процесса внесли советские ученые. Однако, несмотря на столь большую давность изучения, имеется еще немало спорных и нерешенных проблем. Среди них одним из дискуссионных является вопрос о территории обитания огузских племен до образования сельджукидской державы. В зарубежной и отечественной историографии относительно картины их расселения высказаны самые различные, подчас диаметрально противопо-

[1] Перечень их работ дается в библиографическом указателе к публикуемой книге.

ложные взгляды. Среди работ, посвященных данной теме, необходимо сначала указать специальные картографические публикации. В числе подобного рода трудов можно, к примеру, назвать работу Спунера-Менке по исторической географии Средней Азии и Восточной Европы (739). Страна огузов на составленных им атласах локализована в Приуралье, Нижнем Поволжье, Приаралье и на восточном побережье Каспия до реки Гурган. Спунер-Менке на другой карте с изображением мусульманского мира X—XI вв. помещает огузов (узов) в междуречье Волги и Урала, у Азова, на нижнем течении Дона, восточных берегах Хазарского моря, около Нисы, Абиверда, в районе Даргана и Гурганджа. Следующий атлас Европы и Азии эпохи крестовых походов локализует огузов на их прежних местах обитания. Между тем в эту пору произошли большие изменения в их расселении, вызванные нашествием кыпчаков.

Наибольшее значение из историко-картографических трудов западноевропейских ученых имеет работа К. Миллера (679). В своей публикации арабских географических атласов К. Миллер пытается нанести земли огузов на современную карту Средней Азии и Казахстана. К. Миллеру принадлежит одна из первых локализаций описываемых Идриси городов, рек, гор и озер страны огузов. В его капитальном труде содержится ряд интересных интерпретаций географических данных «Нузхат ал-муштак». Однако в целом предложенные им сопоставления не подтверждаются историко-археологическим материалом и противоречат тексту Идриси.

В существующей историко-географической литературе по-разному определяется максимальный ареал расселения среднеазиатских огузов. М. Рейно, например, в свое время писал, что огузы IX—XI вв. обитали к востоку, северу и северо-западу от Аральского моря. Племена огузов господствовали на обширной территории степной полосы Средней Азии: между страной карлуков Семиречья и царством хазар в Восточной Европе. М. Рейно отмечает, что отдельные группы огузов проникли в Приазовские степи (582).

Наиболее интересные сведения из восточных источников о расселении огузов в X—XI вв. приведены В. Ф. Минорским в его комментариях к английскому переводу «Худуд ал-алам». В. Ф. Минорский указал, что огузы до образования сельджукидской империи занимали степи, протянувшиеся от Иртыша до Волги, между Каспийским морем и Мавераннахром. Кочевья огузов были разбросаны в Приаралье, северном Прикаспии, на Устюрте, в низовьях Сыр-Дарьи и достигали на западе реки Эмбы (680, с. 311).

Проблема территориальной локализации огузов исследуемого периода нашла свое отражение и в других исторических трудах. В частности, В. В. Григорьев (123), В. В. Бартольд (65; 66), А. Ю. Якубовский (447), С. П. Толстов (420; 421), А. А. Росляков (363; 182) отметили, что до образования сельджукидского государства огузы обитали на нижнем и среднем течении Сыр-Дарьи,

в Прикаспии и Приаралье, доходя на западе до Поволжья. Огузы были соседями земледельческих областей Хорасана и Мавераннахра от устья реки Гурган до местностей у современного г. Чимкента.

Исследователи начиная со времен Де Эрбело не раз указывали на интенсивные миграции средневековых огузов и туркмен. Обширная сводка исторических данных об их передвижениях в IX—XI вв. приведена В. Ф. Минорским в публикации сочинения Марвази (736). Наиболее крупные миграции средневековых огузов и туркмен были вызваны сельджукским и кыпчакским движениями. В XI в. основная масса огузов долины Сыр-Дарьи и Приаралья была разгромлена пришедшими с востока племенами кыпчаков. И. Маркварт в своей работе о команах подробнее других историков остановился на столкновении половцев с огузами и бегстве последних через южнорусские степи на Балканский полуостров (669, с. 25—27). И. Маркварт правильно указал, что кыпчакское движение было одним из звеньев крупных передвижений кочевых племен начиная от Северного Китая и кончая пределами Восточной Европы. Однако И. Маркварт при этом неверно считал, что название Огузская степь было переименовано в Дешти Кыпчак в XIII в. В. Бартольд убедительно доказал, что это переименование имело место уже в XI столетии (58, с. 1, 66).

В отечественной и зарубежной историографии наиболее слабо изучен вопрос о судьбах огузов Средней Азии после кыпчакского разгрома в середине XI в. Лишь в отдельных работах делается попытка выяснить изменения в картине их расселения и основную территорию обитания. В этом отношении определенный интерес представляет специально посвященное огузам исследование Т. Бангуоглу. Огузские племена, по мнению Т. Бангуоглу, обитали в X в. на Сыр-Дарье, Устюрте, в степях между Иртышом и Волгой. В первой половине XI в. огузы были оттеснены кыпчаками в Западное Приаралье. Огузы передвинулись также из Прибалхашских и Приаральских степей к низовьям Сарысу, среднему течению Сыр-Дарьи и предгорьям Каратау. Во второй половине XI в. название «Страна огузов» прилагалось в основном к долине реки Сыр-Дарьи (498, с. 4—12).

Проблема территориальной локализации огузских племен IX—XIII вв. содержит еще много нерешенных вопросов. В существующей историко-географической литературе неверно определяется максимальный ареал их расселения до сельджукского и кыпчакского движений. Крупным недостатком большинства работ является игнорирование вопроса о размещении туркменского населения в стране огузов. Многие историки неверно определяют территорию обитания огузов на основании данных географического труда Идриси. Более глубокий анализ текста «Нузхат ал-муштак» показывает, что кочевья огузов в X в. простирались от Прибалхашья до Южного Урала. Весьма спорной является локализация огузов X в. в бассейне реки Сарысу и предгорьях Улутау. Очевидно, туда уходили на лето кочевать лишь незначительные груп-

пы огузов, находившиеся в тесных связях с кимаками. Археологическое обследование степной полосы Центрального Казахстана выявило здесь памятники кимако-кыпчакских племен IX—XIII вв. (246; 248; 249; 251).

Проблема общественного строя огузов и туркмен

Среди исследуемого круга проблем важное значение имеет вопрос о хозяйстве и общественном строе огузов и туркмен IX—XIII вв. Зарубежные востоковеды уделили мало внимания социально-экономической истории огузов и туркмен[1]. Научная разработка данной проблемы нашла свое отражение главным образом в советской историографии. Советские историки В. А. Гордлевский (120), А. Ю. Якубовский (323), А. А. Росляков (363; 182) отметили, что ведущей формой хозяйства огузов и туркмен IX—XI вв. было кочевое экстенсивное скотоводство. С. П. Толстов подчеркивает комплексность хозяйства огузов Сыр-Дарьи и Приаралья. Огузы занимались скотоводством, земледелием, рыбной ловлей, ремеслами и торговлей. С. П. Толстов, вопреки мнению Бартольда (66) и А. Ю. Якубовского (323), считает, что огузы X—начала XI в. составляли преобладающую массу городского населения Сыр-Дарьи (420). Обитателями Янгикента, Дженда и других городских центров было не пришлое «мусульманское», а в основном местное огузское население (421, с. 246—248).

Советские историки убедительно показали, что огузское общество IX—XIII вв. было родо-племенным по форме и классовым по содержанию. В. А. Гордлевский одним из первых указал на сравнительно развитую социальную дифференциацию у огузов X в. (120, с. 43 и след.). А. Ю. Якубовский заметил, что огузы и туркмены X—XI вв. находились на одной из ранних ступеней развития классового общества (323, с. 39—66). Среди огузов, как показал С. П. Толстов, выделилась кочевая знать, имевшая многочисленные поголовья скота (420; 421). А. А. Росляков указал на интенсивный процесс разложения патриархально-родового строя и возникновение элементов феодальной зависимости в среде огузских племен. Огузская и туркменская аристократия постепенно узурпировала право распоряжаться общинными пастбищами и водными источниками. Разбогатевшая огузская знать все больше закабаляла свободных общинников-скотоводов (363; 182).

Советские историки внесли солидный вклад в разработку проблемы общественного строя огузов и туркмен исследуемого периода. Однако в резюмированной литературе нет единого мнения о характере и особенностях их классовой структуры. Фактически остается без ответа вопрос о том, являлось ли это общество дофеодальным или раннефеодальным. Приходится вместе с тем сожалеть, что в советской историографии недостаточно вскрыты основы и динамика развития классовой дифференциации у огузов и

[1] В некоторых работах турецких историков делается попытка доказать, что огузские племена по уровню своего социально-экономического строя стояли выше населения покоренных ими стран Востока. Ошибочность подобной точки зрения показана в одной из статей А. С. Тверитиновой (414).

туркмен IX—XIII вв. Остается дискуссионным вопрос о составе населения городов нижней Сыр-Дарьи, принадлежавших огузским ябгу. Утверждение о преобладании в них оседлых групп огузов находится в противоречии с известиями арабских географов X в.

Проблема сложения государства сырдарьинских огузов

В исторических судьбах огузских племен Средней Азии важную роль сыграло образование государства сырдарьинских ябгу. Однако в отечественной и зарубежной историографии имеются считанные работы, посвященные этой державе. В разработке проблемы государственности средневековых огузских племен основная заслуга принадлежит советским историкам. В. В. Бартольд одним из первых указал на существование у огузов X в. примитивной державы с политическим центром в низовьях Сыр-Дарьи. Он отметил также, что зимней резиденцией ябгу был г. Янгикент, но власть огузских «царей» не была достаточно прочной (66, с. 563, 565).

В исторической литературе существует и другая точка зрения, согласно которой огузы не имели своей государственности. Подобного взгляда придерживается, например, А. Ю. Якубовский, который считает, что сырдарьинские ябгу не обладали реальной властью над огузскими племенами. Отличительной чертой рыхлого огузского объединения X в. была племенная раздробленность. А. Ю. Якубовский полагает, что основной формой политической организации огузов до образования сельджукидской империи было племенное самоуправление (323, с. 65, 66).

Проблема сложения государственности у средневековых огузов рассматривалась также в работах С. П. Толстова и А. А. Рослякова (421; 182). С. П. Толстов считает, что огузы X в. создали свою «варварскую» державу. Огузское государство было осколком распавшегося в VIII в. Западно-тюркского каганата. В процессе политической консолидации огузских племен определяющую роль сыграли внутренние социально-экономические факторы. Развитие товарного скотоводства, продукция которого превышала потребности натурального хозяйства, привело к образованию влиятельной степной аристократии (421, с. 243 и след.). Огузская кочевая знать захватила власть над рядовыми скотоводами и оседлым населением сырдарьинских городов. Пора наивысшего расцвета огузского «дофеодального» государства падает на вторую половину X столетия. Владения сырдарьинских ябгу граничили в это время на юго-востоке с нынешними Джамбульской и Ташкентской областями, на юге включали бассейн Куван-Дарьи и Жана-Дарьи, на севере — Сарысу, Челкара и Иргиза, а на западе через Устюрт достигали предгорий Урала[1].

[1] Определение С. П. Толстовым границ огузского государства в X— первой половине XI в. встретило возражения в советской историко-археологической литературе. Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич считают, что территория правого берега среднего течения Сыр-Дарьи и Арыси вплоть до Тараза не входила в состав огузской державы (27, с. 6, 99). Однако при этом они необоснованно ставят под сомнение известия средневековых авторов, говорящих о наличии огузского населения в районе среднего течения Сыр-Дарьи и предгорьях Каратау.

А. А. Росляков считает, что огузские племена консолидировались в X в. в раннефеодальное государство. Держава сырдарьинских ябгу возникла как политическая организация огузской знати для подавления рабов и свободных общинников. В конце X—начале XI в. внутри этого государства развернулась жестокая борьба между правителями Янгикента и богатой знатью влиятельных кочевых группировок. Против сырдарьинских ябгу восстал усилившийся род сельджукидов, происходивший из огузского племени кынык (182; 363).

Проблеме государственности средневековых огузских племен Средней Азии посвящена и одна из статей О. Прицака. В этой работе автор исследует, главным образом, внешнеполитические факторы, способствовавшие падению державы сырдарьинских ябгу. Начальную историю огузского государства О. Прицак также связывает с распадом Западно-тюркского каганата. О. Прицак выдвигает предположение, что около 766 г. огузы захватили области Сыр-Дарьи и положили начало собственному государству в Средней Азии (716). Центральную часть огузской державы, по мнению О. Прицака, составляли присырдарьинские и приаральские степи. Западные пределы этого государства соприкасались с владениями хазарских каганов. Граница между державами хазар и огузов проходила по реке Эмбе. Северными соседями огузов были кимаки, а на юге — Хорезм и саманидские владения Мавераннахра. Восточные рубежи огузской державы достигали Отрара и Тараза. Владения сырдарьинских ябгу составляли около 600—800 км в окружности, что приблизительно равняется площади Германии кануна первой мировой войны (716, с. 399).

В современной историографии, как мы видим, имеются два противоположных подхода к решению проблемы государственности у огузских племен X—XI вв. Отдельные исследователи отрицают существование у них своего государства до образования империи сельджукидов. Большинство же историков признает наличие огузской державы Сыр-Дарьи и Приаралья. Сторонники негативного решения данной проблемы указывают на отсутствие у огузов X—начала XI в. верховного титула хана или кагана (323, с. 65—66). Констатация этого факта, на наш взгляд, не может иметь характера решающего аргумента. Средневековые тюркские властители носили различные титулы и звания (634; 665; 713). Однако градация в титулатуре свидетельствует лишь о развитии системы патриархально-феодальной иерархии. Трудно принять за доказательство и указание сторонников негативной концепции на наличие сильных родовых вождей и межплеменной борьбы у огузов X—XI вв. Знать крупных и влиятельных племен повсеместно играла большую роль в средневековых кочевых державах. Специфический способ ведения экстенсивного скотоводства приводил к частым военным столкновениям в степи. Поэтому родо-племенные и военные институты кочевников сохранялись после их консолидации в ранние формы государственной организации.

Следует также указать на спорный характер тезиса о возникновении державы ябгу в Приаралье и Северном Прикаспии непосредственно в VIII в., сразу после распада Западно-тюркского каганата. В источниках рассматриваемой поры нет достаточно определенных сведений, позволяющих установить точную дату этого очень важного события в истории огузских племен Средней Азии. Первые более или менее достоверные сведения о существовании государства огузских ябгу относятся к концу IX—началу X в. Держава сырдарьинских огузов в тех границах, которые она имела в период своего расцвета, вряд ли могла существовать во второй половине VIII в.

В резюмированной исторической литературе нет единого мнения о характере и социальной природе огузской державы IX—XI вв. Существуют две основные точки зрения, одна из которых определяет это государство как дофеодальное, а вторая считает его раннефеодальным. Расхождение во взглядах на природу державы сырдарьинских ябгу в значительной мере обусловлено слабостью источниковедческой базы данной проблемы. Однако для ее решения не весь круг существующих источников введен еще в научный оборот. Сравнительный анализ средневековых нарративных источников и исторических преданий дает возможность говорить о постепенной трансформации огузской державы из дофеодального в раннефеодальное государство.

Сельджукская проблема

В исторической литературе проблема государственности у огузов X—XI вв. обычно рассматривается в тесной связи с вопросом о генезисе сельджукского объединения. История возникновения этой группировки была предметом внимания целого ряда исследователей. В буржуазной и советской историографии существуют различные взгляды на образование сельджукского объединения[1].

Среди зарубежных медиевистов имеют хождение несколько теорий о генезисе этой группировки, находившейся под властью династии сельджукидов. Отдельные исследователи полагают, что сельджукское объединение сформировалось из монгольского племени салджиут. Сторонниками подобной точки зрения являются, например, Н. Асим и Э. Блоше (512). Н. Асим считает, что сельджукиды являются выходцами из кераитов или найманов, исповедовавших христианскую религию. Основателем этой знатной фамилии был Салджик, находившийся на службе у одного из тюрко-монгольских правителей Центральной Азии. Миграция племен сельджукского объединения в Среднюю Азию относится к X в. Н. Асим полагает, что Сельджук, не поладив со своим сюзереном, ушел вместе с подвластными ему племенами в Мавераннахр. Сельджук и его «казаки» овладели Джендской областью в 962 г. и приняли ислам (490, с. 244—245).

Совершенно иного взгляда на генезис сельджукского объеди-

[1] В исторической литературе высказаны также различные точки зрения о семантике термина «сельджук» (102; 719; 212; 383; 706).

нения придерживаются З. В. Тоган и Д. М. Данлоп (558, с. 258, 259). Сельджукская группировка, по их мнению, происходит из так называемых «хазарских» тюрок[1]. Первые сельджукиды, отмечает З. В. Тоган, находились на службе у огузского ябгу, который был «заместителем» хазарского кагана. В конце X в. племена сельджукского объединения ушли на Сыр-Дарью и основали в Дженде свое независимое владение (770, с. 26—28; 773, с. 174—176).

Зарубежными историками высказаны и другие взгляды на раннюю историю сельджукской группировки. Г. Вейль, например, считал, что основатель фамилии сельджукидов находился вначале на службе у «киргизского» правителя по имени Бейгу. Сельджук не поладил затем с Бейгу и ушел со своим родом в Мавераннахр (785, с. 226). Аналогичной точки зрения придерживается и К. Брокельман, считающий сельджуков выходцами из «киргизских степей». Согласно его мнению, огузские племена, называвшиеся также туркменами, около 970 г. двинулись под предводительством Сельджука в Дженд, а оттуда ушли к Бухаре (523, с. 171).

Проблема образования сельджукского объединения рассматривалась и в трудах советских историков. Вопросы ранней истории этой группировки нашли свое освещение в работах В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского, Б. Н. Заходера и других исследователей. В трудах В. В. Бартольда указывается, что сельджукиды происходили из огузов и туркмен, обитавших в нижнем течении Сыр-Дарьи. В X столетии они стали передвигаться на юг и в XI в., перейдя Аму-Дарью, оказались в Хорасане (66, с. 556—573; 59, с. 130—131). А. Ю. Якубовский отметил, что сельджукиды первоначально находились в близких отношениях с огузскими ябгу, но затем порвали с ними и ушли в низовья Сыр-Дарьи. Сельджукское движение, по А. Ю. Якубовскому, было вызвано потребностью в расширении пастбищ и обрабатываемых земель, а также сложной политической обстановкой, в которой оказались туркмены в конце X—начале XI в. (476, с. 921—946). Б. Н. Заходер считал, что сельджукиды являются выходцами из Дженда. Последний был колонией мусульманских купцов среди кочевий огузских племен. В X в. часть этих племен обратилась в ислам и вступила в союзнические отношения с саманидами. Властители Мавераннахра разрешили сельджукам переселиться в окрестности селения Нур, близ Бухары. После свержения династии саманидов и нашествия тюрок-караханидов племена сельджукского объединения ушли (около 1025 г.) в Хорасан (156, с. 90—91).

Изложенная выше точка зрения о происхождении сельджукидов из среды огузских племен нижнего течения Сыр-Дарьи и Приаралья разделяется также С. П. Толстовым и А. А. Росляковым. Согласно их мнению, в первой половине XI в. началась ожесточен-

[1] З. В. Тоган именует так эту группировку в своем предисловии к переводу арабского текста Ибн Фадлана. Однако в другой работе по всеобщей истории тюрок он употребляет уже термин «хазарские огузы». Последние, по его мнению, обитали между Аральским и Каспийским морями и южной частью Уральских гор.

ная борьба между правителями Янгикента и богатой кочевой знатью огузских племен. Огузская степная аристократия была заинтересована в расширении пастбищ для своих многочисленных стад. Рост товарного скотоводства стимулировал втягивание этой знати в тесные экономические связи с феодальными государствами Средней Азии. Отдельные огузские племена, во главе которых стояли могущественные вожди, начинают уходить в Мавераннахр и Хорезм. Знатный род сельджукидов в числе первых откочевывает в пограничную с Хорасаном область Дженда. Сельджукиды подняли здесь восстание против наместника огузского ябгу в Дженде, но потерпели сокрушительное поражение. Остатки разгромленной сельджукской группировки бежали в Хорезм, а оттуда в Хорасан (421; 420; 361).

Существующие в исторической литературе точки зрения о генезисе сельджукского объединения не учитывают всего комплекса фактических данных. Ряд исследователей, особенно З. В. Тоган, развивая свою концепцию, опирается на серию надуманных отождествлений. С необычайной легкостью З. В. Тоган, например, превращает Лукмана—одного из ранних сельджукских предводителей — в Катана, упоминаемого Ибн Фадланом в качестве огузского вождя X в. Концепция о происхождении сельджукского объединения из «хазарских» тюрок не подтверждается реальными историческими фактами. М. И. Артамонов справедливо замечает, что против этого взгляда говорит отсутствие в источниках после VII в. титула ябгу в значении верховного главы хазар (41, с. 420). Сторонники этой теории о происхождении сельджуков опираются главным образом на «Малик-наме». Однако детальное исследование К. Каэном этого источника показало, что под «хазарским» царем, который фигурирует в отдельных версиях «Малик-наме» в качестве сюзерена первых сельджукидов, нельзя понимать верховного правителя исторических хазар (529, с. 31—65).

Малоубедительной и необоснованной представляется также концепция о происхождении сельджуков из монгольской среды. Сторонники этой теории прибегают к натяжкам, стараясь доказать, что Бейгу, сюзерен первых сельджукидов, идентичен с Бугу — легендарным родоначальником салджиутов (490, с. 244—245).

Трудно согласиться и с мнением о том, что сельджукская группировка происходила из числа огузских племен нижнего течения Сыр-Дарьи и Приаралья. Анализ фактического материала приводит нас к выводу, что первоначальное ядро сельджукского объединения сформировалось из огузских и туркменских племен, живших у западных окраин Чу-Таласской долины. Первые сельджукиды объединили под своей властью часть огузов и туркмен среднего течения Сыр-Дарьи и предгорий Каратау. В дальнейшем в сельджукскую группировку вошли огузские и другие тюркоязычные племена, обитавшие в низовьях Сыр-Дарьи, у границ и в пределах Хорезма, Мавераннахра и Хорасана.

В исторической литературе большим разнобоем суждений отличается и вопрос о ранней хронологии сельджукского движения (66; 361; 529). Среди историков ведутся также оживленные дискуссии, например, о времени переселения сельджукидов в окрестности Дженда и долину Зеравшана (532; 623; 640; 716). Буржуазные исследователи сосредоточивают основное внимание на политических событиях в истории сельджукского движения. Внутренние причины этого движения, как правило, остаются вне поля их зрения. В отличие от них советские ученые стараются вскрыть его социально-экономические истоки. Однако в большинстве их работ чувствуется явная слабость источниковедческой базы, отчего многие выводы приобретают априорный характер. В целом же советская историография сделала большой шаг вперед в изучении этой сложной проблемы.

В истории изучения средневековых огузов и туркмен важное место занимает проблема генезиса державы сельджукидов. В зарубежной историографии вопрос о становлении этого государства обычно рассматривается в аспекте военной и политической истории[1]. Попытка более глубокой разработки данной проблемы принадлежит советским ученым. Одним из пионеров в этой области исследований является Б. Н. Заходер. Главной причиной военных успехов сельджукидов в Хорасане в середине XI в. он считает неудачную внутреннюю политику газневидов. Султан Махмуд и его преемник Масуд проводили политику строгой централизации государственной власти. Газневидские правители активно боролись против крупной наследственной земельной собственности и за малейшую провинность отбирали феодальные владения и поместья. Под стать султанам были и высшие сановники, наместники областей, жестоко обиравшие податные сословия горожан и крестьян. Газневидские чиновники при сборе налогов притесняли не только народные массы, но и аристократическую верхушку. Местная феодальная аристократия нашла поэтому в лице сельджукидов верных союзников в борьбе с газневидами. Активная поддержка светской и духовной знати способствовала победам сельджукских вождей и захвату ими всего Хорасана (157, с. 119—141).

Концепция Б. Н. Заходера о генезисе раннесельджукского государства получила заслуженное признание в советской исторической науке. Однако эта в целом верная точка зрения, на наш взгляд, нуждается все же в существенных коррективах. Данные средневековых первоисточников выявляют наличие сложных процессов, лежавших в основе сельджукского движения в Хорасане. Становится очевидным, что союз сельджукидов с местной аристократией обусловливался также факторами социально-экономической истории сельджукского общества. Вступая в политические

[1] В буржуазной историографии имеется несколько крупных работ по различным периодам истории сельджукидской державы. Среди этих монографических работ отметим труды К. Дефремери (553), И. Кафесоглу (622), М. А. Кеймена (641), А. Эгбала (569) и Г. Хорста (608).

связи с хорасанской знатью, туркменские и огузские вожди преследовали в первую очередь свои классовые интересы. Сельджукиды, как явствует из источников XI в., хотели стать крупными земельными собственниками. В дальнейшем сельджукиды, одержав ряд крупных побед над газневидами, увидели реальную перспективу господства над всем Хорасаном и сопредельными областями. Сельджукские вожди не замедлили воспользоваться открывшейся перед ними возможностью, овладели значительной частью газневидской державы, организовали завоевательные походы на страны Среднего и Ближнего Востока, Закавказье и Малую Азию.

Проблемы истории огузов и туркмен XI—начала XIII в.

Следует отметить, что в советском и зарубежном востоковедении существует различный подход к оценке завоевания сельджукидами Передней и Малой Азии. Ряд буржуазных авторов считает, что огузы и туркмены XI—XIII вв. нанесли серьезный удар цивилизации покоренных ими стран Востока[1]. Многие реакционные историки Западной Европы и США пытаются доказать, что причиной крестовых походов явилось надругание туркмен и огузов над христианскими святынями Палестины[2]. Однако подобные концепции отвергаются наиболее прогрессивными буржуазными медиевистами, в частности, К. Каэном (530). Абсолютная несостоятельность теории о «вандализме» и «фанатизме» огузов и туркмен XI—XIII вв. вскрыта в работах советских историков (150; 151; 152).

В трудах советских исследователей констатируется, что сельджукские завоевания не имели одинакового характера во всех странах Востока. В Хорасане и Малой Азии, например, сельджукиды придерживались иной политики, чем в Южном Иране, Ираке, Сирии (157; 31; 313). Покорение сельджукидами Ближнего и Среднего Востока сопровождалось многочисленными насилиями и грабежами мирного населения. Несмотря на это, сельджукское завоевание объективно способствовало дальнейшему развитию феодальных отношений в Западной Азии. В этом социально-экономическом последствии заключается главное историческое значение образования сельджукской империи.

Среди исследуемого круга проблем спорный характер имеет и вопрос о статусе огузов и туркмен в державе сельджукидов. Ряд современных турецких историков подчеркивает напряженность отношений между туркменскими племенами и центральной властью. И. Кафесоглу, например, отмечает, что при старшей ветви сельджукидов высшие гражданские должности оказались в руках иранцев. Вожди туркмен первоначально занимали главные

---

[1] Подобная точка зрения приводится в работах М. А. Чаплички, Р. Груссэ, П. Сайкса и других авторов (546; 588; 730; 732; 743; ср. 173; 664; 738).

[2] Противоположная тенденция, допускающая идеализацию сельджукидских завоеваний, характерна для работ отдельных турецких историков (587).

командные посты в сельджукской армии[1]. Однако их вскоре стали заменять предводителями гвардии из рабов-гулямов. Засилье чиновников-иранцев в государственных диванах и мамлюкских главарей в войске привело к недовольству туркменских наследных беков и ханов. Отношения между правящей династией и туркменскими племенами неуклонно ухудшались. И. Кафесоглу вместе с тем указывает на широкую раздачу сельджукидами туркменской знати многочисленных иктовых владений (622).

Советские историки начиная с В. В. Бартольда констатируют равнодушие сельджукидов к положению своих соплеменников (66, с. 573). Пришедшая к власти династия оторвалась от родной среды и сблизилась с феодальной аристократией покоренных стран. А. Ю. Якубовский считает, что после образования империи сельджукидов туркменские вожди не хотели перейти на положение постоянного войска (323, с. 110). Заманчивая перспектива обогащения толкала их на военные грабежи и набеги. Сельджукские правители, стремясь избавиться от беспокойных сородичей, отправляли их для завоеваний в Закавказье, Малую Азию, Ирак и Сирию (323, с. 122).

В советской историографии вместе с тем отмечалось, что несмотря на такую политику сельджукидов, часть огузов и туркмен осталась в Средней Азии и сопредельных областях Ирана и Афганистана. Сельджукиды назначили над ними своих чиновников, облаченных значительными административно-фискальными полномочиями. Туркмены и огузы Хорасана, Гургана, Дехистана, Балха все больше превращались в обычных подданных-райятов. С них требовали уплаты налогов и выполнения регламентированной военной службы. Рядовая масса туркмен и огузов нередко испытывала гнет и притеснения со стороны феодалов и государственных чиновников. Усиление налогового пресса стимулировало вспышки открытых восстаний огузских племен против сельджукских властей (182; 323; 363).

Советские и зарубежные историки уделили значительное внимание политическому и социально-экономическому статусу огузов и туркмен в составе империи сельджукидов. Однако еще многие вопросы этой интересной проблемы остаются без убедительного ответа. Довольно спорным представляется отмеченный выше тезис о причине активного участия туркмен и огузов в сельджукских завоеваниях. В основе такой политики сельджукидов лежало не одно только желание избавиться от своих беспокойных сородичей. Феодализировавшаяся аристократия туркмен и огузов не менее правя-

[1] Турецкий историк М. А. Коймен в своей рецензии на монографию И. Кафесоглу высказывает иную точку зрения. М. А. Коймен полагает, что такое положение сохранялось при Мухаммаде Тогрул-беке и Алп-Арслане, но в правление Меликшаха туркмены начинают занимать и гражданские должности. Период царствования Меликшаха, по его мнению, характеризуется усилением влияния тюрок в политической и культурной жизни империи сельджукидов. Мнение М. А. Коймена встретило, однако, категорическое возражение со стороны И. Кафесоглу (640, с. 557—601; 623, с. 463—489).

щей династии сельджукидов стремилась к захвату новых земель и военной добычи. В основе сельджукского движения лежало социальное расслоение среди туркмен и огузов, нехватка пастбищных выгонов и угодий для скота.

Образование державы сельджукидов привело к дальнейшей феодализации в среде подвластных им огузов и туркмен. Сельджукидские правители способствовали широкому распространению существующего еще при буидах феодального института икта. Специфическая форма этого земельного держания вполне импонировала сельджукской знати. Продолжая кочевую жизнь, она имела возможность эксплуатировать как рядовых скотоводов, так и зависимую массу оседлого крестьянства и ремесленников. Именно поэтому данный феодальный институт получил широкое распространение в империи сельджукидов.

Данные средневековых источников позволяют установить, что в досельджукскую пору существовало несколько категорий земель-икта (571; 671; 647). Среди них имелись формы пожизненного условного пожалования и наследственной феодальной земельной собственности. Выявление подобных фактов дает возможность полнее осмыслить эволюцию земель-икта в XI—XIII вв. Трансформация рассматриваемого феодального института шла одновременно по нескольким линиям развития. Главным направлением данного процесса была эволюция земельного пожалования типа бенефиция или лена в наследственный феод[1].

В заключение необходимо отметить, что в советской и зарубежной историографии слабо освещен вопрос о судьбах туркмен и огузов в период существования державы хорезмшахов и после монгольского завоевания Средней Азии. В основном это объясняется тем, что в источниках данной поры содержатся весьма фрагментарные сведения о туркменах и огузах. Более подробно нарративные источники повествуют о борьбе туркмен и огузов в первой четверти XIII в. против воинственных орд Чингис-хана. Монгольское нашествие сыграло отрицательную роль в истории туркмен, как и других народов Средней Азии, Восточной Европы и Кавказа. В результате монгольского погрома многие огузские племена были вынуждены укрыться в степях Закаспия и Мангышлака. Другая часть огузов и туркмен, спасаясь от завоевателей, бежала из Хорасана, Гургана, Ирана и Афганистана в Индию, Пакистан, в Закавказье, Переднюю и Малую Азию.

Таково вкратце состояние научной разработки наиболее важных проблем истории огузов и туркмен исследуемого периода. Более детальный анализ всей имеющейся зарубежной и советской литературы по избранной теме далеко увел бы нас за рамки предлагаемой монографии.

---

[1] В последнее время накоплен большой материал о развитии феодального института икта. Серьезного внимания в этом отношении заслуживают работы Ф. Лёккегора (660), А. К. Лэмбтона (649), К. Каэна (531), И. П. Петрушевского (332).

ГЛАВА I

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР СТРАНЫ ОГУЗОВ В X—XI вв.

Проблема территориальной локализации огузов до образования сельджукидской державы является наименее разработанной в исторической литературе. Одной из причин слабой изученности рассматриваемой проблемы является фрагментарность известий о стране огузов, имеющихся в средневековых нарративных источниках. Исключением в этом отношении является лишь географический труд Идриси, содержащий подробное описание огузских земель. Однако текст Идриси крайне труден для расшифровки. Дешифровка его возможна лишь путем тщательного анализа и синтеза, опирающегося на сравнительный критерий. Поэтому данные сочинения Идриси сопоставляются нами с другими известиями о стране огузов, сохранившимися в трудах средневековых авторов.

Исследуемый ниже текст «Китаб Руджар» прежде всего сравнивается с аналогичными сведениями, восходящими прямо или косвенно к сочинениям Идриси. Это позволяет выявить новые детали, способствующие пониманию и уточнению сведений Идриси о стране огузов. Для более детального анализа нами привлекаются материалы по исторической и физической географии Средней Азии, Поволжья и Южного Урала. С этой же целью используются данные современной топонимики и гидронимики, перекликающиеся с географической номенклатурой текста Идриси. Важное значение при этом имеет и картографический материал, содержащийся в «Нузхат ал-муштак» и других средневековых географических сочинениях. Однако в случае расхождения известий «Китаб Руджар» с имеющимися в нем картами предпочтение отдается тексту как более надежному источнику. Следует также оговориться, что за основу берется атлас 1154 г., который сопоставляется с другими, более поздними картами Идриси. Показания этих атласов прини-

маются за более или менее достоверные лишь тогда, когда они согласуются с текстом «Нузхат ал-муштак». Таковы методические принципы, лежащие в основе предлагаемого анализа текста Идриси о стране огузов.

Страна огузов в описании Идриси

Идриси, рассказывая о восьмом отделе пятого климата, сообщает, что в нем заключена часть населенных огузами земель. Согласно исследуемому тексту, огузские племена обитали вокруг Аральского моря, именовавшегося тогда Хорезмским, или Джендским озером (ср. 294, л. 6; 301, л. 63; 787, I, с. 351). В «Нузхат ал-муштак» говорится, что на побережье этого озера расположены горы, название которых А. Жобер (583, I, с. 338). и С. Л. Волин читают как Джафрагун (265, с. 220). Однако в использованных нами списках «Китаб Руджар» имя данного горного хребта пишется как Чаграогуз или Джаграогуз (2, л. 108; 3, л. 514).

В «Нузхат ал-муштак» говорится, что около хребта Чаграогуз «вода превращается в лед и остается все лето» (2, л. 108; 3, л. 516). Это сообщение Идриси совпадает с известием Ибн Хаукала (783, с. 402). Однако в труде Истахри (265, с. 180) отмечается, что ледообразующийся зимой подле Чаграогуза, остается только до лета (ср. 407, л. 102; 670, с. 237). Судя по всему, здесь описывается болотистая местность или озеро с камышовой растительностью (63, с. 32—35; 77, с. 9). Ведь Истахри и Ибн Хаукал свидетельствуют, что в ближайших окрестностях Чаграогуза имелись заросли тростника. Интересное дополнение к приведенным выше известиям содержится в космографии Ибн ал-Варди. Повествуя о Хорезмском озере, он говорит, что на его берегу находится гора под названием Чаграогуз. Недалеко от этой горы вода замерзает зимой, окрестное население добывает здесь соль (166, л. 36).

Чаграогузские горы—хребет Султан-Уиз-Даг

Идриси и другие арабоязычные географы, таким образом, указывают на расположение Чаграогуза близ побережья Хорезмского озера. Данные Истахри и Ибн Хаукала позволяют уточнить, что возле этих гор находилось болотистое место или озеро с зарослями камыша. Свидетельство Ибн ал-Варди вносит новую деталь, позволяя говорить о том, что близ Чаграогуза лежало крупное соляное озеро. Все эти сведения имеют важное значение и помогают дешифровке рассматриваемого текста Идриси.

Сейчас на побережье Арала имеется немало озер с тростниковыми зарослями. Во многих из них интенсивно образуется самосадочная соль (298, с. 117—121). Наиболее крупные соляные месторождения расположены на северо-восточном побережье Аральского моря: Джуван-Тюбе, Сапак, Чумыш-Куль, Джаксы-Клыч, Джаман-Клыч (214, с. 33).

Большая группа озер и шоров расположена также у юго-восточной оконечности Аральского моря. Около подножия восточного чинка Устюрта раскинулась обширная аллювиальная низменность, занятая дельтой Аму-Дарьи. С севера низменность ограничена

Аралом, с востока — песками Кизылкумов с возвышенностью Султан-Уиз-Даг, на юге — барханными песками Каракумов. Равнина переходит на западе в просторы обширного в средние века Сарыкамышского озера, ставшего ныне Сарыкамышской впадиной. Почти от самого южного побережья Арала тянется длинная цепь озер и огромных топких солончаков. Крупнейшим из них является Улькун-Шор, который почти сливается с системой сарыкамышских озер. Около Улькун-Шора расположено озеро Сарыкамыш I, покрытое твердой корой поваренной соли. Недалеко от южного побережья Арала, по направлению к восточному чинку Устюрта, находится соляное озеро Аще-Бас. Местные жители считают, что по своим качествам соль этого озера является самой лучшей в Хорезмском оазисе. Летом озеро пересыхает, и в средней части его котловины образуется довольно мощный слой отложений поваренной соли (396, с. 36—40).

Соляные и пресные озера с густыми зарослями камыша имеются и в низовьях реки Аму-Дарьи (238). Заболоченные места с тугайной растительностью раскинулись к северу от возвышенности Порлытау (350). В этих топких зарослях водится множество диких кабанов и других животных. Большая озерная котловина расположена у западной оконечности хребта Султан-Уиз-Даг (209). Очевидно, в исследуемых географических текстах речь идет об одном из озер описанного района.

В тексте «Китаб Руджар» не конкретизируется точное местоположение Чаграогузского хребта. Такое уточнение имеется на картах Идриси, согласно которым западные отроги этих гор подходят к юго-восточному побережью Аральского моря (404). Данное картографическое указание согласуется с текстом «Нузхат алмуштак», локализующим Чаграогуз на побережье Хорезмского озера. В силу этого у нас имеются основания доверять изображению западной оконечности данных гор на картах Идриси[1]. Указания атласов Идриси позволяют видеть, что Чаграогуз следует искать в районе нижнего течения Аму-Дарьи.

В настоящее время на юго-востоке от Аральского моря начинаются столовые возвышения и горные цепи, простирающиеся в глубь пустыни Кизылкум. Среди этих гор и возвышенностей резко выделяются вершины хребта Султан-Уиз-Дага, достигающие высоты 485 м. Главными обособленными вершинами-останцами этого хребта являются на западе Джумыртау, Кубатау и Тахиаташ. Султан-Уиз-Даг подходит к Аму-Дарье своими возвышенностями Шейх-Джалил и Куянчик. На восток от Султан-Уиз-Дага, через пески Кизылкумы, тянется прерывистая гряда бугров (Аяз-Кала, Джанбас-Кала, Кукча и другие), которые геологически составляют единую погребенную горную цепь, соединяющуюся через хребты Нуратау и Каратау с высокогорной системой Тянь-Шаня (42; 286; 397).

[1] Однако Идриси, как будет сказано далее, ошибочно представлял себе восточные пределы, до которых простиралась горная цепь Чаграогуз.

Сравнительный анализ текста Идриси позволяет заключить, что под Чаграоогузом может подразумеваться лишь Султан-Уиз-Даг. В пользу данного мнения говорит и тот факт, что в источниках XIV—XVI вв. Султан-Уиз-Даг называется Чагра. Шихаб ад-Дин Омари (415; 320) помещает хребет Чагра посреди Аральского моря[1], а Джурджани — на берегу Хорезмского озера (10, л. 68). Интересное известие об этой горе содержится в источнике XVI в. под названием «Диковинки историй» (71, л. 224). Автор этого сочинения пишет, что Чаграйский хребет расположен в «области Джейхуна и Хорезма». По его словам, это большие горы, которые тянутся от Аму-Дарьи до Чина, очевидно, Восточного Туркестана. Аналогичное известие о Чаграйских горах содержится в географическом добавлении к сочинению Мирхонда. В «Раузат ас-сафа» говорится: «Гора Чагра расположена в пределах (навахи) Хорезмского Джейхуна. Воды Джейхуна преграждаются здесь (этими горами) во многих местах[2]. Это большая гора, которая тянется до областей страны Чин» (447, л. 18). Описание этой горной цепи имеется также в сочинении хивинского историка Баяни. Я. Г. Гулямов на основании данных Баяни показал, что под Чаграйскими горами подразумевается Султан-Уиз-Даг (127, с. 21, 22). Данное мнение подкрепляется вышеприведенными известиями географов XIV—XVI вв. В самом деле, в этих источниках прямо говорится, что хребет Чагра лежит в пределах дельты Аму-Дарьи. Указание на преграждение вод этой реки Чаграйскими горами лишний раз свидетельствует о их тождестве с Султан-Уиз-Дагом.

Однако следует вместе с тем заметить, что в анализируемых источниках явно ошибочно говорится о простирании этой горной цепи вплоть до пределов Китая. Подобная же ошибка содержится в картографическом материале труда Идриси.

В тексте «Китаб Руджар», как говорилось выше, указано, что Чаграоогуз расположен на берегу Хорезмского озера. Однако на картах Идриси этот горный хребет тянется далеко к востоку от Аральского моря, параллельно течению Сыр-Дарьи (2, л. 51, 267, 108; 3, л. 220, 226). Указанные горы изображены в виде длинной слегка изогнутой цепи, идущей с юго-запада на юго-восток от Хорезмского озера (404). Чаграоогузские горы на атласах Идриси достигают области Шаша[3], Исфиджаба[4] и Тараза[5]. Схематическое

[1] В. В. Бартольд считает, что переписчик сочинения Омари неверно понял текст своего первоисточника. Благодаря этому он поместил Чаграйские горы не на побережье, а посреди Хорезмского озера (63, с. 56).

[2] Джейхун, согласно Хаджи Халифе, входит в теснину между двумя горами, около рабата Дахан-и Шир. Аму-Дарья течет в этом месте с сильным шумом, приводящим людей в страх (203, с. 347).

[3] Шаш—область средневекового Мавераннахра, охватывающая бассейн реки Чирчик, с главным городом Бинкетом. Столица Шаша лежала на месте современного г. Ташкента. Абу Рейхан Бируни сообщает, что Бинкет называется по-тюркски Ташкентом. В VIII—X вв. к Шашу относился и округ Илак, в долине реки Ангрен (61; 65; 511; 518; 643).

[4] Исфиджабом назывался большой округ и главный город этой области. Обычно г. Исфиджаб локализуют на месте Сайрама либо другом месте около Чимкента. Существует также предположение, что г. Исфиджаб следует искать в среднем течении реки Бадам (172; 61; 140; 28; 252).

[5] Тараз был расположен на месте бывшего Аулие-Ата, современного Джамбула (54; 85; 516; 517).

изображение восточных отрогов этой горной цепи соответствует хребту Каратау на Сыр-Дарье. В пользу этого говорит и текст Ибн Халдуна, который восходит к сочинению Идриси. Согласно Ибн Халдуну, Чаграогузские горы[1] начинаются в восьмом отделе пятого климата и тянутся на юго-восток вдоль течения реки Сыр-Дарьи. Пройдя значительную часть данного климата, эта горная цепь как бы оконтуривает территорию Шашской области. Между рекой и Чаграогузским хребтом расположена область Фараб (655, с. 148, 149). Обращает на себя внимание и утверждение отмеченных ранее географов XIV—XVI вв. о том, что Чаграйские горы достигают Чина.

Идриси, судя по его картам, ошибочно полагал наличие длинной, непрерывной горной цепи, идущей от Аральского моря до Тянь-Шаня. В силу этого он соединил нынешние сырдарьинские Каратау с хребтом Султан-Уиз-Даг. Мусульманские географы, жившие и творившие после Идриси, механически повторяли эту ошибку. Даже в XVI в. полагали, что Султан-Уиз-Даг, начинаясь в районе Джейхуна, достигает на востоке пределов Китая. Несмотря на эту ошибку, данные Идриси и других средневековых географов позволяют видеть, что под Чаграогузом подразумевается Султан-Уиз-Даг.

Маргз — река Иргиз

Описывая далее страну огузов, Идриси сообщает, что в Хорезмское озеро из крупных рек впадают Джейхун, Шаш и Барак, или Парак[2]. Кроме них он упоминает еще две реки, названия которых принято читать как Руза и Марга (265, с. 220; 583, II, с. 338). В использованных нами рукописях и на атласах Идриси наименования этих рек (которые, несомненно, искажены) пишутся по-разному. Для второй из отмеченных рек имеются следующие формы написания: Ма'ра, Марга, Магра, Маргз (2, л. 109; 3, л. 267 и др.; 583, II, с. 338, 340; 404; 679, IV, с. 88). К. Миллер, пытавшийся расшифровать исследуемый географический отрывок, полагает, что под этими именами скрывается река Иргиз (679, IV, с. 88).

Данная точка зрения является вполне приемлемой, если принять за основу последнюю из отмеченных конъектур. Весьма примечательно, что название Иргиза в форме Ма'аргз встречается в сочинении Мухаммада Несеви. Рассказывая о походе хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада в 1212 г. против вождей тюрок-канглы, он упоминает реку Ма'аргз (ماارغز).

В. Ф. Минорский убедительно доказал, что этим именем обозначается река Иргиз (680, с. 309). Под названием Ирхиз эта река, как видно из «Книги» Ибн Фадлана, была известна еще в X в. (207; 208). Все это ставит на реальную почву предположение К. Миллера о тождестве описываемой Идриси реки Марга (или,

[1] В переводе М. де Слэна приняты неверные чтения Джебрагун и Джурагун.

[2] В средневековых источниках под этим названием выступает река Чирчик (111; 65; 680).

вернее, Ма'ргиз) с современным Иргизом[1]. Иргиз, по словам Идриси, в определенные сезоны года становился полноводным, а затем сильно пересыхал. В «Нузхат ал-муштак» отмечается, что когда эта река разливается, то в ней находят крупинки самородного золота, а со дна (вероятно, после обмеления) добывается камень лазуврад (2, л. 109; 3, л. 517).

Периодические весенние паводки действительно характерны для Иргиза и других степных рек Западного Казахстана. Весенние разливы этих рек продолжаются, однако, сравнительно недолго. В частности, Иргиз летом быстро мелеет и теряет сплошной ток на среднем и нижнем течении. Долина реки на отдельных участках превращается в цепочку озер, плесов и стариц. Однако на Иргизе нет ни рудного, ни россыпного золота. Идриси, несомненно, допускает в этом ошибку, которая может быть объяснена смешением Иргиза с Кумаком или Орью. Обе эти реки, как и Иргиз, берут свое начало на Мугоджарах. Возможно также, что автор первоисточника, которым пользовался Идриси, принимал эти реки за притоки Иргиза, а не Урала.

Истоки Иргиза начинаются на восточных отрогах Мугоджарских гор, которые генетически связаны с Южным Уралом. Между тем золотые россыпи имеются по восточному склону Южного Урала. Одним из крупных месторождений золота являются знаменитые Кочкарские прииски, золотые россыпи по реке Ташкутаргану—притоку Большого Иремеля (86; 239; 269). Месторождения золота, в том числе самородного, имеются и по соседству с Мугоджарскими горами, в Орском районе (34; 89; 154; 261). Золотоносные россыпи и жилы разбросаны по притокам Ори. Кроме того, известны золотые прииски, расположенные в степях Западного Казахстана. Месторождения золота залегают в полосе углистых сланцев от Кайракты на север до реки Кумак. Старые выработки общей площадью до 100 км отмечены к югу от лога Чиликсай. Золото во всем этом районе встречается в виде россыпей и коренных месторождений. Золотоносные жилы расположены в верховьях Кумака, в бассейне Урус-Кискена, левого притока Суюндука, в бассейне Каинды, в междуречье Айдырли и Байтука.

Россыпное золото имеется также в нижнем течении Ори, в бассейне реки Киркильды. Самородное золото Орского района залегает в пластах многочисленных верховиков, издавна привлекавших сюда кустарей-старателей. Россыпи имеются здесь повсюду: в долине логов, на склонах и перевалах по притокам реки Ори (33; 200; 338). В зоне окисления повсюду встречаются минералы пирита, марказита, медной сини и медной зелени. Самородное золото залегает в кварцево-апатитовых и других прожилках в виде зерен неправильной формы. Исследователями установлено, что аллюви-

[1] Название описываемой Идриси реки Маргз (Ма'ргиз), вероятно, является двусоставным, происходящим от арабского ма'—вода и собственного имени Иргиз.

альное золото добывалось на Южном Урале уже в VIII—XII вв. (445, с. 109).

В «Нузхат ал-муштак», как говорилось ранее, утверждается, что в Иргизе добывается камень лазувард[1]. Лазурит—довольно редко встречающийся в природе минерал сложного состава, обычно он содержится в щелочных изверженных и карбонатных породах. Крупным месторождением этого минерала уже в древности был Бадахшан. Отсюда лазурит вывозился в Северный Хорасан и другие страны Востока (16, с. 182; 324, с. 44, 50).

В средневековых мусульманских странах лазурвардом, вероятно, иногда называли и псевдоморфозы ляпис-лазури по азуриту и малахиту. Абу Рейхан Бируни отмечает, что имеются сорта лазурита, смешанные с минералом фисташково-зеленого цвета, столь характерного для основного карбоната меди (16, с. 182). По словам Ибн Сины, малахит, или так называемый армянский камень, «содержит в себе нечто от ляпис-лазури» (171, с. 230).

Особенно похож по цвету на лазурит вид медной сини, или азурита в ассоциации с малахитом. «В многочисленных, очень противоречивых указаниях о лазурите, — пишет акад. А. Е. Ферсман,— мы прежде всего встречаемся со значительной путаницей понятий о самом камне, так как лазурит часто смешивался с различными соединениями меди (кварцем, окрашенным азуритом) и, в частности, он, по-видимому, не отличался от содалита Алайского хребта в долине Зерафшана, а в Семиречье и Кульдже жители говорили об обилии лазурита в связи с медными окислами в ряде месторождений» (442, с. 133).

Подобные же минералы повсеместно встречаются и на Урале, где находятся всемирно известные месторождения малахита и азурита (149; 239; 442). Залежи медной сини и медной зелени имеются также в районе Мугоджарских гор (89; 107). Самородное золото Южного Урала к тому же часто встречается в ассоциации с пиритом и азуритом (239; 86). Все это дает основание полагать, что в исследуемом тексте Идриси говорится не о ляпис-лазури, а внешне сходных с лазуритом южноуральско-мугоджарском азурите и малахите.

Согласно «Нузхат ал-муштак», по берегам Иргиза тянутся лесные заросли. В них водятся бобры и лисицы с золотисто-желтой окраской меха (2, л. 109; 3, л. 515). Идриси сообщает, что шкурки этих бобров были отличного качества и вывозились в Византию и Армению. Высоко ценились и меха обитавших в лесах Иргиза золотистых лисиц. Сшитые из них одежды имели право носить лишь «цари (мулюк) той страны». Шкурки этих лисиц были поэтому запрещены для экспорта в другие страны.

Описываемый в «Китаб Руджар» животный и растительный мир долины Иргиза не совпадает с ее современной флорой и фауной. В настоящее время по Иргизу нет лесов, населенных колониями бобров. Однако в средние века полоса населенных бобрами

[1] Лазувард, или лазавард—арабское наименование лазурита (16; 171; 194).

лесов Евразии простиралась значительно южнее их нынешнего ареала. Зона лесов еще в недавнем прошлом доходила до среднего течения Эмбы и Урала (155; 188; 367). В верховьях Ори, Илека, Темира и других рек встречаются и сейчас рощи и лески из березы, осины, черного и серебристого тополя. Берега этих рек покрыты местами густыми зарослями ветлы, ивы и вербы. Березовые леса растут на холмистых берегах верхнего течения Ори и Иргиза (188; 365).

В этих ныне очень незначительных лесных участках, а прежде лесных чащах, некогда водились речные бобры. Во второй половине XVIII в. бобры обитали по реке Уралу, недалеко от Яицкого городка (317, с. 358). Бобры водились и на Эмбе, в устье ее притока — реки Темир (188, с. 389).

В XVIII в. на Мугоджарах было много березовых и осиновых лесов (262, с. 200; 367, с. 170). Рощи и лески из березы, осины и ивы встречаются и сейчас в ущельях и оврагах Мугоджарского хребта (443, с. 380). Здесь же водилось много корсаков и желтых лисиц-караганок. В конце прошлого — начале текущего столетия в результате активной деятельности человека произошло значительное отступление лесов к Южному Уралу (188; 443; 444).

Благодаря хищнической охоте сильно пострадали и промысловые животные, особенно пушные звери. За последние сто лет почти полностью были истреблены бобры в Казахстане, Башкирии и Татарии. Лишь несколько сот бобров осталось в глухих лесах Среднего Урала и Западной Сибири, в бассейне рек Сосьвы и Конды (188; 317; 325; 443).

Г. Е. Грумм-Гржимайло считал, что бобры некогда обитали и в лесных чащах в районе Мугоджарских гор (125; 126). Однако Л. С. Берг, указывая на отсутствие достоверных фактов, отвергает эту точку зрения (79, с. 51). Поэтому рассматриваемое известие автора «Китаб Руджар» может быть понято лишь в свете его ошибочных представлений о верховьях реки Иргиз. Очевидно, сообщение Идриси о населенных бобрами лесах Иргиза в действительности относится к притокам Эмбы и Урала. Бобровые колонии, как отмечалось выше, имелись в прошлом в лесных зарослях по берегам Темира и Урала. В пользу этого мнения говорит также сообщение Идриси о лазуварде и самородном золоте, добывавшемся в реке Иргиз. Скорее всего первоисточник Идриси не имел достаточно точной информации о верховьях этой реки. Поэтому в «Китаб Руджар» притоками Иргиза считаются реки, которые стекают с Мугоджар и впадают в Эмбу и Урал.

В «Китаб Руджар» отмечается, что Маргз впадает в Хорезмское озеро. Однако в настоящее время Иргиз после слияния с Тургаем сбрасывает свои воды в горько-соленое озеро Челкар-Тенгиз. Изучение режима бессточных озер Западной Азии за последние несколько столетий выявило ярко выраженный цикл их внутривековых колебаний (108; 463; 319). В зависимости от повышенной или пониженной увлажненности аридной зоны уровень озер по-

стоянно подвергался трансгрессии и регрессии. Озеро Челкар-Тенгиз также неоднократно меняло свой уровень и площадь водного зеркала. В наиболее многоводные годы наблюдались сильные разливы в низовьях речного стока Иргиза и Тургая. Окружность озера, например, в первой половине XVIII в. достигала около двухсот верст (367, с. 98). Спустя, однако, почти столетие Челкар-Тенгиз находился в состоянии сильного обмеления, превратившись в цепочку замкнутых водоемов (319, с. 150—158).

Следует учесть, что в Средней Азии в VIII—XII вв. наблюдалось значительное повышение увлажненности климата (128, с. 82; 341, с. 5). Это обстоятельство дает ключ к пониманию свидетельства Идриси о впадении реки Иргиз в Хорезмское озеро. В указанное время благодаря повышению увлажненности аридной зоны, вероятно, произошло сильное увеличение площади водного зеркала Челкар-Тенгиза. Отсюда возможны большие разливы в низовьях Иргиза и Тургая, достигавшие временами бассейна Сыр-Дарьи (462, с. 117—123; 319, с. 26). Предания о стоке этих рек в Сыр-Дарью до недавних пор были широко распространены среди казахов Тургайской области (95, с. 120). Очевидно, в свете этих фактов и надо рассматривать утверждение Идриси о впадении Иргиза в Хорезмское озеро.

Музгар — Южный Урал

Согласно Идриси, река Иргиз берет свое начало на большой и высокой горе (2, л. 108; 3, л. 516). Название этой горной цепи в списках «Нузхат алмуштак» пишется по-разному: Мурга, Музгар, Мургар[1]. Думается, что наиболее приемлемой является конъектура Музгар. В такой форме это наименование встречается на опубликованном К. Миллером атласе 1154 г. (679, II, ч. 2) и на карте Идриси, изданной Мухаммадом ал-Асари и Джавадом Али (404).

Музгарские горы помечены на картах Идриси в виде длинного хребта к северу от Каспийского моря (404; 679). В «Нузхат алмуштак» говорится, что вершины Музгарских гор покрыты вечным снегом и льдом. Это перекликается с данными Ибн Халдуна, который сообщает, что Музгар[2] означает «Снежная гора» (655, I, с. 158). Идриси пишет, что Музгарский хребет отделяет земли огузов от страны башкир (2, л. 108; 3, л. 516). В другом разделе своего труда он отмечает, что башкиры территориально подразделяются на две группы. Одна из них обитает недалеко от Булгарии, у края страны огузов (583, II, с. 406).

Музгарские горы, по мнению К. Миллера, тождественны современным Мугоджарам — южному продолжению Уральского хребта. Однако при такой идентификации целый ряд историко-географических данных «Китаб Руджар» остается необъяснимым. Идриси, как мы видели, пишет, что на вершинах Музгара лежат

---

[1] А. Жобер принял чтения: Морга, Моргар; К. Миллер — Морга, Мозгар, Маргар; С. Л. Волин — Мургар.

[2] В переводе М. де Слэна: Моргар.

постоянные снега и льды, чего нет на Мугоджарах. Также обращает на себя внимание утверждение Идриси о том, что Музгарский хребет имеет протяжение в 800 миль (583, II, с. 414). Считая в среднем 1,5 км в одной миле[1], получится 1200 км, что намного превышает длину Мугоджар, вытянутых всего на 400 км (327, с. 16).

Против выдвинутого К. Миллером тождества Музгарского хребта с Мугоджарами говорит и дальнейший текст Идриси. Согласно «Китаб Руджар», река Иргиз, берущая начало на Музгаре, принимает множество притоков на своем пути к Хорезмскому озеру. Они стекают с горы, имеющей «высокую вершину», которая находится на берегу Иргиза. С этой горы стекает более тысячи источников, впадающих в реку Иргиз (2, л. 109; 3, л. 517).

Горы с «высокой вершиной» отмечены и на картах Идриси, где они изображены в виде сравнительно небольшого кряжа, идущего с юго-запада на северо-восток. Западные отроги этой горы тянутся по направлению к северному побережью Аральского моря. С восточных же склонов горы стекают многочисленные речки, сливающиеся с водами Иргиза (2, л. 108; 3, л. 514; 404; 679, II, ч. 2). Описываемый Идриси горный хребет по всем орографическим и гидрографическим признакам соответствует нынешним Мугоджарам. Это обстоятельство в свою очередь свидетельствует о том, что Музгарский хребет не тождествен Мугоджарским горам.

Идриси, как мы видим, говорит о постоянных снегах и льдах на вершинах Музгарского хребта. В настоящее время пятна вечных снегов и ледников имеются лишь на Полярном и Северном Урале. В центральной части Полярного Урала, который тянется от Константинова камня до гор Сабли и Нерейки, местами на все лето остаются каровые ледники и снежники-перелетки. Здесь имеется более 56 ледников, а общая площадь современного обледенения достигает 15 кв. км. Полярный Урал является самой высокой частью Уральских гор, с вершинами, превышающими 1500—1600 м (443, с. 362—376). Однако вряд ли Идриси мог знать о ледниках и снежниках Полярного Урала, существование которых стало известно лишь в сравнительно недавнее время. Поэтому гораздо логичнее думать, что под Музгарскими горами он подразумевает не Полярный, а Южный Урал. Обращает на себя внимание, что в годы с повышенной увлажненностью климата снега местами оставались постоянно в горах Южного Урала (462). В XVIII в., например, снега даже летом покрывали вершины Ямантау (367, с. 143, 173). Это обстоятельство дает основание полагать, что под Музгарским хребтом подразумевается Южный Урал. В пользу данного мнения говорит и свидетельство Идриси о границе башкир с огузами, проходившей по Музгарским горам. Достоверно известно, что в IX—X вв. башкиры обитали на Южном Урале. Весь приве-

[1] Арабская миля в среднем колебалась в пределах 1878—1972 м (643, II, с. 197). Однако в труде Идриси миля исчисляется приблизительно в 1555 м (221, с. 290).

денный выше комплекс фактического материала позволяет заключить, что под Музгарскими горами подразумевается современный Южный Урал.

Река Уил и озеро Аралсор

Согласно «Китаб Руджар», на вершинах Мугоджарского хребта были расположены два города-крепости. Название этих крепостей: Нуджах и Бадагах[1], а расстояние между ними составляло два дня пути.

Идриси сообщает, что отсюда на запад течет крупная река, теряющаяся в сильно заболоченной местности[2]. Образующиеся в ее низовьях топи и пресноводное озеро имеют в окружности пятьдесят миль. Местность покрыта сочными лугами, на которых летом пасутся тюркские стада. В «Китаб Руджар» говорится, что эти разливы лежат в шести днях пути к северу от Хорезмского озера. Отроги Музгарского хребта отстоят от данной местности на расстоянии пяти дневных переходов. Между этими горами и низовьями упомянутой реки имеются пастбища тюрок (2, л. 109; 3, л. 517). В использованных А. Жобером рукописях отмечается также болотистая местность, лежащая к северу от большого озера. Дороги, ведущие от озера на север, трудно проходимы из-за отрогов Музгарского хребта (583, II, с. 340, 341).

К. Миллер считает, что в исследуемом отрывке «Нузхат алмуштак» имеется в виду озеро Иргиз (679, II, с. 89). Однако подобная идентификация не может быть признана удачной. Согласно картам Идриси, это озеро лежит далеко к северо-западу от Хорезмского озера. В тексте «Китаб Руджар» говорится, что оно удалено на расстояние шестидневного пути от Аральского моря[3]. Атлас 1154 г. изображает рассматриваемое озеро в форме вытянутого эллипса и помещает его между безымянными горами и Музгарским хребтом. Карта имеет в данном месте пометку: «Страна гузов (народа) из тюрок» (679, I, ч. 2; 404). На атласе софийской рукописи под озером внизу стоит подпись: «Пресная вода» (3, л. 514). Однако на этой карте между озером и упомянутым хребтом расположена еще одна небольшая горная цепь (2, л. 108). В озеро, по атласам Идриси, впадает с юго-востока большая река. Истоки реки начинаются в горах, на которых расположены крепости Нуджах и Бадагах. Река берет свое начало на западном склоне этого хребта, соответствующего нынешним Мугоджарам. Отсюда становится ясным, что описываемое Идриси пресноводное озеро располагалось в низовьях одной из крупных рек, стекающих с западной стороны Мугоджарских гор. Карта 1154 г. изображает течение этой реки почти в меридиональном направлении с малым

[1] Чтение названий этих городков условное, так как в рукописях и на картах Идриси они пишутся неодинаково. Возможно, арабское ـلـ в имени первой из упомянутых крепостей соответствует персидскому ـلا —«место» (576).

[2] В тексте Идриси употреблен термин سقيف —«болотистое место». А. Жобер неверно перевел это слово как «озеро».

[3] Возможно, в первоисточнике или оригинале труда Идриси указывалось расстояние от данного озера до Хазарского моря, а не Хорезмского озера.

уклоном на северо-запад. Похожую ориентацию имеет течение Уила, истоки которого лежат на Урало-Мугоджарских горах. Побережья этой реки издавна славились хорошими весенними и летними пастбищами. В известном русском географическом памятнике эпохи позднего средневековья говорится: «Против Тузтебе, выше Сунгурлука, вытекла река Оиль и пала Оиль-река, не дошед до реки Яик, в землю; а на устье тое реки восемь озер Карагол, по нашему Черные озера» (216, с. 94). П. И. Рычков указывает, что Уил течет в озеро Тазган-Каракуль, которое имеет в окружности пятьдесят верст. В низовьях Уила было разбросано множество небольших озер с камышовыми зарослями. Побережья этих озер служили пастбищами для скота казахских родов, входивших в состав Малой Орды (262; 367).

Уил теряется сейчас в широких разливах, образующих полузаболоченные водоемы (326, с. 63). В низовьях этой реки расположен Аралсор — одно из крупнейших озер Прикаспийской низменности. Аралсор имеет лопастно-подковообразную форму, вытянутую по направлению к востоку. В период сильных весенних паводков вода из озера разливается и затопляет окрестности. Пойма Уила обычно превращается в цепочку плесов длиной в 3 км и шириной до 5—6 км. Вода в этих плесах осолоняется, но остается пригодной для бытовых нужд. В середине прошлого столетия Уил обладал бóльшей водоносностью и обводнял в своих низовьях значительную территорию. Разливы вод этой реки нередко достигали расположенной юго-западнее группы озер и соединялись с Уралом (17, с. 77, 79).

В дальнейшем описании страны огузов Идриси сообщается, что у подножия[1] Музгарского хребта расположены два небольших городка. К. Миллер, А. Жобер и С. Л. Волин читают их названия как Даранда и Дарку (265; 583; 679). Однако в рукописях и на картах Идриси имеются варианты: Дарнух, Дарранда, Дарму. Рассказы об этих крепостях приведены также в сочинениях Ибн Саида и Абу-л-Фиды. Примечательно, что первый из этих городков называется ими Дендера (582, II, с. 315; 617, с. 139).

В «Китаб Руджар» говорится, что Даранда лежит к западу от Дарку, а расстояние между ними составляет три дня пути. Оба городка представляют собой неприступные крепости, расположенные в области с крайне холодным и суровым климатом. В горах и по течению местных рек имеются рубины, бирюза и другие породы драгоценных камней[2]. К востоку от г. Дарку, на расстоянии четырех дней пути, находятся истоки реки Иргиз (2, л. 109; 3, л. 517).

Сведения о Дендере и Дарку приведены также в сочинениях Ибн Саида и Абу-л-Фиды[3]. Согласно Ибн Саиду, эти крепости

[1] В тексте Идриси: على اذيال الجبل

[2] В тексте Идриси упоминаются самоцветные камни фирузадж и балаш. См. о происхождении этих названий: 257; 324; 442.

[3] Первоисточник их сведений, к сожалению, остается для нас неизвестным.

расположены в седьмом иклиме, на вершинах хребта Аскарун[1]. Ибн Саид пишет, что с Аскаруна стекают источники, вливающиеся в реку Атил (Волгу). Это очень большая река, которая течет по широте седьмого климата (617, с. 139). Скорее всего под именем Аскарун скрываются отроги Южного Урала. К. Миллер установил, что в средневековой географической литературе существовали различные наименования для Уральского хребта. Одним из таких названий было Аскаска, откуда, по словам Идриси, берет свое начало река Атил. Все это дает возможность предположить, что Аскарун соответствует упоминаемой в «Китаб Руджар» горе Аскаска (679, IV, с. 89).

Анализируемые свидетельства Ибн Саида и Абу-л-Фиды расходятся в некоторых деталях с текстом Идриси. В «Нузхат алмуштак» говорится, что Дендера (Даранда) и Дарку лежали у подножия Музгарского хребта. Однако Ибн Саид помещает эти крепости на вершинах Аскарунских гор. Несмотря на это, сведения Ибн Саида и Абу-л-Фиды имеют для нас важное значение. Прежде всего они подтверждают устанавливаемую на основе данных Идриси связь Дендеры и Дарку с Южным Уралом.

Рассматриваемые географические известия содержат также интересные дополнения к тексту Идриси. Ибн Саид и Абу-л-Фида указывают, что Дарку принадлежал огузскому «царю», который хранил здесь свою казну (617, с. 139; 582, II, с. 291). Отсюда огузы нападали на Буртасию и другие соседние области[2]. Указание на соседство огузов с буртасами, как увидим ниже, также свидетельствует в пользу нашего вывода.

К. Миллер считает, что Даранда и Дарку были расположены около бывшего форта Эмбинска (679, II, с. 98; IV, с. 88). Однако подобная локализация этих крепостей противоречит тексту и атласам Идриси. Против этого мнения говорят также приведенные выше свидетельства Ибн Саида и Абу-л-Фиды. На карте 1154 г. Даранда и Дарку помещены близ Музгарского хребта. Более поздние атласы локализуют оба городка прямо на вершинах этих гор (2, л. 108; 3, л. 514). Дарку на первоначальном атласе Идриси помещен близ верховьев большой реки, вытекающей из Музгарского хребта. Юго-западнее этой крепости тянутся горы, соответствующие по своему географическому положению современным Мугоджарам. Крепость Даранда расположена к востоку от одноименной реки, берущей начало на Музгаре. Даранда, или Дендера, по-видимому, лежала где-то около Южного Урала, восточнее реки

---

[1] Абу-л-Фида утверждает, что Дарку (Дарму) лежал на горе Карманйа, в области, имеющей координаты 90° долготы и 50° широты (582, II, с. 291). Однако эти географические координаты расходятся с данными Ибн Саида (617, с. 139; 654, с. 12).

[2] Ибн Саид и Абу-л-Фида утверждают также, что Дендера являлась резиденцией и местом хранения казны «царя» буртасов. Однако это свидетельство находится в противоречии с текстом Идриси, помещающим данную крепость в стране огузов.

Урал. Городок Дарку, вероятно, находился между северо-восточной окраиной Мугоджар и Южным Уралом.

Даранда — река Урал

В «Нузхат ал-муштак» говорится, что к северу от Хазарского моря тянутся горы, имеющие форму арабской буквы «нун». Около этого изогнутого полукольцом хребта имеется большое озеро. Побережье озера служит пастбищем для скота кочевых племен тюрок. Озеро имеет сток по направлению к югу, его воды достигают протока реки Даранды.

К. Миллер отмечает, что на отдельных атласах Идриси верховья Даранды начинаются в Уральских горах (679, IV, с. 153). Несмотря на это, он отождествляет Даранду с теперешней Эмбой. Однако истоки Эмбы лежат не в Уральских горах, а на западных склонах Мугоджар. Даранда по тексту и атласам Идриси соответствует не Эмбе, а реке Урал. Карта 1154 г. отмечает, что эта река берет свое начало в Музгарских хребтах. Даранда имеет меандрирующее русло, течет с северо-востока на запад и впадает в Каспийское море. Ибн Саид в отличие от Идриси именует эту реку Дендераб. Эта река указана в географическом атласе Ибн Саида на границе земель буртасов (654). Старое название Дендера сохранялось до недавних пор в топонимике по реке Урал. Русские документы XVIII в. отмечают, например, урочище Дендера на реке Урал (263, с. 444). Академик Фальк сообщает, что Индерское озеро именуется по-казахски Диудер (155, с. 41). Все это говорит о том, что Даранда, или Дендера, соответствует реке Урал.

Аскаруз—горы Тянь-Шаня

В своем описании страны огузов Идриси упоминает также горный хребет под названием Аскаруз[1]. «Это огромные горы,— пишет Идриси,— лежащие на пути по направлению с юга на северо-восток. Снега не оставляют вершин этих великих, огромных гор ни зимой, ни летом. Около подножия этих гор (растут) непрерывные леса, в них водится много дичи» (2, л. 109; 3, л. 517).

К. Миллер считает, что Аскарун соответствует обособленному горному массиву Улутау, расположенному между Тургаем и Сарысу (679, IV, с. 29). Описываемый Идриси высокий горный хребет, однако, нисколько не похож на мелкосопочник Центрального Казахстана, откуда берет свое начало река Сарысу. Казахстанской складчатой стране не соответствуют также описываемые Идриси орографические признаки Аскаруза. Прежде всего здесь нет вечных снегов. Даже самые высокие хребты казахстанского мелкосопочника Улутау, Кзыл-Рай и Чингистау не имеют постоянных снегов (326; 327; 443). Против мнения К. И. Миллера говорит и сама ориентация хребта Аскаруз. По атласам Идриси, отроги Аскаруза начинаются далеко к востоку от Хорезмского озера. Горы тянутся с юго-запада на северо-восток и достигают страны азгишей (679, ч. 2). Согласно атласу 1154 г., азгиши обитали к юго-

[1] А. Жобер принял чтение Асфарун, а К. Миллер и С. Л. Волин — Аскарун (583, II, с. 339; 679, IV, с. 89; 265, с. 221).

востоку от Аскарузского хребта (404). Данные рассматриваемых карт перекликаются с рассказом Ибн Ийаса, пользовавшегося географическим сочинением Идриси. В труде этого автора говорится, что земли огузов расположены к западу от страны азгишей (169, л. 252).

Приведенные сведения делают невозможным отождествление Аскаруза с горами казахстанского мелкосопочника. Этому противоречит и указание Идриси на то, что Аскарузские горы достигали страны азгишей. Тюркоязычный народ азгишей обитал в VIII—X вв. около Зайсана и к юго-западу от Иссык-Куля (540, с. 14). Резиденцией правителя азгишей служил город Ика, располагавшийся в Семиречье, в долине реки Или (504; 680). Сам К. Миллер отмечает, что в труде Идриси страна азгишей помещена у современного озера Балхаш (679, I, с. 89). Несмотря на это, он отождествляет Аскаруз с горной цепью Улутау в нынешнем Центральном Казахстане.

Аскарузский хребет, судя по тексту и атласам Идриси, соответствует величественной заснеженной горной цепи Тянь-Шаня[1]. В «Нузхат ал-муштак» отмечается, что Аскарузский хребет простирается дугообразно с юга на северо-восток. Ориентация этих гор на картах Идриси совпадает с общим направлением снеговой линии Тянь-Шаня, идущей с юго-востока на северо-запад (444, с. 78).

В пользу нашей точки зрения говорит и сообщение Идриси о «непрерывных» лесах Аскаруза. Могучие хребты Тянь-Шаня действительно покрыты вертикальными поясно-террасовыми зарослями, лесами и рощами. В хребтах Таласском, Киргизском, Кунгей, Терской-Алатау растут ели, пихты, тополя, ясени, абрикосы, яблони, арча.

Лесная растительность покрывает и склоны Угамского, Пскемского и Чаткальского хребтов. Фауна лесов, рощ и зарослей Тянь-Шаня отличается большим многообразием животных видов. В полосе хвойных и лиственных лесов водятся, например, кабаны, косули, маралы, олени, горностаи, ласки, куницы-белодушки. Летом здесь обитают индийские иволги, овсянки, дубоносы и другие породы птиц.

Тяньшанские леса еще несколько веков тому назад занимали гораздо большую площадь. Леса из грецкого ореха, клена, абрикоса, дикой яблони в VIII—X вв. спускались до северных оазисов Ферганской долины. Известно также, что в последние два столетия были сильно истреблены леса Заилийского Алатау (347; 436; 443). Все это объясняет причину утверждения Идриси о том, что леса Аскаруза начинаются у их подножия.

[1] Следует обратить внимание и на само название Аскаруз, в основе которого лежит «аскар». В современном киргизском языке «аскар» имеет значение «снеговая гора, высочайшая гора» (470, с. 74), а в казахском — «скала, высокая недоступная гора» (286). Вторая часть наименования описываемого Идриси Аскарузского хребта остается неясной; в ряде тюркских языков терминами «оз», «ауз» обозначаются горные ущелья и долины (211; 446; 430).

В пользу тождества Аскаруза с горами Тянь-Шаня свидетельствуют и другие факты, имеющиеся в ряде источников. Интересные сведения о хребте Аскаруз содержатся в «Географии» Ибн Саида. Согласно ленинградскому списку этого сочинения, Аскаруз — высокая и длинная горная цепь. Южнее этого хребта, покрытого вечными снегами, тянется защитный вал Калас[1]. Стена была сооружена мусульманами против набегов тюрок-язычников (170, л. 19). В печатном издании труда Ибн Саида добавлено, что эта оборонительная стена простирается от Сыр-Дарьи до горы под названием Ворота Фадла ибн Йахйи (617, с. 129).

Защитный вал Калас, о котором пишет Ибн Саид, был построен арабами в Келесской степи и тянулся от Сайлыкских гор до течения реки Сыр-Дарьи (53, с. 9—10; 776, с. 113). Остатки этого оборонительного сооружения, возведенного по северо-западным границам Чирчикского оазиса, сохранились до наших дней (297). Каласский вал простирался от Чаткальских гор до Сыр-Дарьи, где обитали различные племена тюрок (84, с. 87; 124, с. 57). Известно также, что Ворота Фадла ибн Йахйи (756—808) были воздвигнуты в Раште (167, л. 164; 407, л. 109). Это оборонительное сооружение препятствовало вторжению тюркских племен в страны ислама (583, I, с. 200; 620, II, с. 733).

В свете отмеченных выше фактов становится очевидным, что Аскарузские горы лежали к северу от Чаткальского хребта и северо-востоку от среднего течения Сыр-Дарьи. К югу от этого хребта располагались Чирчикский оазис, Келесская степь и Каратегинские горы. Отсюда явствует, что под Аскарузом, вершины которого были покрыты вечными снегами, подразумевается Тянь-Шань. Данный вывод подкрепляется и анализом старинного узбекского эпоса «Алпамыш». В эпосе упоминается хребет Аскартаг, который именуется также Алатагом (32). Последнее является синонимом Алатоо — киргизского названия гор Тянь-Шаня (470).

Терминами «алатаг», «алатау», «алатоо» у тюркоязычных народов Средней Азии обозначаются горы с «вечным снежным покровом или вертикальной поясностью» (287, с. 24). Обращает на себя внимание, что во всех анализируемых источниках Аскаруз изображен как горный хребет, покрытый вечным снегом. В связи с этим в географических сочинениях домонгольской поры Аскаруз описывается как горный край с очень холодным климатом. В «Сувар ал-акалим», например, говорится, что хребет Аскаруз[2] покрыт вечными снегами. Здесь водятся дикие животные, привыкшие к сильному холоду. Местные жители обитают зимой в течение шести месяцев в утепленных домах. Они сооружают под своими жилищами помещения наподобие бань, где всегда в стужу горит огонь[3]. Вокруг домов возводят стены, препятствующие выходу те-

[1] В рукописи ИНА АН СССР—«Калас», а в тетуанском издании—ошибочно «Алас».

[2] В рукописи ЛГУ название этих гор написано в форме Аскаран.

[3] Сравните рассказ Исхака ибн Хусейна о подземных жилищах тюрок, где они укрываются от зимних морозов (435, с. 1145).

пла наружу. Жители этой области имеют большие стада баранов и овец. Зимой местное население постоянно держит на огне большие котлы с ашем и шурпой. Благодаря горячей пище они спасаются от мороза и жестокой стужи (402, л. 54).

Средневековые источники, таким образом, свидетельствуют о тождестве хребта Аскаруз с горной системой Тянь-Шаня. Это позволяет расшифровать другие известия «Китаб Руджар» о стране огузов.

Руза—река Чу

Согласно Идриси, с вершин Аскаруза стекает река Руза[1], которая идет с востока к Хорезмскому озеру. Руза — большая река, протекающая на своем пути к Аральскому морю около крутых горных хребтов. Эта река отмечена также на географических картах Идриси. На первоначальном атласе Идриси в Хорезмское озеро впадает река под названием Руза[2].

Впадение Рузы в Аральское море отмечено и в рукописях, которыми пользовался А. Жобер (583, II, с. 338). Однако в софийском и ленинградском списках нет прямого указания на впадение Рузы в Хорезмское озеро[3].

По мнению К. И. Миллера, Руза идентична реке Сарысу (679, IV, с. 88). Однако подобное сопоставление не может быть признано верным. Отождествление Рузы с Сарысу противоречит тексту Идриси. Ведь согласно «Нузхат ал-муштак», истоки Рузы лежат на вершинах горного хребта Аскаруз. Значит, Руза стекала не с Улутау, а с вершин Тянь-Шаня, и считать ее за реку Сарысу нет никаких оснований. Руза может быть отождествлена только с рекой Чу, берущей начало в Тянь-Шане. Истоки этой реки находятся на склонах Терскей-Алатау и Джумголтау — хребтов с вечной снеговой линией. После прорыва Боамского ущелья в Кунгей-Алатау река выходит в постепенно расширяющуюся долину. Оканчивается Чу в группе соляных озер Ащи-Коль и Сауман-Коль, не доходя до низовий Сыр-Дарьи.

В геологическом прошлом притоком реки Чу являлся Талас, а ниже, соединившись с Сарысу, Чу впадала в Сыр-Дарью (17;

---

[1] Семантика данного гидронима остается для нас непонятной. В древнеиранском «raoda» означало «река», а согдийское «ruz» имело значение «течь», «бежать», «литься» (500, с. 1495; 510, с. 10).

[2] В известных нам рукописях и на атласах Идриси название данной реки пишется: Руд, Руда, Рузат, Рузах. Подобно А. Жоберу и С. Л. Волину, мы принимаем чтение Руза. Такая конъектура подтверждается атласом 1154 г. (679, I, ч. 2).

[3] Руза по карте 1154 г. сливается с крупной рекой, берущей начало на горе Музгар. Судя по тексту «Нузхат ал-муштак», под последней имеется в виду Иргиз. Однако в первоначальной карте Идриси не проставлено название этой реки. Наименование реки, соединяющейся с Рузой, отсутствует и в других атласах Идриси. Лишь на одной карте софийской рукописи отмечено соединение Рузы с Иргизом. Все это затрудняет выяснение реальных представлений Идриси о гидрографической взаимосвязи указанных рек. Поэтому в данном случае за основу можно брать лишь текст сочинения Идриси.

286; 327; 443). Позднее разливы низовьев Чу и Сарысу в отдельные исторические периоды неоднократно достигали бассейна Сыр-Дарьи (79; 461; 462). Около 1898 г. вода из озера Телекуль во время сильного разлива прошла в Сыр-Дарью, устремившись вдоль обрыва Кара-Кемир (78, с. 178). Все это (если учесть еще тогдашнее повышенное увлажнение климата) проясняет указание рукописей А. Жобера о впадении Рузы в Хорезмское озеро.

Первоисточник Идриси, вероятно, представлял себе реку Чу притоком Сыр-Дарьи, сбрасывающим воды в Аральское море. Характерно отметить, что в «Нузхат ал-муштак» говорится о впадении в Хорезмское озеро Шаша и Парака (2, л. 108; 3, л. 517). Между тем Чирчик, являющийся притоком Сыр-Дарьи, никогда не впадал в Аральское море. Отсюда видно, что Идриси подразумевает под реками, впадающими в Арал и притоки Сыр-Дарьи. Это позволяет уточнить свидетельство Идриси о впадении Рузы, которая считается притоком Шаша, в Хорезмское озеро.

Согласно атласам Идриси, Руза после спуска с Аскарузского хребта огибает сравнительно небольшой горный кряж. Горы имеют дугообразную форму и тянутся с юго-запада на северо-восток. На вершине этого хребта указана крепость Хийам (خيام). Карта 1154 г. помещает Хийам между двумя рукавами безымянной реки, вытекающей из Музгарских гор. Однако вопреки тексту «Нузхат ал-муштак» Хийам отмечен не к востоку, а к северу от Хорезмского озера (679, II, ч. 2).

Другая карта Идриси помещает Хийам к югу от реки, берущей начало на склонах небольшого хребта. Названия реки и гор на атласе отсутствуют. К северу от Хийама на этой же карте указана страна кимаков (679, I, ч. 3). Карта софийского списка помещает Хийам к юго-востоку от места слияния Рузы и Иргиза (3, л. 514). В атласе ленинградской рукописи истоки реки, близ которой лежит хребет с крепостью Хийам, начинаются на вершинах Музгарских гор (2, л. 108).

В багдадском издании карт Идриси Руза локализована к северо-востоку от реки, в низовьях которой расположен г. Хварат. Крепость Хийам отмечена пунсоном на вершине изогнутого горного хребта. Географическое положение Хийама на одной из этих карт соответствует атласу 1154 г. Однако на другой карте гидрографическая сеть реки, близ которой расположен Хийам, не имеет никакой связи с Музгарским хребтом (404).

Сравнительный анализ карт Идриси выявляет большой разнобой в локализации Хийама. Более надежным в этом отношении является текст «Нузхат ал-муштак». По словам Идриси, Руза течет с востока на запад «изнутри страны гузов» (3, л. 517), что имеет принципиально важное значение.

Идриси сообщает, что на берегах Рузы возвышается горный хребет. На одной из его вершин лежит крепость Хийам. Крепость расположена к северу от Рузы на скале с крутым подъемом. Хий-

ам является центром огузских племен, называющихся хандагами. Страна хандагов отличается холодным климатом и лежит к востоку от Аральского моря[1]. По мнению К. Миллера, Хийам был расположен в районе гор Улутау (679, IV, с. 89).

В исторической литературе высказано также мнение, что в исследуемом тексте Идриси имеются в виду поселения, расположенные на вершинах холмов, которые называются «хиам», или по-казахски «киян» (245, л. 21). Однако в «Нузхат ал-муштак» упоминается не холм, а укрепление в горной местности[2].

Очевидно, Хийам — это арабская калька тюркского названия данной крепости. В буквальном переводе خيام означает «шатры, палатки». Наше предположение можно подкрепить сообщением Ибн Ийаса. При описании территории нынешнего Семиречья Ибн Ийас упоминает область Хийам, обитателями которой были тюрки, жившие в шатрах (169, с. 248).

Идриси пишет, что Хийам был «главным городом» огузов-хандагов (583, II, с. 339). Крепость, по его словам, служила также убежищем во время внешней опасности (2, л. 108; 3, л. 517). Все это дает основание видеть, что под названием Хийам подразумевается крепость-ставка. Среди тюрко-монгольских племен средневековья подобные лагеря-ставки именовались «ордо», «орду». Эти названия прилагались также к большим, украшенным золотом, серебром, драгоценными материалами и коврами шатрам их правителей (668; 706; 770).

Обычно такие лагеря-ставки состояли из расставленных вкруговую войлочных кибиток. В центре ставки, как правило, помещался шатер вождя или главного предводителя (335). «Многогранный план поселений, — отмечает А. Н. Бернштам, — как бы воспроизводящий планировку кочевого стана, является типичной чертой огузского плана поселений и находит себе аналогии в городищах типа левобережного Бузука, Сайрамского городища, Карнака и других» (83, с. 86).

Существование у огузов таких укрепленных ставок подтверждается достоверными историческими источниками. Описание их имеется, например, в трудах Имад ад-Дина Исфахани и Ибн ал-Джаузи. Огузские ставки-укрепления XII в. были обведены стенами и рвами, а внутри них вкруговую стояли кибитки (639).

По словам Идриси, крепость Хийам лежала к северу от Рузы. Отсюда следует, что она была расположена по правую сторону реки Чу. Известие автора «Нузхат ал-муштак» о Хийаме перекликается с сообщением Макдиси о крепости Орду, служившей в X в. резиденцией туркменского «царя». Вероятно, Хийам соответствует г. Орду, который был расположен в долине реки Чу.

---

[1] Данный отрывок имеется в рукописях, которыми пользовался А. Жобер, но он отсутствует в софийском и ленинградском списках.

[2] خيام و هى قلعه منعه على رأس جبل صعب المرتفع

Кроме Хийама при описании «внутренних областей» страны огузов в «Нузхат ал-муштак» упоминаются также города Тараз и Барикет[1]. Тараз при этом Идриси относит к области Шаш. В Шашский округ, таким образом, им включается один из крупных городов Таласской долины. Свидетельство Идриси согласуется с данными географов X в., которые отмечают, что граница области Шаш достигала Тараза (783; 407; 670).

Наряду с Таразом, Идриси причисляет к Шашу и город Барикет. Местоположение этого города недостаточно ясно. Одни средневековые авторы, подобно Идриси, помещают Барикет в Шашской области (291, л. 85), а другие относят его к Илаку (10, л. 36). Барикет, вероятно, соответствует Баркенду (Паркенду), упоминаемому в итинерарии Гетума I, который совершил в 1253 г. путешествие из Киликийской Армении в Монголию через Среднюю Азию. Город был расположен где-то к западу от Тараза на караванном пути, шедшем из Таласской долины к горам Каратау (557, с. 179; 516, с. 226).

Согласно «Нузхат ал-муштак», Барикет располагался в четырех днях пути от города Дахлана[2]. Последний являлся укрепленным городом-крепостью[3], где имелся свой глава (раис). Владетель Дахлана, располагавший многочисленным войском, совершал частые набеги на Тараз и Барикет. Повествуя о дороге из Дахлана в Барикет, Идриси сообщает, что «они иногда (заключают) перемирие и не (устраивают) смут» (3, л. 516; 265, с. 222).

В «Китаб Руджар» отмечается, что переход от Дахлана к Барикету недоступен из-за обилия песков, следующих друг за другом гор и плохих дорог (2, л. 109; 265, с. 222). Идриси вместе с тем сообщает, что Дахлан был расположен к юго-востоку от течения Рузы. Карта 1154 г. помещает Дахлан на вершине или у подножия горы, лежащей к северо-востоку от страны Шаш. Северо-восточнее Дахлана отмечена гора Рас, близ которой локализованы земли азгишей (679, I, ч. 2). Атлас 1192 г. помещает Дахлан около хребта, вытянутого почти по направлению параллели с востока на запад. По «Сурат ал-ард», Дахлан расположен к северо-востоку от Шаша. Дахлан локализован на этой карте между хребтами Чаграогуз и Рас, к северу от которого лежит гора Аскаруз (404). Судя по тексту и атласам Идриси, Дахлан был расположен где-то между западными отрогами Тянь-Шаня и горного хребта Кара-

---

[1] В использованных нами рукописях труда Идриси этот город именуется بريكت بركات. С. Л. Волин вслед за А. Жобером читает название этого города как Бубкет, хотя тут же оговаривается, что в ленинградском списке имеется вариант بريكت (265, с. 222).

[2] В списках «Нузхат ал-муштак» и на атласах Идриси название этого города пишется по-разному; мы придерживаемся чтения, предложенного А. Жобером, К. Миллером и С. Л. Волиным.

[3] В русском переводе данного места из труда Идриси Дахлан ошибочно назван горой (265, с. 222).

тау[1]. Более точная локализация Дахлана, как и Барикета, пока не представляется возможной.

По словам Идриси, в пяти днях пути от Дахлана был расположен Гарбиан[2]; в трех милях от последнего лежали серебряные рудники. Купцы из Шаша регулярно ездили в Гарбиан для обмена своих товаров на верблюдов и добывавшееся в окрестностях этого города серебро (2, л. 109; 3, л. 518). Согласно тексту Идриси, Гарбиан был расположен к северо-востоку от Дахлана. На карте 1154 г. Гарбиан отмечен пунсоном около вершины хребта Аскаруз. Недалеко от Гарбиана помещены истоки Рузы и других рек, стекающих с этих гор (404). Все это указывает на расположение Гарбиана в Тянь-Шане.

Исторические источники свидетельствуют, что в IX—XI вв. многочисленные серебряные рудники имелись в Таласском Алатау. Крупным центром добычи серебра были в это время окрестности Шалджи[3]. Шалджи упоминается при описании обширной горной цепи, начинающейся между Кешем (Шахрисябзом) и Самаркандом и достигающей на востоке до страны киргизов; эти горы соединялись с Буттамом, огибали Ушрусану со стороны Ферганы и выходили в сторону Шалджи и Тараза[4]. В их главном хребте и сливающихся с ним горах находились рудники и копи, имевшиеся также в Шалджи (783; 670). Отсюда в X в. вывозили добывавшееся здесь серебро (680). Шалджи входил в Исфиджабский округ и лежал в четырех фарсахах от Тараза (71, л. 252; 654, с. 4—10). Археологические исследования позволили уточнить, что Шалджи находился на месте поселения Садыр-Курган, у села Кировск (81; 82). В IX—XI вв. в области Шалджи, в Таласском Алатау, производилась интенсивная добыча серебра (43; 93).

Другой крупной рудной областью, где добывалось серебро, являлся так называемый Кухи Сим. Расположен он был на караванном пути, шедшем из долины Ангрена к верховьям реки Ишбашсай. Древние рудники серебра обнаружены вдоль ее притоков — Ляшкерека и Лояка. Серебряный рудник Шаша интенсивно функционировал в VIII—IX вв., но в правление саманидов Кухи Сим утратил свое значение. В X—XII вв. основные выработки серебра в этом районе были искусственно законсервированы (97, с. 28—30).

---

[1] В «Нузхат ал-муштак» Дахлан упоминается также при описании страны кимаков как один из их городов. Крепость кимаков Дахлан была населена воинами и располагалась в горной местности около озера с пресной водой. Дахлан лежал в четырех днях пути от г. Бенджара, который в свою очередь был удален от Тараза на расстояние тридцати шести дней пути. Кимакский город Дахлан, судя по тексту и картам Идриси, не соответствует одноименной крепости в стране огузов (583, II, с. 218, 222; 2, л. 64; 3, л. 515).

[2] В «Нузхат ал-муштак» это название пишется по-разному: غربايان عرقان عرحان غربيان

[3] В историко-географической литературе название этого городка обычно пишут как Шелджи (Шельджи). Макдиси именует его Шилджи, а Якут — Шалджи (787, XII, с. 358).

[4] См. о Буттамских горах: 257; 307; 393; 436; 776.

Исходя из приведенных историко-географических данных, можно предположить, что Гарбиан лежал в районе серебряных рудников Западного Тянь-Шаня, возможно, в Таласском Алатау. Само название Гарбиан, по-видимому, имеет связь с одним из названий серебряной руды. «Среди его (серебра) названий,— пишет Бируни,— упоминается и гараб (скрытое), благодаря тому, что оно скрыто в рудниках» (16, с. 227).

Горгуз—озеро Балхаш

Огузские племена, согласно «Нузхат ал-муштак», обитали также у озера Горгуз. Идриси сообщает, что в Горгуз стекает около двадцати источников, берущих начало на северных склонах Аскаруза. В это же озеро впадает около пятидесяти речек с гор Музгара[1]. Горгуз представляет собой «величайшее» пресноводное озеро, имеющее четыреста миль в окружности. К югу от Горгуза возвышаются горы, на склонах которых нет никакой растительности (2, л. 109; 3, л. 518).

Краткое описание этого озера приведено также в трудах Ибн Ийаса и Ибн Халдуна. Последний отмечает, что Горгуз (615) расположен в северо-восточной части пятого иклима, в его седьмом отделе. Он сообщает, что в это озеро впадает с севера бесчисленное множество рек, стекающих с гор Мргар (614; 615; 655). Согласно «Нашг ал-ахзар», в стране огузов имеется большое озеро под названием Горгуз. С южной стороны от него расположена гора, не имеющая растительности. Ибн Ийас отмечает, что на этой горе лежит большая крепость Горгуз, давшая имя упомянутому озеру. Ибн Ийас по сравнению с Идриси добавляет, что из этой крепости был родом огузский шейх Шихаб ад-Дин (169, л. 252).

Озеро Горгуз, по мнению К. И. Миллера, соответствует Иргизу или же Челкару (679, IV, с. 89). Здесь он опирается на ошибочное отождествление Аскаруза с горами Улутау. Текст Идриси не дает оснований для сопоставления Горгуза с озером Челкар-Тенгиз. Автор «Нузхат ал-муштак» отмечает, что Горгуз — огромное пресноводное озеро. Идриси сообщает, что площадь водного зеркала Горгуза больше, чем у Аральского моря. Недаром в «Нузхат ал-муштак» Горгуз назван «величайшим озером, являющимся океаном» (3, л. 518).

В исторические времена Челкар-Тенгиз либо другое крупное озеро Центрального или Западного Казахстана никогда не достигали столь огромных размеров. Против мнения К. И. Миллера говорит также указание текста Идриси о стоке в Горгуз многочисленных водотоков с северных склонов Аскаруза. Правда, в «Нузхат ал-муштак» говорится и о впадении в это озеро пятидесяти источников, берущих начало на горе Музгар (Мургар). Однако речь в данном случае идет не о Южном Урале или же Мугоджа-

[1] В рукописях и на картах Идриси название данного хребта пишется в различных формах: Марга, Мргир, Мргз, Мргай, Музгар. Ибн Халдун именует эти горы Ргар, Мргар.

рах. Текст Идриси не дает никаких оснований для подобного отождествления[1].

Судя по тексту «Нузхат ал-муштак», под Горгузом подразумевается озеро Балхаш. В пользу этого говорит и указание одной из английских карт нового времени. А. Жобер отмечает, что на эту карту нанесено озеро Хоргос, лежащее к востоку от Аральского моря. Географические координаты местности составляют 46°51′ широты и 75° долготы от Гринвича (583, II, с. 41). Название Хоргос сохранилось до сих пор в гидронимике бассейна озера Балхаш. Один из притоков реки Или, именуемый Хоргосом, стекает с хребтов Бижинтау и Борохоро. Хоргосом назывался и средневековый город Алмалык, лежавший в долине реки Или (252, с. 87; 250, с. 41—56).

Одним из важных аргументов в пользу тождества Балхаша с Горгузом является указание Идриси на огромные размеры и пресноводность озера. Балхаш действительно является почти уникальным в условиях аридной зоны большим пресноводным озером. «Наличие в пустыне такого озера,— пишет Л. С. Берг,— представляет географический парадокс» (78, с. 171). В сравнительно недавнем прошлом Балхаш имел значительно больший объем воды, о чем свидетельствуют следы древних озерных террас (462; 463; 319; 374).

В бассейн Балхаша стекают с Тянь-Шаня такие крупные реки, как Или, Каратал, Аксу и Лепса. Они берут начало на Заилийском Алатау, Кунгей Алатау, Кетменском хребте и Джунгарском Алатау. С северо-востока в Балхаш впадает река Аягуз, истоки которой лежат на склонах Западного Тарбагатая. На востоке Тарбагатай переходит в высокий заснеженный хребет Саур, вершиной которого является Музтаг (Ледяная гора).

В свете этих физико-географических данных проясняется свидетельство Идриси о стоке в Горгуз рек, начинающихся в Музгарских горах. Автор «Нузхат ал-муштак», очевидно, подразумевает под Музгаром Тарбагатай и Саур, вершины которых покрыты пятнами вечных снегов и ледников. Таким образом, в тексте Идриси при описании страны огузов фигурируют два различных по географическому положению и орографии, но сходных по своему названию хребта. Один из них расположен на западе (Южный Урал), а второй—далеко на востоке (Тарбагатай с Сауром). Это обстоятельство не может смутить исследователя, поскольку историческая

[1] Лишь на некоторых поздних картах Идриси указан сток в Горгуз рек из горной цепи, где начинаются истоки Иргиза. В атласе 1154 г. отмечено большое озеро, куда вливаются многочисленные реки с хребтов Музгар и Аскаруз (679, I, ч. 2). К сожалению, название этого озера отсутствует на данной карте. Более поздние атласы ленинградского и софийского списков показывают впадение в Горгуз рек с Аскаруза и Музгара (2, л. 108; 3, л. 515). По «Сурат ал-ард», в это озеро стекают источники лишь с хребта Аскаруз (404). Все это крайне затрудняет использование данных карт Идриси о местоположении и гидрографии озера Горгуз. Поэтому основой для исследования рассматриваемого вопроса является текст Идриси.

география знает немало примеров широкого распространения аналогичных названий для тюркской топонимики Средней Азии (287).

Дальнейшее описание Горгуза в «Нузхат ал-муштак» также свидетельствует о правильности его отождествления с Балхашем. Согласно Идриси, на побережье Горгуза было разбросано множество пастбищ и заливных лугов. По южному берегу Балхаша действительно тянется широкая полоса высоких и густых камышовых зарослей. В низовьях Или много тростников, осокозлаковых и разнотравных лугов. Дельта этой реки издавна славилась своими отличными осенними и зимними пастбищами (443; 444). Физической географии Прибалхашья соответствует также описание Идриси, Ибн Ийасом и Ибн Халдуном каменистых гор к югу от озера Горгуз. К юго-западу от Балхаша начинаются возвышенности, переходящие в Чу-Илийские горы. Крайняя бедность флоры этих гор резко отличает их от хребтов Центрального Тянь-Шаня. Склоны Чу-Илийских гор лишены лесов и лишь весной покрываются эфемерной пустынно-степной растительностью (112, с. 57, 83).

Географические сведения, приведенные в труде Идриси и других средневековых авторов, позволяют сделать вывод о тождестве Горгуза с современным озером Балхаш. Каменистые горы, лежавшие к югу от Горгуза, соответствуют Чу-Илийским горам. Очевидно, в районе этих гор располагался Горгуз, представлявший собой большую крепость (2, л. 108).

Расселение огузских племен в X в.

Содержащиеся в «Китаб Руджар» историко-географические сведения позволяют установить максимальные пределы земель огузов в X в. Огузские племена, согласно данным Идриси, обитали в степной полосе нынешней Средней Азии от Южного Прибалхашья до низовий Волги. Кочевья огузов были разбросаны по Иргизу, Уралу, Эмбе, Уилу, по побережью озера Аралсор. Огузы населяли также Приаралье, долину Сыр-Дарьи, предгорья Сырдарьинских Каратау, обитали в долине Чу, в Таласском Алатау, в низовьях реки Или. Здесь располагались огузские становища и относительно небольшие крепости, служившие убежищем в случае опасности и являвшиеся ставками крупных вождей.

Разумеется, огузские племена не везде на этой столь обширной территории составляли основную массу населения. Наиболее компактно они жили в Приаралье, Северном Прикаспии, в нижнем течении Сыр-Дарьи. Отдельные группы огузов обитали в Семиречье, где в X в. среди местного тюркоязычного степного населения преобладали карлуки (680; 712). Огузские племена, населявшие Южное Прибалхашье и побережье реки Чу, были независимыми и имели своих вождей (2, л. 109; 3, л. 518).

В X в. восточные границы огузских кочевий и небольших крепостей простирались до нижнего течения реки Или. Жившим на южном побережье Балхаша огузам, вероятно, принадлежала кре-

пость Горгуз. Местные огузские племена назывались хангакишами и отличались своей воинственностью[1].

Археологическое изучение низовьев Или, долины Каратала и Коксу показало, что здесь в VIII—X вв. имелись города оседлого и полуоседлого типов. Основная масса жителей этих поселений состояла из тюрок. В этом районе обитали также кочевые тюрки, оставившие многочисленные курганные погребения (247; 250).

Очевидно, восточная группа огузов, называемых Идриси хангакишами, описывается в «Первой записке» Абу Дулафа. В пользу данного предположения говорит тот факт, что он помещает огузов за Мавераннахром на пути в Китай; эти огузы жили между кимаками, обитавшими на территории нынешнего Казахстана, и токуз-гузами, населявшими Восточный Туркестан[2]. Привлекает внимание и сообщение Абу Дулафа о том, что эти огузы вели торговлю с Китаем и Индией (723, с. 21). В «Первой записке» отмечается также существование у них города, в котором имелся храм, но без идолов. Город являлся ставкой местного огузского «царя», который взимал налоги (харадж) со своих подданных. Абу Дулаф отмечает, что в этом городе-ставке имелись постройки из камня, дерева и камыша[3]. Рассматриваемые детали известия Абу Дулафа иллюстрируются сравнительным археологическим материалом с территории Казахстана и Киргизии. В этом отношении весьма интересны кимако-кыпчакские городища, обнаруженные в Центральном Казахстане. Некогда массивные, стены этих укреплений сложены из кирпича-сырца, дерна и камышовых связок. Для прочности стен внутри кладки вертикально положены сплетенные ряды высокого камыша, служившего, вероятно, не только связью, но и оборонительной стеной (251, с. 38). Такие укрепления имели ров шириной до двух и более метров, наполненный водой. Внутри поселений располагались открытые площадки, где помещались юрты и палатки. Более развитый тип подобного рода укреплений представлен в общем комплексе городищ правобережного Таласа. Приблизительно в 45 км к северо-востоку от Джамбула лежит большое укрепление Тюймакент, с мощными глинобитными стенами. Внутренняя часть городища представляет собой открытую площадку, служившую местом для установления разборных жилищ. Описываемый тип поселений в ряде средневековых источников называется «кури». В этих городах-ставках имелись ограды, сделанные из камышовых связок (245; 246; 251). Приведенный археологический материал подкрепляет рассматриваемое свидетельство Абу Дулафа.

В X в. одна из групп огузских племен кочевала в долине реки Чу и в Таласском Алатау. Идриси называет огузов Чуйской доли-

[1] На картах Идриси они именуются также ханга-гузами, а их страна называется Хангакет (2, л. 108; 3, л. 515; 679, I, с. 98).

[2] См. подробнее о стране кимаков и токуз-гузов: 680; 684; 723; 736.

[3] Это сообщение, заимствованное из «Первой записки», приведено также в сочинениях Закарии Казвини (795, II, с. 395) и Якута (787, XIII, с. 442).

ны хандагами (583, II, с. 414). Эти огузские племена отличались своей храбростью и независимостью. Главной резиденцией их предводителей была крепость Хийам, лежавшая на правом берегу реки Чу. В «Нузхат ал-муштак» говорится, что огузы-хандаги совершали постоянные набеги на Смрйаки (سمريقى)[1]. Обращает на себя внимание, что эти племена населяли «внутренние» области земель огузов (3, л. 517).

В X в. группы огузов населяли также среднее течение Сыр-Дарьи и предгорья Сырдарьинских Каратау. Укрепленной ставкой одного из их «раисов», вероятно, служил город Дахлан. В «Нузхат ал-муштак» говорится, что он имел большое войско и совершал грабительские набеги на город Тараз. Войны сменялись мирными переговорами и торговлей с сопредельными областями. Мусульманские купцы из Шаша прибывали сюда для покупки скота, главным образом, верблюдов. Очевидно, через это огузское владение торговцы Мавераннахра вывозили серебро из рудников Гарбиана (2, л. 109; 3, л. 518).

Следует отметить, что расселение огузов на среднем течении Сыр-Дарьи подтверждается и другими арабоязычными источниками X в. В сочинении Ибн Хаукала говорится, что огузы жили по краям пустыни, где река Шаш пересекала границу Сабрана (783, с. 392, 393). Интересные сведения о расселении огузов в этих сырдарьинских областях содержатся в персидской версии труда Истахри. «Когда (река Чач),— говорится в этом источнике,— проходит пределы Сабрана, то на этой реке (в местности) Даруйе находятся жилища гузов» (406, л. 145; 407, л. 113; 670, с. 265).

Сабран, как известно, располагался на правом берегу Сыр-Дарьи, около разъезда, у станции Сауран, в 48 км к западу от города Туркестана (201; 234). Макдиси характеризует Сабран как большую крепость, окруженную семью валами. Город являлся пограничным укреплением против соседних племен огузов и кимаков (265, с. 185; 555, с. 274). Это еще раз свидетельствует о расселении огузов на среднем течении реки Сыр-Дарьи.

Данные арабоязычных географов X в. позволяют установить, что огузские кочевья заходили и на левый берег Сыр-Дарьи. В пользу этого мнения говорит текст Истахри, который пишет, что город Сюткент являлся пограничным рубежом Мавераннахра с кочевьями тюрок-огузов (265, с. 184).

Сравнительно долгое время в исторической литературе считалось, что остатки Сюткента расположены на левом берегу Сыр-Дарьи, близ озера Каракуль (61; 201; 371). Однако сплошное археологическое изучение Южного Казахстана выявило наличие двух городищ Сюткента. Первое из них лежит в урочище Каракуль, приблизительно в 2 км от нынешнего русла Сыр-Дарьи. Второе городище, удаленное от первого на расстояние около

[1] Название этого поселения или местности, вероятно, искажено в рукописях сочинения Идриси. Точное расположение Смрйаки для нас остается неизвестным.

2 км, находится на территории земель совхоза Сюткент. Городище Сюткент I, по археологическим данным, прекратило свое существование в XV—XVI вв. (28, с. 119, 120).

В X—XII вв. Сюткент входил в состав Фарабского округа и был связан с пастбищным скотоводством, имевшим большое развитие в Келесской степи (250, с. 70, 73). Фарабский округ[1], располагался по обеим сторонам реки Сыр-Дарьи, при впадении в нее Арыси (28; 61). Сам город Фараб соответствует нынешним развалинам Отрара, находящимся близ станции Тимур, на правом берегу Сыр-Дарьи (201; 237).

Группа огузских племен обитала в сырдарьинских областях между Фарабом и Кенджде хом (583, II, с. 208). Область Кенджде х (или Кенджиде) находилась на среднем течении Арыси. Главным городом области был Субаникет, развалины которого соответствуют городищу Жуван-Тепе (27; 28; 250). Археологическое обследование Кенджиде показало, что в X в. здесь обитали кочевые и полуоседлые племена тюрок (27, с. 57). В поселениях среднего течения Сыр-Дарьи, кроме того, найдена керамика, относящаяся к карлуко-огузскому типу (83, с. 87; 28, с. 69). Совокупность всех этих сведений позволяет считать, что в числе тюркоязычного населения данного района имелись и огузские племена.

Рассмотренные выше историко-географические материалы дают возможность локализовать кочевья этих огузов приблизительно от южных предгорий Каратау, Богена, Чаяна и Арыси до пределов Чимкента. В южном направлении кочевья и стоянки огузов, вероятно, были разбросаны от Шаульдера[2] до восточной оконечности песков Алкаколь-Кум. Огузские племена обитали также в присырдарьинских районах Голодной степи, на северо-западных границах Усрушаны (306, с. 34).

В X в. часть огузов жила также в пределах Шашской и Исфиджабской областей. Согласно Ибн Хаукалу, группа огузов населяла город Бискент[3], который был расположен в Шаше (787, I, с. 466, 527). Бискент, как установлено в результате археологических исследований, соответствует нынешнему Пскенту, лежащему в долине реки Ангрен (258, с. 32—65). «Здесь,— пишет Ибн Хаукал,— собираются племена тюрок-гузов и карлуков, которые уже обратились в ислам» (783, с. 391; 265, с. 184). Важное дополнение к этому известию содержится в персидской версии труда Истахри.

---

[1] Округ получил свое название по имени города Фараба, который был его административным центром. В последней четверти X в., после упадка г. Фараба, центром этой области становится Кедер, отождествляемый с городищем Куйрук-Тепе, в 6 км к северу от развалин Отрара (70, с. 105—110).

[2] Былое расселение огузов в Шаульдерском районе подтверждается топонимикой нынешней Южно-Казахстанской области и эпическими сказаниями огузов (322; 349).

[3] В русском переводе этого отрывка вместо Бискент, стоящего в тексте Ибн Хаукала, принято ошибочное чтение Сабран (265, с. 184).

«Город Бискент[1], — говорится в этом источнике, — населен множеством жителей из различных видов людей: (из) гузов, карлуков и других, которые, став мусульманами, являются все борцами за веру» (406, с. 144; 670, с. 264). В персидской версии сочинения Истахри при описании пути от Тункета — столицы Шаша — к Исфиджабу и Таразу упоминается в Келесе рабат Анфаран и Селение огузов (دیه غز). Дорога из этой деревни поворачивала к Исфиджабу и Бадухкету, от которого в двух днях пути находился город Тараз. На дороге от Бадухкета до Тараза не было никаких селений и городов (670, с. 269).

Анализируемые сведения позволяют заключить, что в X в. часть огузов жила в Келесской степи, в долине Ангрена и Чирчика, в предгорьях Чаткальского и Угамского хребтов. Огузские племена обитали здесь вперемешку с карлуками и другими тюркоязычными группами (ср. 680, с. 72, 116; 661, I, с. 288). Эти племена, подвергшиеся исламизации, частично осели в городах и сельских поселениях Шашской и Исфиджабской областей.

Огузские племена обитали не только на среднем, но и на нижнем течении реки Сыр-Дарьи. Здесь располагались принадлежавшие им города Дженд, Янгикент и Хора (450; 611; 680). Средневековый Дженд соответствует развалинам Джан-калы в нижнем течении Сыр-Дарьи (421; ср. 189). Руины Янгикента под названием Джанкент лежат на левом берегу Сыр-Дарьи, к югу от Казалинска (30; 201; 234). В середине XVIII в. на городище Джанкент еще сохранялись остатки каменных башен с оградами (233). Среди местных жителей бытовала легенда о гибели Джанкента от нашествия змей (30; 308). Точное местоположение Хора пока неясно, но известно, что город находился близ устья реки Сыр-Дарьи (511, с. 51).

Огузы граничили в X в. с Хорезмом, Мавераннахром и Хорасаном. «Все границы Мавераннахра,— пишет Истахри,— место военных действий: от Хорезма[2] до окрестностей Исфиджаба — с тюрками-гузами, от Исфиджаба до отдаленнейших мест Ферганы — с тюрками-карлуками» (265, с. 178). Истахри сообщает также, что земли огузов достигали на востоке пределов Тараза. Отсюда границы огузов шли по дуге через Фараб, Бискент, Самаркандский Согд, окрестности Бухары и Хорезм до Аральского моря (265, с. 177).

Пограничная с огузами полоса укреплений Хорасана начиналась у рабата Ферава[3], где был размещен военный гарнизон (265, с. 273; 611, с. 84). Граница огузов с Джурджаном проходила у ра-

[1] В использованных нами рукописях (406; 407) этот город назван Шаш (Чач). И. Афшар в тегеранском издании принял конъектуру Сабран, но мы, следуя аналогичному тексту Ибн Хаукала, принимаем чтение Бискент (ср. 703, с. 269; 748, I, с. 28).

[2] Истахри в отличие от других географов X в. включает Хорезм в состав Мавераннахра.

[3] Ферава находилась на месте села Парау, в 10—15 км от нынешнего Кизыл-Арвата (256).

бата Дехистан, являвшегося сильным форпостом на самом краю пустыни[1]. Однако во второй половине X в. эта крепость, как образно выразился Ибн Хаукал, «испила глоток разрушения, но не (очень) сильный» (265, с. 181; 783, с. 273).

Пограничными крепостями Хорезма с огузами были Джурджания[2] и большое укрепленное селение Баратегин (265, с. 179, 180). Границы Хорезма соприкасались с землями огузов и у города Джита, лежавшего в пустыне к северо-западу от Гургенджа. Крепость была обнесена стеной. Отсюда начинался караванный путь в огузские степи (265, с. 298). В X в. эти степи, тянувшиеся на запад до страны хазар, назывались Хорезмской или Огузской пустыней (406; 407; 670). «В восточном направлении,—говорится в «Худуд ал-алам»,—(эта пустыня), проходит по границе Мерва вплоть до Джейхуна. В южном направлении она проходит по пределам Баверда, Нисы, Ферявы, Дехистана и Хазарского моря вплоть до границы Атила. С запада (от этой) пустыни река Атил. С севера от нее река Джейхун, Хорезмское море, область гузов до границ Булгара. Эту пустыню называют пустыней Хорезмской и Гузской[3]. Внутри этой пустыни есть пески. Они начинаются от области Балха, идут к югу от Джейхуна и тянутся до Хорезмского моря. Есть места, где в ширину эти пески в один переход, а есть места — в 7 переходов» (450, л. 12; 670, с. 55).

Приведенные сведения позволяют думать, что Огузской пустыней назывались степи Северного Прикаспия, Центральные, Заунгузские, Юго-Восточные Каракумы и Приаральские Кизылкумы.

В X в. большинство огузских племен кочевало в степях вокруг Аральского и Каспийского морей (611, с. 14; 670, с. 235, 238). Масуди отмечает, что в пустынях у Хазарского моря находятся многие из кочевьев гузов (265, с. 166; 630, с. 60). Огузские кочевья и укрепленные ставки были разбросаны и к западу от Арала. Географические атласы X в. помещают огузов на северном и восточном побережьях Каспийского моря (654). Пределы огузских земель начинаются от Джурджана и Астрабада и тянутся на запад до страны хазар (679, IV; 406, л. 95). Севернее Каспийского моря на этих же атласах указаны горы под названием Сияхкух[4]. В «Худуд

[1] Джурджан — область, позднее город, развалины которого лежат недалеко от Гумбати Кабуса, на реке Гурган. Округ Дехистан с одноименным рабатом большинство средневековых восточных географов относят к Джурджану (61, с. 32, 33; 159, с. 236).

[2] Джурджания, или Гургендж — город, находившийся близ современного Куня-Ургенча. В персидском переводе сочинения Истахри говорится: «Гургендж меньше Хорезма и является портом и складочным пунктом гузов. И оттуда идут караваны к Хорасану и Гургану и на запад, и в сторону хазар, и в другие местности» (406, л. 182; 407, л. 101; 670, с. 235).

[3] В более поздних средневековых источниках отмечается, что Гузская пустыня имеет в ширину более ста фарсахов (294, л. 15). Гузская степь тянется далеко от пределов Хорасана в направлении с севера на запад (447).

[4] Якут и Абу-л-Фида указывают, что Сияхкух означает «Черная гора» (265, с. 424; 582, II, с. 326). Средневековые источники наряду с Сияхкухскими горами указывают на одноименный остров в Каспийском море (582; 617; 654; 787; 796).

ал-алам» говорится о расселении на Сияхкухе «группы тюрок из огузов» (450, л. 5; 680, с. 60). Огузские «убежища», находившиеся в горах Сияхкуха, отмечены и на карте Идриси[1].

В исторической литературе ведутся споры о том, что понимать под названием Сияхкух (159; 160). Ряд исследователей отождествляет Сияхкух с полуостровом Мангышлак (502; 680). Это мнение, на наш взгляд, можно принять с некоторой поправкой. Географический атлас Истахри изображает Сияхкух в виде небольшого горного хребта на северном побережье Каспийского моря (658). Ибн Русте отмечает, что Сияхкухские горы лежат на западном побережье Хорезмского озера (628, с. 92). Некоторые более поздние авторы локализуют Сияхкух на северном побережье Каспийского моря[2], но вместе с тем отмечают, что эти горы уклоняются с севера на запад (582, с. 44, 94). Судя по карте Истахри и свидетельству Ибн Русте, в X в. Сияхкухом назывались не только каменистые полупустыни Мангышлака, но и обрывистые чинки Устюрта. Очевидно, старое название «Черная гора» сохранилось в имени Мангышлакских Каратау.

Западные границы огузских становищ и крепостей достигали в X в. Южного Урала и Нижнего Поволжья. Огузы кочевали по Иргизу, в предгорьях Мугоджар, по Эмбе, Уралу, на берегах Аралсора, Уила. В районе Мугоджарского хребта располагались огузские крепости Нуджах и Бадагах. Между северо-восточными склонами Мугоджар и отрогами Южного Урала лежали небольшие крепости Даранда (Дендера) и Дарку. Городок Дарку, вероятно, был летней ставкой огузского «царя», но в нем постоянно обитало торговое и ремесленное население.

Расселение огузов на Эмбе и Урале подтверждается также известием Масуди. Он свидетельствует, что в Каспийское море впадают две реки под названием Черный и Белый Иртыш. «Между их устьями,—сообщает Масуди,—около десяти дней пути; на них расположены зимовки и летние кочевья кимаков и гузов» (265, с. 166). Белый и Черный Иртыш, о которых пишет Масуди, соответствуют Уралу и Эмбе (662, с. 101, 102; 680, с. 215).

Сведения о кочевании огузов на Урале приведены и в «Худуд ал-алам». Согласно данному источнику, в Атил несла свои воды река под названием Артуш (450, л. 10; 611, с. 46). Эта река, как показал В. Ф. Минорский, в действительности, соответствует нынешнему Уралу. Соединение Урала с Волгой объясняется неверным представлением о слиянии течения этих двух самостоятельных рек (680, с. 215—308).

Огузские племена в X в. кочевали и по некоторым притокам

[1] Изображение этого горного хребта на атласах Идриси свидетельствует, однако, о плохом знании его составителем прикаспийской орографии.

[2] Анализ всех этих географических сведений о горном хребте Сияхкух, отличающихся большим разнобоем и противоречиями, на входит в нашу задачу. Отметим лишь, что в средневековье было распространено ошибочное представление, согласно которому Сияхкухские горы простираются от Абескуна и Гиляна до Кавказского Дербента и Урала (337).

Урала. В пользу этого мнения говорит текст «Худуд ал-алам», где описывается река под названием Рас (450, л. 10; 611, с. 46). Под этим именем выступает Илек — правый приток реки Урал (680).

Кочевья огузов в X в. простирались от Урала до нижнего течения Волги. В «Худуд ал-алам» говорится, что к северу от Хазарского моря огузы достигали Атила: «Восточная (часть) области (гузов соприкасается) с Гузской пустыней и городами Мавераннахра, а южная также (соприкасается) с некоторыми (местами) этой (Гузской) пустыни. С другой (стороны этой области) — Хазарское море, а с юга и севера — река Атил» (450, л. 18; 611, с. 86). Расселение огузов в низовьях Волги отмечается и в географических трудах Истахри и Ибн Хаукала.

Средневековые мусульманские авторы не имели, однако, достаточно ясного представления о верховьях реки Атил (158, с. 113—117; 336, с. 26—27). Волга, по их мнению, брала свое начало в землях киргизов, протекала между страной кимаков, огузов и булгар. Река поворачивала затем на восток и, пройдя Русь, Булгарию и Буртасию, впадала в Каспийское море[1]. Столь грубая ошибка была порождена тем, что арабо-персидские географы X в. полагали, будто в Атил впадает река, идущая далеко с востока, из страны кимаков и киргизов (135, с. 54—56). Несмотря на это, данные этих источников позволяют видеть, что огузы кочевали в Нижнем Поволжье.

Огузские племена, кочевавшие в X в. по Уралу и левому берегу Волги, граничили с башкирами и буртасами. Земли огузов соприкасались с башкирскими в предгорьях Южного Урала. Такой вывод можно сделать не только на основе анализа сочинения Идриси, но и более ранних средневековых географов. Ибн Русте, например, пишет, что башкиры подразделялись на две территориальные группы. Одна из них жила по соседству с печенегами, граничившими с Румом[2], а другая обитала близ Волжской Булгарии. Эта восточная часть башкир находилась в политической зависимости от царя Булгарии (449, с. 105; ср. 370, с. 31). Аналогичные сведения приведены в «Ашкал ал-алам», где говорится, что башкиры живут «в конце (страны) гузов, позади страны Булгар» (562, с. 56).

В X в. на западных рубежах огузских земель обитали племена так называемых «внутренних башкир»[3]. Ибн Фадлан отмечает башкир за рекой Багнади, вероятно, соответствующей нынешней Явынды (770, с. 147—156). Он сообщает о нападении башкир на караваны, шедшие через огузские земли в Волжскую Булгарию (98; 204; 208). Ибн Фадлан, как известно, проехал по кочевьям

[1] Ибн ал-Варди полагал, что Волга течет из страны токуз-гузов, а Хамдуллах Казвини утверждает, будто истоки Атила находятся в землях киргизов, обитающих на Селенге (166, л. 61; 763, с. 204).

[2] Очевидно, под этими башкирами подразумеваются мадьяры, населявшие территорию современной Венгрии (772, с. 329).

[3] В средневековых персидских источниках они называются «басджирд-и даруни» или «басхрт-и андаруни» (670, с. 168; 562, с. 57).

огузов, занимавших степи теперешнего Западного Казахстана (98, с. 246; 208, с. 24). Совокупность всех этих фактов свидетельствует о том, что в X в. огузские кочевья соприкасались с землями башкир Южного Урала. Это подтверждается также материалами курганных захоронений IX—X вв. из Южной Башкирии и бассейна реки Урал (240; 376).

В X в. западно-огузские племена граничили не только с башкирами, но и с хазарами и буртасами. Согласно «Худуд ал-алам», огузы жили к югу от страны буртасов. К западу от страны буртасов протекала река Атил, а к северу обитали печенеги. В этом же источнике отмечается, что «Гузская пустыня» достигает пределов Волжской Булгарии (450, с. 12—37; 611, с. 55, 194). Свидетельство «Худуд ал-алам» подтверждается текстом Истахри, который пишет, что одна из групп буртасов живет в «конце (страны) гузов» (658, с. 96—97). В рассматриваемую пору основная масса буртасов обитала в Волго-Окском междуречье (118; 366; 469). Однако некоторые группы буртасов жили и юго-восточнее среднего течения Волги (505). В свете этих историко-географических данных становится очевидным, что огузы граничили с буртасами, обитавшими в Поволжье.

Туркменское население страны огузов в X в.

Исторические сведения, которыми мы располагаем, о туркменском населении в стране огузов весьма скудны. Туркменами, как говорилось ранее, именовалась часть огузов и других тюрок, смешавшихся с потомками древнего индоевропейского населения Средней Азии[1]. Само название «туркмен» появляется главным образом в ареале расселения огузов, принявших ислам (13; 511; 25).

Первые сведения о туркменах X в. содержатся в труде Макдиси, который в своем «Ахсан ат-такасим» при описании Исфиджабского округа сообщает о двух городах — Баладже и Барукете[2]. Обращает на себя внимание, что первая из этих крепостей упоминается в перечне населенных пунктов, расположенных к северо-востоку от Исфиджаба. «Баладж,— пишет Макдиси,— небольшой город, стены которого уже разрушены; соборная мечеть (города) — среди базара» (265, с. 185; 555, с. 274).

Местоположение Баладжа и Барукета трудно установить по тексту Макдиси, но существует предположение, что они были расположены в Семиречье (66). В «Ахсан ат-такасим» Баладж и Барукет названы после Саурана, Турар-Зераха и Шагильджана (43; 80; 210). Макдиси сообщает, что Барукет в отличие от Баладжа являлся большим городом[3]. Баладж и Барукет служили погра-

---

[1] В китайских источниках VIII—начала IX в. упоминается страна Тё-кумбнг, вероятно располагавшаяся в Семиречье; само название этой страны, вероятно, связано с именем «туркмен» (21).

[2] В рукописных списках труда Макдиси имеются следующие варианты: Иладжи, Барукет, Барфкет, Барукат (555).

[3] Барукет, описываемый Макдиси, возможно, соответствует Барикету, упоминаемому в труде Идриси.

ничными крепостями против туркмен, которые приняли ислам (265, с. 185).

Наряду с этими городами, Макдиси упоминает Орду, который лежал к востоку от Мерке (555, с. 275). Последний соответствует нынешнему районному центру Мерке Джамбульской области Казахской ССР (432, с. 76). Крепость Орду, по словам Макдиси, имела оборонительные стены и наполненный водой ров. В центре этого городка, являвшегося резиденцией «царя» туркмен, возвышалась цитадель с дворцом правителя.

Орду, по мнению А. Н. Бернштама, соответствует развалинам у села Красная речка в 30 км к востоку от г. Фрунзе. Городище представляет собой довольно сложный комплекс различных построек. Расположено оно на левом берегу реки Чу. В юго-восточной приподнятой части городища помещена цитадель. Развалины обнесены двойным рядом стен, а в западном углу — дополнительным прямоугольным валом (80; 432).

В последние годы советскими историками проделана большая работа по уточнению археологической карты Северной Киргизии и Южного Казахстана (28; 43; 210). Пересмотрены многие выдвинутые ранее отождествления современных руин с упоминаемыми в средневековых источниках поселениями Чу и Таласа (228; 229; 356; ср. 541). В свете этих исследований трудно положиться на идентификацию Орду с городищем Красная речка.

Нам представляется более верной и обоснованной локализация Орду в долине правобережья реки Чу, против Кастекского перевала (250, с. 22). Здесь находятся развалины старого городища, лежащего у селения Кара-Конуз Курдайского района Джамбульской области. Это городище принадлежит к особому типу поселений тюркоязычных племен Средней Азии и Казахстана. Отличительной чертой таких поселений кочевников и полукочевников были небольшие размеры, наличие глинобитных стен с башнями и рвом. Подобные укрепленные замки служили летними ставками ханов или их наместников (250, с. 22).

Городище у села Кара-Конуз более соответствует известию Макдиси о крепости Орду, лежавшей к востоку от Мерке. Следует также обратить внимание на тот факт, что это поселение расположено не на левом, как Красная речка, а на правом берегу реки Чу. Это вполне согласуется с рассказом Идриси о городе Хийаме, который находился на правобережье Рузы. Отсюда можно предположить, что крепость Орду соответствует Хийаму, описываемому в труде Идриси.

В «Китаб Руджар» говорится, что Хийам представлял собой небольшой, но сильно укрепленный город. Это перекликается с известием Макдиси о крепости Орду, которая являлась «маленьким городом», обнесенным стенами и рвом. В описании обоих населенных пунктов совпадает и другая весьма существенная деталь. Идриси называет Хийам «главным городом», а Макдиси характеризует Орду как «царскую» резиденцию. Разница состоит лишь в

том, что в первом случае говорится об огузах, а во втором — о туркменах.

Однако подобное расхождение, по-видимому, можно объяснить разновременным происхождением рассматриваемых исторических сведений. Возможно, за это время в данном районе произошли существенные перемены. Местное тюркоязычное население, в основном состоявшее из огузов, было обращено в ислам. Хийам — былой центр независимых хандагов,— вероятно, попал в сферу политического влияния саманидов Мавераннахра. В «Ахсан ат-такасим» отмечается, что правитель Орду находился уже в зависимости от наместника Исфиджаба. Туркменский «царь» посылал регулярно из Орду «подарки» этому саманидскому вассалу (555, с. 275). Эти факты дают основание полагать, что саманидам удалось подчинить своему влиянию часть огузов Западного Джетысу. Смешавшиеся с ираноязычным населением и подвергшиеся исламизации огузы, очевидно, стали именоваться «туркменами».

Макдиси говорит о принятии мусульманской религии туркменами, жившими в окрестностях Баладжа и Барукета. Между тем именно такие исламизированные и смешавшиеся с «мусульманским» населением огузы, как сообщает Бируни, назывались туркменами. «В прежнее время,— пишет он,— любой из тюрок-гузов, кто принимал ислам и смешивался с мусульманами, становился переводчиком между теми и другими, так что, когда какой-нибудь гуз принимал ислам, гузы говорили: он стал туркменом, а мусульмане говорили, что в их число вошел туркмен, то есть похожий на тюрка» (16, с. 193; 13, с. 20). Это название, возможно, распространялось и на отдельные метисированные группы принявших ислам тюрок Западного Семиречья, Исфиджаба и Шаша (711; 712; 626). В указанных областях отмечаются «мирные» тюрки-мусульмане, ведшие кочевой и полуоседлый образ жизни. Одна из таких групп обитала между Фарабом, Кенджиде и Шашем, где имелись хорошие пастбища и выпасы для скота[1]. Здесь кочевало около тысячи семей исламизированных тюрок[2], живших в шатрах и не имевших никаких построек (783, с. 391). Наличие «мирных» тюрок отмечается и в пределах Сюткента (611, с. 117). Среди этих тюрок, судя по данным Идриси, преобладали огузы (583, II, с. 208).

Исламизированные огузы, а также карлуки, жившие в пределах Шашской и Исфиджабской областей, являлись газиями—борцами за веру (670, с. 264). Вероятно, они постепенно смешались с аборигенным населением и частично перешли на оседлый образ жизни. Характерно, что в персидской версии Истахри указывается на расположение в Келесской степи Гузского селения. Следует

[1] Эти сведения приведены в труде Ибн Хаукала и других средневековых авторов (450, л. 24; 611, с. 117).

[2] Персидская редакция труда Истахри добавляет, что эти тюрки никому не подчинялись (406, л. 144; 670, с. 264).

также учесть палеоантропологические материалы, добытые в погребениях тюрок нынешней Чимкентской области. А. Н. Бернштамом на среднем течении Сыр-Дарьи раскопаны огузские могильники Сасык-Булака. В этих погребениях найдены черепа, являющиеся европеоидными, долихокранными с примесью монголоидных черт (113, с. 135, 136). Все это дает основание полагать, что в X в. туркменами назывались метисированные и обращенные в ислам этнические группы, в основном огузского происхождения, жившие в Западном Семиречье и районах, прилегающих к бассейну среднего течения реки Сыр-Дарьи.

Расселение огузов и туркмен по данным Бируни

Приведенные историко-географические сведения характеризуют расселение огузов и туркмен в X столетии. Территория их обитания в XI в. выясняется путем анализа трудов Абу Рейхана Бируни. Следует оговориться, что данные Бируни характеризуют главным образом расселение огузов в западных, а туркмен — восточных областях Средней Азии. Несмотря на это, его сведения имеют важное значение для воссоздания историко-географической карты страны огузов и туркмен в канун сельджукского движения.

Рассматриваемые ниже известия заключены в ряде произведений Бируни, созданных между началом и первой третью XI в. В своем «Тахдиде», написанном в 1018—1028 гг., он сообщает о расселении огузов на границах с Джурджаном и Дехистаном (511, с. 66). В том же сочинении приведен рассказ о впадении в древности Аму-Дарьи в Каспийское море. Бируни утверждает, что Аму-Дарья протекала через пустыню Каракумы, мимо города Балхана. Однако впоследствии русло Джейхуна изменило свое направление и «вода его уклонилась к краям страны гузов» (644, с. 196 и след.). Аму-Дарья встретила на своем пути гору, известную под названием Фам ал-Асад[1]. Джейхун пробил русло в этой каменной преграде и свернул к Фарабу, на расстояние около дня пути. Однако это русло, именуемое Фахми[2], с течением времени запрудилось. Аму-Дарья повернула налево и стала течь через пустыню, между Хорезмом и Джурджаном. Воды Джейхуна прошли по ложу реки Маздубаст, близ которой обитали аланы и асы[3]. Река затопила нынешнюю Сарыкамышскую котловину и потекла к равнинам Хорезма. Джейхун на пути к Аралу свернул «по направлению к северу, к земле, в которой сейчас живут туркмены» (511, с. 56, 57).

С. Л. Волин считает, что, судя по этому отрывку, границы страны огузов начинались у северо-западного побережья Каспия или среднего течения Аму-Дарьи. Земли туркмен, по его мнению, располагались около устья реки Сыр-Дарьи (105, с. 193, 194). Однако подобная интерпретация текста Бируни является неправильной. С. Л. Волин отождествляет древнее русло Аму-Дарьи с тепе-

[1] Соответствует нынешней теснине Дуль-дуль-Атлаган (127, с. 25; 429, с. 21).

[2] Фахми — теперешнее сухое русло Акча-Дарьи (429, с. 25).

[3] Маздубаст — современная Присарыкамышская и Приаральская дельта (424, с. 37; 310).

решним Унгузом. Между тем Бируни указывает на течение Джейхуна в районе между Земом и Амуйе.

Следует также учесть, что Бируни принял за старое русло Аму-Дарьи верховья Жана-Дарьи (429, с. 21—22). В соответствии с этими представлениями он подразумевает под «землей, в которой сейчас живут туркмены», кочевья сельджуков в Мавераннахре. Исследуемое сочинение Бируни написано в пору, когда племена сельджукского объединения утвердились уже в Самаркандской и Бухарской областях.

Земли огузов и туркмен упоминаются и в другом труде Бируни. В его «Гафхиме», составленном между 1029 и 1034 г., при описании Каспийского моря на восточном берегу помещается порт Гурган и город Абескун[1]. Бируни сообщает, что линия морского побережья идет отсюда к Табаристану, Дейлему, Баб ал-Абвабу, Ширвану и области Алан. Затем она тянется до места впадения Атила в Каспийское море и страны огузов, а оттуда поворачивает обратно к Абескуну (483, с. 124, 125). В том же сочинении Бируни помещает страну огузов и печенегов в седьмом климате. В этом иклиме он упоминает крепости и горы, в которых находятся тюрки. Бируни сообщает затем о Башкирских горах, пределах земель огузов и печенегов, Суваре, Булгаре, Руси и Салвонии (483, с. 145). Персидская версия труда Бируни добавляет, что эти тюркские народы населяли горы и непроходимые леса, достигая хребта под названием Ашгарджат[2]. В трактате Бируни речь идет, вероятно, о племенах огузов, живших в предгорьях Урала (384, с. 20).

Абу Рейхан Бируни в том же произведении, наряду с огузскими землями, упоминает страну туркмен. «Шестой иклим,— пишет он,— начинается с обиталищ восточных тюрок: каи, кунов, хирхизов, кимаков, токуз-гузов, страны туркмен, фараба, страны хазар и северной части их моря» (483, с. 145, 146). В этом перечне народов и областей страна туркмен, как мы видим, помещена между Фарабом и землями токуз-гузов, живших в Восточном Туркестане. Отсюда явствует, что в первой трети XI в. туркмены обитали в Семиречье и на среднем течении Сыр-Дарьи.

Большой интерес в исследуемом аспекте представляют и другие сочинения Бируни. В своем «ал-Канун ал-Масуди», законченном после 1030 г., он упоминает о северном побережье Хазарского моря. Бируни отмечает вблизи устья реки Атил страну огузов (511, с. 5). Область Джурджан с гаванью Абескун он помещает на восточном берегу Каспийского моря (511, с. 5, 40). В стране огузов Бируни локализует развалины легендарного города Балхана на старом русле Джейхуна. Течение этой реки, по его словам, отклонилось в древности по направлению к Арканийскому

[1] Абескун был расположен при устье реки Горган, на месте селения Гюмиш-Тепе (159, с. 237).

[2] Очевидно, это искажение названия Башкирских гор.

морю[1]. Абу Рейхан приводит географические координаты Мангышлака[2], где был расположен морской порт огузов (غرضة الغزية). Обращает на себя внимание, что Мангышлак относится им к числу хазарских областей. В качестве пограничного пункта с огузами Бируни указывает рабат Фераву (511, с. 48).

Огузы отмечаются им и на пограничных с оседлой полосой рубежах Хорезмского оазиса (16, с. 241). В стране огузов Бируни помещает Новое селение, Дженд и Хора. Абу Рейхан указывает, что эти города лежали близ устья Сыр-Дарьи, впадающей в Хорезмское озеро (511, с. 51).

Бируни в своем «Кануне» упоминает и земли туркмен. Он называет Сабран и Сюткент туркменскими городами (511, с. 51). Сюткент именуется «туркменским» городом и в сочинении Абу-л-Хасана Джурджани (10, л. 37).

Содержащиеся в трудах Бируни историко-географические данные позволяют определить ареал расселения огузов и туркмен в канун сельджукского движения. Огузские племена, согласно Бируни, обитали в Приуралье, Нижнем Поволжье, на северных и восточных берегах Каспийского моря и в низовьях реки Сыр-Дарьи. Кочевья огузов достигали к востоку от Каспия пределов нынешнего Кизыл-Арвата. Огузы населяли степи, пограничные с Джурджаном и Дехистаном, и имели свою «гавань» на Мангышлаке.

Труды Абу Рейхана Бируни дают также возможность установить места обитания туркмен главным образом в восточных областях Средней Азии. Приблизительно между 1018 и 1030 г. туркменское население имелось в Западном Джетысу, на среднем течении Сыр-Дарьи и в Мавераннахре. Туркменами, обитавшими в Среднеазиатском Междуречье, очевидно, называются племена сельджукского объединения.

Сравнительный анализ и синтез исследуемых историко-географических данных позволяет воссоздать картину расселения огузов и туркмен в Средней Азии в X—XI вв. Рассматриваемые сведения имеют важное значение для выяснения максимальных пределов кочевания и функциональных особенностей принадлежавших им крепостей и городов. Данные средневековых авторов, относящиеся к X—первой трети XI в., позволяют также судить о политических и экономических взаимоотношениях огузов и туркмен с соседними племенами и народами Средней Азии и Восточной Европы.

---

[1] В. Ф. Минорский доказал, что под этим названием подразумевается Аральское море (680, с. 180).

[2] Бируни утверждает, что это горный хребет, и называет его Банхышлаком. Однако в действительности речь идет о полуострове Мангышлаке, который в труде Макдиси именуется Банышала, а в сочинениях Махмуда Кашгарского и Якута — Мангышлак (511, с. 47).

ГЛАВА II

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ОГУЗОВ И ТУРКМЕН В X—XIII вв.

Состояние источниковедческой базы исследуемой темы не дает возможности провести резкую грань между общественным строем огузов и туркмен исследуемого периода. Правда, в исторической литературе делались попытки выявить различия в степени развития патриархально-феодальных отношений у огузов и туркмен (362). Однако для категорических выводов пока нет достаточно твердо установленных фактов. Возможно, существовали некоторые специфические отличия в хозяйстве отдельных родов и племен огузов и туркмен. Среди туркмен, вероятно, имелось больше, по сравнению с огузами, полуоседлого и оседлого населения (21; 362; 773). Однако противопоставить огузов на этом основании туркменам нельзя без риска впасть в серьезную ошибку. Археологическое обследование поселений X—XI вв. в низовьях Сыр-Дарьи показало, что здесь обитали значительные группы оседлых и полуоседлых огузов (420; 421).

Историко-археологические данные, которыми мы располагаем, о туркменах и огузах до образования сельджукидской державы пока еще крайне малочисленны. Значительно больше фактов имеется о хозяйстве и социально-экономическом строе племен сельджукского объединения XI—XIII вв., обитавших в Средней, Передней и Малой Азии. Однако дифференциация этого материала в рассматриваемом аспекте является весьма трудной, поскольку в одних источниках они называются огузами, а в других — туркменами. Правда, в некоторых документах XII в. говорится отдельно о туркменах и огузах, живших в Хорасане, Мавераннахре и Хорезме. Анализ этих документов приводит, однако, к выводу о большом сходстве в явлениях их общественного строя и хозяйственной жизни. Поэтому у нас практически не имеется критерия, позво-

ляющего говорить о кардинальных различиях в социально-экономической организации туркмен и огузов.

В исторической литературе нет единства мнений о хозяйственных занятиях огузов и туркмен исследуемого периода. Одни историки, как отмечалось выше, считают, что огузы занимались главным образом кочевым скотоводством. Другие же определяют их хозяйство как комплексное, основанное на земледелии, скотоводстве и рыбной ловле. Главным хозяйственным занятием подавляющего большинства огузов и туркмен все же было кочевое экстенсивное скотоводство. Данный вывод основывается не только на показаниях средневековых нарративных источников, но и подлинных документов эпохи существования государства сельджукидов (177; 281). Разумеется, в огузо-туркменской среде были и компактные группы земледельцев и рыболовов. Однако кочевые и полукочевые огузы и туркмены явно преобладали над оседлым и полуоседлым населением[1]. Вместе с тем одной из характерных черт хозяйства огузов и туркмен являлась тесная связь между скотоводством и охотой, земледелием и рыбной ловлей. Полукочевым огузам и туркменам, кроме того, не было чуждо сезонное земледелие, практиковавшееся главным образом на летовках (519).

Типы скотоводческого хозяйства огузов и туркмен

В равнинных степях Азии издавна существовало три основных типа кочевого хозяйства. Первый из них характеризуется беспрерывными перекочевками всего рода или племени со скотом по сезонным пастбищам. Отличительной чертой этой формы скотоводства является большой радиус кочевания и отсутствие длительных стоянок. Наряду с этим типом, существовало также полукочевое и отгонное скотоводство. Полукочевые роды и племена имели свои весенние, летние, осенние пастбища и зимовали в поселениях и становищах временного типа. Отгонное скотоводство было основано на постоянной оседлости и сезонных откочевках на сравнительно небольшое расстояние (369; 340).

Кочевым огузам и туркменам были присущи все эти типы скотоводства, но преобладающими, вероятно, являлись две последние формы. В средневековых источниках чаще всего говорится о передвижении огузов весной, летом и осенью. Масуди, как отмечалось ранее, упоминает о летовках огузов на Черном и Белом Иртыше (630, с. 62). Побережья этих рек служили также зимними пастбищами для огузов (662, с. 92). Идриси пишет о летовках и зимовках огузов, кочевавших на территории нынешнего Западного Казахстана. Согласно Марвази, огузы кочевали в пустынях и степях, граничивших с оазисами Мавераннахра и Хорезма (736, с. 17, 18). Бируни сообщает о передвижениях крупных групп огузов поздней осенью к границам Хорезма (14, с. 211). Очевидно, это были огузы, шедшие на свои зимовки в низовья Сыр-Дарьи. В ис-

[1] Даже в XIV—XV вв. слово «туркменлык» иногда употреблялось в значении «кочевник» (410, л. 14).

торических преданиях говорится, что огузы зимовали и летовали по обеим сторонам этой реки (212, с. 57). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в Янгикенте лишь зимой жил «царь» огузов (783, с. 393; 450, л. 26). Значительного внимания в этом отношении заслуживает также известие Фахр ад-Дина Мерверуди о хозяйстве тюркоязычных племен XII в., среди которых упоминаются огузы и кара-огузы. Рассказывая о Туркестане и его обитателях, он пишет, что тюрки населяют горы, леса, пустыни и степи. Одна часть из них ведет городской, оседлый образ жизни, а другая живет в степях и разводит стада лошадей, верблюдов, баранов, коров и быков. Пропитание скотоводческих племен составляет пресное и кислое молоко, мясо и пахтанье (дуг). Зимой им местом жительства служат пустыни, где выпадает мало снега, а летом — жаркие степи. Кочевники, живущие в пустынях и степях в переносных юртах, не остаются на одном месте, кроме зимы, когда степи покрываются снегом (751).

Все эти факты позволяют думать, что среди огузов доминировали роды и племена, занимавшиеся полукочевым и отгонным скотоводством. Данное предположение можно подкрепить и материалами языка огузов и туркмен XI в., в которых существовали понятия, связанные с длительными остановками и пребыванием на одном месте. Среди подобных терминов следует отметить «тураси йер», что означало «стоянка» (266, I, с. 16; 522, с. 218). В языке огузов и туркмен XI—XIII вв. употреблялось также понятие «юрт»[1], означавшее «место рождения», «стоянка», «местопребывание», «жилище» (522, с. 97; 227, с. 21; 570, с. 105).

В качестве сравнительных данных о полукочевом хозяйстве огузов Средней Азии можно привести археологические материалы о торко-печенежских племенах Восточной Европы. Оставленные ими курганы и могильники свидетельствуют о посезонных перекочевках по строго определенным маршрутам. Торки и печенеги имели зимние поселения, состоявшие из юрт и постоянных жилищ. Такие поселения с течением времени становились центрами земледелия, сочетавшегося с отгонным скотоводством. Весной здесь сеяли просо и другие культуры, а затем уходили со скотом до осени на близлежащие и более отдаленные пастбища. Бедняки, не имевшие достаточного количества скота, особенно вьючных животных, оставались в этих поселениях круглогодично (334, с. 151—226; 441, с. 198—202).

Среди огузских племен X—XIII вв. имелись также довольно значительные группы типичных кочевников, регулярно совершавших длительные переходы. В источниках X в. отмечается, что огузы «бродят по пастбищам и выгонам летом и зимой» (611, с. 86). Масуди описывает передвижения огузов зимой со своими конски-

[1] В сельджукских текстах из Малой Азии в аналогичном значении выступает термин «юртка» (731, с. 229).

ми табунами в придонские степи[1]. Бируни упоминает о группах огузов, кочевавших близ озера Манкур[2], в стране кимаков (14, с. 290; ср. 795, I, с. 194). Очевидно, здесь подразумевается часть огузов, уходивших на лето кочевать на тучные пастбища верховьев Сарысу и предгорий Улутау (143, с. 9 и 10). Кочевые группы, совершавшие длительные перекочевки в самые отдаленные края пустынь и степей, были также среди туркмен (655, с. 254—256). Большого внимания заслуживает и тот факт, что у огузов были повозки с установленными на них кибитками (116). Такие переносные жилища характерны для типичных кочевников, передвигавшихся на большие расстояния по степным просторам (340; 457).

Существование у огузов и туркмен отмеченных выше типов скотоводческого хозяйства было обусловлено многими причинами. Главными из них являлись экономические и географические факторы, определившие состав разводившихся стад домашних животных. Огузские племена кочевали главным образом по обширному пространству и предгорьям степной полосы Средней Азии. Местные климатические условия отличаются резкими колебаниями годовой температуры и сравнительно небольшим количеством осадков. Отсутствие летом в степи достаточного количества питьевой воды создавало большие затруднения для выпаса скота. Воду в пустыне можно было добыть лишь из глубоких колодцев и дождевых ям, наполнявшихся при выпадании атмосферных осадков. Растительный покров пустынь и степей довольно скуден и не отличается большим разнообразием. В барханных пустынях основным кормом для скота была солянка, а в степях — различные виды типчака. Наличие соответствующих типов пастбища определяло видовой состав и хозяйственное направление стад. Равнинные выгоны, как известно, являются более приспособленными для разведения верблюдов и овец, чем для лошадей и крупного рогатого скота. Особую ценность представляют высокогорные пастбища, пригодные для выпаса почти всех пород домашних животных. Кочевые племена, занимавшиеся главным образом коневодством и верблюдоводством, нуждались в обширных пастбищах и угодьях, а разводившие баранов и особенно быков и коров обходились за счет яйлажных и отгонных пастбищных выгонов (655, с. 254—256).

Средневековые авторы отмечают, что огузы и туркмены имели большие стада овец, лошадей и верблюдов. В ряде источников

---

[1] Очевидно, с течением времени часть этих огузов поступила на военную службу к хазарам. В одном из еврейских документов X в. упоминается род «огуз», подчинявшийся царю Хазарии (591). Пребывание огузов в X в. на Дону в составе военных гарнизонов устанавливается и на основе археологического материала (40; 41; 346).

[2] И. Маркварт истолковывает «Манкур» как «Мин-Коль-Таг», означающее «Гора тысячи источников» (669, с. 101, 109). Следует добавить, что в некоторых средневековых источниках указывается, что Манкурские горы были покрыты лесами (781, с. 64).

упоминается также о разведении ими коров и быков (611, с. 86; 586, с. 292). Вероятно, крупный рогатый скот в основном содержали полуоседлые группы, хотя быки использовались и кочевниками для упряжек. В нарративных источниках не содержится никаких данных о породах огузских коров и быков. Изучение остеологических материалов с поселений средневекового Хорезма позволило установить, что местные коровы мало чем отличались от хорасанского зебувидного скота (91; 451). Современный крупный рогатый скот туркмен сочетает в себе признаки туранской и зебувидной пород (285; 431). Отсюда можно предположить, что туркменские племена скрестили центральноазиатскую с аборигенной породой крупного рогатого скота.

Огузские и туркменские кочевники разводили в основном стада баранов, лошадей и верблюдов. Наиболее важное значение в их скотоводческом хозяйстве имело мясо-молочное направление. Ибн Фадлан указывает, что огузские бараны и овцы отличались большой жирностью (204, с. 66; 208, с. 128). В X в. баранина, доставлявшаяся из страны огузов в Хорасан и Мавераннахр, считалась одной из лучших (256, с. 178; 407, л. 80; 670, с. 221). Очевидно, это было мясо курдючных пород овец. В источниках IX—XII вв. эта порода овец называется обычно тюркской[1]. Ибн ал-Факих пишет, что тюркские бараны «очень крупные и у них большие хвосты, волочащиеся по земле» (167, л. 168). Овцы тюркской породы в XII в. отмечаются у огузских племен, обитавших в Балхской области (265, с. 323). В более позднее время говорится о наличии у туркменского племени ак-коюнлу баранов, имевших округлые и жирные хвосты (785). Приведенные факты дают возможность утверждать, что огузы и туркмены разводили курдючных овец.

Огузы и туркмены X—XIII вв., вероятно, разводили также стада каракульской породы овец. Ибн Хаукал пишет, что в Туркестане имеются бараны, от которых получают красивые смушки. Особо ценились шкурки ягнят черного, красного и темно-красного цветов (265, с. 181). В X в. большое количество смушек вывозилось также из Кердера, лежавшего на периферии Хорезма (611, с. 123). Археологическое изучение показало, что население этой области находилось в X—XI вв. в тесных этно-культурных связях с огузскими племенами. Отсюда можно предположить, что вывозившиеся из Кердера смушки поступали от кочевых огузов.

В кочевом хозяйстве огузов и туркмен важное место занимало также коневодство[2]. Ибн Фадлан сообщает о громадных стадах лошадей, разводившихся огузами в X в. (208, с. 128). Бейхаки указывает на большие конские табуны, имевшиеся у туркмен в XI в.

[1] Сведения об этой породе овец содержатся и в более поздних источниках (293; 315).

[2] Грузинские летописи XI—XII вв. свидетельствуют также о разведении сельджукскими племенами мулов (595, с. 358 и 359).

(769, с. 856). Основная масса конского поголовья кочевых огузов, вероятно, состояла из низкорослых степных пород. Такая лошадь хорошо известна из тюркских курганных погребений и могильников Средней Азии. В степях Казахстана начиная с VII в. отмечаются кони с массивной головой, невысоким ростом в холке, толстой и короткой шеей (186, с. 200). Тюркские лошади были хорошо приспособлены к местным природным условиям и круглогодичному пастбищному содержанию (72, с. 33 и 34). Степной тюркской лошади была присуща обильная молочность и хорошие мясо-сальные качества. Поэтому кочевые тюрки предпочитали конину мясу быков и овец (583, I, с. 225). Тюркские кони отличались неприхотливостью и выносливостью в беге рысью на дальние расстояния. Лошадей тюрки содержали под открытым небом, не укрывали от жары и холода. Такие кони использовались для набегов, войн и применялись для охоты на диких животных (243, с. 231 и 232). Очевидно, такими же были и степные породы огузских лошадей.

Огузы и туркмены исследуемого периода разводили и стройную породу скаковых лошадей. Рослые верховые кони с небольшой головой и тонкими ногами известны нам из раннетюркских курганов. Обращает на себя внимание, что скелеты таких лошадей найдены в богатых погребениях тюркоязычной знати (186, с. 200). В исторических хрониках имеются сведения о том, что у туркмен XI в. имелись кони хуттальской породы (598, с. 5); эти лошади отличались красивым экстерьером, стройностью и легкостью в беге. В исторических легендах говорится, что хуттальские кони ведут свой род от дикой «морской» лошади (73; 75). Отголоски этих старинных преданий сохранились в туркменских эпических сказаниях и народном творчестве (195; 377).

Описание верховых коней, имевшихся у сельджукских племен, содержится в ряде источников XI—XIII вв. Боевые лошади сельджуков имели твердые копыта и были стремительны и быстры, как орлы в полете (489, с. 72). Такие кони именовались по-огузски и туркменски «югрук-ат» и «чапар» (266, III, с. 34; 570, с. 70). Туркменские лошади отличались статностью, породистостью и поэтому ценились высоко (720, с. 121). В сельджукской придворной литературе имеется немало похвал в адрес этих замечательных скакунов. Поэты XII в. образно сравнивают их бег с «быстротой ветра» и «взволновавшимся морем» (284, с. 653).

Большую группу среди кочевых огузов и туркмен составляли верблюдоводы. Обращает на себя внимание, что в историческом труде Бейхаки туркмены именуются верблюжатниками (769, с. 585). Огузы и туркмены, судя по источникам X—XII вв., разводили крупных двугорбых бактрианов. Ибн Фадлан, путешествовавший на таких верблюдах, именует их тюркскими (204, с. 65). Огузские верблюды отличались от хазарских, имевших сравнительно небольшой рост (770, с. 15). Двугорбые сельджукские верблюды называются в арабоязычных источниках «бухту» (598, с. 5; 727,

с. 2). В XII в. эта порода бактрианов[1] разводилась и в Серахской области (29, л. 208).

Разведение верблюдов в отличие от коневодства и овцеводства ограничено зоной сухих пустынь и степей. Верблюд размножается медленнее других пород домашних животных. Одним из непременных условий для воспроизводства стад верблюдов является жаркий сухой климат (232, с. 3—8). Молодняк верблюжьего поголовья нуждается в содержании на пастбищах, защищенных от холода и сырости. Средневековые туркмены-верблюдоводы совершали поэтому длительные перекочевки в глубь пустынь (655, с. 254—256).

Наряду с овцеводством, коневодством и верблюдоводством, огузы и туркмены занимались также разведением коз. Стада коз отмечаются у них Абу Дулафом (723, с. 21) и Махмудом Кашгарским (522, с. 101). Однако эта порода домашнего скота, вероятно, не играла большой роли в их скотоводческом хозяйстве. В средневековых источниках о стадах коз огузов и туркмен упоминается весьма редко.

Данные средневековых источников позволяют говорить о ведущей роли скотоводства в хозяйстве огузов и туркмен X—XIII вв. Скотоводческое хозяйство огузов и туркмен в основном носило полукочевой, отгонный и кочевой экстенсивный характер. В источниках X в. сообщается о пастбищном содержании огузами своих животных и зимней тебеневке их скота (208, с. 128). Однако полукочевые огузы и туркмены XI—XIII вв. практиковали также загонное содержание отдельных пород животных. В словаре Махмуда Кашгарского упоминается овечий загон, называвшийся огузски «гоюн агул» (266, I, с. 63). Очевидно, позднее термином «агыл» или «агул»[2] стала обозначаться стоянка полукочевого типа[3]. В глоссарии XIII в. приведено туркменское слово «агулдаш», которое истолковывается уже в значении «односельчанин» (570, с. 21, 50). Это лишний раз указывает на тесную связь загонного содержания скота с полукочевым бытом.

Кочевые огузы и туркмены разводили главным образом стада курдючных и каракульских овец, степных и породистых лошадей, а также двугорбых верблюдов. Группы огузов и туркмен, занимавшиеся полукочевым и отгонным скотоводством, имели также быков, коров и коз. Основой скотоводческого хозяйства кочевых огузов и туркмен было мясо-молочное направление и заготовка шерсти и пуха. Шерсть употреблялась для изготовления войлоков,

---

[1] В средневековых тюркских языках двугорбые верблюды назывались «бугра» и «бисарак» (266, I, с. 352; 570, с. 62; 481, с. 18, 22; 507, с. 22).

[2] В ряде средневековых тюркских языков «агул» означало «кочевое становище, аул, селение кочевников» (314; 345; 544).

[3] Подобного рода поселения существовали у туркмен и огузов Малой Азии. Ранней весной их жители уходили со скотом на горные пастбища. Летовки использовались не только в качестве выгонов, но и для посевов сельскохозяйственных культур. После снятия урожая возвращались к зиме в свои «деревни» с заготовленным кормом для скота (519, с. 30).

шерстяной одежды, ковров и других изделий. Животноводческая продукция шла не только на собственные нужды, но и продажу в соседние земледельческие области. Свидетельство источников X в. о вывозе в большом количестве баранины из страны огузов указывает на развитие товарности их скотоводческого хозяйства.

Охотничий промысел огузов и туркмен

Огузы и туркмены наряду со скотоводством занимались также охотой. В основном это был промысел кочевых и полукочевых племен, в рационе которых мясо диких животных занимало видное место. Такой вывод напрашивается при изучении данных средневековых нарративных источников. В IX в. Якуби писал, например, что все кочевые тюрки, среди которых упоминаются и огузы, «больше всего едят дичь» (265, с. 150). Интересное описание охотничьих способов, применявшихся тюрками в IX в., содержится в труде Джахиза. Тюрки, по его словам, очень любят охотиться и даже во время набегов промышляют дичь. Они берут с собой жеребца либо кобылу и отправляются на охоту. В случае неудачи охотник питается молоком кобылы или режет коня. Сидя на лошади, тюрки преследуют диких животных, стреляют любых птиц. Тюрки не испытывают удовольствия от пищи, если она не приготовлена из дичи (243, с. 230, 232, 235).

Существование охотничьего промысла у огузов отмечается и в источниках X—XI вв. Масуди сообщает, что степные тюркоязычные племена едят даже ястребов и ворон, они «не знают другого дела, кроме охоты» (11, с. 75; ср. 179, л. 49; 455, л. 134).

Среди огузских племен X в., судя по тексту Идриси, имелись также охотники на пушных зверей. Огузы, жившие на Яике, Эмбе и в предгорьях Южного Урала, охотились на речных бобров и степных лисиц. Важное значение имел при этом промысел так называемых красных лисиц, меха которых ценились очень высоко[1].

В средневековых источниках отмечается, что охотничьим промыслом занимались и кочевые племена сельджукского объединения (595, I, с. 358, 359). Ибн Хассул пишет о тюрках XI в., под которыми подразумеваются и сельджуки, что они очень любят дичь[2]. Кочевые тюрки необычайно выносливы на охоте, особенно в преследовании джейранов и куланов (493, с. 259, 260). Сельджукские племена для охоты на птиц и диких животных применяли соколов, беркутов и гончих собак (720, с. 106). В числе охотничьих соколов упоминается балобан (ительги), с помощью которого туркмены промышляют дичь и в настоящее время (373, с. 56).

Охота, таким образом, не являлась самостоятельной отраслью хозяйства огузов и туркмен X—XIII вв. Преимущественно охотничьим промыслом занимались кочевые и полукочевые племена. Однако среди огузов, вероятно, имелись и морские охотники, про-

---

[1] В произведении Масуди говорится, что меха красных лисиц добывались в стране тюрок, живших между Хазарией и Буртасией (12, II, с. 181).

[2] Следует отметить, что охота является постоянным спутником героев огузских эпических сказаний (700).

мышлявшие ловлей соколов и пеликанов на восточном побережье Каспия (265, с. 210). Это было оседлое или полуоседлое население, сочетавшее охоту с рыбной ловлей (265, с. 61, 210). Особенно большое значение среди огузов и туркмен охота имела для малоимущих и бедных семей (212, с. 64, 65).

Оседлые и полуоседлые группы огузов и туркмен

Среди огузов и туркмен X—XIII вв., наряду с кочевниками, имелись компактные группы полуоседлого и оседлого населения. Археологическое изучение поселений нижней Сыр-Дарьи показало, что в этих городах жило также огузское население. Местные огузские племена занимались рыбной ловлей, земледелием и скотоводством (420; 421; 426; 427). В 1959—1960 гг. Хорезмской археологической экспедицией в бассейне Инкар-Дарьи обнаружены принадлежавшие огузам городища X—XII вв. Сырлы-Там-Кала и Зангыр-Кала. Оба поселения имеют своеобразную концентрическую планировку и расположены на старых, орошавшихся небольшими каналами земельных угодьях (429, с. 278; 428, с. 30). Археологические материалы свидетельствуют о наличии среди огузов, входивших в состав государства сырдарьинских ябгу, значительных групп оседлого населения. Это подтверждается и данными письменных источников X в. о племенах огузов низовьев Сыр-Дарьи. Масуди, например, сообщает, что огузы Приаралья разделялись на кочевых и оседлых[1]. «В этой местности,— пишет он,— среди тюрок преобладают гузы, кочевые и оседлые» (11, I, с. 101).

Масуди в другом своем произведении отмечает, что одна часть тюрок живет в городах и крепостях, а другая населяет степи и горы (11, с. 75). Аналогичные известия мы находим в трудах Марвази (736, с. 17, 18) и Фахр ад-Дина Мерверуди. Последний добавляет, что оседлые тюрки разводят сады, огороды и виноградники (751, с. 41). Очевидно, эту характеристику можно применить и к хозяйству огузов и туркмен исследуемого периода.

Кроме приведенных фактов о земледельческих группах огузов свидетельствует и текст Идриси. Согласно «Китаб Руджар», в отдельных городах-крепостях огузов имелось постоянное население, занимавшееся пашенным земледелием. Среди таких укрепленных городков упоминаются Даранда и Дарку (2, л. 108; 3, л. 517). Вероятно, их население состояло из разорившихся кочевников, осевших на землю, а также пришлых колонистов.

Оседлые группы огузов и туркмен в XI в. имелись и в поселениях среднего течения Сыр-Дарьи. На это указывают Бируни и Махмуд Кашгарский, сообщающий о кочевьях и городах огузов на реке Бенакета (Сыр-Дарья). В качестве их оседлых поселений Махмуд Кашгарский называет Карнак, Сюткент, Фараб и Сыгнак (266, I, с. 392, 404). «Вид гузов,— пишет Махмуд Кашгарский,—

[1] Оседлые группы имелись также среди торков-огузов XI—XII вв., ушедших в пределы Восточной Европы (334, с. 172, 188—190; 441, с. 199—202).

который живет в их городах, не переезжает в другие места и не воюет, называется ятук, то есть заброшенные, ленивцы» (266, III, с. 11; 265, с. 312). Это свидетельство можно сопоставить с историко-этнографическими данными о казахских «жатаках». В дореволюционном прошлом казахи называли жатаками всех проживающих в зимниках и неподвижных жилищах. Исследователи неоднократно отмечали, что жатаками, как правило, становились обедневшие кочевники. С потерей скота, главным образом лошадей и верблюдов, они не могли кочевать и превращались в оседлых. Однако, становясь жатаком, бывший кочевник не совсем порывал со скотоводством. Жатаки разводили крупный рогатый скот и в незначительном количестве вьючных животных, но их основным занятием становилось земледелие (368).

Огузские ятуки жили не только в городах, но и в сельских поселениях. «Кент[1],—пишет Махмуд Кашгарский,—селение у огузов и тех, кто присоединился к ним» (266, I, с. 288; 491, I, с. 344). В глоссарии XIII в. упоминаются оседлые туркмены, жившие в селениях (570, с. 6, 100).

Обращает на себя внимание, что огузские племена XI в. называли земледельцев «тарыгчи» (266, II, с. 43; III, с. 183). Семантически данный термин восходит к огузскому названию проса. Махмуд Кашгарский сообщает, что «тарыг—пшеница у всех тюрок и лишь у огузов—просо» (266, I, с. 311). Происхождение исследуемого термина, обозначавшего пахаря-земледельца, исторически вполне объяснимо. С давних времен группы полукочевников, сочетавших занятие скотоводством с обработкой земли, сеяли в основном просо. «В Туркестане,— сообщает Якуби,— нет земледельцев, кроме (сеющих) просо, а это джаварс» (265, с. 149). Последнее наименование, как показал В. Ф. Минорский, применялось для обозначения проса и вики (688, с. 256). В свете этих фактов становится ясным, почему земледельцы назывались по-огузски «тарыгчи».

Махмуд Кашгарский отмечает также в языке огузов термины «экин» — «посев», «туки» —«очищенное зерно», «тарыг аритгунен» — «приспособление для очистки проса» (266, I, с. 74; III, с. 174). В «Диван лугат ат-тюрк» приводятся и огузские названия зерновых и других культур: просо (тарыг), люцерна (юринджа), кунжут (яг огури), пшеница (ашлык), яблоко (алма), морковь (кешур).

Значительно большее количество земледельческих терминов в туркменском языке отмечается в словарях XIII—XIV вв. Появляются названия фруктовых деревьев, различных садовых и огородных растений. В глоссарии XIII в. приводятся туркменские названия абрикоса (сары эрик), груши (армуд), сливы и персика (кукан, зердалу), граната (нар) и айвы (570, с. 7—73). В туркменском языке XIII—XIV вв. отмечаются также названия пшеницы (буг-

[1] См. также о значениях этого термина: 481; 507; 570; 574; 694; 775.

дай), дыни (кавун), гороха (леблеби), чечевицы (марчимак), различных сортов (вард, гулаб) роз (570, с. 8—10). Исследуемые толковые глоссарии содержат и такие туркменские слова, как «баг» — «сад», «бостан» — «огород», «харман» — «ток, гумно» (570, с. 8—100; 574, с. 24, 56).

Приведенный материал свидетельствует об интенсивном развитии земледелия у туркмен в указанную эпоху. В пользу этого обстоятельства говорят и некоторые другие факты, имеющиеся в средневековых источниках. Ибн Фундук свидетельствует, например, что в XII в. в округе Бейхак выращивался сорт дынь под названием «балак» (9, с. 280). Это был туркменский сорт дынь, которые росли в Мервской области. Очевидно, здесь подразумевается шекер-палак, являющийся одним из сортотипов знаменитого вахармана (18).

В источниках XII в. имеются также указания на занятие огузов земледелием. Афзал ад-Дин Кермани, описывая вторжение огузов из Хорасана в Керман, сообщает интересные подробности о некоторых чертах их быта и хозяйства. Он рассказывает, что в 1176 г. огузы, утвердившись в Кермане, начали «благоустраивать Гермсир, и в рустаках Джирефта и Нермашира стали заниматься земледелием» (49, с. 95). Афзал ад-Дин Кермани вместе с тем отмечает сильную тягу огузов к скотоводству (49, с. 95 и след.; 597, с. 117 и след.). Обращает на себя внимание, что эти огузские племена начали обрабатывать землю после того, как потеряли скот и имущество. Приведенные факты свидетельствуют о большом влиянии обеднения в результате потери скота на процесс оседания и перехода кочевников к земледелию.

Среди оседлых и полуоседлых групп огузов имелись не только земледельцы, но и рыболовы. Истахри отмечает в устье Аму-Дарьи местность Халиджан, где занимались рыболовством (ср. 407, л. 102). Временные стоянки рыболовов были разбросаны на побережье Аральского моря и в дельте Аму-Дарьи. Местность Халиджан была расположена в стране огузов, недалеко от селения Баратегин. Жители Халиджана вылавливали большое количество рыбы, вывозившейся в Хорезм и другие области Средней Азии (265, с. 150; 583, I, с. 190, 191). Рыбным и морским промыслом, вероятно, занимались также огузы, жившие на восточном и северном побережье Каспия (611, с. 23, 24). Оседлые и полуоседлые рыболовы имелись и среди огузов, живших на южном берегу озера Балхаш. Идриси пишет, что в Горгузе ловилось много рыбы, составлявшей основную пищу обитавшего здесь населения (2, л. 108; 265, с. 222). В пользу этого говорят и археологические материалы из Южного Прибалхашья. Здесь обнаружены полуоседлые и оседлые поселения тюрок, занимавшихся рыболовством, поливным земледелием и скотоводством (250, с. 55, 56; 247, с. 5).

Свидетельства нарративных источников, толковых словарей и археологические материалы позволяют заключить, что огузы и туркмены X—XIII вв. подразделяются на кочевых, полукочевых,

оседлых и полуоседлых. Приведенные выше факты подкрепляют справедливость замечания К. Маркса о том, что у азиатских народов можно проследить «общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части» (255, с. 73).

Полуоседлые и оседлые группы огузов и туркмен занимались главным образом земледелием, сеяли просо и другие сельскохозяйственные культуры. Однако уровень их земледельческой техники и практических навыков в IX—XI вв. был еще довольно низким. В лексике огузов и туркмен XI в. мы не видим названий многих сельскохозяйственных орудий, применявшихся древними оседлыми земледельцами. Очевидно, более интенсивное развитие земледелие получило в огузо-туркменской среде в XII—XIII вв. В эту пору они занимались также огородничеством и садоводством, приобрели некоторый опыт искусственного орошения.

Оседлые и полуоседлые огузы иногда сочетали земледелие с отгонным скотоводством. В этом отношении одинаковое впечатление производят свидетельства Абу-Дулафа и Афзал ад-Дина Кермани. Согласно «Первой записке», огузы Семиречья выращивали пшеницу и разводили стада баранов и коз (723; 787; 795). Огузские племена Кермана, перешедшие к оседлости, всячески стремились приобрести скот, захватывая его у местного населения (48; 49; 597).

Земледельческое хозяйство огузов и туркмен имело натуральный характер и едва обеспечивало нужды собственного потребления. В источниках X—XIII вв. нет сведений о продаже или обмене ими своей земледельческой продукции. Наоборот, в этих источниках сообщается о ввозе зерна и хлеба даже в центры оседлых и полуоседлых огузов, например, в город Янгикент. В этом отношении от земледельцев отличались некоторые группы рыболовов, продававшие свою продукцию в соседние области.

Оседлые и полуоседлые огузы и туркмены, занимавшиеся обработкой земли, жили не только в городах, но и сельских поселениях. В этих поселениях оседали кочевники и полукочевники в силу различных социально-экономических причин. Главными из них были классовое расслоение, обеднение в результате войн, массовый падеж скота и нехватка пастбищ. Обычно в суровые холодные зимы вследствие гололедицы начиналась бескормица, приводившая к гибели стад. Кочевники теряли скот и во время повальных эпизоотий. Лишившись средств производства, они переходили на оседлый и полуоседлый образ жизни. Переход к оседлости нередко сопровождался обращением в ислам. Основным занятием этих недавних кочевников становилось не только земледелие, но и ремесло (153, л. 184; 167, л. 160).

Ремесленное производство огузов и туркмен

Огузы и туркмены, наряду со скотоводством, земледелием и рыболовством, занимались также различными видами ремесла. В IX в. Йакуби отмечал, что тюрки, в том числе огузы, являются искусными мастерами в приготовлении войлока, шерстяных

одежд и стрел с костяными наконечниками (628, с. 295). Интересные сведения о ремесленном производстве огузов и туркмен содержатся в источниках XI—XIII вв. Идриси, например, сообщает, что жители Даранды и Дарку производили замечательные товары (2, л. 109; 265, с. 221).

В толковых глоссариях XI—XIII вв. приводятся названия многих предметов ремесла огузов и туркмен. Махмуд Кашгарский указывает на производство различных видов обуви, одежды, посуды, украшений. Огузы и туркмены изготовляли войлочные и кожаные сапоги, шерстяные, льняные ткани и другие изделия. В «Диван лугат ат-тюрк» приведены также названия их ремесленных инструментов (491, II, с. 287). Среди туркменских ремесленных инструментов XIII в. упоминается самопрялка, именовавшаяся чакрык (570, с. 72). В словаре XIII в. отмечается также существование у туркмен ремесленников, изготовлявших самые различные изделия (570, с. 24, 95). Словарь упоминает, например, мастеров серебряных дел (комюшчи) и ткачей (джулах).

В XI—XIII вв. особенно славились производившиеся огузами и туркменами войлоки (кигиз), паласы (килим) и ворсовые ковры (кали). Махмуд Кашгарский отмечает производство белых туркменских кошм для кибиток (491, II, с. 87, 101). Приготовлением кошм и войлочных покрытий для юрт занимались в основном женщины и девушки. В XIII в. туркменские женщины ткали красивые безворсовые паласы и замечательные ворсовые ковры (570, с. 14). Мужчины изготовляли оружие, сбруи для верховых и вьючных животных, деревянные остовы кибиток и т. д.

Существование ремесленного производства у огузов подтверждается не только письменными источниками, но и археологическим материалом. Принадлежавшие огузам поселения в низовьях Сыр-Дарьи являлись центрами ремесла, в частности гончарного производства (420). В Дженде, Янгикенте и других городах найдены также образцы местной огузской керамики[1].

Рассмотренный выше историко-археологический материал позволяет судить о ремесленном производстве исследуемого периода у огузов и туркмен. Это ремесло носило домашний характер и было тесно связано с кочевым скотоводством, земледелием и ры-

[1] В качестве сравнительно-исторического материала о ремесле огузов XI—XII вв. можно привести инвентарь торко-печенежских могильников, обнаруженных на Росе, Донце и Россаве. Здесь найдена глиняная посуда в форме банки, керамические сосуды с отверстием для подвешивания к седлу. Среди инвентаря торкских погребений имеются костяные пуговицы и пластинки — остатки украшений конского седла. Обнаружены также металлические изделия: кольца из низкопробного серебра, железные стремена, пряжки, сабли, наконечники стрел, медные рыболовные крючки (121, с. 11, 12; 122, с. 60—80). Богатые торкские могильники содержат дорогие наборы конской сбруи и предметы вооружения (334, с. 163, 188). В женских погребениях найдены серебряные нашивки на головных уборах, серьги, браслеты, каменные подвески, серебряные пластинки в виде полуколец (334, с. 169, 170). Торко-печенежские курганы содержат также грубые лепные сосуды, изготовленные без гончарного круга (334, с. 163; 441, с. 198).

боловством. Ремесло огузов и туркмен не выделилось в самостоятельную отрасль производства и имело натуральный характер. Данные словаря Махмуда Кашгарского свидетельствуют о том, что огузо-туркменские рядовые общинники сами производили для себя различные предметы хозяйственного и бытового назначения[1].

Вместе с тем необходимо отметить, что в процессе развития оседлости, земледелия и торговли среди огузов и туркмен постепенно складывалась прослойка ремесленников-профессионалов. Источники XII в. сообщают, например, о наличии у сельджукских племен мастеров кибиточных дел, изготовлявших деревянные остовы юрт (161, с. 10). Позднее, в XIII в., упоминаются ремесленники, специализировавшиеся на производстве украшений и тканей.

Отдельные виды ремесленной продукции огузов и туркмен в XIII в. имели товарный характер. На это указывают факты о вывозе и продаже ими ворсовых ковров, отличавшихся замечательной красотой (217, с. 56). Однако все это не изменило общей картины их ремесленного производства, имевшего в целом домашний характер.

Торговля огузов и туркмен

В хозяйственной жизни и экономике огузов и туркмен X—XIII вв. важное место занимали натуральный обмен и торговля. Огузская кочевая степь имела тесные контакты с оседлыми земледельческими оазисами. Взаимоотношения огузов-степняков с этим оседлым населением характеризовались сменой военных столкновений мирными торговыми связями. В торговле огузов и туркмен с Семиречьем, Хорезмом, Мавераннахром значительную роль в X—XI вв. играли города долины Сыр-Дарьи. Важное место в этой торговле занимал Янгикент, куда по Сыр-Дарье доставлялись из Хорезма караваны судов с хлебом. Столица Хорезма — город Кят — служил в X в. торговыми «воротами в Туркестан гузский» (450, л. 25; 611, с. 122).

Крупным центром торговли с огузами на среднем течении Сыр-Дарьи в X в. был город Сабран, являвшийся «сборным пунктом» их купцов (611, с. 118). Ибн Хаукал отмечает, что в Сабран огузы приезжали для торговли в мирное время (783, с. 391). В торговых взаимоотношениях с туркменами в X в. большую роль, вероятно, играли Баладж, Исфиджаб и Берукет. Макдиси указывает, что в пограничном с туркменами Баладже имелись колонии иранских купцов, выходцев из Исфахана. Большим торговым городом на границе с тюрками Семиречья был г. Исфиджаб. Купцы привозили свои товары в Исфиджаб со всех концов мусульманского Востока. Рынки этого города ломились от товаров, доставлявшихся сюда из Туркестана. Особенно большую роль в местном экспорте играл вывоз шерсти, войлока и овец (783, с. 391; 611, с. 117).

[1] В этом отношении интересно также свидетельство Джахиза: «Тюрок делает все процессы ремесла сам, не просит помощи у товарищей и не обращается за советом к другу; они (тюрки) производят оружие, стрелы, седла, колчаны, копья» (243, с. 241).

Мясо и другие скотоводческие продукты в основном доставлялись из кочевий огузов и карлуков.

Значительная часть ремесленных изделий Шаша в X в. производилась из сырья, поступавшего от окрестных тюрок. Сюда завозились, например, сыромятные кожи, подвергавшиеся затем дублению (555, с. 324). Козья шерсть доставлялась из Тараза, а серебро—из окрестностей Шалчикента. В Шаше изготовлялись седла из лошадиной кожи, колчаны, палатки, плащи, ножницы, различные материи. Следует отметить, что из Шаша вывозился хлопок, продававшийся соседним племенам тюрок. Большим спросом у тюрок пользовалась парча, самаркандские ткани красного цвета под названием мамарджил и полотняная материя синизи (555, с. 324—326).

В X в. особенно интенсивными были экономические связи огузов с Хорезмом и Хорасаном. Истахри пишет, что большая часть богатств хорезмийцев является результатом их торговли с окрестными тюрками (265, с. 180). Макдиси указывает, что площадь города Ургенча была местом большого, оживленного торга привозным скотом. В персидской версии труда Истахри сказано, что Гургандж был складочным пунктом огузских товаров. Торговые караваны направлялись отсюда в Хорасан, Гурган и Хазарию (407, л. 101).

В источниках X—XIII вв. чаще всего упоминается о торговле огузов и туркмен продукцией своего животноводческого хозяйства. Скот, поступивший из огузских кочевий, пользовался большим спросом в Хорасане, Мавераннахре, Хорезме. Средневековые историки говорят также о продаже на внешних рынках скота туркменскими племенами (165, XI, с. 125). Торговля скотом приносила выгоды не только кочевым огузам и туркменам, но и земледельческому населению Хорасана и сопредельных областей. В этом отношении характерно признание большой роли торговых взаимоотношений с кочевниками в одном из сельджукских документов XII в.[1] «Товары и предметы их (кочевников), — говорится в указе Санджара,— дающие прибыль, являются причиной увеличения благоденствия, довольства и пользы оседлых людей. Знать и простой народ имеют свою долю в этих благах и преимуществах» (265, с. 314).

Огузы и туркмены вели торговлю с соседними народами не только скотом, но и другими товарами. В X в. из страны огузов вывозились в Хорасан похожие на лазурит породы малахита и азурита. Купцы из Шаша покупали серебро, добывавшееся в рудниках Гарбиана. Западные группы огузов вели торговлю бобровыми мехами, вывозившимися затем в Армению и Византию. Скорее всего эти меха огузы продавали хазарским и булгарским купцам, захватившим в X в. почти всю торговлю со странами

[1] В караханидском памятнике XI в. «Кутадку-Билик» также отмечается выгодность торговли с кочевыми племенами (791; 549).

Востока (390, с. 159). Очевидно, через посредство этих купцов бобровые шкурки, добывавшиеся в стране огузов, попадали в Закавказье и Малую Азию (ср. 159; 628; 629).

Огузы и туркмены X—XIII вв., как свидетельствуют нарративные источники, вели также работорговлю. Главным источником торговли рабами были постоянные войны в степи и захват пленных (283, с. 103, 526). Обращенных в рабов военнопленных продавали на рынках соседних земледельческих областей. Враждовавшие с огузами и туркменами племена и народы в свою очередь обращали в рабов их военнопленных. В IX в. правители Хорасана ежегодно отправляли ко двору багдадских халифов 2000 огузских рабов[1]. Крупным центром транзитной работорговли в X в. были также Мавераннахр и Хорезм, куда привозились рабы из славян, хазар, тюрок. Вероятно, среди них были и рабы, доставлявшиеся для продажи огузскими и туркменскими купцами. Особенно многочисленные факты о продаже ими в рабство военнопленных содержатся в источниках XI—XII вв.

Торгово-экономические связи огузов и туркмен с окрестными народами осуществлялись главным образом посредством натурального обмена. В пользу этого мнения свидетельствует описание торговых операций шашских купцов с огузским населением Гарбиана. Идриси сообщает, что прибывавшие в Гарбиан торговцы из Шаша вымени вали здесь свои товары на верблюдов (2, л. 109). В XII в. историк Вильгельм Тирский отмечал, что туркмены «меною приобретают все необходимое на жизнь» (399, с. 57). Идриси, видимо, не случайно говорит о натуральном обмене огузами скота на привозные шашские товары. Основным платежным средством при меновой торговле издавна был скот, выполнявший функцию денег (255). Примечательно, что в языке огузов XI в. скот, как и другие богатства, обозначался словом «тавар» (491, I, с. 356).

Наряду с простым обменом, у огузов и туркмен X—XIII вв. развивались товарно-денежные отношения. Ибн Фадлан сообщает о динарах мусайаби, имевших в X в. хождение у кочевых огузов (770, с. 112). В обращении у огузов и туркмен Средней Азии находились и другие монеты, чеканенные правителями Хорезма, Мавераннахра, Хорасана. В языке огузов и туркмен XI—XIV вв. деньги назывались агры (574, с. 30), ярмак (266, III, с. 32) и акча (731, с. 222). Последние два термина в значении «деньги» употреблялись у тюркоязычных народностей еще в древности (459, с. 140, 141). В обращении у огузских племен, наряду с монетами, находились и серебряные слитки[2]. Такие слитки, например, в XII в. имели широкое хождение у огузов Балхской области (352; 139; 692).

[1] Подробная характеристика огузских и других тюркских рабов-гулямов приведена в «Кабус-наме» (185; 652).

[2] Подобные слитки у средневековых тюрко-монгольских племен назывались сатыр, ястук и сом (770, с. 117; 773, с. 115, 116; 762, I, с. 23). В «Анис алкулуб» (XIII в.) указывается, что в XII в. у огузских племен Балхской области имели хождение серебряные слитки под названием «сом кюмуш» (647, с. 479).

Торговая практика огузских племен X—XI вв. основывалась на своеобразном институте куначества (биста). Мусульманские купцы, прибывавшие в огузские кочевья, считались почетными гостями. Каждый торговец останавливался у своего «друга», который ставил для него отдельную кибитку и доставлял необходимый провиант. Гость подносил хозяину юрты и его жене различные подарки. В свою очередь правом гостеприимства пользовались и огузы, прибывавшие к своим кунакам. Такая практика отдаленно напоминает античную проксению, с помощью которой в древности осуществлялись торгово-экономические и дипломатические связи (20).

Данные средневековых источников позволяют говорить о большой роли торговли в экономике огузов и туркмен X—XIII вв. Главным образом они обменивали свою животноводческую продукцию на хлеб и различные товары, доставлявшиеся из земледельческих областей Средней Азии. Соседним народам они поставляли также меха пушных зверей и некоторые другие товары. Огузы и туркмены занимались и продажей обращенных в рабов военнопленных. В их торговых делах широкое распространение имел куначеский обычай, напоминающий античную проксению. Торгово-экономические связи огузов и туркмен с соседними народами осуществлялись путем натурального обмена и продажи на деньги. Развитие денежных отношений было следствием тесных экономических связей с земледельческими областями и роста товарности их скотоводческого хозяйства.

Общественный строй огузов и туркмен

Огузское и туркменское общество XI в. было раннефеодальным с пережитками родо-племенного строя. Классовая сущность их социальной организации прикрывалась архаической патриархально-родовой оболочкой. В X—XIII вв. у огузов существовало несколько крупных племен и множество входивших в них мелких родовых подразделений. Махмуд Кашгарский утверждает, что огузы первоначально состояли из 24 племен[1]. Однако впоследствии от них отделилось два племени халаджей (266, III, с. 304—306). В «Диван лугат ат-тюрк» приведен следующий перечень огузских племен второй половины XI в.: кыныk, кайыг, баюндур, йива, салур, афшар, бектили, букдуз, баят, язгыр, эймур, кара-булак, алка-булак, игдыр, урегир, тутырка, ула-йондулуг, тюгер, джебни, печенег, джувулдур, джаруклуг.

Большинство этих племенных названий[2] упоминается и в трудах Фахр ад-Дина Мерверуди (751, с. 47), Рашид ад-Дина (354, I, с. 80, 81) и более поздних средневековых историков (71; 378; 410; 453; 699). Однако в этих источниках имеется расхождение в чис-

[1] Махмуд Кашгарский именует их также «туркменами».

[2] Средневековые перечни этих племен интерпретировались С. П. Толстовым (416; 420), А. Ю. Якубовским (323), Г. И. Карповым (199). Попытки этимологизировать рассматриваемые названия сделаны Т. Хаутсма, П. Пельо, Ф. Сумером (609; 706; 744; 745).

ленном составе огузских племен. Махмуд Кашгарский и Рашид ад-Дин утверждают, что у них было 24 племени, а Марвази насчитывает всего лишь 12 племен (736, с. 29). Это расхождение можно объяснить дуальной особенностью подразделения огузов на две экзогамные фратрии.

Согласно «Джами ат-таварих», огузы разделялись на две большие племенные группы, называвшиеся бузук и учук[1]. Рашид ад-Дин сообщает, что бузуки входили в правое, а учуки — в левое крыло (355, I, с. 86 и след.). Подразделение огузов на бузуков и учуков в XII в. отмечается Ибн ал-Асиром (613, XI, с. 54). Рашид ад-Дин приводит нижеследующую схему деления огузских племен на бузуков и учуков (354, с. 86; 353, л. 45): правое крыло (бузук)—кайи, баят, алка-эвли, кара-эвли, языр, дукер, додурга, баярли, аушар, кызык, бикдили, каркын; левое крыло (учук)—баюндур, бичене, чавулдур, чепни, салыр, имур, алайонтлы, узкиз, бийгух, букдуз, йива, кынык.

Средневековые восточные авторы связывают деление огузов на бузуков и учуков с именем мифического Огуз-хана. В приводимой ими легенде отмечается, что сыновья Огуз-хана нашли лук и три стрелы. Огуз-хан дал лук трем старшим, а стрелы — трем младшим сыновьям. После этого он приказал, «чтобы те племена, каковые произойдут от сыновей, получивших лук, назвали прозвищем и названием «бозук». Значение (слова) «бозук» — ломать на части. Он положил это слово их прозвищем по той причине, что лук, дабы иметь возможность его разделить, по необходимости нужно ломать, и (наказал), чтобы войско правого крыла принадлежало этим трем сыновьям и их потомкам». В отношении трех младших сыновей было указано, чтобы они и их потомки командовали левым крылом войска. Огуз-хан распределил между сыновьями все «становища правого и левого крыла». Престол и царскую власть он завещал старшим сыновьям и их потомкам (355, I, с. 86).

В свое время Т. Хаутсма назвал деление огузов на бузуков и учуков «военно-политической системой» (609, с. 222). Однако такое подразделение является в действительности пережитком фратриальной дуальной организации (416; 417; 226). Характерные черты подобной родо-племенной схемы прослеживаются по старинным огузским преданиям. Согласно «Родословной туркмен», однажды Кун-хан приказал разбить для пиршества 12 палаток. В них сели по двое 24 внука Огуз-хана, родившиеся от законных жен. Такой чести не были удостоены остальные его 24 потомка, ведшие свой род от наложниц, и примкнувшие к огузам тюркские племена. Одна половина из них держала лошадей, а другая оставалась у порога кибиток, где пировали «чистокровные» внуки Огуз-хана. Стоявшие

[1] Интересно отметить, что в сочинении Халила Захири (XV в.) среди туркмен, кочевавших от Газы до Дийарбакра, упоминается племя бузохлу (581, с. 174, 175).

у порога нарезали куски мяса, доставшиеся «законнорожденным» потомкам легендарного предка огузов (212, с. 51, 52).

В этой легенде о происхождении бузуков и учуков нашло свое отражение подразделение на две фратрии. Каждая из них состояла из 24 племен, делившихся соответственно на две равные части. Однако бузуки, судя по историческим легендам, относились к числу «старших», а учуки — «младших» племен. Бузуки правого крыла пользовались большими привилегиями по сравнению с учуками. Согласно Рашид ад-Дину, верховные ханы огузов могли избираться лишь из бузуков (355, I, с. 86).

Очевидно, в дальнейшем разделение на бузуков и учуков приобрело черты военно-территориальной организации (255). Племена обоих крыльев огузского войска имели закрепленные за ними пастбищные выгоны и угодья (351). В пользу этого обстоятельства говорят и данные о внешних и внутренних огузах, соответствующих учукам и бузукам (572, с. 21; 696, с. 127). Территориальный принцип системы деления на внешних и внутренних огузов подтверждается топонимикой (120; 225) и материалами туркменских эпических сказаний (349).

Существовавшие у огузов и туркмен в XI в. племенные и родовые подразделения именовались бой, оба и көк (266, II, с. 226; III, 103). Судя по «Диван лугат ат-тюрк» и другим источникам, у огузов и туркмен «бой» в основном означало «племя» (ср. 756, с. 160, 161). Термины «оба» и «көк», вероятно, прилагались главным образом к родовым подразделениям. Махмуд Кашгарский указывает, что «көк» означает по-кыпчакски и огузски «корень». Огузы, встречаясь между собой, прежде всего осведомлялись о бое и көке — племенной и родовой принадлежности (266, II, с. 226). В источниках XII—XIII вв. «көк» объясняется как «ветвь», «корень», «семя» (481; 507; 570; 574). Семантика термина «оба» генетически связана с монгольским «обог», «овок» (709, с. 8). Древний монгольский обог, как показал Б. Я. Владимирцов, был «своеобразным союзом кровных родственников» (103, с. 46). Характерными признаками обога являлась экзогамия, левират и кровная месть. В основе монгольского обога лежала общинная собственность на выгоны и пастбища. Однако в недрах обога развивалась социальная дифференциация, существовала частная собственность на скот. Огузский род оба первоначально также был кровнородственным союзом, члены которого вели свое происхождение от общего предка. Махмуд Кашгарский указывает, что названия огузских родов восходят к «именам древних предков этих родов» (266, I, с. 57, 58). Однако с развитием классовых антагонистических отношений оба утеряло характер первобытнообщинного кровнородственного союза. Огузские племена исследуемого периода были связаны больше легендарной, чем реальной генеалогией (418, с. 200). Махмуд Кашгарский неоднократно подчеркивал, что среди огузов и туркмен были присоединившиеся к ним этнические группы (ср. 355, I, с. 83, 85; 212, с. 42 и след.).

Термин «оба» в значении родового подразделения сохранился до сих пор у юрюков и туркмен Малой Азии. Оба представляет собой объединение из нескольких семей «для кочевки и совместного проживания на зимовке» (312, с. 115). Каждое оба имеет своего главу, носящего то или иное почетное звание (145, с. 48; 144, с. 180, 181). Термином «оба» у туркменских племен Турции обозначается род и патронимия[1]. Среди этих туркмен существует также подразделение на оймаки (аймаки). Оймаки состоят из различного числа родовых групп, называемых оба (145, с. 48, 52). Во главе оймаков стоят родовые и племенные старейшины (144, с. 181, 182). Очевидно, это является пережитком системы деления на аймаки, существовавшей у огузов и туркмен в эпоху средневековья. В пользу этого мнения говорят их старинные исторические предания (702, I, с. 383). Согласно Абу-л-Гази, туркменские племена некогда состояли из 12 аймаков и 24 юзлыков[2]. Последние вели свой род от шести сыновей легендарного Огуз-хана, родившихся от «законных» жен. Аймаки представляют собой смешанные группировки, происходившие от «тех, кому Огуз-хан нарек имена, равно как и его внуков, рожденных от наложниц» (212, с. 52).

Огузские и туркменские аймаки представляли собой кочевые и полуоседлые общины или племена, организованные по территориальному признаку. «Племена древних государств,— пишет К. Маркс,— были основаны двояким путем: либо по родам, либо по территории. Племена, организованные по родовому признаку, древнее племен, созданных по территориальному признаку, и первые почти повсеместно были вытеснены последними» (254, с. 14).

Существовавшая у огузов и туркмен система аймаков напоминает аналогичное подразделение средневековых монголов. Монгольский аймак был объединением из различных групп, которые кочевали на определенной территории, используя сообща ее пастбищные угодья (103, с. 137). Система деления огузов и туркмен на юзлыки является атрибутом военно-племенной организации. Очевидно, пережитком этой системы было подразделение на «онлыки», имевшееся у туркмен в дореволюционном прошлом (175).

Огузы и туркмены XI—XIII вв. разделялись также на уруги (161; 410; 720). Термином «уруг» у средневековых тюркоязычных народов обозначались родовые подразделения (184, с. 41, 42). Однако уругами назывались и составлявшие патронимию знатные роды — фамилии (713, с. 58 и след.). Уруги и другие родо-племенные группы огузов и туркмен относились к той или иной «кости». В пользу этого мнения говорит свидетельство Захир ад-Дина Нишапури, который пишет, что фамилия сельджукидов происходила из «уруга и кости кынык» (161, с. 10). Подразделение на «кости»

[1] В языке туркмен Средней Азии «оба» означает сейчас «местность, жители которой занимаются сельским хозяйством» (434, с. 476).

[2] Происхождение слова «юзлык», вероятно, связано с практиковавшимся у кочевых народов делением на сотни, тысячи, тюмены (713, с. 59).

существовало у многих тюрко-монгольских народов Центральной и Средней Азии (147; 339; 713). Обычно такие социально-племенные группы именовались сонук, суйек, сеок (713, с. 60). Среди тюрко-монгольских народов различались знатные и простые «кости»[1]. Вероятно, такое же подразделение существовало у средневековых огузов и туркмен[2].

Огузские и туркменские роды и племена (бои, оба, аймаки и уруги) входили в состав более крупных племенных союзов. Такие объединения обычно назывались «илями» (713, с. 50), что означало «народ», «государство»[3]. Средневековые турецкие глоссарии отмечают, что или состоят из аймаков, подразделяющихся на бои и уруги (57. с. 302). Во главе огузских и туркменских илей стояли илики, ильханы, ильбаши.

Содержащийся в источниках фактический материал свидетельствует о наличии у огузов и туркмен пережитков родо-племенного строя. Роды и племена входили в состав более крупных объединений, которые назывались илями. Среди огузов и туркмен, вероятно, существовало подразделение на благородные и простые «суйеки». Огузы, очевидно, разделялись также на «старшие», более привилегированные и «младшие», менее привилегированные роды и племена.

Огузские племена состояли из двух больших групп, что являлось пережитком дуальной фратриальной организации. Среди входивших в эти фратрии родов и племен различались «чистокровные», «рожденные от наложниц» и «примкнувшие» к огузам тюркоязычные группы. Отсюда видно, что родо-племенная организация огузов не была основана на принципе кровного родства, характерного для первобытнообщинного строя. В сущности огузы и туркмены подразделялись на кочевые, полукочевые, оседлые и полуоседлые общины, сохранявшие в качестве реликта старую родо-племенную оболочку.

Разложение патриархально-родовых пережитков в огузо-туркменской среде

Община, существовавшая у огузов и туркмен исследуемого периода, регулировала многие стороны быта и хозяйственной жизни, опираясь на патриархальные традиции. Важным условием собственности, выросшей из недр родового строя, как известно, была принадлежность к той или иной общинно-племенной организации (254, с. 21, 22). С этой точки зрения весьма показательно, что скот, находившийся в частной собственности огузских семейств, отмечался родо-племенными метками (тамга). Махмуд Кашгарский, приводя тамги огузских племен, сообщает,

[1] В дореволюционном казахском обществе, например, рядовая масса кочевников относилась к «черной кости», а высшая знать, потомки султанов и ходжей — к «белой кости» (303, с. 328, 329; 544, с. 212).

[2] Согласно «Истории династии сельджукидов», знатность огузских «боев» и «ургов» определялась по «муче» и «суик» (سویک). Очевидно, последний термин следует читать как «суйек» или «сеок», что означает «кость» (410, л. 17).

[3] Данный термин имел также значение «страна», «мир» (522, с. 66; 92, с. 74; 481, с. 38).

что «все знаки являются клеймами их скота и лошадей, и при смешении животных каждый род (батн) по этим приметам узнает при осмотре свой скот и лошадей» (265, с. 310; 266, I, с. 57). В исследуемом плане интересно также свидетельство поэтов XII в. о таврении коней знатных сельджукских беков (284, с. 654). Клеймение скота производилось выжиганием, а также с помощью особых зарубок. Тавро ставилось раскаленной железной меткой (даг) на крупном рогатом скоте, верблюдах и лошадях (266, II, с. 276; III, с. 113, 114). Овцам и козам, вероятно, делали надрезы на ухе, называвшиеся у тюркоязычных народов «ин» или же «эн» (314, с. 106).

Родо-племенные знаки, которыми отмечался скот, считались у туркмен важнее частновладельческих клейм вплоть до недавнего прошлого. В случае кражи скота или вещей с родовой тамгой вор приговаривался обычно к смерти либо очень крупному штрафу. Когда же пропадал скот с частным тавром, то похититель не преследовался родом или племенем. В таких случаях потерпевшему рекомендовалось «самому определить меру наказания и собственными силами и средствами привести в исполнение избранную им меру наказания» (198, с. 43).

Пережитки традиций патриархально-родовых отношений прослеживаются и в других сферах общественной жизни огузов и туркмен X—XIII вв. Однако подтачиваемые изнутри процессом развития частной собственности и классового расслоения, они постоянно разлагаются, сохраняя лишь прежнюю родовую оболочку. Процесс ломки старых, родо-племенных институтов виден на примере эволюции обычая кровной мести — неотъемлемого атрибута первобытнообщинного строя. «Фратрия имела право,—отмечает Ф. Энгельс,— и была обязана преследовать за убийство члена фратрии, следовательно, в более раннюю эпоху на ней лежала также обязанность кровной мести» (466, с. 66).

Данные источников свидетельствуют о том, что у огузских племен X в. существовала кровная месть. Ибн Фадлан пишет, что «если тюрок (огуз) умрет у своего друга мусульманина (и если) проедет караван, в котором есть его друг, то они убивают его и говорят: «Ты убил его, посадивши его в тюрьму, так как если бы ты не посадил его в тюрьму, то он, конечно, не умер бы». И точно так же, если он дал ему выпить набида и он свалился со стены, они убивают его за него. А если его нет в караване, то они берут самого выдающегося, кто есть среди них, и убивают его» (204, с. 62).

Обычай кровной мести у огузов в дальнейшем постепенно заменяется натуральной и денежной вирой. В этом отношении примечателен эпизод убийства восставшими в XII в. огузами Кумача — правителя Балхской области. Захир ад-Дин Нишапури и другие средневековые историки рассказывают, что после этого огузы предлагали Санджару большой выкуп за кровь его вассала (161, с. 49; 766, с. 178).

Значительную трансформацию в огузо-туркменской среде претерпевает и обычай патриархального гостеприимства. Выросс-

ший из недр первобытнообщинного строя, этот обычай теряет в XI в. свои архаические черты. Сказанное хорошо иллюстрируется приводимыми в «Диван лугат ат-тюрк» материалами устного народного творчества огузов. «Говорится,— приводит Махмуд Кашгарский огузскую поговорку,— ушли те, которые если увидели гостя, то считали его за счастье и благо. Остались те, которые если увидят мираж или призрак в пустыне, (принимая его за гостя), разрушают свой дом из страха, чтобы не остановился гость» (265, с. 310). В другой фольклорной записи Махмуда Кашгарского отмечается: «Остались те из мужей, которые хитры и низки, они смотрят в лицо гостю, как будто он вор, и тыкают в глаза гостю-страннику то, чем угостили его, и бьют этим по голове его» (265, с. 310).

Приведенные факты свидетельствуют о процессе разложения патриархально-родовых отношений, происходившем в огузо-туркменской среде исследуемого периода. Огузские и туркменские общины (бои, оба, аймаки, уруги, кёки) далеко шагнули по пути имущественного и социального неравенства. В недрах общины сильно развилась частная собственность и шел интенсивный процесс выделения богатой знати.

Социальная дифференциация в огузо-туркменской среде

В средневековых источниках содержатся многочисленные факты о глубоком социальном расслоении огузов и туркмен в X—XIII вв. Основой имущественного неравенства у кочевников являлась частная собственность на скот. Ибн Фадлан отмечает у огузов богатую знать, обладавшую громадными стадами животных[1]. Среди них он видел людей, имевших табуны в 10 000 голов лошадей (204, с. 65, 66). В то же время в его «Записке» упоминается огузская беднота и рабы (204, с. 63). Богатая знать отмечается также у огузских племен XII в., кочевавших в Балхе и Хуттале. Равенди пишет, что среди них были «великие эмиры и богатые люди с (большим) состоянием» (766, с. 177). В источниках XI—XIII вв. эти зажиточные и богатые слои именуются баями, беками, эмирами (266, I, с. 292; 570, с. 60).

В огузо-туркменской среде исследуемого периода наряду с богатой аристократией отмечается масса рядовых общинников. Ибн Фадлан упоминает о простых огузских скотоводах, называемых «человек, муж» (204, с. 60 и след.). Очевидно, здесь подразумеваются свободные в основной массе общинники, являвшиеся вместе

[1] Имущественная дифференциация прослеживается и среди торко-печенежских племен Восточной Европы. В числе их захоронений обнаружены погребения богатой знати и неимущей бедноты. В богатых могильниках найдены остатки дорогих украшений, конского снаряжения и оружия. Бедняцкие погребения содержат весьма скудный инвентарь или же не имеют никаких вещей (334, с. 188; 441, с. 200). Примером захоронения богатого торка служит один из курганов, раскопанных Б. А. Городцовым. Знатный огузский воин похоронен в этом кургане в гробу из тонких драниц. В его голове и ногах стоят деревянные статуи, а с боков — остовы лошадей, овец, телят. Покойник был захоронен в полном вооружении: железная сабля, лук, колчан со стрелами (121, с. 12; 122, с. 80).

с тем воинами. В словаре Махмуда Кашгарского они называются по-огузски и туркменски «эр»[1]. Это были непосредственные производители материальных благ в огузо-туркменской среде X—XIII вв.[2] В «Диван лугат ат-тюрк» говорится об изготовлении эрами одежды, дойке овец, уходе за скотом (491, II, с. 4, 15, 16, 17).

Огузские и туркменские общинники не были однородны по своему имущественному и социальному положению. Зажиточные эры имели домашних слуг и рабов, участвовали в набегах и войнах. Однако наряду с состоятельными были также обедневшие и малоимущие общинники. Последние лишь формально, а не реально считались полноправными членами общины. Махмуд Кашгарский отмечает, что ятуки — огузские бедняки не принимали участия в войнах (266, III, с. 11; 265, с. 312). Свод неписанных законов огузского «төре» всячески ущемлял права таких «отураков»— оседлых и полуоседлых общинников (401, л. 14).

В X—XIII вв. в огузо-туркменской среде имелось немалое количество бедных и малоимущих эров. Ибн Фадлан отмечает среди кочевых огузов бедняков, которые составляли низший слой общины. В случае болезни бедняка, как и раба, оставляли в степи без всякого присмотра (204, с. 63). В словаре Махмуда Кашгарского такие огузские бедняки называются йоксул и джиган (266, I, с. 32; III, с. 180). Более поздние источники отмечают среди туркмен йоксулов, чигаев и нищих—гарапчи (481, с. 70, 121; 570, с. 60, 106). Очевидно, йоксулы были самыми неимущими людьми, прозябавшими в крайней бедности[3]. Сам термин «йоксул» этимологически связан с «йок», что означает «нет, не имеется» (184; ср. 379).

Самые бедные и нищие слои огузов и туркмен по своему фактическому положению иногда приближались к рабам. В описанном Ибн Фадланом случае бедняк, видимо, неспроста приравнивается к рабу. Однако малоимущих и бедняков нельзя отождествить с рабами, составлявшими наиболее бесправную социальную категорию. Вероятно, в полурабской зависимости подчас находились и отдельные, главным образом покоренные роды и племена (ср. 713, с. 60). «Племенной строй,— отмечает К. Маркс,— сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся от смешения победителей с покоренными племенами» (254, с. 102). В этом отношении большой интерес представляют исторические факты о керманских огузах. Мухаммад Ибрахим рассказывает, что среди них в XII в. были туркмены, взятые в плен и обращенные в невольников (597, с. 173).

---

[1] Слово «эр» имело в XI—XIII вв. значение «муж», «человек», «воин», «мужчина» (266, I, с. 39; 507, с. 29; 570, с. 23).

[2] В этом отношении интересна также характеристика тюрок IX в. в сочинении Джахиза: «Тюрок — он (одновременно) пастух, конюх, объезжающий лошадей, торговец лошадьми, ветеринар и всадник» (243, с. 232).

[3] В сельджукских текстах XIII в. из Малой Азии упоминаются также «калаши» — деклассированные элементы и беспомощные сироты (731; ср. 142).

Существование рабов-кулов и гулямов у огузов и туркмен хорошо прослеживается по данным словаря Махмуда Кашгарского. В «Диван лугат ат-тюрк» упоминаются рабы-кулы, а также рабыни, называвшиеся ялангук и кырнак (266, I, с. 393; III, с. 285; 522, с. 75; ср. 554). Слово «кырнак» (гырнак) в толковых глоссариях XI—XIV вв. объясняется не только как «рабыня», но и «служанка». В том же значении употребляются термины «кун», «ялангук» и «карабаш» (481; 507; 570; 574). Рабыни использовались в качестве домашней прислуги, а также наложниц. Кулы выполняли различные домашние работы, составляли дружину ханов, эмиров и беков. Рабами в XI в. владела не только знать, но и рядовые общинники (491, с. 152 и след.).

Обращает на себя внимание, что в средневековых источниках нет никаких сведений о применении труда рабов в скотоводческом хозяйстве огузов и туркмен. Несмотря на это, можно полагать, что они, подобно другим тюркоязычным племенам, частично применяли рабскую силу для пастьбы скота[1]. Однако труд раба в условиях господства экстенсивного скотоводства не был рентабельным и поэтому он не стал основой производства, а само рабство имело преимущественно домашний патриархальный характер.

Положение рабов-невольников в огузо-туркменской среде X—XIII вв. было довольно тяжелым. В словаре Махмуда Кашгарского неоднократно упоминается об избиении господами своих кулов (266, I, с. 20; III, 200). Грубые насилия и притеснения вызывали со стороны рабов ненависть и сопротивление. Недаром одна из старинных поговорок гласила: «Кул — (твой) враг, а собака — (твой) друг (волк)» (491, I, с. 336). В XI—XIII вв. существование невольничества у огузов и туркмен оправдывалось мусульманской религией. Махмуд Кашгарский цитирует поговорку, которая утверждает, что «бог (тангри) создал рабыню» (491, I, с. 303).

Наряду с кулами, выполнявшими различные домашние и хозяйственные работы, имелись и привилегированные рабы. К числу последних относились молодые невольники, служившие в дружинах знатных господ. В источниках X—XIII вв. они называются гулямами, чакирами, ходжаташами, огланами. Ибн Фадлан сообщает о наличии у огузов X в. гулямов, под которыми подразумеваются «молодые слуги» (204, с. 97). Отроки-гулямы, очевидно, использовались в качестве военной дружины. На это указывает описание Ибн Фадланом огузского погребального обряда. Ибн Фадлан отмечает, что, согласно огузским верованиям, гулямы должны служить именитым и храбрым людям в потустороннем мире (204,

[1] В некоторых поздних средневековых источниках говорится о применении тюрками X в. рабов в качестве пастухов. Согласно «Пяид-наме», некогда в Туркестане жило племя барсхан, из которого происходил основатель газневидской династии Себук-Тегин. Однажды на становища его отца напали соседние тухси и увели в плен юного Себук-Тегина. В течение четырех лет рабства он пас скот, а затем был продан купцам из Мавераннахра (296, л. 144, 145).

с. 63). В этом религиозном представлении нашли свое отражение реальные явления общественной жизни огузов.

Гулямов, упоминаемых у огузов X в. Ибн Фадланом, вероятно, можно сблизить с чакирами в рассказе Марвази. Согласно его известию, в старину огузские правители содержали 1000 чакиров, которые в день три раза ели за царским столом (736, с. 18, 29). В XII в. чакиры упоминаются и при сельджукидах, в частности, в правление Санджара (284, с. 584). Исследования советских историков показали, что чакиры использовались огузской знатью в качестве воинов-дружинников (242, с. 103—108).

Большого внимания заслуживают и данные о гулямах, которые имелись в XII в. у огузских племен Балха и Хутталя. Рашид ад-Дин сообщает, что у них были черноглазые, темноволосые гулямы из хитаев и ягма[1], отличавшиеся высоким ростом (352, л. 65). Более поздние авторы называют их кулами[2] и уточняют, что это были молодые невольники (378, л. 164; 318, с. 50).

Средневековые источники содержат интересные сведения о применении и туркменской знатью военных дружин из рабов. В хронике Ибн Биби, например, говорится о прибытии в XI в. в Рум из Средней Азии туркменских беков с отрядами своих кулов (599, с. 2). Эти туркмены были отправлены в Малую Азию для ведения «священной» войны против византийцев (401, л. 67). В сельджукских текстах XIII в. упоминаются хасс кулы (личные рабы), ходжаташи — гулямы и нукеры влиятельных господ (731, с. 76, 230). Словарь XIII в. говорит также о юношах-огланах (570, с. 49), имевших рабское происхождение[3].

Главным источником рабства, существовавшего у огузов и туркмен, были частые войны. С целью захвата пленных и скота организовывались также специальные набеги. Один из таких набегов описывается в труде Ибн ал-Каланиси. Он сообщает, что в 1136 г. группа туркмен Сирии напала на Латакию. Туркменский отряд возвратился с огромной добычей в 7000 пленных мужчин, женщин и детей и 10 000 голов скота (722, с. 232).

Захваченные в битвах и набегах пленники обращались в невольников — слуг, рабов и наложниц. Однако подавляющее большинство военнопленных продавалось соседним народам. В этом отношении весьма показателен эпизод, описываемый Абу-л-Фараджем. Он рассказывает, что в XI в. при султане Меликшахе в Мосул было послано туркменское войско под начальством эмира Артука. Войска туркмен и арабов-маадинов встретились недалеко

---

[1] Захир ад-Дин Нишапури (161, с. 49), Равенди (766, с. 179) и Мухаммад Язди (548, с. 102) называют их просто «тюркскими» гулямами.

[2] В источниках XIII в. термином «кул» обозначается не только «раб», но и «слуга» (731, с. 44, 227).

[3] В древнетюркских памятниках термин «оглан» выступает не только в значении «сын», «мальчик», но также означает «воин» (717, с. 355). В последнем значении это слово употребляется и в словаре Махмуда Кашгарского (522, с. 216). Любопытно также отметить, что в средневековых тюркских эпитафиях Семиречья упоминаются дружины из отуз-огланов (468).

от г. Амида. Артук и предводитель арабов Шараф ад-Даула готовы были примириться, но туркменские вожди заявили, что с пустыми руками, без добычи они не уйдут. Сговорившись между собой, они сели на коней и ночью внезапно напали на арабов, многие из которых были убиты, а оставшиеся в живых взяты в плен вместе с женщинами и детьми. Пленных арабов с накинутыми на шеи веревками повели к Амиду, под стенами которого начался оживленный торг. Физически сильных и пригодных для работ военнопленных продали по 10 динаров, а остальных—по 5 (586, с. 330).

В свете данных средневековых источников вырисовывается картина глубокого социального и имущественного расслоения огузов и туркмен X—XIII вв. Классовая дифференциация среди огузов и туркмен была обусловлена дальнейшим разложением патриархально-родовых и становлением феодальных отношений. Влиятельная и богатая аристократия постепенно консолидировалась в господствующий патриархально-феодальный класс. Богатая кочевая знать огузов и туркмен обладала громадными стадами овец, лошадей, верблюдов. Эта степная аристократия содержала военные дружины из гулямов, огланов, ходжаташей. Дружины из чужеземных рабов были особенно удобным орудием для подчинения и господства над простым народом.

Знатным имущим слоям огузов и туркмен противостояли непосредственные производители — рядовые эры. Общинники были неоднородны по своему имущественному и социальному положению, но их основная масса была еще свободной. Зажиточные эры имели домашних слуг, рабов и были полноправными членами общины. Однако среди огузских и туркменских эров имелось немало разорившихся и малоимущих семей. Бедные и несостоятельные общинники постепенно оказались в зависимости от богатых и знатных господ.

Самой низшей и бесправной социальной категорией в огузо-туркменской среде были рабы. Главными источниками рабства являлись непрерывные войны и специальные набеги для захвата пленных и скота. Основная масса пленных шла в продажу, что объясняется специфическими особенностями кочевого способа производства. Экстенсивное скотоводство не требовало затраты большого количества труда. В силу этого обстоятельства невольники использовались в основном в качестве слуг и военных дружинников, а рабыни обращались в наложниц и прислугу. Рабство, существовавшее у огузов и туркмен в X—XIII вв., имело домашний характер.

Обычное право огузов и его классовая сущность

Социальные и бытовые отношения в огузо-туркменской среде регулировались нормами обычного права (120, с. 52, 53). Общий свод этих освященных степной традицией правил назывался «төре», что означает: «право, закон, установление предков» (266, I, с. 96; 481, с. 37). В XIII в. в аналогичном значении у туркмен употреблялось также слово «хамаша» (574, с. 47). Нарративные источ-

ники свидетельствуют, что огузское төре действовало в Малой Азии при династии сельджукидов (618, с. 130). Языджиоглу Али утверждает, что нормы этого обычного права соблюдались и в правление Санджара (410, л. 14). Османские хроники отмечают, что племя кайи исстари сохраняло «огуз-хановские законы, предписания и установления туркестанских старцев» (408, л. 52). Скорее всего здесь подразумевается свод неписанных правил, которые в XIII—XIV вв. были включены в «Огуз-наме» (119, с. 4).

Огузское төре оправдывало социально-имущественное неравенство, утверждало сословные привилегии и местничество (318, с. 18 и след.). Төре признавало законность власти старших и знатных по своему происхождению ханов и беков. Свод этих правил обнаруживает скрытое враждебное отношение к перешедшим к оседлости малоимущим слоям (410, л. 14, 15). Один из «огуз-хановских законов» гласит, что нукер может питаться тем, что остается после бека (410, л. 17). В этом сказывается реальное положение зависимых людей и слуг в огузском обществе.

Старинное право огузов доброжелательно относилось лишь к кочевому образу жизни. Огуз-хану приписывается следующее изречение: «Передвигайтесь, не будьте оседлыми; кочуйте по весенним, летним и зимним пастбищам и побережьям (рек), не зная недостатка. Пусть у вас не убавится молоко, йогурт, кымран» (410, л. 14).

Огузское төре признавало частную собственность, право завещания и передачи власти по наследству. Согласно этим неписанным канонам, всякое непослушание «законному» правителю не должно оставаться без наказания. Если провинившимся в чем-либо перед ханом являлся бек, то он подлежал отправке на год в пограничный «удж» (410, л. 15). Все это было направлено на пресечение сепаратистских тенденций и укрепление власти правящей верхушки. Обычное право огузов было порождением кочевого быта и интенсивно развивающихся патриархально-феодальных отношений.

Патриархально-феодальная верхушка огузов и туркмен

Самый высший слой в огузо-туркменской среде составляли ябгу, байгу, иналы, ханы, илики. В источниках XI в. в качестве сельджукской правящей аристократии упоминаются ханы, байгу[1] и илики (304, с. 380). Звание илик, очевидно восходящее к слову «иль» (496, 579), носили предводители крупных племенных объединений. Существование иликов в огузо-туркменской среде подтверждается и другими источниками. Известен

[1] Экскурсы о титулах и званиях ябгу, байгу, инал приведены в следующей главе монографии.

факт, когда султан Алп-Арслан при назначении Низам ал-Мулька атабеком Меликшаха дал своему везирю звание «илик ва ата-ходжа» (714, с. 19). Ибн ал-Каланиси, описывая сельджукские завоевания XI—XII вв., упоминает о туркменском предводителе — ильхане (722). В правление сельджукидов у огузов Малой Азии в качестве вождей отмечаются также ильбаши (120, с. 46). Нарративные источники вместе с тем отмечают в XI—XII вв. у туркмен и огузов «маликов» и «шахов». Звание, или титул малика носил Динар, основавший огузское государство в Кермане (48, с. 17 и след.). После захвата политической власти Динар принял высший титул шаха. Очевидно, в данном случае «шах» является синонимом огузского термина «ябгу» или «хан». Любопытен и тот факт, что верховные предводители, назначавшиеся огузами с согласия их вождей, получали титул малика (49, с. 96; 597, с. 119).

Феодализирующаяся верхушка огузов и туркмен состояла также из других знатных лиц, носивших различные почетные титулы и звания. Среди них часто упоминаются беки, обладавшие значительной властью и могуществом[1].

Термин «бек» в древнетюркских памятниках выступает в значении «князь, господин» (241; 578; 634; 653). В сельджукских текстах XIII в. из Малой Азии беками называются эмиры, знатные предводители (731, с. 235). Среди верхушечных слоев огузских племен отмечаются улуг-беки, беглер-беки, думдар-беки, чагдаул-беки, тюмен-беки, бой-беки (410, л. 14, 15; 702, с. 387). В «Огузнаме» говорится, что звание улуг-бека присваивалось верховным ханом за особые заслуги. Награжденный этим почетным титулом получал дорогие одежды и пояс (378, л. 126).

Звание бека являлось наследственным и переходило от отца к сыну (633, с. 193). Обычное право огузов разрешало передавать бекство (беглик) старшему, а не младшему сыну. Если у беглер-бека либо тюмен-бека не было наследников, то их место занимал «храбрый, отличившийся в боях» предводитель (410, л. 14). Иногда то или иное племя могло само «выбрать» себе бека. Однако «избранным», как правило, оказывался представитель господствующей знати (672, с. 44, 45).

Беки возглавляли племена, управляли областями и предводительствовали ополчениями. Афзал ад-Дин Кермани упоминает знатных беков и эмиров у огузов Кермана, среди которых выделялись Семсам, Кайсар и Булак. Они являлись предводителями огузского войска, называвшегося «хашам-и кара-гуз» (48, с. 18). Последнее буквально означает «ополчение черных огузов», что, вероятно, имеет не этнонимическое, а социальное происхождение. В исторической литературе не раз отмечалось, что у средневе-

[1] В средневековых толковых словарях отмечается, что «бек» — туркменская, а «бей» — кыпчакская форма (481, с. 35; 507, с. 19; 570, с. 23).

ковых тюрок основная масса простого народа именовалась «карабудун»[1].

Командующие правым и левым флангами огузского войска носили звание беглер-беков. В исторических сказаниях упоминаются беглер-беки внешних и внутренних огузов (700, с. 243). Обычно беками правого крыла являлись предводители кайи и баятов, а левого — печенегов и чавундаров (410, л. 14 и след.).

Беки имели право судить, наказывать, отдавали письменные и устные распоряжения, подлежавшие беспрекословному исполнению (491, I, с. 7, 8; II, с. 316, 341). Власть беков распространялась не только на кочевые племена, но и оседлое население (491, II, с. 7; ср. 92. с. 94). В XII в. туркменским предводителям оказывалось повиновение, как «знатным князьям» (399, с. 55).

В X—XII вв. в числе аристократической верхушки огузов и туркмен в источниках упоминаются еще мехтеры, тарханы, эмиры, кокюки (491, III, с. 133; 480, с. 5). Мехтеры были вождями племен (450, л. 18), тарханы — «благородными и уважаемыми» (204, с. 65), а кокюки — «знатными людьми» (491, III, с. 133). Среди знати огузов и туркмен выделялись также крупные эмиры. Согласно «Диван лугат ат-тюрк», огузы не могли правильно выговорить арабское слово «эмир» и произносили его как «хамир» (266, I, с. 102). Махмуд Кашгарский свидетельствует также о существовании у них аксакалов, которые, очевидно, выполняли роль почетных старейшин (522, с. 9).

Среди огузской и туркменской военно-племенной знати XII в. выделяются салары, мукаддамы, сердары (49; 177; 281). Интересно отметить, что в труде Мухаммада Ибрахима предводители огузов Кермана в одном месте именуются сердарами, а в другом— эмирами (597, с. 107, 139).

Аристократические слои огузов и туркмен состояли также из влиятельной части байства. В значении «богатый» термин «бай» выступает еще в древнетюркских и уйгурских текстах (380; 497; 578; 589; 717). Однако баями в XIII—XIV вв. назывались не только богатые люди, но и господа (574, с. 35). Зажиточное байство обычно противопоставляется нищим, беднякам, слугам и рабам (568, с. 64; 731, с. 76). В фольклорных записях Махмуда Кашгарского упоминаются сытые баи и несчастные бедняки (521; 522). Среди этих байских слоев огузов и туркмен были и зажиточные торговцы. В источниках XI—XIII вв. огузские и туркменские купцы называются сатыджи и базарган (266, I, с. 312; 570, с. 24, 59).

В огузо-туркменской среде, наряду со светской, имелась и духовная знать. В X в. языческие огузы «поклонялись» шаманам-лекарям, которые «распоряжались их жизнью и имуществом» (450, л. 18). С принятием ислама среди огузов и туркмен склады-

[1] В древнеуйгурских памятниках упоминается «будун кара», что также означает «черный, простой люд» (497, с. 201).

вается прослойка мусульманского духовенства[1]. В источниках XI—XIV вв. отмечаются огузские и туркменские шейхи, факихи и дервиши (13, с. 205; 170, л. 19; 760, с. 195).

Приведенный исторический материал показывает, что самую высшую ступень в огузо-туркменской среде занимала именитая аристократическая верхушка. Господствующие слои происходили из среды родо-племенной и военной знати, носившей различные почетные титулы и звания. Это были типичные представители интенсивно формировавшегося в огузо-туркменской среде феодального класса. Среди огузов и туркмен X—XIII вв. возникала прослойка мусульманского духовенства. Складывалась патриархально-иерархическая пирамида, на вершине которой находились ябгу, ханы, илики. Вторую ступень этой иерархической лестницы занимали беки, эмиры, сердары и другие представители родовой и военной аристократии. Огузская и туркменская знать осуществляла господство над зависимыми социальными категориями и все больше подчиняла свободных общинников.

Закабаление свободных общинников

Могущественная знать огузов и туркмен, обладавшая многочисленными стадами и другими богатствами, постепенно закабаляла своих рядовых соплеменников. В словаре Махмуда Кашгарского говорится о кулсыг эрах[2]—общинниках, ставших «подобными рабам» (267, с. 499). Сельджукские тексты XIII в. упоминают о хасс эрах, под которыми подразумеваются зависимые люди (731, с. 190). В XI в., судя по данным Махмуда Кашгарского, огузская знать приобрела большую власть над общинниками. Беки, возглавлявшие племена, могли прогнать или наказать эра (491, II, с. 7 и след.). В словаре Махмуда Кашгарского отмечается, что «эр стал на колени перед беком» (491, II, с. 21).

Одной из причин закабаления аристократией непосредственных производителей являлось обнищание и разорение свободных общинников. В исследуемом плане значительный интерес представляет огузская песня XI в. (491, I, с. 362), в которой весьма образно говорится:

Кто станет обладателем богатств,
Тому и подобает бекство.
Бек, оставшийся без богатств,
Испытывает нужду в эрах.

[1] Распространение ислама среди огузских племен Средней Азии началось уже с VIII в., после их расселения на северных границах оседлой полосы Мавераннахра (613, XI, с. 117). Отдельные историки на этом основании неверно считают, что в VIII в. все огузы исповедовали мусульманскую религию (701). В самом же деле процесс исламизации огузов был затяжным и довольно неравномерным. Среди западных групп огузов даже в X в. мусульманская вера имела лишь единичных адептов (204; 208). Гораздо большее распространение ислам получил среди восточной части огузов, находившейся в тесных контактах с саманидскими владениями Мавераннахра. Обращение значительных масс огузов в ислам произошло уже в ходе сельджукского движения в междуречье Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, а затем в Хорасане (609; 666; 667).

[2] В «Кутадку-Билик» упоминаются кулсыг киши (645, с. 35).

Цитированный фольклорный текст позволяет видеть, что богатая знать подчиняла себе простой люд и властвовала над ним[1]. Очевидно, свободные общинники попадали в экономическую зависимость от состоятельной верхушки. Материалы «Диван лугат ат-тюрк» и других источников свидетельствуют о развитой кредитно-долговой практике в огузо-туркменской среде (266, III, с. 330; 570, с. 44). Господство знати над рядовыми общинниками осуществлялось и путем внеэкономического принуждения. Одним из средств закабаления при этом была коммендация — отдача под защиту сильных и влиятельных господ. Суровая необходимость защищать от врагов скот и пастбища заставляла рядовых кочевников искать могущественных покровителей (ср. 146, с. 20, 21). Нередко в периоды весенних и осенних перегонов скота кочевники объединялись под властью наиболее сильных родо-племенных вождей. Михаил Сириец пишет, что туркмены Сирии весной «поднимаются в северный район, где находят пастбища для своих животных». Однако во время этих передвижений местные курдские феодалы угоняли их баранов, лошадей, верблюдов и быков. «Тогда туркмены,— пишет Михаил Сириец,— решили объединиться во время своих переходов, чтобы охранять свое имущество» (129, с. 144, 145).

Обычно во главе таких объединений становились вожди наиболее сильных и многочисленных группировок; они подчиняли и эксплуатировали трудовые массы кочевников, особенно из мелких и слабых родов. Эта господствующая верхушка относилась к зависимым от нее соплеменникам как к слугам и рабам. В пользу этого говорят факты из истории сельджукского движения XI в. (613, IX, с. 275).

В закабалении кочевой знатью рядовых общинников важную роль играла частная собственность на скот и пастбищные угодья. К. Маркс отмечает, что у степных азиатских племен собственность на скот «это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются» (254, с. 21). Кочевые племена относятся к земле, используемой главным образом под пастбища, как «к своей собственности». К. Маркс замечает далее, что у номадов на деле присваивается и воспроизводится лишь скот, а не земля, которую они «на каждом месте стоянки временно используют сообща» (254, с. 21).

Данные средневековых источников свидетельствуют, что патриархально-феодальная аристократия огузов и туркмен постепенно захватывала право распоряжения земельными угодьями. Нарративные источники говорят о том, что сельджукские правители закрепляли территории зимовок и летовок за вождями кайи и других племен (702, с. 93). Следовательно, в руках аристократической

[1] В этом отношении интересны также произведения среднеазиатского поэта XII в. Адиба Югнаки (758), который пишет: «Народ, обращая свой взор к богатому, превращает свободных людей в его рабов. Увидев же неимущего, (все) отворачиваются, закрывают глаза и проходят» (568, с. 74).

верхушки оказалось действенное средство для экономического закабаления простых общинников-эров[1]. В пользу данного положения говорят и официальные грамоты, изданные в правление Санджара. Согласно этим документам, в XII в. предводители туркмен Гургана принимали участие в распределении пастбищ и водопоев для скота. Туркменские племена уплачивали специальный налог за пользование земельными угодьями для выпаса стад (281, с. 82 и след; 177, л. 126).

Основанная на земельной собственности практика феодальной эксплуатации рядовых масс огузов и туркмен существовала еще до образования сельджукидского государства. «Если хорошие луга,— пишет Вильгельм Тирский,— внушали им (туркменам) намерение раскинуть палатки и спокойно остановиться там, они обыкновенно посылали умнейших людей из своей среды к владетелю страны, в которую они являлись, заключали обоюдные договоры, обязываясь платить известную установленную сумму, и располагались среди пастбищ» (399, с. 57). Приведенное свидетельство находит свое подтверждение в исторических летописях, повествующих о сельджукском движении. Гардизи пишет, что 4000 туркменских семей обратились к султану Махмуду с просьбой отвести им пастбища в Хорасане. В своем обращении туркменские вожди заявили, что они будут нести за это различные повинности и уплачивать налоги (631, с. 67; 586, с. 292).

Феодализирующаяся огузская и туркменская знать, очевидно, закабаляла также оседлых ятуков; она, вероятно, использовала труд ятуков, остававшихся на летних и зимних стоянках. Ятуки охраняли эти поселения, занимались различными видами ремесла и обработкой земли (250, с. 73).

Формы патриархально-феодальной эксплуатации

Жестокая эксплуатация попавших в зависимость общинников (кулсыг эров, ятуков и эров) камуфлировалась нормами различных патриархальных институтов. Нередко гнет прикрывался древним обычаем коллективной родовой взаимопомощи. Существование такой практики в огузо-туркменской среде подтверждается материалами «Диван лугат ат-тюрк». Махмуд Кашгарский указывает на «взаимопомощь», оказывавшуюся при охране и выпасе (ат бäклäшма) конских стад (522, с. 34). В его же труде говорится о «помощи» в изготовлении обуви, войлока (266, II, с. 81; 491, II, с. 87, 101).

Другой формой закабаления являлось патриархальное усыновление и принятие в богатые семьи чужаков. Зажиточные баи, как повествуют старинные туркменские родословные, «брали в сыновья» пришельцев из других племен. Усыновленные сироты и чужаки пасли хозяйский скот, выполняли самые тяжелые домашние

[1] Некоторые советские историки пытаются отрицать факты о праве распределения пастбищ кочевой патриархально-феодальной знатью у тюркоязычных народов Средней Азии (457, с. 35, 36). Ошибочность такого рода взглядов уже отмечалась в нашей историографии (321, с. 75—78).

боты (175, с. 325). Существование такого рода социальной прослойки в огузо-туркменской среде отмечается в средневековых ассариях. В словаре Махмуда Кашгарского, например, упоминаются оксуз—сироты[1] и йад — инородные пришельцы (266, I, 9, 362; ср. 570, с. 103).

Огузская и туркменская знать в целях эксплуатации использовала и другие патриархальные обычаи. Отмеченная выше родовая повествует о женитьбе пришельца, усыновленного баем, дочери последнего. Расчетливый богатей и его супруга подсчитали, во что обойдется женитьба их пасынка. Между тем обыай требовал женить не только родного, но и приемного сына. Бай, желая тратить средств на выплату калыма, выдал за усыновленного пришельца свою дочь. Зять остался служить у тестя и прежнему трудился в байском хозяйстве.

В данном рассказе туркменского предания отразились следы информированного древнетюркского социально-брачного института. Старинный тюркский обычай требовал перехода зятя на определенное время в семью тестя (619, с. 139—143). Очевидно, и этом жених как бы усыновлялся родом невесты. В ряде тюркских языков «зять» до сих пор означает «муж дочери, ставший для родителей сыном» (184, с. 62). Перейдя в семью жены, зять в ение нескольких лет пас стада ее отца (619, с. 140). Туркмене баи, судя по исследуемой родословной, использовали традиия этого древнего обычая для эксплуатации малоимущих слоев.

Господствующая верхушка огузов и туркмен в эксплуататорских целях опиралась не только на свою экономическую мощь, но военную силу. Влиятельная знать, наряду с дружинами из рабов, ела в своем подчинении относительно крупные родо-племенные олчения. Обычно это были отряды легкой кавалерии, состояве из молодых отборных воинов-йигитов[2]. Средневековые исто-ки отмечают, что подобная дружина из нескольких сот человек елась у первых сельджукидов (487, с. 106). Ханы, беки, эмиры ользовали отряды из йигитов для войн, грабительских набегов, лавной охоты (700, с. 247). В ряде источников говорится также наличии у огузской и туркменской знати дружин из нукеров 51, л. 411; 410, л. 7). Рашид ад-Дин именует нукерами воинов отборных юношей сельджукской гвардии XI в. (352, л. 49). Одко сам термин «нукер», очевидно, является здесь результатом бо-е поздней интерполяции (ср. 104). Слово «нукер», вероятно, полуо распространение в огузо-туркменской среде после завоевания нголами Средней Азии[3]. Достоверные источники говорят о сусствовании нукеров при династии кара-коюнлу (681, с. 159). Ско-

[1] В этом же значении данный термин употребляется доныне в анатолийском алекте турецкого языка (547, с. 83).

[2] Основным значением этого термина является «юноша», причем в словаре I в. отмечено, что «йигитами» по-туркменски называются «молодые люди» 0, с. 12, 106).

[3] В средневековых турецких словарях термин «нукер» объясняется как «слу-, «воин» (750, с. 595).

рее всего Рашид ад-Дин применяет термин «нукер» для обозначения йигитов, несших службу в дружине сельджукидов.

Источники IX—X вв. говорят также о находившихся в подчинении у огузской знати клиентах, или так называемых маула (770, с. 1). В труде Ибн ал-Факиха сказано, что один из огузских царевичей имел дружину из клиентов (167, л. 171). Термином «маула» обозначались зависимые категории, являвшиеся клиентами племен и отдельных лиц. Маула были вооружены, принимали участие в битвах и получали часть военной добычи. Обычно таким клиентам жалованье не полагалось, и они находились на полном содержании патронов (223, с. 118).

Рассматриваемая категория зависимых людей в средневековых источниках обозначается также общим понятием «атба», что означает «подданные, следующие за кем-либо, подчиненные, слуги, вассалы». Захир ад-Дин и другие историки говорят о многочисленных «толпах атба», находившихся в услужении роду сельджукидов (161, с. 10; 139, л. 150). Ибн ал-Асир добавляет, что они «выполняли приказания и служили у порога» этой фамилии (613, IX, с. 275). Зависимые клиенты и подданные, очевидно, состояли из людей различного имущественного и социального положения. Оказавшись в подчинении влиятельной аристократии, они несли военную и другие повинности. В категорию атба входили также привилегированные слуги, называвшиеся по-тюркски куллукчи и тапукчи (403, с. 30; 731, с. 227). В глоссарии Махмуда Кашгарского слово «тапукчи» объясняется как «слуга», «повинующийся» (266, I, с. 311, 314; III. с. 44, 189). Существование таких слуг в туркмено-огузской среде XI—XII вв. отмечалось Т. Хаутсма и и П. Пельо (706, с. 182).

Богатая и влиятельная аристократия огузов и туркмен была окружена и многочисленной толпой челяди. Ибн Фадлан, описывая ставку огузского вождя Атрака, сообщает, что «у него челядь, свита и большие дома» (204, с. 64). В записке этого путешественника рассматриваемая социальная категория обозначается арабским термином «дабуна» (ضبنة). Буквальный смысл данного слова—«люди, которых приходится кормить, компаньоны, от которых нет пользы, паразиты» (204, с. 97). Однако в действительности польза от услуг такой челяди превышала затраты на ее содержание. Интересен сам факт наличия челяди в зимней ставке крупного огузского предводителя. Ибн Фадлан отмечает, что вместе с домочадцами Атрака кочевали семьи его близких родичей. В их числе названы «сыновья дяди по отцу», которые были приглашены на угощение по случаю приезда арабского посольства. Скорее всего в данном случае мы имеем дело с так называемым аильным способом кочевания (770, с. 15). «Богатому скотом кочевнику, и особенно коневоду,— резонно замечает Б. Я. Владимирцов,— неудобно кочевать в большом обществе, заботы о своих стадах и табунах заставляют его искать более привольного существования отдельным аилом» (103, с. 37). Однако при аильной системе выпаса

скота увеличивалась опасность быть подвергнутым столь обычным в степи грабительским нападениям. В этих условиях возрастала необходимость содержания богатыми скотоводами целой толпы вооруженных слуг и помощников.

Приведенные выше исторические данные свидетельствуют о развитии патриархально-феодальных институтов в огузо-туркменской среде исследуемого периода. Данный процесс был неразрывно связан с изживанием пережитков родо-племенного строя, имущественно-классовой дифференциацией и постепенным закабалением свободных общинников. Большое значение для развития феодальных отношений в огузо-туркменской среде имело образование державы сельджукидов. Огузская и туркменская знать, получившая за военную службу наделы (икта), стала эксплуатировать не только рядовых соплеменников, но и трудовые массы населения покоренных стран[1].

[1] Более подробно данный вопрос рассматривается нами в последней главе публикуемой книги.

ГЛАВА III

ОГУЗСКОЕ ГОСУДАРСТВО СРЕДНЕЙ АЗИИ В IX—XI вв.

Средневековые источники не содержат конкретных сведений о возникновении и времени сложения огузской державы. История образования государства сырдарьинских ябгу окутана густой пеленой легендарных преданий. В основе этих сказаний лежит бытовавший еще в начале X в. легендарный сюжет о происхождении «дождевого» камня. Столь раннее по времени историческое предание записано среди огузов, живших на границе с Мавераннахром. Это обстоятельство придает значимость весьма интересной по содержанию легенде о «магическом» камне. Разумеется, легендарные рассказы не могут заменить исторические свидетельства о возникновении огузского государства Средней Азии. Однако при соответствующем критическом методе анализа они помогают выявить ряд моментов начальной истории державы сырдарьинских ябгу. Сравнение этих легенд с достоверными историческими фактами позволяет составить общее представление о событиях, которыми сопровождалось образование державы огузов в Средней Азии.

Легендарные предания и историческая действительность

Впервые сказание о «дождевом» камне привел в своем «Китаб ахбар ал-булдан» Ибн ал-Факих. Повествование ведется от имени сына Джабуйи, огузского царевича Балкика[1]. «Один из моих предков, — говорит Балкик, — рассердился на своего отца, который был царем в то время, и отделился от него. Он избрал себе в товарищи своих клиентов, гулямов и других из тех, кто

[1] В мешхедской рукописи имеется также вариант Балфикар. Якут пишет имя этого огузского царевича как Балканак и Балфанак. В труде Наджиба Хамадани в одном случае указан Йалкик, а в другом — Балкик (см. 301, л. 95; 302, л. 61; 620, I, с. 840).

любил разбойничество. Он отправился, идя по востоку страны, нападая на людей и ловя то, что попадалось ему и его товарищам» (265, с. 153).

Ибн ал-Факих сообщает далее, что предок Балкика достиг страны, где имелась волшебная гора. Солнце, поднимавшееся из-за горы, сжигало все живое своими палящими лучами. Местные жители с утренней зарей укрывались от страшной жары в глубоких подземельях и пещерах. В горах имелись «дождевые» камни, с помощью которых дикие животные спасались от жгучих лучей. Звери, водившиеся в данной горной местности, брали в рот эти камни, поднимали головы к небу, и тотчас появлялись скрывавшие их от солнца облака. Деду Балкика удалось добыть эти волшебные камни и возвратиться обратно (167, л. 171).

Приводимое Ибн ал-Факихом огузское предание основано на явно фантастическом сюжете, характерном для многих эпических рассказов. В этой легенде фигурируют сказочные животные, одаренные свыше познанием магических свойств «дождевого» камня. Несмотря на это, рассматриваемое предание представляет интерес для изучения истории державы сырдарьинских ябгу. В этом сказании нашли свое легендарное преломление конкретные события, которые так или иначе были связаны с возникновением огузского государства в Средней Азии. Ибн ал-Факих, как мы видим, свидетельствует, что отца Балкика звали Джабуйа. В этом отношении примечательно и сообщение Наджиба Хамадани, пользовавшегося, как и Амин Рази, обширной редакцией сочинения Ибн ал-Факиха. Наджиб Хамадани указывает, что Балкик являлся сыном Джабгу и был «маликом тюрок». Джабуйа, или джабгу—это не имя собственное, а титул верховного огузского правителя (479, с. 219). Следовательно, в исследуемой легенде идет речь о предыстории огузского «царства», глава которого получил впоследствии титул «джабуйа», или «ябгу».

В легенде, приводимой Ибн ал-Факихом, интересно указание на то, что дед Балкика ушел от своего отца, собрал военную дружину, начал грабить и подчинять окрестные народы и племена. Эти детали легенды, вероятно, основаны на реальных исторических событиях. Ибн ал-Факих утверждает, что дед Балкика «рассердился» на своего отца и покинул его. На это указывается также в варианте данной легенды, содержащейся в «Хафт иклим» Амина Рази[1]. Ибн ал-Факих и Амин Рази отмечают, что разрыв между де-

[1] «Один из царей Туркестана, — пишет Амин Рази, — поссорился со своим отцом и вместе со своими слугами и приближенными (хадам ва хашам) двинулся на восток. Пройдя множество переходов и остановок, он достиг до места, через которое многие не могли пройти. Жители пределов этой страны из-за сильной жары сидели (днем) в подземельях, а ночью выходили и приходили обратно. Солнечные лучи сжигали все, на что бы то они ни попадали. (Царь Туркестана) увидел несколько диких животных и спросил (у местных жителей), как они остались в живых. (Жители) ответили, что они (эти животные) находятся под присмотром всевышнего господа, так как в этой горе есть камень, который

дом Балкика и его отцом произошел в результате конфликта. В приводимых ими версиях, к сожалению, не указаны причины, которые породили вражду между отцом и сыном. Однако текст Наджиба Хамадани содержит намек на их ссору из-за магического «дождевого» камня[1].

Исследуемая версия «Аджаиб ал-махлукат» содержит новые детали, отсутствующие в произведениях Ибн ал-Факиха и Амина Рази. В первой редакции Наджиба Хамадани волшебный «дождевой» камень именуется «токуз-гузским»[2]. Наджиб Хамадани отмечает также, что этот камень был отобран «царем» у деда Балкика. Однако затем он оказался, правда, неизвестно каким образом, в руках Джабгу. Вероятно, здесь имеется в виду борьба из-за «дождевого» камня, о чем рассказывают другие средневековые исторические предания.

Гардизи, приводя легенду о происхождении тюрок, сообщает, что у пророка Ноя было три сына. Одним из них был Яфет, начертавший имя всемогущего бога на камне, с помощью которого вызывался дождь. После смерти Яфета этот волшебный камень оказался в руках огузов. Халлух и другие потомки Яфета стали притязать на обладание «дождевым» камнем. Решено было бросить жребий, по которому магический камень выпал на долю Халлуха.

известен им. Каждый раз, когда наступает сильная жара, они берут в рот кусочек этого камня и поднимают головы к небу. Появляется облако и создает для них тень. Как только царевич услышал об этом, он захватил с собой куски этого камня и доставил их в свою страну. Каждый раз, когда была нужда в дожде, эти камни терли друг о друга, а некоторые (из них) сделали из него (этого камня) идола и произносили нечто на тюркском языке, чтобы пошел дождь и снег. В этом (заключалась) вера некоторых (тюрок), которые (почитали) этот камень, (называющийся) «еде» или «джеде таш» (556, с. 263).

[1] «Балкик ибн Джабгу, — пишет Наджиб Хамадани,—сказал, (что) имеется некая гора, из-за которой поднимается солнце. В этой области сильная жара, из-за которой люди живут в подземельях (сард абха). Хищные звери и дикие животные страдали там от жары и жажды. Всевышний аллах внушил (этим) животным познание (силы) того (дождевого) камня. Они пошли в степь (биябан), взяли их (эти камни) в зубы и подняли головы к небу. Тотчас же пошел дождь. Царь тюрок Балкик сказал (далее): «Мой дед вознамерился посмотреть его (этот камень). Однажды он пошел туда и увидел дикое животное, которое взяло (в рот) тот камень. Он гонялся за тем диким животным до тех пор, пока оно не выронило тот камень из своего рта и мой предок не взял его. Но царь (падишах) отнял у него (этот камень). Каждый раз, когда его (этот камень) обращают к солнцу, то появляется облако. Его называют токуз-гузским камнем» (302, л. 61). В другой рукописи сочинения Наджиба Хамадани говорится: «Балкик сказал: «Мой дед вознамерился приобрести его (этот дождевой камень). Однажды он там увидел дикое животное и гнался за ним до тех пор, пока оно не остановилось и он не взял тот камень. Сейчас (этот камень) в руках нашего царя. Всякий раз, как его обращают к солнцу, появляется облако и идет дождь» (301, б. 95).

[2] Тамим ибн Бахр сообщает, что камень, с помощью которого можно вызвать дождь, холод и снег, хранится у правителей токуз-гузов. «Этот (камень),— пишет он, — имеется только у царя токуз-гузов и ни у одного из их (тюрок) царей нет другого (такого) камня» (684).

Однако предводитель огузов отдал Халлуху поддельный камень-талисман, оставив у себя настоящий (54, с. 80—104).

Другая версия этого предания содержится в «Муджмал аттаварих». Согласно этому источнику, камень по жребию достался Тюрку — дяде Гуза ибн Мансака. Тюрк пожелал однажды вызвать дождь, но все его старания были тщетными[1]. Оказалось, что Гуз отдал ему фальшивый «дождевой» камень. Между дядей и племянником началась долголетняя кровопролитная война, в ходе которой погиб Байгу — младший сын Гуза ибн Мансака (283, с. 102, 103).

Исследуемые легендарные предания, вероятно, отображают борьбу за власть после гибели в VIII в. Западно-тюркского каганата. Фигурирующий в этих преданиях «дождевой» камень олицетворяет собой верховную ханскую власть. Магический «дождевой» камень, вероятно, некогда считался у огузов и других тюркских племен одним из символов власти[2]. В исследуемых легендах повествуется о жестокой борьбе за обладание этим камнем. Ибн ал-Факих рассказывает, что предание о «дождевом» камне было широко распространено среди токуз-гузов, огузов и карлуков, живших на границе с Мавераннахром. В легенде, приводимой Гардизи, указывается на соперничество между огузским и карлукским предводителями. Следовательно, можно предположить, что предания о «дождевом» камне были навеяны борьбой за власть между вождями этих тюркских племен.

Обращает на себя внимание, что в легенде Ибн ал-Факиха говорится о ссоре и уходе деда Балкика от своего отца-царя. По другим версиям, в основе этого конфликта лежало соперничество из-за «дождевого» камня, олицетворяющего верховную прерогативу власти. Более поздние мусульманские историки говорят о вражде Огуз-хана с отцом[3], связывая это событие с уходом огузов из пределов Семиречья (351; 378; 453; 672).

Наиболее полный свод «исламизированной» версии сказания о деяниях легендарного Огуз-хана содержится в труде Рашид ад-

[1] Существование различных магических приемов у тюрок-язычников для вызывания дождя с помощью таких камней подтверждается целым рядом средневековых источников (788).

[2] В этом отношении большого внимания заслуживает уйгурская легенда, согласно которой одним из их родоначальников был Бука-Тегин. Племена уйгуров за особый ум, красоту и большие познания избрали Бука-Тегина своим ханом. Однажды Бука-хану явился во сне старец в белой одежде и дал ему кусок яшмы, имевшей форму сосновой шишки. «Если сможешь сохранить этот камень,— сказал он Бука-хану,—твоим приказам будут подвластны все четыре стороны света» (768, с. 42). И. Маркварт считает, что Бука-хан жил в VIII в. и был современником халифа Махди (668, с. 42).

[3] Однако приводимые ими версии «Огуз-наме», как отмечалось выше, подверглись обработке в духе ортодоксального ислама. Именно поэтому в них в качестве причины ссоры между отцом и сыном выставляется принятие Огуз-ханом ислама. Версия о «дождевом» камне подменяется, таким образом, модернизированным рассказом о «древнейшем» проникновении мусульманской религии в огузскую среду.

Дина (351, л. 410 и след.). В «Джами ат-таварих» говорится о захвате Огуз-ханом всего Туркестана. По этой легенде, примкнувшие к Огуз-хану племена тюрок получили название уйгур. Выйдя победителем в войне с отцом и другими родичами, Огуз-хан покорил владения своего отца: Талас, Сайрам и прилегающие области[1]. Границы огузских владений затем распространились на западе до Мавераннахра, Бухары и Хорезма[2].

В легенде Рашид ад-Дина повествуется затем о постройке Огуз-ханом города Янгикента[3]. Наместником этого города-ставки был назначен его «везир» и советник Иркыл-Ходжа. Между огузскими племенами левого и правого крыла были установлены строгие границы летних и зимних кочевий. С именем Иркыл-Ходжи связывается также распределение среди огузов племенных онгонов-тотемов, тамг и частей мяса, раздававшихся во время общего пира (353, л. 217—227).

Мусульманские версии сказания о легендарном Огуз-хане, несмотря на содержащийся в них фантастический вымысел, все же сохранили воспоминания о далеких событиях поры образования государства сырдарьинских ябгу. Весьма примечательна довольно ощутимая связь этих преданий с огузской легендой, зафиксированной в труде Ибн ал-Факиха. Это свидетельствует о древнем происхождении основной сюжетной линии средневековых преданий о возникновении огузской державы в Средней Азии.

Более поздние «исламизированные» версии рассматриваемых сказаний, кроме того, позволяют конкретизировать общий ареал событий эпохи образования этого государства. Действия разворачиваются, как мы видим, на довольно обширной территории, начиная от Семиречья и кончая Нижним Поволжьем. Обращает на себя внимание, что огузы во главе с их легендарным вождем передви-

---

[1] Мехмед Нешри утверждает, что Огуз-хан бежал со своими приверженцами в Туркестан и обосновался в местности Ясы. Отсюда он продолжал войну с отцом и после ожесточенной борьбы нанес ему окончательное поражение (672, с. 9, 10).

[2] Во время своих многочисленных походов Огуз-хан достиг Алатага и области Алмалык. Группу своих престарелых воинов Огуз-хан поселил в Алмалыке, в местности Ак-Кайа. Затем он предпринял поход на север в земли кырков и башкордов, где захватил крепость Лугр. В этой военной кампании участвовало 10 000 огузских семей, называвшихся ок-тугра-огуз. Затем Огуз-хан двинулся по безводной пустыне и вскоре достиг реки Итиль (Волги). Огузские воины сделали остановку в местности под названием Он-Каракуль, откуда направились в Талас и Алмалык (351, л. 410—412; 353, л. 217—227).

[3] Янгикент — столица огузского государства фигурирует и в туркменских исторических сказаниях. В этих преданиях говорится, что сначала юрты огузского народа простирались на восток до Иссык-Куля и Алмалыка. Южные рубежи огузских кочевий достигали Сайрама и хребтов Казыкурттаг и Караджиктаг, на севере—Улутау и Кичитау, а на западе — Янгикента и песков Каракумов. В этих областях огузские племена жили в течение четырех-пяти тысяч лет. Затем в результате нападений соседних народов они покинули свои насиженные места и ушли в низовья Сыр-Дарьи. «Государя своего они посадили в Янгиканте, а сами летовали и зимовали по обеим сторонам Сыра» (212, с. 57).

гаются из Джетысу в низовья Сыр-Дарьи, где возникает их столица город Янгикент.

Сопоставление различных версий исследуемых легенд позволяет думать, что в них отразились важные события истории политической консолидации огузов в VIII—IX вв. В пользу этого мнения прежде всего говорит цикл сказаний о «дождевом» камне. Рассказ Ибн ал-Факиха основан, как говорилось, на показании Балкика ибн Джабуйи, являвшегося современником Нуха ибн Асада (892—907). Легендарное повествование о деде и отце этого огузского царевича относится, следовательно, к более раннему периоду. Известие Гардизи заимствовано из сочинений Ибн ал-Мукаффы, Ибн Хордадбеха и других средневековых авторов. Становится очевидным, что эти сведения восходят к источникам VIII—IX вв. Между тем в эту пору наблюдается ожесточенная борьба за власть между вождями крупных племенных группировок тюрок Центральной и Средней Азии.

С падением Западно-тюркского каганата в 742 г. политическую гегемонию в степях Монголии, как известно, захватила аристократия басмилов, уйгуров и карлуков. Вождь басмилов присвоил себе высший древнетюркский титул кагана. Предводитель уйгуров и глава карлуков получили звание ябгу. В 744 г. басмилы подверглись разгрому со стороны объединенных сил уйгуров и карлуков. Глава уйгурских племен стал верховным каганом, а вождь карлуков сохранил титул ябгу. Спустя несколько лет (в 766 г.) карлуки завоевали Джетысу (716, с. 307—401).

В развернувшихся бурных событиях, очевидно, приняли участие и огузские племена Средней Азии. Основная масса огузов скорее всего обитала в эту пору на территории нынешнего Семиречья (66, с. 35). В ряде версий легенды о «дождевом» камне говорится, что предки огузов жили на Иссык-Куле (782, с. 3, 4; 212, с. 39, 81). На это указывают и туркменские исторические предания (212, с. 57). Достойно внимания и то обстоятельство, что в исследуемых рассказах первородина Огуз-хана помещается в Таласе (351; 378, 672).

Между огузскими и карлукскими предводителями, судя по варианту Гардизи, началось соперничество за власть. Перипетии этой борьбы, переросшей в открытые столкновения, не совсем ясны. В «Муджмал ат-таварих» сообщается о расселении орды Гуза ибн Мансака, легендарного предка огузов, на побережье Булгара. Можно предположить, что в ходе борьбы с карлуками и токуз-гузами значительная часть огузов продвинулась дальше, в западные области Средней Азии. Обращает на себя внимание, что Ибн ал-Асир, ссылаясь на анонимную летопись Хорасана[1], рассказывает о прибытии огузов из «местностей (страны) токуз-гузов» в

[1] В. Бартольд полагал, что Ибн ал-Асир использовал не дошедший до нас труд Ибн Фундука «Машариб ат-таджариб» (59, с. 48).

Мавераннахр (165, Х, с. 80) в правление халифа Махди (775—785). Поселившись здесь, огузы вскоре, по его словам, оказали активную поддержку Муканне[1]. Очевидно, эти огузские племена затем проникли в Приаралье и нижнее течение реки Сыр-Дарьи. В IX в. огузы упоминаются на границах владений тахиридов. Балазури сообщает, что Абдаллах ибн Тахир (828—844) — правитель Хорасана—послал своего сына Тахира в набег на страну огузов[2], и он завоевал места, до которых «не доходил никто до него» (265, с. 78). В. В. Бартольд полагает, что Тахир ибн Абдаллах совершил поход против огузов, кочевавших на западе современного Туркменистана (66, с. 561). В пользу этого мнения говорит тот факт, что в рассматриваемую пору шло интенсивное строительство оборонительных сооружений на северо-западных границах Хорасана. Абдаллах ибн Тахир воздвиг в Дехистане и Фераве несколько сильно укрепленных рабатов (477). Очевидно, поход Тахира ибн Абдаллаха был вызван угрозой вторжения огузов в северо-западные пограничные области Хорасана. В эту пору огузские вожди захватили уже политическую гегемонию в степях Приаралья. Границы огузских владений в конце IX в. простирались до течения реки Урал (398, с. 139).

Сравнительно-исторический синтез комплекса данных, содержащихся в рассматриваемых преданиях и нарративных источниках, позволяет сделать некоторые выводы. Становится очевидным, что VIII—IX вв. явились важным периодом в истории огузов Средней Азии. Это была пора интенсивного складывания огузской конфедерации, на основе которой в конце IX—начале X в. образовалась держава сырдарьинских ябгу. Разумеется, состояние фактического материала не дает возможности установить в подлинных деталях все перипетии довольно сложной предыстории этого государства. Однако некоторые важные события той поры, ставшей достоянием легенд, все же можно реконструировать путем сравнительно-исторического метода. Имеются все основания полагать, что вожди огузских племен приняли деятельное участие в борьбе за наследство западно-тюркских каганов. В ходе ожесточенной борьбы за власть значительная масса огузов, вероятно, оставила после 766 г. пределы Джетысу и стала уходить в Приаралье. Однако огузским предводителям не сразу удалось захватить политическую гегемонию в долине Сыр-Дарьи и приаральских степях. Лишь к середине IX в. огузские вожди сумели овладеть этими

[1] В этом отношении интересно также свидетельство Нершахи, который пишет, что Муканна обратился за помощью к тюркам, и те не замедлили отозваться на его призыв (556, с. 32 и след.).

[2] В подлиннике арабского текста, изданного де Гуе, в данном месте отсутствуют диакритические знаки. Поэтому некоторые комментаторы считают это известие Балазури весьма неопределенным. Высказывается также мнение о том, что поход Тахира ибн Абдаллаха был совершен не против огузов, а в область Гур, в нынешнем Афганистане (66, с. 561; 256, с. 78). Однако при этом не учитывается египетское издание текста Балазури, где в рассматриваемом месте прямо говорится о походе Тахира ибн Абдаллаха в страну огузов (5, с. 320).

областями, нанеся поражение обитавшим здесь печенего-кангарским племенам.

Огузы и печенеги

Византийский историк Константин Багрянородный сообщает, что в конце IX в. огузские кочевья достигали Яика. Огузы, граничившие здесь с печенегами, вытеснили последних из междуречья Урала и Волги. «Должно знать, — пишет Константин Багрянородный,—что печенеги первоначально имели жительство на Ателе (Волге), а также на реке Геих (Урал), имея соседями мазар (венгров) и так называемых узов. Пятьдесят лет тому назад узы, согласившись с хазарами, пошли войной, одолели печенегов и изгнали их из собственной страны, и до сего дня ею владеют так называемые узы» (398, с. 139). Эти грандиозные по своим масштабам и последствиям исторические события имели место около 893 или 898 г. Остатки разгромленных печенегов вошли в состав огузского союза племен. «В то время, — пишет Константин Багрянородный, — когда печенеги были выгнаны из своей земли, некоторые из них пожелали там остаться, поселились с так называемыми узами и до сих пор находятся среди них» (398, с. 141).

Описываемая византийским императором Константином жестокая схватка огузов с печенегами была финалом ранее начатой борьбы (646). Вожди огузов, которые оказались во второй половине VIII в. на границах Мавераннахра, вероятно, объединились затем с частью кардлуков и кимаков и напали на печенегов, баджна, нукарда и баджгардов, обитавших в долине Сыр-Дарьи и Приаралье (773, с. 107). Краткое упоминание об этих событиях сохранилось в одном из сочинений Масуди (323; 477; 667; 669). Последний сообщает, что в степях вокруг Дурджанийского озера (Аральского моря) произошли столкновения между указанными выше тюркскими племенами[1]. Печенеги, баджгарды, нукарда и баджна в результате ожесточенных сражений с огузами, кимаками и карлуками ушли из Приаралья и оказались в Малой Азии. Около 932—933 г. эти четыре тюркских племени вторглись в пределы Византийской империи (630, с. 180; 662, с. 244, 245).

Печенеги и три остальных тюркских племени, судя по тексту Масуди, оставили Среднюю Азию задолго до появления в Малой Азии. Поскольку огузы уже в первой половине IX в. отмечаются на северо-западных границах Хорасана, а в конце этого столетия они занимали территорию до реки Урал, то можно полагать, что события, описываемые Масуди, произошли между серединой и концом IX в.

---

[1] Масуди упоминает о расселении печенегов, баджгардов, нукарда и баджна в степях вокруг Аральского моря. Это подтверждается историческими сказаниями башкирского народа. В преданиях башкирских племен бурзян, тангаур и усерган говорится, что они первоначально жили в долине Сыр-Дарьи и Приаралье. В VIII—IX вв. эти группы башкир ушли в пределы Южного Урала и в Приуралье (230, с. 15).

Исторические предания о борьбе огузов с печенегами

Войны и столкновения огузов с печенегами носили длительный и упорный характер. Туркменские народные сказания говорят о жестоких сражениях огузов с народом ит-беджене. В «Родословной туркмен» повествуется о многолетних войнах между печенегами и салырами. В результате этой борьбы, продолжавшейся в течение «пяти-шести поколений», печенеги одержали победу над салырским илем. «У иля Бечне, — пишет Абу-л-Гази, — был государь по имени Тоймадук. Он пришел с войском, напал на салырский иль и, захватив в плен Джаджаклы, мать Салыр-Казан-Алпа, ушел. Спустя три года он (Салыр-Казан-Алп), послал своего кетхуду Энкеша[1] с богатым выкупом, и тот сумел вернуть Джаджаклы. Из этих слов следует, что когда захватчики обосновались в их юрте, то те из илей, которые подвергались нападениям и которым (удавалось) спасаться от врагов, бежали в Мавераннахр. Так, постепенно большинство туркмен оказалось в (этом) вилайете, (и лишь) немногие из них остались на прежнем месте» (212, с. 70, 71).

В «Родословной туркмен» приведен также интересный отрывок из старинной песни-тартыма о богатыре Салыр-Казан-Алпе (433). В ней говорится, что Салыр-Казан с тридцатью-сорока тысячами воинов двинулся в поход на печенегов. Благодаря храбрости своих богатырей он наголову разбил и рассеял неприятельское войско[2]. Лишь очень немногим из ит-беджене удалось спастись от смерти (212, с. 71). В канун этого столкновения салыры, очевидно, занимали предгорья Казыкурта и верховья реки Бадам. На это указывают начальные строки тартыма о Салыр-Казане, где говорится, что салырский богатырь, испытывая силу, перекатывал камни в ущелье горы Казыкурт (212, с. 96, 123).

Предания о Салыр-Казане до сих пор бытуют среди туркмен-салыров Серахса. Свое имя, по туркменским легендам, Салыр-Казан получил за то, что имел огромный котел, из которого постоянно кормил свое войско. В одном из сказаний отмечается, что Салыр-Казан посватался к девушке из народа ит-беджене. Печенеги задумали погубить Салыр-Казана и позвали его к себе в гости. Салыр-Казан, прибыв к ит-беджене, был коварно убит врагами. После гибели Салыр-Казана его младший брат Эрсари жестоко отомстил печенегам (137; 197).

В основе преданий о борьбе салыров с печенегами лежат подлинные исторические факты IX в. (218, с. 174—190). Рассмотренные нами ранее сведения говорят о вытеснении огузами печенегов

[1] В дальнейшем повествовании Абу-л-Гази говорится, что Энкеш был отцом Салыр-Казана. Согласно эпосу «Деде Коркут», отцом Салыр-Казана был Олаш (212, с. 56, 73; 218, с. 176).

[2] Борьба салыров с печенегами нашла свое отражение и в эпосе «Деде Коркут» (218, с. 174—190).

и занятии ими междуречья Урала и Волги. Борьба салыров с печенегами велась с переменным успехом и сопровождалась обоюдными внезапными нападениями. При одном из таких набегов и попала в неволю к печенегам мать Салыр-Казана. Перипетии борьбы салыров с печенегами не совсем ясны. Туркменские родословные предания говорят о поражении салыров, в то же время они отмечают разгром печенегов богатырями Салыр-Казана. Судя по всему, салырам удалось оттеснить печенегов и обосноваться в присырдарьинских и прикаспийских степях.

Остатки печенегов, разгромленных в конце IX в., с течением времени ассимилировались с салырами и другими огузскими племенами. В «Родословной туркмен» сообщается, что группа ичкисалыров имела смешанное огузо-печенежское происхождение. Согласно туркменским преданиям, Салыр-Казан женился на дочери каракалпакского бека. В легендах отмечается, что салыры приходятся родственниками каракалпакам по материнской линии (137). Исследованиями советских историков установлено, что каракалпаки являются непосредственными потомками печенегов (147). Каракалпакские родословные (шеджере) подтверждают их этнические связи с туркменами. В исторических легендах каракалпаков говорится о их совместном проживании с туркменами на Сыр-Дарье до сельджукского движения (147, с. 104—107).

Туркменские исторические сказания о войнах огузов с печенегами являются полулегендарными рассказами. Главным действующим лицом и героем этих сказаний выступает Салыр-Казан, от которого якобы ведут свой род многие туркменские племена. Поэтому он наделяется всеми положительными качествами типичного легендарного богатыря. Туркменские предания вместе с тем отображают реальный факт в истории огузских племен Средней Азии. Героические народные сказания подтверждают свидетельства первоисточников о борьбе огузов с печенегами. Судя по данным туркменских легенд, эта война была затяжной и шла с переменным успехом. В борьбе с печенегами важную роль сыграло огузское племя салыр. Первые столкновения, очевидно, начались на среднем течении Сыр-Дарьи, где печенеги-кангары обитали еще в VIII в. (190, с. 161 и след.). В результате многолетних войн и столкновений огузам удалось разгромить печенежский союз племен. Приблизительно между серединой и концом IX в. огузы вытеснили эти племена из низовий Сыр-Дарьи и Приаралья. Остатки разбитых печенегов влились в состав огузской конфедерации. Предводители огузов в борьбе с печенегами, вероятно, опирались на поддержку части кимакских и карлукских племен[1]. В самом

[1] Иначе трудно объяснить свидетельство Масуди о войнах между печенегами, баджна, нукарда, баджгардалш и огузами, карлуками, кимаками. Категорическое утверждение о том, что карлуки и кимаки никогда не доходили до Арала (265, с. 166), не может быть признано доказанным (ср. 666, с. 10; 667, с. 63).

конце IX столетия огузы в союзе с хазарами нанесли печенегам жестокое поражение и овладели междуречьем Урала и Волги.

Образование державы сырдарьинских ягбу

Бурные события второй половины VIII — конца IX в. дали толчок для развития элементов государственной организации у огузских племен Средней Азии. В значительной мере этому содействовала война с печенего-кангарской конфедерацией и жизненная необходимость обеспечения внешней безопасности. Данный процесс, несомненно, начался после гибели Западно-тюркского каганата. Однако держава огузских ягбу вряд ли сложилась около 766 г., как полагает О. Прицак. В средневековых источниках нет достоверных сведений, подтверждающих данную точку зрения. Первые упоминания о государстве огузов появляются в арабоязычных историко-географических сочинениях конца IX—начала X в. Скорее всего именно в это время происходит окончательное сложение державы сырдарьинских ягбу.

Одно из наиболее ранних известий о существовании у огузов своего государства содержится в сочинении Ибн Вадиха ал-Йакуби. Рассказывая о тюркоязычных племенах и народах, он пишет: «Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей (джинс) и несколько государств (мамлака), в том числе: карлуки, токуз-гузы, тюргеши, кимаки и гузы. Каждый (из этих) народов тюрок (имеет) отдельное государство, и одни из них воюют с другими» (265, с. 149; 628, с. 295). Свидетельство Йакуби интересно не только своим упоминанием о государстве огузов, но и указанием на их войны с соседними тюркскими племенами. Невольно останавливает внимание тот факт, что в числе этих племен названы карлуки и токуз-гузы.

Крайне интересные сведения о племенах огузов IX—X вв. сохранились в «Китаб ахбар ал-булдан». Ибн ал-Факих сообщает, что огузы, наряду с кимаками и токуз-гузами, являются «царями» и больше других почитаются у тюрок. Вместе с тем он свидетельствует, что наиболее «благородными» из всех считались карлуки (167, л. 168). Ибн ал-Факих, судя по контексту его сочинения, подразумевает здесь современную ему эпоху IX—начала X в.

Фактические данные, содержащиеся в произведениях Йакуби и Ибн ал-Факиха, позволяют заключить, что в указанную пору огузы имели свою государственность и считались одним из могущественных «царских» племен[1]. Важное значение для нас имеет и то обстоятельство, что Ибн ал-Факих помещает огузов на границе

[1] В труде Марвази сообщается о «царях» огузов, имевших многочисленное войско и дворцовую охрану. Огузы, по словам этого автора, подразделялись на токуз-гузов, уйгуров и уч-гуров (736, с. 18). Известие Марвази о правителях огузов перекликается с рассказом Гардизи, но последний говорит не о верховном предводителе огузов, а о царе токуз-гузов (54, с. 90). Проблема этно-политических связей между огузами и токуз-гузами почти не освещена в специальной литературе. В силу этого известие Марвази весьма трудно привлечь для исследования (ср. 684, с. 272—282).

Мавераннахра (167, л. 171). Очевидно, в исследуемых текстах речь идет о государстве сырдарьинских огузов, которое сложилось в конце IX—начале X в.

Старая и Новая Гузия

Согласно тексту и картам Идриси, в X в. различались старая и новая столица огузов (2, л. 108, 109; 3, л. 514—518). В «Китаб Руджар» при описании страны огузов говорится о Старой и Новой Гузии. «Между Хийамом и Старой Гузией, — пишет Идриси, — (расстояние) в четыре дня пути между югом и западом». Старая Гузия отмечена также на атласах, имеющихся в различных списках «Китаб Руджар». На карте 1154 г. Старая Гузия помещена к юго-востоку от Хорезмского озера и к югу от Рузы[1]. Далее к юго-востоку от Старой Гузии расположен безымянный горный хребет и город-крепость Дахлан. Старая Гузия на атласе 1192 г. локализована к северо-востоку от области Шаш, у подножия изогнутой горной цепи (679, I, с. 98). В «Сурат ал-ард» Старая Гузия отмечена к югу от реки Шаша, около гор, с которыми сливаются отроги Чаграогузского хребта (404). Старая Гузия локализуется в районе, ограниченном западными отрогами Тянь-Шаня, рекой Чу и Сырдарьинскими Каратау[2]. В «Нузхат ал-муштак» указывается на расположение Старой Гузии к юго-западу от города Хийама. Это вполне согласуется с приведенным выше картографическим материалом Идриси. Названием Старая Гузия обозначалась, несомненно, прежняя «столица» огузских племен (583, II, с. 342; 265, с. 222). Очевидно, это была одна из первых резиденций огузских вождей Средней Азии.

В «Нузхат ал-муштак», наряду со Старой Гузией, фигурирует и Новая Гузия[3]. Идриси упоминает Новую Гузию при описании нижнего течения реки Шаша (3, л. 421; 583, II, с. 209). В Новой Гузии — политическом центре огузского государства[4] — жил зимой их «царь» (3, л. 421). Огузские правители, согласно Идриси, сидели также в Дженде и Хоре (583, II, с. 209). В «Китаб Руджар» говорится, что огузы вели торговлю с Джурджаном и Хорезмом (583, I, с. 188, 190). Новой Гузией именовался город Янгикент, располагавшийся в нижнем течении реки Сыр-Дарьи. Возникновение этого названия скорее всего связано с захватом огузами в IX—X вв. политической гегемонии в присырдарьинских степях. Показателен в этом отношении и тот факт, что в арабо-персидских источниках X в. столица огузских ябгу именуется Новым Селением. Янгикент, как показало археологическое обследование, существовал еще в эпоху античности. Однако в X в. город был заново отстроен и укреплен с помощью хорезмийских инженеров. Население Янгикента, очевидно, состояло в основном из колонистов, главным образом

---

[1] Старая Гузия на картах Идриси называется также غزيه كحند

[2] Определить точное местоположение Старой Гузии из-за скудности данных, приведенных в труде Идриси, пока не представляется возможным.

[3] الغزيه الحد يثه

[4] دار مملكات الغزيه

выходцев из Хорезма. Здесь обитали также перешедшие к оседлости группы огузов, о чем свидетельствует найденная на городище керамика (420; 429).

В средневековых арабоязычных источниках одно из первых упоминаний о Янгикенте содержится в труде Ибн Русте. Описывая восточное побережье Хорезмского озера, он говорит о «царе» Нового Селения (628, с. 92). Ибн Русте, к сожалению, не уточняет, кто в это время был правителем Нового Селения. Весьма примечательно, что позднее это поселение называется уже Новым Городом. Масуди сообщает, что у Аральского моря расположен Новый Город, в котором живет мусульманское население. «В этой местности, — пишет он, — среди тюрок преобладают гузы: кочевые и оседлые. (Гузы) это народ (джинс) из тюрок, (состоящий) из трех подразделений (аснаф) — нижних, верхних и средних» (12, I, с. 101). Масуди, вероятно, подразумевает здесь территориально-племенные группы огузов, обитавшие в Джетысу, предгорьях Каратау и по среднему течению Сыр-Дарьи, а также в Приаралье и Северном Прикаспии[1].

Интересные сведения о Янгикенте, называемом Новым Селением, приводит Ибн Хаукал. В своем историко-географическом труде он прямо указывает, что Новое Селение — это столица огузского государства (783, с. 392). Янгикент, по его словам, был самым крупным поселением в низовьях Сыр-Дарьи. Новое Селение являлось не только столицей, но и зимней ставкой[2] огузского царя (670, с. 265; 611, с. 123).

Янгикент, как мы видим, являлся в X в. столицей и зимней резиденцией огузских правителей. Выбор Новой Гузии в качестве политического центра огузской державы был обусловлен многими обстоятельствами. Главным из них являлось выгодное географическое расположение Янгикента на стыке с крупными земледельческими оазисами Средней Азии. Новая Гузия служила коридором, соединявшим огузские степи с Хорезмом, Мавераннахром и Хорасаном. Сырдарьинские города огузских ябгу были важными пунктами сухопутной и речной торговли. Ибн Хаукал свидетельствует, что по Сыр-Дарье в Новое Селение шли суда, нагруженные зерном и хлебом (783, с. 392). Янгикент лежал на важном караванном пути через кимакские степи в долину Сарысу, Кенгира, Ишима и Нуры. Дорога соединялась с торговыми путями, ведшими в Сыгнак и на Южный Урал (246, с. 29).

Анализ данных «Китаб Руджар» свидетельствует, таким образом, о существовании у огузов в X в. двух политических центров.

---

[1] Подразделение на верхних и нижних существовало также у половцев-куманов (117, с. 72).

[2] Сообщение Ибн Хаукала и других авторов X в. можно сопоставить с аналогичными известиями о полуоседлом быте хазар. Ибн Русте свидетельствует, что зимой «весь хазарский народ» живет в городах, а с наступлением весны уходит в степи (794, с. 16—22). В письме царя Иосифа уточняется, что весной хазары отправляются на свои пашни (213, с. 85).

Один из них именуется старым и помещается на картах Идриси где-то в районе между западными отрогами Тянь-Шаня и Сырдарьинскими Каратау. Другой, новой резиденцией огузских предводителей был Янгикент, лежавший в низовьях Сыр-Дарьи. Выявление этого факта открывает широкие аспекты для экскурса в область истории возникновения огузского государства Средней Азии. Наличие Старой и Новой Гузии, несомненно, отражает два крупных этапа в истории огузской державы. Однако мы пока не располагаем сведениями о том, когда Старая Гузия стала политическим центром огузов. Вероятно, приблизительно до второй четверти X в. это была главная ставка огузских предводителей. Довольно примечательно, что Старая Гузия локализуется в ареале первоначального расселения основной массы огузов Средней Азии. В тексте «Нузхат ал-мушгак», как говорилось, эти области называются «внутренними» землями огузов. Старая Гузия, возможно, являлась сначала резиденцией вождей огузских племен Джетысу и среднего течения Сыр-Дарьи. Однако в X в., после блестящих успехов в войнах с печенегами, столицей огузов стала Новая Гузия[1]. В пользу этого мнения говорит сопоставление письменных данных с археологическим материалом, свидетельствующим о восстановлении и укреплении Янгикента в X в.

Салырский период в истории огузского государства

Средневековые источники, к сожалению, почти не содержат никаких сведений о внутриполитической жизни державы сырдарьинских ябгу. Память об этом сохранилась главным образом в исторических преданиях и легендах. В различных версиях «Огуз-наме» говорится, что в огузском государстве важную роль играло племя салыр. Согласно этим преданиям, салырские предводители весьма долго господствовали в огузском иле. Зафиксированный в начале XIV в. Рашид ад-Дином вариант средневековых огузских сказаний отмечает: «Длительное время царское достоинство оста-

[1] В туркменских исторических преданиях говорится о разделении государства сырдарьинских ябгу на две части в правление легендарного царя Канлы-Йавы. Одному из своих наследников он дал Туркестан и Янгикент, а другому — Талас и Сайрам. В дальнейшем между этими владениями началась кровопролитная борьба. Победителем оказался хан Янгикента, подчинивший себе огузских правителей Таласа и Сайрама, которые стали вассалами сырдарьинских ябгу (212, с. 61, 62). В этом легендарном предании, вероятно, нашло свое отражение реальное подразделение огузов в X в. на два владения. Политический центр первого из них располагался в низовьях Сыр-Дарьи, а второго—в районе между Таласом и средним течением Сыр-Дарьи. Это вполне согласуется с данными Идриси о Новой и Старой Гузии. Обращает на себя внимание, что в «Родословной туркмен» изложенные выше события предшествуют рассказу о воцарении Бограхана, завоевавшего в конце X в. Бухару. Однако для нас остается неясной дальнейшая судьба этого, по-видимому, небольшого владения, куда входили локальные группы восточно-огузских племен Средней Азии. В сказаниях туркмен, повествующих о событиях конца X—начала XI в., нет больше упоминаний о владении огузов в Таласе и Сайраме. Отсюда можно предположить, что властители Старой Гузии правили до караханидского нашествия, положившего конец их правлению.

валось в семье Огуза; так долго сан государя был в родовой ветви Салыра, а после этого (из) других ветвей (также) были почитаемые цари» (355, с. 90).

Более поздние версии «Огуз-наме» указывают, что салырские вожди много лет были верховными ханами и «правили тюрками и тачиками» в Туркестане. Салыры были могущественным племенем, обладавшим тугом — особым штандартом или знаменем. Ханская власть оставалась в руках салыров до тех времен, пока не начались смуты и волнения среди огузских племен Туркестана. Затем господство в огузском иле захватили кыныки, из числа которых происходила фамилия сельджукидов (410, л. 15).

В другом варианте «Огуз-наме», сохранившемся в труде Мехмеда Нешри, говорится, что сначала власть в огузском государстве принадлежала кайи, а затем перешла к салырам. «Царство оставалось в руках (Кайи-хана) и его сыновей, передаваясь из века в век, из поколения в поколение, (пока) наконец не перешло к роду Салура, сына Таг-хана, сына Огуза, из левого крыла. Между (родом Салура) и царями — хосроями Ирана во времена пророка Мухаммеда (и) еще до ислама было много сражений и кровопролитных битв. Затем, в правление (династии) аббасидов, приняла ислам еще (часть тюрок). Наконец, по истечении времени, в эпоху (существования) державы аббасидов, (уже) после (смерти) Салура, сына Таг-хана, царем стал некий Джанак-хан, по прозвищу Кара-хан. Он был (одним) из первых царей тюрок, принявших ислам. В 300 г. хиджры (999 г.) две тысячи тюркских шатров приняли ислам и стали мусульманами, и поэтому их назвали тюркиман. В дальнейшем (это слово) было в просторечии сокращено и стало звучать как туркмен. Название «туркмен» осталось с тех пор» (672, с. 14, 15; 699, с. 6).

Рассматриваемые исторические предания содержат в избытке досужие вымыслы и явно недостоверные сведения. Особенно фантастична приводимая в версиях «Огуз-наме» хронология событий[1]. Трудно поверить, например, что салырские правители воевали еще с доисламскими царями древнего Ирана. Фигурирующие в этих преданиях салырские ханы являются эпическими, а не историческими личностями. Однако, несмотря на свой легендарный характер, исследуемые сказания все же сохранили воспоминание о былом господстве салырской знати в огузской державе. В этом и заключается важность исследуемых сказаний. Исторические предания туркмен говорят о крупной роли, которую сыграло племя салыр в борьбе с печенегами. Очевидно, это способствовало выдвижению в IX в. салырских вождей и захвату ими политической власти в государстве сырдарьинских ябгу. Версии «Огуз-наме» свидетельствуют, что правление ханов из племени салыр продол-

[1] В равной степени это относится к утверждению Мехмеда Нешри о появлении этнонима «туркмен» в 999 г. Название «туркмен» в действительности существовало гораздо раньше даты, приводимой в сочинении Нешри (21; 25; 196).

жалось вплоть до сельджукского движения. Поэтому можно предположить, что они властвовали в огузском иле примерно до середины X столетия[1].

Приход к власти династии барани

Дальнейшие перипетии династической истории державы сырдарьинских ябгу остаются неясными. Исторические предания огузов и туркмен о янгикентских правителях досельджукской поры отличаются запутанностью и не поддаются убедительному истолкованию. Некоторое исключение в этом отношении составляют рассказы о правлении Али-хана и его сына Шахмелика (212; 378). Последний упоминается в ряде средневековых источников как реальная историческая личность (9; 165; 769). В известной степени это позволяет корректировать рассказы, заключенные в «Огуз-наме» и «Родословной туркмен». Однако установить точное время прихода Али-хана к власти невозможно при отсутствии датированных исторических фактов. В огузских преданиях говорится, что Али-хан правил в Янгикенте накануне сельджукского движения (378, л. 130). Туркменские родословные добавляют, что он был избран ханом огузов, живших в степях Приаралья. «В те времена,—пишет Абу-л-Гази, — огузский иль обитал по обеим сторонам реки Сыр, близ ее устья. Пришли монголы, (которые) часто совершали набеги (на иль). Большая часть (иля) откочевала, не будучи в состоянии противостоять им, и ушла в Ургенч. Оставшиеся подняли ханом некоего Али» (212, с. 66). Данный рассказ, не имеющий параллелей в известных нам источниках, крайне труден для историко-хронологической интерпретации. Однако не исключена возможность, что в нем своеобразно преломились события поры караханидских вторжений X в. в Западное Семиречье и Мавераннахр (711; 712; 714). Исходя из приведенных выше исторических преданий, можно предположить, что Али-хан пришел к власти не раньше середины—начала второй половины X в.

Пришедший в X в. к власти Али-хан, судя по всему, был выходцем из племени барани[2]. Ибн Фундук, рассказывая о Шахмелике, называет его Абу-л-Фаварис Шахмелик ибн Али ал-Барани (9, с. 51). Прозвище «барани» носили и другие представители этого племени, из которого происходила новая династия огузских ханов Янгикента. В первой половине XI в. упоминается Алп Кара Барани, принимавший участие в борьбе с сельджуками Мавераннахра (692, с. 16). «Барани» выступает здесь в качестве лакаба, указывающего на принадлежность к одноименному племени[3]. В пользу этого мнения свидетельствует также ряд других исторических фак-

[1] Турецкий историк Т. Унал полагает, что эта смена ханского рода у огузов произошла между 890 и 900 г., но в пользу своей точки зрения не приводит доказательств (779, с. 11, 12).

[2] Тюркоязычное племя барани, как отмечалось в исторической литературе, фигурирует уже в хронике Табари (773, с. 351, 352).

[3] В публикации И. Вуллерса принято чтение «нирани». Однако в других изданиях и списках «Рузат ас-сафа» отмечается вариант «барани».

тов. Русские летописи, как увидим ниже, сообщают о берендеях— одном из торкских племен, оказавшихся в середине XI в. в пределах Восточной Европы. Этноним «барани» вполне можно сопоставить с племенным названием «берендей». Семантика этих терминов скорее всего имеет тотемное происхождение[1].

В различных диалектах тюркских языков «баран» — «маран» выступает в значении «серна», «овца», «коза» (344, IV, с. 1477—2025). Интересно отметить, что в диалекте туркмен, живущих около Ванского озера, «баран» означает «овца, баран» (773, с. 181). В современном казахском языке слово «баран» прилагается к животным темной масти (460). Термином «берен» в татарском и башкирском языках обозначается «ягненок» (180; ср. 191; 342; 94).

Очевидно, к слову «баран»—«берен» и восходят рассматриваемые этнонимы «барани»—«берендей»[2]. Исторические факты дают основание предположить, что огузское племя барани[3] имело тесную связь с кара-коюнлу. Племя кара-коюнлу, по словам Довлетшаха Самарканди, до начала XIII в. обитало в районе горного хребта Казыкурт (141, л. 130). Средневековые источники указывают на происхождение из барани династии кара-коюнлу. Ахмад Гаффари сообщает, что правители кара-коюнлу «называются также барани» (687, с. 293; 746, с. 290—193). Весьма показательно, что на знаменах кара-коюнлу имелось изображение черного барана. Туркменские исторические предания связывают происхождение кара-коюнлу с черным бараном. В народных легендах говорится, что у одного человека было два сына, первому из них он дал белого, а второму — черного барана. Согласно преданиям, кара-коюнлу ведут свой род от второго из этих сыновей[4].

Приведенный исторический материал дает основание полагать, что Али-хан происходил из племени барани. Само племя барани, вероятно, соответствует берендеям, упоминаемым в русских летописях. Происхождение этого названия было связано с почитанием барана, считавшегося тотемом и покровителем рода или племени[5]. Очевидно, барани принадлежали к числу огуз-

[1] М. Т. Хаутсма и другие исследователи доказали, что в огузской родо-племенной номенклатуре имелись названия различных животных (609; 525). Среди огузских племен упоминаются, например, «ала-йонтлы», что означает «имеющие пегих лошадей» (698).

[2] Данный термин, вероятно, происходит от основы «берен» и сравнительной частицы «дай», «дей» (подобный, схожий).

[3] Роды под названием барани сохранились у кашкайцев Фарсистана, среди которых имеются племена огузского происхождения (176, с. 142).

[4] Данное предание бытует среди туркмен кара-коюнлу, живущих в Чарджоуской области, в селении Чохпете.

[5] Согласно туркменским народным легендам, баран является одним из самых почитаемых животных. Человеку, находящемуся в стаде баранов, не страшны злые духи-арвахи (134, с. 188). Особым уважением, судя по туркменским поверьям, пользовались черные бараны (316, с. 167). В старину бараньи черепа считались надежными оберегами от сглаза. Бараньи рога выставлялись на священных деревьях и могилах предков. Все это свидетельствует о том, что баран являлся у предков туркмен одним из важных тотемов (67, с. 135 и след.).

ских племен, которые в более позднее время именовались кара-коюнлу.

Политический строй огузского государства

Государство огузов Средней Азии IX—X вв. не было монолитной державой. Огузские ябгу, судя по источникам этой поры, не обладали сильной властью. Текст Идриси свидетельствует о наличии у огузов ряда полусамостоятельных и фактически независимых владений. В «Китаб Руджар» упоминается несколько огузских «царей» или «князей». Резиденциями этих вождей, стоявших во главе крупных племенных объединений, служили надежно укрепленные замки-крепости. В этих крепостях хранились также казна и продовольствие. Идриси сообщает, что огузские «цари» назначали специальные военные отряды для охраны своих владений. В случае войн и набегов огузы укрывались с семьями и пожитками в своих крепостях. Не случайно большинство их укреплений располагалось в неприступных горных областях (2, л. 108, 109).

Ябгу и байгу

Главой огузского государства X—XI вв. был верховный правитель, носивший почетный титул джабуйа, или ябгу. Ибн Фадлан сообщает, что царь тюрок-огузов носит звание ябгу (208, с. 24). Однако в других источниках говорится, что правитель огузов именуется байгу (283, с. 103). Проблема генетической связи между титулами ябгу и байгу нуждается в специальном исследовании. И. Маркварт и З. В. Тоган считают, что «байгу» является искажением термина «ябгу» (669, с. 34; 770, с. 141). Однако упоминание байгу (بيغو) во многих независимых друг от друга источниках говорит против этого мнения. Ябгу и байгу являлись, очевидно, довольно близкими, но не абсолютно сходными титулами. Происхождение слова «ябгу», несмотря на ряд научных гипотез, остается пока неясным. Одни исследователи считают данный титул кушанским (634, с. 330), другие — тохарским (422, с. 12, 43), а третьи — древнеиранским (713, с. 89). Титул ябгу носила правящая верхушка различных тюркоязычных народов — карлукские, уйгурские, караханидские и другие предводители (578; 712; 717). Звание ябгу (яфгу) носила тюркская знать, стоявшая над простым народом, но находившаяся на две ступени достоинства ниже по сравнению с хаканом (521, с. 37).

Значение термина «байгу» объясняется в толковых словарях как «сокол» или «ястреб-перепелятник» (570, с. 28; 704, с. 187). В титулатуре средневековых тюрок, как известно, отразились их древние тотемистические воззрения. Среди высших званий тюркских правителей мы видим имена сильных животных и хищных птиц. В государстве караханидов одними из главных титулов являлись лев (арслан) и верблюд (бугра) (714; с. 19; 711, с. 209—215). Титулы арслан, кара арслан (черный лев), ак арслан (белый лев) носили и правители сельджуков (734, с. 12—21). Почетными званиями тюркских властителей служили также названия птиц соколиной породы: тогрул, сонкур, тоган, чагры (132; 570; 715). К чис-

лу подобных титулов, имеющих тотемное происхождение, относится и байгу (714, с. 23; 715, с. 253). Очевидно, данный титул в форме «пайгу» существовал у тюркоязычных народов уже в эпоху раннего средневековья[1]. Мусульманская историческая традиция возводит существование титула пайгу у тюрок ко времени правления сасанидов (728, с. 356). В исследуемом отношении интересно и предание о байгу — младшем сыне Гуза ибн Мансака; в нем же говорится, что «падишаха гузов называют байгу» (283, с. 102, 103).

Титул байгу в X—XI вв. носили также главные предводители сельджукских племен. Верховное звание байгу у сельджукских вождей нередко сочеталось с другими почетными титулами. В источниках, сообщающих о сельджукских племенах, упоминаются арслан-байгу (лев-сокол), байгу-калян (старший сокол) и инанч-байгу (верный сокол)[2].

Верховный титул байгу, судя по историческим данным, существовал в огузо-туркменской среде наряду с ябгу, или джабгу (716, с. 405). Большого внимания в этом аспекте заслуживают почетные звания представителей туркменской фамилии артукидов. Один из правителей этой династии именовался Алп-Кутлуг, Улуг-Хумаюн-Джабуга, Тогрул-Тегин. Другой властитель носил титул Инанч-Бильге, Кутлуг-Бек, Байгу-Алп (634, с. 334).

Приведенный фактический материал указывает на близость исследуемых титулов по своему общественно-социальному значению. В пользу этого обстоятельства косвенно говорит также свидетельство «Худуд ал-алам» (611, стр. 81). Согласно автору данного сочинения, карлукские правители X в. носили титулы байгу и ябгу[3].

Исследуемый комплекс исторических данных позволяет сделать некоторые предварительные выводы о соотношении титулов ябгу и байгу. Становится очевидным прежде всего синхронное бытование обоих званий, которые присваивались аристократической правящей верхушке тюркоязычных племен, в том числе огузской знати. Однако титул пайгу-байгу, вероятно, был менее важным и почетным, чем ябгу-джабгу[4].

---

[1] Интересно отметить, что в знаменитой эпопее Фердовси употребляется термин «пайгави», который противопоставляется слову «пехлеви». Термин «пайгави», вероятно, имеет тесную связь с титулом пайгу и означает не просто язык, но и особую письменность тюркских правителей (753, с. 16, 17).

[2] Это явствует из сообщений Фахр ад-Дина Рази (438, л. 103), Ибн ал-Асира (613, IX, с. 324), Рашид ад-Дина (353, л. 346), Садр ад-Дина Хусейни (727, с. 1) и Мухаммада Равенди (766, с. 102, 146). Термин «инанч», фигурирующий и в других составных титулах (734; 634; 778), означает «верный, преданный, имеющий доверие» (706, с. 182).

[3] В английском переводе В. Ф. Минорского слово «байгу» произвольно исправлено на «йабгу» (680, с. 97).

[4] Последний титул в форме «джафга» бытовал у огузов и после гибели державы сырдарьинских ябгу. Но термин «джафга» по сравнению с «джабгу» приобрел уже несколько иное содержание. Махмуд Кашгарский отмечает, что

Коль-эркин — соправитель ябгу

Огузские правители — ябгу, по словам Ибн Фадлана, имели своих заместителей. Ибн Фадлан пишет, что всякий, кто является «наместником» огузского царя, называется кударкин или кузаркин (204, с. 64; 208, с. 24). Звание кударкин, как отмечалось в исторической литературе, является искажением титута кол-эркин (498, с. 13; 770, с. 141). Прозвище коль-эркин носила также знать токуз-гузов, карлуков, тюрок-караханидов (498, с. 13; 504, с. 90). Махмуд Кашгарский объясняет данный термин в значении «ум полный, как озеро» (491, I, с. 107, 108).

Существование при огузских правителях коль-эркинов подтверждается не только Ибн Фадланом, но и историческими преданиями. В версиях «Огуз-наме» содержится рассказ о Эркн-хане, который был избран «заместителем» огузского царя Карамана. Эркн-хан устроил большой пир, наполнил кумысом два озера[1] и угостил весь огузский иль. Благодаря такой щедрости он стал отныне называться Эркн-хан-коль (378, л. 128).

Историческое предание о Эркн-хане, довольно интересное по содержанию, имеет легендарный характер. Сказочным гиперболизмом веет, например, от повествования о наполненных кумысом озерах. Предание о Эркн-хане представляет собой попытку народной этимологизации одного из явлений политического строя огузской державы. Вместе с тем оно заключает в себе важное свидетельство о былом существовании у огузов почетного звания коль-эркин.

Исторические данные, таким образом, указывают на то, что у огузских правителей были заместители, носившие титул коль-эркин. Судя по тексту Ибн Фадлана, эти наместники обладали большими полномочиями. В одном из описываемых Ибн Фадланом эпизодов огузский коль-эркин выступает в качестве верховного арбитра. К нему обращаются для разрешения весьма сложных тяжб и судебных конфликтов (208, с. 127; 770, с. 141). Очевидно, сырдарьинские ябгу в лице коль-эркинов имели соправителей, называемых также в огузских преданиях (702, с. 385, 387) каныл таш ами[2].

Огузский кáнкáш

Огузские ябгу передавали свою власть по наследству, хотя формально считались «избранными» на царство. Выборы огузских верховных правителей являлись трансформированным пережитком народных собраний эпохи военной

«джафга» (в изданин К. Рифата стоит «джуфга», что является результатом неверного чтения огласовки над буквой джим в оригинале) означало у кыпчаков и огузов XI в. «проводник и вождь». Ибн Муханна объясняет слово «джафга» как «старейшина племени» (754, с. 130). Все это свидетельствует о значительном сужении после распада огузского государства первоначального содержания рассматриваемого термина (775).

[1] Туркменские исторические сказания утверждают, что Эркн-хан велел наполнить три хауза из юфти: один — аракой, другой — кумысом, а третий — катыком (212, с. 58).

[2] З. В. Тоган пытается реконструировать данный термин в форме «каган-таш» и переводит его как Nebenqagan (770, с. 259).

демократии. Наличие таких собраний у огузов X в. подтверждается «Книгой» Ахмада ибн Фадлана. «Когда они (гузы),—пишет Ибн Фадлан,—сойдутся на чем-либо и решатся на это, приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и отменяет то, на чем они уже сошлись» (208, с. 24, 25). Однако народные собрания огузов созывались весьма редко, и главную роль в повседневной жизни играл совет знати[1]. В тех же случаях, когда созывались народные собрания, основной тон в них задавала огузская аристократия. На это указывают эпизоды, которые содержатся в различных версиях «Огуз-наме», сохранивших воспоминания о державе сырдарьинских ябгу. В одном из приводимых в них рассказов, например, следующим образом повествуется об избрании на ханство Карамана. Согласно этому преданию, Явкой-хан после смерти оставил малолетнего сына по имени Караман. Огузские или, малые и большие, устроили народное собрание (кäнкäш) для выборов нового хана. Мудрый советник Коркут-Ата предложил избрать в качестве регента Эрки-хана. Огузский иль согласился с Коркутом и выбрал Карамана верховным ханом, а Эрки-хана — его заместителем (378, л. 128).

Фигурирующие в этом огузском предании Явкой-хан, Караман, Эрки-хан и Коркут-Ата являются не историческими, а эпическими вымышленными личностями. Однако для нас важен сам сюжет исследуемого сказания, которое сохранило отдаленную память о былых «героических» временах. Весьма показательно, что в описанном и других эпизодах народ фактически только присутствует при избрании хана. Это обстоятельство дает основание предположить, что огузские народные собрания постепенно утратили свое значение, сохранившись в качестве реликта эпохи военной демократии.

Согласно историческим преданиям, огузские правители «выбирались» из наиболее могущественных «ханских уругов» (212, с. 57; 410, л. 15). Формальное «избрание» производилось согласно төре — своду неписанных правил. В основе этого обычного права лежала привилегия на власть старшего[2] по сравнению с младшим родичем (410, л. 14).

Очевидно, по мере развития патриархально-феодальных отношений полномочия существовавшего у огузов народного собрания были постепенно узурпированы советом знати. Как сообщает Ибн Фадлан, в X в. важные государственные дела решались, на совете огузской военно-племенной аристократии. Ибн Фадлан рассказы-

[1] Эти советы, как и народные собрания, назывались кäнкäч или кäнкäш (266, III, с. 270; 720, с. 12). В османских версиях «Огуз-наме» такие совещания именуются дирнек и танышык (410, л. 14—17).

[2] Это подтверждается также историческими свидетельствами о первых сельджукидах. Однако у сельджукидов принцип старшинства при наследовании власти потерял свое значение уже в середине XI в. В сельджукском государстве царский престол стал переходить от отца к сыну, а не старшему по возрасту члену правящей фамилии (727, с. 39; 624, с. 20, 21).

вает о таком совете, который был созван главным предводителем огузского войска. Среди приглашенной им знати упоминаются царевич, сын ябгу, инал и тархан. Ибн Фадлан сообщает, что тархан был «самым благородным из них и уважаемым» (204, с. 64, 65). Тарханы[1] считались в древнетюркском и хазарском каганате людьми высокого ранга (578; 717; 770).

В X—XI вв. у тюркоязычных народов тарханы, вероятно, составляли привилегированный слой правящей знати (479, с. 120). Тарханами были военачальники, предводители, крупные беки (529, с. 95). В свете этих фактов становится ясным, почему тархан особо выделяется среди лиц, заседавших в совете огузской аристократии.

Инал и атабек

Среди участников описываемого Ибн Фадланом совета знати мы видим также инала[2]. В «Мафатих ал-улюм» отмечается, что иналами именовались наследники тюркских правителей. «И у каждого предводителя тюрок, царя или дехкана, — пишет Мухаммад ал-Хорезми, — есть инал, то есть наследник» (265, с. 219). Махмуд Кашгарский же сообщает, что иналами у тюрок называли молодых людей, имевших царское происхождение по материнской линии (266, I, с. 110).

Следует отметить, что в тексте Ибн Фадлана наряду с иналом упоминается также инал-младший[3]. Арабский путешественник называет инала-младшего одним из «главарей и царей» огузов (208, с. 127, 183). Наличие у огузов X в. двух иналов, вероятно, можно объяснить в свете приведенных выше исторических свидетельств. Очевидно, здесь мы имеем дело с реальным фактом, связанным с дуальным подразделением на две фратрии. Впрочем, не исключена возможность, что это было трансформированным пережитком, символическим нивелированием власти между отцовским и материнским родом. В любом случае остается бесспорным, что огузские ябгу имели своих преемников. Это в свою очередь говорит о том, что они передавали свою власть по наследству.

Огузские ябгу, вероятно, назначали для своих наследников специальных атабеков. В исторических сказаниях указывается, что огузские ханы, резидировавшие в Янгикенте, назначали для малолетних царевичей опекунов-атабеков (378, л. 130). Хотя эти

---

[1] В раннесредневековых тюркских манихейских текстах из Восточного Туркестана упоминаются также «тархан-беки» (653, с. 27).

[2] Текст мешхедской рукописи, к сожалению, в этом месте неисправен. З. В. Тоган считает, что Ибн Фадлан говорит здесь об инале—сыне зятя огузского царя (770, с. 30). Однако это мнение, учитывающее лишь показание Махмуда Кашгарского и игнорирующее свидетельство Мухаммада ал-Хорезми, не может быть признано доказанным.

[3] Происхождение термина «инал» остается для нас весьма неясным (ср. 706, с. 182). Прозвище инал-младший, вероятно, соответствует имевшемуся у средневековых тюрок званию иналчик. Данный титул присваивался наследным принцам древних уйгуров и других тюркоязычных народов (706, с. 182).

рассказы носят полулегендарный характер, но они заслуживают внимания, так как подтверждаются фактами из истории огузов и туркмен XI—XII вв. (165, с. 114; 598, с. 132). Средневековые авторы свидетельствуют о присвоении султаном Меликшахом титула атабек Низам ал-Мульку (ср. 714, с. 19). Давая своему везирю и советнику звание атабека, юный Меликшах сказал: «Все дела, большие и малые, я предоставил тебе, ты (отныне) являешься (мне) отцом» (613, X, с. 54; 318, с. 34; 299, с. 535). Сельджукские атабеки были наставниками и воспитателями наследников престола и малолетних султанов[1]. Однако в дальнейшей обстановке феодальной раздробленности титул атабека стали носить фактически независимые правители (602, I, с. 2).

Исторические сказания огузов, подтверждаемые данными источников о сельджукских племенах XI—XII вв., дают основание предположить существование института атабеков в государстве сырдарьинских ябгу.

Хатун

Жены огузских правителей, как и других тюркских властителей, носили титул хатун (529). Хатун имела большое влияние на байгу, прислушивавшегося к ее советам (613, IX, с. 322). Интересно также свидетельство Ибн Фадлана, сообщающего об участии жен крупных огузских вождей при решении важных политических вопросов. Весьма примечателен, например, факт присутствия супруги Этрека на приеме арабского посольства (205, с. 17).

Средневековые толковые глоссарии переводят «хатун» как «госпожа», «царица», «принцесса» (266; 481; 570). Происхождение этого почетного звания, к сожалению, остается неизвестным. Одни исследователи считают «хатун» тюркским, а другие — иранским титулом (394; 524; 761).

Хатун при дворе огузских ябгу, вероятно, играла еще большую роль, чем при сельджукидах[2]. Влиятельная роль хатун объясняется относительно свободным положением женщины в огузском обществе до принятия ислама.

Сюбаши — предводитель войска

Крупную роль в державе ябгу играл главный предводитель огузского войска. В бытность Ибн Фадлана в стране огузов их верховным командующим

---

[1] В сельджукских документах из Малой Азии упоминаются также «ичи-атабеки» (778, с. 16). Термин «атабек», по словам Ибн ал-Асира, означал по-тюркски «отец-эмир» (613, X, с. 54). Слово «ичи» у сельджукских племен имело значение «старший брат» (598, с. 133; ср. 686, с. 95). В государстве сельджуков и мамлюков Египта существовали также «атабеки войска» (352, л. 147; 650, с. 16).

[2] Жены сельджукских властителей участвовали в государственном управлении, вмешивались в политические дела (586, с. 315; 304, с. 329). Многие из них имели свой диван и личные домённые владения (598, с. 22 и след.). Сельджукские принцессы и жены султанов носили звания арслан-хатун и туркан-хатун, или теркен-хатун (522, с. 204; ср. 616).

был Этрек ибн Катан. Ибн Фадлан свидетельствует, что это был влиятельный и богатый человек, являвшийся сторонником принятия ислама. Этрек находился в родстве с царем булгар и оказывал заметное влияние на внешнюю политику огузского государства. Командующий огузским войском опирался на существовавший при нем совет крупной аристократии (208, с. 25). Могущественными фигурами среди высших кругов правящей знати огузских племен были и другие главные предводители войска. Судя по версиям «Малик-наме», такие предводители вмешивались в государственную политику и нередко открыто выступали против верховных правителей (529, с. 43; 770, с. 141). Огузские главнокомандующие, подобно военачальникам других тюркоязычных народов, носили титул сюбаши[1]. В источниках X в. указывается, что «сюбаши» означает по-тюркски «начальник войска» (479, с. 120).

Исследуемый фактический материал позволяет сделать некоторые выводы о характерных особенностях державы сырдарьинских ябгу. Огузское государство IX—X вв. по своей политической и социальной природе было переходным от дофеодальной к раннефеодальной державе. Глава дофеодального государства, как известно, являлся старшим и наиболее знатным военным предводителем. Власть такого главы была ограничена советом родо-племенных вождей и старейшин. Дофеодальное государство опиралось на народные ополчения и дружины, с помощью которых собиралась дань с покоренных народов. Важную роль при этом играли также постоянные войны и набеги, сопровождавшиеся захватом добычи и пленных. Однако в дофеодальном государстве отсутствовала фискальная система постоянных налогов (471; 456).

Огузские ябгу, как показано выше, не обладали сильной властью. В державе сырдарьинских огузов сохранялись институты власти, которые выросли из недр военно-демократического строя. Власть огузских ябгу была ограничена советом крупной военно-племенной аристократии. Янгикентские правители имели соправителей, носивших почетный титул коль-эркин. Крупную роль в державе сырдарьинских ябгу играли сюбаши — главные предводители огузского войска.

В державе сырдарьинских ябгу в X—XI вв. шел процесс интенсивного разложения старых, родо-племенных институтов, развивались патриархально-феодальные отношения. Прежние органы власти, характерные для эпохи военной демократии, претерпевают серьезную трансформацию и постепенно теряют свое былое значение. Главную роль начинает играть совет высшей знати, существовавший при верховном ябгу. Складывается примитивный государственный аппарат управления, порожденный развитием антагонистических противоречий в огузской среде.

В конце X — начале XI в. в державе сырдарьинских ябгу

[1] В державе сельджукидов титул сюбаши нередко сочетался с другими почетными званиями (778, с. 14).

функционировала уже система регулярных налоговых сборов. Средневековые источники говорят о сборщиках, взыскивавших налоги как с оседлого, так и с кочевого населения сырдарьинских областей (ср. 360; 363). В версиях «Малик-наме», приводимых Ибн ал-Асиром и Мирхондом, эти налоги обозначаются термином «харадж» (613, IX, с. 322; 692, с. 5). Однако, возможно, что под данным названием здесь скрывается тюркский эквивалент, которым обозначался налог за пользование землей. Сам же по себе этот исторический факт не вызывает никаких сомнений и дает основание говорить о развивающейся в огузской державе государственной собственности на землю. Именно опираясь на земельное право, сырдарьинские ябгу могли требовать с кочевых огузов уплаты налогов за пастбищные выгоны и угодья. В пользу такого мнения говорят также данные, содержащиеся в наиболее полной редакции «Огуз-наме». Согласно этому источнику, сбор налогов с жителей Янгикента и Дженда иногда производился даже за несколько лет вперед. Ежегодные налоги сырдарьинским ябгу уплачивали также подвластные им кочевые огузские племена. Обычно сбор налогов походил больше на военную кампанию, чем на мирную административную акцию[1]. Ханские сборщики имели специальные конные отряды, насчитывавшие до одной тысячи человек. В случае отказа от уплаты дани верховный ябгу посылал на «мятежников» свои карательные отряды (378, л. 130).

Возникновение фискально-налоговой системы указывает на складывание в огузской державе стационарного аппарата управления. Поэтому имеются основания полагать, что в XI в. огузская держава была уже примитивным раннефеодальным государственным образованием.

Этнический состав огузского государства

Держава янгикентских правителей IX—XI вв. не была однородной по своему этническому составу. В городах и сельских поселениях нижней Сырдарьи жило ираноязычное и тюркоязычное огузское население. Очевидно, пришлые колонисты численно преобладали над оседлыми группами огузов. Масуди писал, что в столице огузских ябгу жили «мусульмане». Более подробные сведения о городах огузов сообщает Ибн Хаукал. В Новом Селении, Дженде и Хоре, по его словам, обитали «мусульмане», а власть принадлежала огузам (783, с. 392). Это известие подтверждается другими источниками X в. (611, с. 123).

Большой разнородностью отличался и этнический состав огузских кочевых и полукочевых объединений. Среди них имелись роды, племена и этнические группы различного происхождения[2].

[1] Аналогичная практика сбора налогов с кочевых туркмен существовала при газневидах и сельджукидах (19; 388).

[2] В этом отношении интересен тот факт, что в источниках VIII—X вв. племя джагра (шагра) выступает в качестве самостоятельного народа (494; 540; 584). Примечательно, что это тюркское племя упоминается наряду с огузами (167; 661; 629), но в более позднее время джагра (играк) именуются огузами (610, с. 89; 635, с. 443). Отсюда видно, что джагра (или, вернее, часть этого племени) вошли в состав огузов.

В составе огузов были остатки печенегов, асов, алан и других степных племен (420, с. 55; 421, с. 245—249). Консолидировавшиеся в государство сырдарьинских ябгу тюркоязычные племена назывались общим именем «огуз».

Смешавшаяся с оседлым, главным образом ираноязычным, населением часть огузов именовалась туркменами. В X — первой четверти XI в. данный термин в основном прилагался к метисированным и подвергшимся исламизации группам огузов Западного Джетысу и среднего течения Сыр-Дарьи. Называвшаяся туркменами часть огузов Семиречья в X веке находилась в зависимости от правителя, резидировавшего в Орду. Другая часть туркмен и огузов, кочевавших на среднем течении Сыр-Дарьи и в предгорьях Каратау, по-видимому, входила в сферу влияния правителей Старой Гузии.

В отдельных степных областях, входивших в состав огузского государства, население было особенно смешанным. Масуди отмечает, что по Черному и Белому Иртышу располагались зимовки огузов и кимаков (661, I, с. 212). Автор «Худуд ал-алам» помещает кочевья огузов и кимаков по реке Атил. В этом же источнике говорится, что в мирное время кимаки уходят на зиму в огузские земли (611, с. 85). Перекочевка кимаков зимой в страну огузов подтверждается текстом Марвази. В своем труде он пишет, что в землях кимаков зимой выпадает глубокий снег. Когда снежный покров достигает высоты копья, то кимаки перегоняют своих лошадей в края огузов, если между ними царит мир (736, с. 32).

Тесные контакты северных групп огузов с кимаками способствовали их сближению по языку и культуре. Согласно «Худуд ал-алам», кимаки области Андараз Хифчак[1] имели обычаи, сходные с огузскими (611, с. 85). Махмуд Кашгарский неоднократно подчеркивает близость огузских и кыпчакских говоров, содержащих элементы «джекания» (178, с. 95). Этно-культурные связи кимако-кыпчакских племен с огузами прослеживаются также по старинным казахским преданиям (244, с. 76—80).

Огузские племена, жившие на территории нынешнего Западного Казахстана, имели в повседневном быту черты сходства с башкирами и другими соседними народами. В пользу этого обстоятельства говорит инвентарь курганных могильников IX—XIII вв., раскопанных в Южной Башкирии. Погребальный обряд, предметы быта и военного снаряжения, найденные в этих курганах, во многом сходны с инвентарем торко-огузских захоронений в южнорусских степях (240; 376). Идентичные могильники кочевников X—XIII вв. обнаружены по берегам Большого и Малого Узеней, Камыш-Самарских озер и Нижнего Поволжья (389; 391; 392).

Основное ядро огузского государства, таким образом, состояло из кочевого, оседлого и полуоседлого населения, среди которого

[1] А. Х. Маргулан полагает, что эта область соответствует району Сырдарьинских Каратау, Сыгнака и низовьям реки Сарысу (251, с. 34).

имелись потомки тюркизированных индоевропейских племен. В городских поселениях дельты Сыр-Дарьи обитало ираноязычное и тюркоязычное огузское население. Благодаря тесным контактам между этими группами происходило этническое и культурное сближение. Кочевые и полукочевые огузские племена имели некоторые черты сходства с окружавшими их тюркоязычными народами.

Держава сырдарьинских ябгу, как мы видим, отличалась сравнительно большой пестротой. Подобный разнородный этнический состав был характерен и для прочих государств дофеодального и раннефеодального типов. Вместе с тем в державе огузов начался процесс консолидации в этническую общность, характерную для раннего этапа формирования народности. Становление огузской народности происходило на базе развития патриархально-феодальных отношений в условиях господства кочевого скотоводства. Однако в силу конкретно сложившихся в дальнейшем исторических судеб огузов этот процесс не получил своего завершения.

Огузское государство на исторической арене Средней Азии и Восточной Европы

Держава сырдарьинских ябгу сыграла важную роль в политической и военной истории Средней Азии и Восточной Европы. Одним из источников доходов огузских правителей наряду со сбором дани и налогов был захват добычи и пленных. Войны с соседними народами обогащали родо-племенную знать огузов. Особенно частые набеги огузы совершали в период весенних и осенних перекочевок. Соседние народы и племена в свою очередь нападали и грабили становища огузов. В средневековых источниках говорится о беспрерывных столкновениях огузов с оседлым населением различных областей Средней Азии и Восточной Европы. Ибн Саид и Абу-л-Фида повествуют о регулярных набегах огузских «царей» на Буртасию. Огузы-кочевники, возможно, периодически вторгались и в пределы Волжской Булгарии (ср. 480, с. 10). В X в. огузы пригоняли зимой свои конские табуны к реке Хазар. Расставленные здесь сторожевые посты и гарнизоны не всегда могли сдержать переправу огузов через эту реку. В таких случаях против них выступал с многочисленным войском сам хазарский царь (661, II, с. 18, 19).

В средневековых источниках сообщается также о беспрестанных войнах огузов с сопредельным Хорезмом. Абу Рейхан Бируни рассказывает, что каждую осень хорезмшахи отправлялись в поход, «отгоняя тюрок-гузов от своих границ и охраняя от них окраины своих стран» (14, с. 257). Против огузских набегов вдоль границ Хорезма была воздвигнута линия сторожевых башен и крепостей. Охранявшие эти укрепления военные гарнизоны извещали о появлении врага с помощью дымовых сигналов. Длинная цепь таких башен от мыса Урга тянулась на юг и шла вдоль обрывов Устюрта (421, с. 249).

Огузская кочевая знать организовывала набеги и на пограничные селения и города Хорасана. «От Серахса до Мерва по главной дороге, — пишет Йакуби, — шесть дней пути. Первая остановка — Уштурмагак, затем Данданакан, затем Генугирд, а это поместья рода Али ибн Хишама ибн Фаррахосроу. Эти станции (находятся) в дикой пустыне, в каждой из них — укрепление, в котором жители защищаются от тюрок, потому что они иногда нападают на некоторые из этих станций» (256, с. 147, 148). Согласно Кудаме ибн Джафару, эти населенные пункты лежали «на дороге в пустыню, которая доходила до области гузов» (265, с. 164). Истахри сообщает, что тюрки (под ними подразумеваются огузы) из Хорезма вторгаются через пустыню в пределы Джурджана (265, с. 168).

В X в., наряду с Джурджаном, пограничными крепостями против огузов являлись Дехистан и Ферава. Область Джурджан была превращена в сильно укрепленный заслон. Более одной тысячи горных крепостей Джурджана преграждали путь для внезапных нападений (783, с. 181). На границах Хорасана с Гузской пустыней возникла целая линия оборонительных сооружений. В X в. наместники Хорасана укрепили Фераву, которая была обнесена тройным кольцом стен и глубоким рвом (555, с. 321). Значительной военной крепостью становится и рабат Куфан. Площадь этого укрепления, имевшего стену с четырьмя воротами, составляла в окружности один фарсах (265, с. 201).

Захват военной добычи и пленных не был единственным стимулом для огузских вторжений в Мавераннахр, Хорезм, Хорасан и Джурджан. Перекочевка огузов к границам оазисов диктовалась и все возраставшей потребностью в торговом обмене с земледельческими областями. Огузы прежде всего испытывали острую нужду в хлебе. В этом отношении примечательно описание Ибн Фадланом повседневного быта огузов-кочевников. Проезжая через их степи, арабское посольство часто подносило в качестве подарков просо и пшеничные лепешки. Хлеб считался у кочевых огузов самым желанным подарком. Однажды караван Ибн Фадлана был остановлен одним из огузов, первым требованием которого был хлеб (770, с. 126).

Появление огузов на исторической арене Средней Азии и Восточной Европы изменило соотношение сил между Хорезмом, Хазарией, Русью и Булгарией (716, с. 397—410). В 965 г., как показал С. П. Толстов, между огузским ябгу и князем Святославом был заключен военный договор, направленный против хазар. Результатом этого военно-политического союза явился страшный погром хазарского каганата (422, с. 15). Эти события нашли свое отражение в хронике Ибн Мискавейха. Последний сообщает, что в 965 г. тюрки напали на страну хазар, обратившихся за помощью к властителю Хорезма. Однако хорезмийцы обещали поддержку лишь

при условии принятия ими мусульманства[1]. Хазары ответили согласием и обратились в ислам, кроме их царя (759, II, с. 209).

Военный союз Киевской Руси с огузами был обусловлен общностью их политических и торгово-экономических интересов. Древнерусское государство, соперничавшее с Хазарией и дружественной ей Византией, нуждалось в сильном политическом союзнике. В свою очередь феодализирующаяся кочевая знать государства сырдарьинских ябгу испытывала острую нужду в пастбищах для своих многочисленных стад. Но могущественная Хазария преграждала огузам путь в привольные донские и черноморские степи. Большую притягательную силу для огузов представляли и торговые пути, пролегавшие через Поволжье на Мангышлак и Устюрт. Эти важнейшие магистрали, соединявшие Европу с Азией, приобрели в X в. крупное международное значение. Упадок средиземноморской торговли в результате арабского и норманских завоеваний на западе превратил этот путь в одну из главных артерий азиатско-европейской торговли. В контролировании этих важнейших торговых коммуникаций было заинтересовано и Древнерусское государство. Разгром Хазарии открывал русским купцам доступ к богатым рынкам стран Востока. Указанные обстоятельства определили курс внешнеполитической ориентации огузских ябгу на союз с русскими князьями (20, с. 76—78).

Поражению Хазарии в 965 г. предшествовала длительная борьба огузов с хазарскими каганами. Столкновения огузов с хазарами, как сообщает Ибн Фадлан, имели место уже в первой четверти X в., когда огузские предводители находились во враждебных отношениях с хазарским царем. Ибн Фадлан указывает, что у хазар имелись пленные из числа огузов (208, с. 30).

Границы Хазарской державы в середине X в. достигали северо-восточного побережья Каспийского моря. «В восточную сторону (наша страна), — пишет хазарский царь Иосиф, — простирается на двадцать фарсахов пути до моря Грганского» (213, с. 81). Пространная редакция этого письма добавляет, что пограничные рубежи Хазарии «тянулись от Итиля, по пути к Хуваризму, (доходя) до Ргана» (213, с. 99, 100). В этих документах под Грганом подразумевается Каспийское море (419, с. 104). Владения хазарских каганов, судя по данным их переписки X в., простирались до Мангышлака (558, с. 150).

Кровопролитные столкновения огузов с хазарами, вероятно, происходили в степях, прилегающих с запада к каменистым полупустыням Мангышлака. «На Сияхкухе, — сообщает Истахри, —

[1] Согласно Ибн ал-Асиру, жители Хорезма оказали военную помощь хазарам и изгнали тюрок-завоевателей из их страны. После этого события принял ислам и верховный правитель Хазарии (613, VIII, с. 418). В труде Ибн Хаукала говорится, что на хазар, булгар и буртасов напало войско русов. Остатки разбитых ими хазар бежали из Итиля на остров Сияхкух (558, с. 292 и след.). Как установлено советскими исследователями, в рассматриваемых источниках описывается война Святослава и огузского ябгу с Хазарией (40; 41).

живет племя тюрок, оно недавно поселилось там из-за вражды, которая возникла между гузами и этим (племенем). Они (тюрки) удалились от них (гузов) и превратили (Сияхкух) в свое пристанище и пастбище; у них (там) источники (воды) и пастбища» (265, с. 169). В приведенном отрывке скорее всего описывается борьба огузов с одним из племен, входивших в состав Хазарского каганата[1].

Разгром хазарского каганата способствовал росту политической мощи огузской державы. В конце X в. огузские ябгу совместно с русскими князьями нанесли крупное поражение Волжской Булгарии. Русские летописи свидетельствуют, что в 985 г. князь Владимир в союзе с торками двинулся в поход на булгар (336, I, с. 257). Княжеское войско плыло в ладьях по Волге или Каме, а торки ехали по берегу на своих боевых конях. Очевидно, конным ополчениям дружественных огузов придавалось особое значение в военных планах русских князей.

Кризис огузской державы

На грани X—XI вв. огузское государство Средней Азии пережило сильный кризис и упадок. Признаки ослабления мощи державы сырдарьинских ябгу, вероятно, проявились уже в середине — второй половине X в. На это указывают исторические предания о восстании огузов против Али-хана в канун сельджукского движения (387, л. 130). Народные движения, направленные против гнета и засилья феодализирующейся знати, способствовали кризису огузского государства. Ослабление этой державы усугубилось в дальнейшем борьбой с вождями сельджуков, захвативших Джендскую область. Выступление сельджукидов поддержали кочевые огузские племена и оседлое население сырдарьинских городов, недовольное бесконечными поборами ханских чиновников. Эти бурные социальные потрясения нашли свое отражение в различных версиях «Малик-наме» и «Огуз-наме»[2].

Согласно огузским историческим преданиям, у Али-хана — правителя Янгикента — был сын Шахмелик. Сам Али-хан был мо-

[1] Тюрки, поселившиеся на Сияхкухе, получили в дальнейшем название мангышлаки. Происхождение этого наименования, несомненно, связано с полуостровом Мангышлак. В этом отношении чрезвычайно интересен рассказ Мухаммада ибн Наджиба Бекрана. «Мангышлак, — пишет он, — племя из тюрок, которое по причине вражды, возникшей между ними и гузами, ушло из своих мест обитания и попало в пределы Сияхкуха, находящегося вблизи Абескунского залива. Здесь они нашли источники с водой и пастбища и обосновались на этом месте. Их называют людьми Мангышлака, а их правителя (сахиб) зовут ханом» (294, л. 17). Рассматриваемая тюркоязычная группа, очевидно, позднее была покорена огузами и вошла в состав языров. Мухаммад Бекран и Абу-л-Хасан Джурджани сообщают, что к язырам «присоединилось одно племя (тюрок) из Мангышлака» (294, л. 17; 10, л. 35).

[2] Подробный анализ сведений «Малик-наме» о борьбе сельджуков с огузскими ябгу приводится в следующей главе публикуемой книги. В силу этого обстоятельства мы ограничиваемся здесь историческими преданиями, которые в известной степени перекликаются с данными, содержащимися в версиях «Малик-наме».

ществленным правителем, имевшим сорокатысячное войско[1]. Наибом и опекуном-атабеком малолетнего Шахмелика был назначен Юлдуз Кузыджи[2]. Али-хан приказал опоясать Шахмелика саблей и назвал его Кыч-Арслан. Шахмелик и его атабек были посланы ханом в пределы Хорасана. Кыч-Арслан вскоре подрос и стал заниматься недостойными делами и развратом. Народ окрестил юного повесу ненавистным прозвищем Шах-бидадгар (несправедливый шах). Юлдуз Кузыджи отговаривал Кыч-Арслана от неблаговидных поступков, но тот не захотел слушать атабека.

Выведенный из терпения народ решил схватить и убить Шахмелика. Однако Кыч-Арслан успел переплыть через Аму-Дарью и бежал во владения своего отца. Прибывший следом Юлдуз Кузыджи доложил хану о поведении его сына, вызвавшем недовольство среди народа. Али-хан притворился, что не верит словам атабека и возложил на него вину за происшедшие события. Узнав об этом, Шахмелик явился ко двору своего отца. Али-хан ударил сына, приказал связать и заточить его в темницу. Хан распорядился отвезти закованного в цепи Шахмелика обратно в Хорасан.

Однако на совете знати — кäнкäше — решили не отдавать Кыч-Арслана на расправу народу. Правящая верхушка испугалась, что выдача Шахмелика вдохновит народные массы на решительные выступления против ханской власти. Кäнкäш постановил отправить атабека к возмутившемуся народу и успокоить его сообщением о наказании ханом своего отпрыска. Если огузский иль не прекратит «смуты», то следует послать карательные отряды во главе с Шахмеликом. Однако Юлдузу Кузыджи не удалось склонить народ к покорности Али-хану. Неудачей закончилась и миссия ханского советника Коркута, потребовавшего уплаты налогов у огузских илей Хорасана. Огузские племена заявили, что находятся во вражде с ханом и отказываются внести положенную дань. После этого Али-хан послал тысячу всадников для переселения к Мерву огузских илей, живших на побережье Аму-Дарьи. Огузские племена отказались повиноваться хану и внести причитавшиеся с них налоги. Между Али-ханом и огузами Аму-Дарьи начались открытые военные столкновения[3]. В ходе длительной войны Али-хан

---

[1] В отдельных списках версии «Огуз-наме», сохранившихся в труде Рашид ад-Дина, сказано, что отец Шахмелика властвовал над 40 тысячами огузских шатров (773, с. 182).

[2] Данное историческое предание не было еще предметом внимания исследователей, поэтому считаем целесообразным изложить его содержание полностью.

[3] Рассказ об этих событиях приведен и в туркменских исторических сказаниях: «У Али-хана был малолетний сын по имени Кыч-Арслан, ему дали прозвище Шахмелик. Был (там) столетний человек (родом) из иля букдез, прозываемый Кузыджи-бек. В те времена юрт огузского иля (был расположен) у устья реки Сыр, между Ургенчем и рекой Сыр, по обе стороны Аму-Дарьи, а в песках — между Ургенчем и Мервом вплоть до устья реки Мургаб. Сам Али-хан сидел в Янгикенте, а Шахмелика поручил Кузыджи-беку» (212, с. 66).

скончался. Войско его сына Шахмелика было разгромлено, а сам Шахмелик был убит (378, л. 130, 131).

В приведенных исторических сказаниях огузов в описании ряда эпизодов имеются несоответствия и явные противоречия. Рассматриваемая версия, например, утверждает, что Шахмелик был убит после кончины Али-хана (378, л. 131). Другая версия, напротив, говорит о разгроме и гибели Шахмелика до смерти верховного хана Янгикента (212, с. 68). Однако фигурирующие в «Огуз-наме» Али-хан и его сын Шахмелик являются подлинными историческими личностями.

Повествования «Огуз-наме», несмотря на их противоречивый характер, все же отображают реальную историческую действительность. Такой вывод можно сделать на основании сравнения рассматриваемых данных с наиболее полными версиями «Малик-наме». Правда, в этом источнике, написанном в XI столетии по заказу сельджукидов, несколько затушевана социальная острота происшедших событий. Однако фактические сведения, которые приведены в «Малик-наме», также свидетельствуют о народных «мятежах», направленных против налоговой политики сырдарьинских ябгу. Все это дает основание рассматривать огузские предания в качестве одного из источников, сохранивших воспоминания о периоде кризиса и падения державы янгикентских ханов.

В исторических преданиях огузов совмещен ряд связанных друг с другом, но имевших место в разные годы исторических событий. Сказания о правлении Али-хана и Шахмелика с фактической и хронологической точек зрения можно подразделить на три составные части. Одна из них, где повествуется о первом восстании огузов против Али-хана, относится к периоду до начала сельджукского движения (378, л. 130). Вторая часть, где рассказывается о «мятеже» огузов против Шахмелика, скорее всего отображает более поздние события, происшедшие в связи с выступлением сельджукидов в Джендской области. Заключительная часть сказаний, описывающая гибель Шахмелика, бесспорно, относится к эпохе после образования государства сельджукидов в Хорасане.

Наибольший интерес представляют для нас два первых рас-

Спустя некоторое время, как рассказывают туркменские предания, Али-хан послал Шахмелика к части огузов, которая ушла в Ургенч и Центральные Каракумы. Шахмелик не смог поладить с огузским илем и вызвал у него своим произволом и насилиями большое недовольство и возмущение. Вместе со своим регентом-наставником Кузыджи он вскоре бежал в Янгикент. Тогда огузы, обитавшие в Ургенче, на Мургабе и Теджене, провозгласили своим ханом Тогрула-онбеги. Шахмелик во главе с двадцатитысячным отрядом выступил против Тогрула, но потерпел поражение и был убит. Вскоре после смерти Шахмелика умер и его отец Али-хан. После разгрома Шахмелика и смерти янгикентского хана Али огузский иль распался. Начались беспрерывные межплеменные усобицы и войны. «И вот много (огузских) илей во главе с Кылк-беком, Казан-беком, Караман-беком ушло в Мангышлак. Среди них были (люди) из всех илей, однако больше всего было из (илей) имир. дукер, игдыр, чувулдур, каркын, салор и агар» (212, с. 68).

сказа, сохранившие память о событиях, имевших важные последствия для исторических судеб огузского государства. Они позволяют видеть причины кризиса державы сырдарьинских ябгу на грани X—XI вв. Становится очевидным, что между феодализирующейся знатью и рядовыми слоями огузских эров развернулась ожесточенная борьба, вызванная притеснениями и тяжелым налоговым гнетом. Острый конфликт правящей верхушки с простыми массами оседлого и кочевого населения был следствием развития патриархально-феодальных отношений. Феодализирующиеся круги державы сырдарьинских ябгу стремились полностью закабалить свободных общинников и превратить их в зависимую массу податного населения. Развитие классовых антагонистических противоречий в огузской среде привело к упадку государства янгикентских ханов.

Недовольство фискальной политикой сырдарьинских ябгу было использовано вождями сельджуков, которые поселились близ Дженда еще в середине X в. Сельджукидские вожди стали во главе восстания народных масс против огузских ханов Янгикента. Конечно, они лишь внешне сочувствовали угнетенным низам и использовали их движение в своих корыстных целях. Восстание оказалось успешным для сельджукидов, которые захватили в свои руки Дженд. Однако сельджуки, по-видимому, не оправдали возлагавшихся на них угнетенными массами надежд и лишились их поддержки. Иначе трудно объяснить тот факт, что вскоре они были вынуждены оставить пределы Джендской области. Повстанческое движение так или иначе потерпело неудачу и народные «смуты» были подавлены. Все это способствовало укреплению власти Шахмелика — наследника и преемника Али-хана. В дальнейшем Шахмелик настолько усилился, что захватил в 1041 г. Хорезм (769, с. 867). Однако этот успех оказался все же непрочным, поскольку спустя два года Шахмелик — последний из известных нам по источникам ханов сырдарьинских огузов — попал в руки сельджукидов и был казнен (769, с. 867). Борьба с повстанческим движением, многолетние стычки и войны с сельджукскими племенами медленно, но верно подточили изнутри государство огузских ябгу.

Падение огузской державы

Ослабленная глубокими внутренними противоречиями, держава ябгу окончательно пала под ударами вождей кыпчакских племен. В середине XI в. степная полоса Средней Азии стала ареной бурных и стремительных событий. Сюда, как вихрь пустыни, ворвались пришельцы из Центральной Азии. Первые толчки крупных передвижений степных племен начались на Дальнем Востоке. В начале X в. в Северном Китае образовалось государство Ляо, основанное кочевыми племенами киданей (786). Расширение границ этой державы привело в дальнейшем к цепной реакции миграций, вызванных экспансией киданей на запад.

В 1010 г. киданьские войска напали на уйгур Ганьчжоу современной провинции Ганьсу (372, с. 167). Вслед за тем они вторг-

лись в северо-западную часть Джетысу. Согласно Абу-л-Фараджу, в 1014 г. большая орда кочевников вторглась из Чина в пределы страны «хуннов». Правитель Бухары Ахмад ибн Али двинулся им навстречу со своим войском[1]. В кровопролитном бою он одолел врага и захватил его шатры, а в руки победителей попала огромная добыча. Среди трофеев были золотые и серебряные сосуды, дорогие шелковые ткани (586, с. 282).

Другие восточные авторы сообщают, что в 1017 г. передовые военные отряды киданей появились в окрестностях Баласагуна. Навстречу киданьской армии выступил с большим войском восточно-караханидский правитель Туган-хан[2]. «Со стороны Сина, — повествует историк Утби, — пошли войска в поход против Туган-хана и для захвата стран ислама, стран тюрок и остального Мавераннахра[3]. Количество их было больше ста тысяч шатров, и мусульмане не видели подобных им ни в одной земле» (52, II, с. 220).

Рассматриваемые события представляют большой интерес в связи с тем, что указывают на огромные масштабы экспансии киданей, в движении которых, вероятно, приняла участие и часть восточно-тюркских племен. Историк Утби называет внушительную цифру для вторгшейся в Семиречье армии киданей в сто тысяч кибиток, а Ибн ал-Асир говорит о трехстах тысячах шатров. Хотя эти цифры и преувеличены, все же перед нами раскрывается картина грандиозного передвижения кочевых племен из Центральной в Среднюю Азию.

Киданьские правители, несмотря на поражение в 1017 г., не оставляли, видимо, надежды на завоевание Семиречья. В 1027 г. ко двору Махмуда Газневи прибыли послы от Кита-хана и Уйгур-хана, выразившие готовность признать Махмуда своим сюзереном и установить с ним дружественные отношения (635; 697; 511). Кидани с помощью этого дипломатического маневра хотели заручить-

---

[1] Ахмад ибн Али, по словам Абу-л-Фараджа, был сыном Кара-хана, умершего около 1019 г.

[2] Туган-хан был братом Илек-хана, который скончался в 403 г. х. (1013 г.). После его смерти власть в государстве караханидов перешла к Туган-хану (52, II, с. 215—219; 613, IX, с. 169).

[3] Эти же события описываются в хронике Ибн ал-Асира, по словам которого в нашествии приняло участие «одно из тюркских племен». Ибн ал-Асир утверждает, что это было племя тюрок, к которым принадлежали также кидани. Вместе с тем он отмечает, что их войско насчитывало более трехсот тысяч шатров (613, IX, с. 209).

Утби и Ибн ал-Асир сообщают, что китаи овладели частью Туркестана, захватив здесь пленных и угнав скот. Вскоре они подошли и остановились в восьми днях пути от Баласагуна. Опасность была настолько велика, что Туган-хан обратился за помощью в соседние страны ислама. На его зов откликнулось 120 тысяч добровольцев, вместе с которыми караханидское войско выступило против киданей. Армия Туган-хана настойчиво преследовала отступившего в страхе противника. Решительное столкновение произошло лишь спустя три месяца и окончилось полным разгромом армии киданей. В битве погибло более двухсот тысяч тюрк-китаев, а около ста тысяч из них было взято в плен. Победителям досталась богатая добыча: отличные скакуны, кибитки, золотая и серебряная посуда (613, IX, с. 209).

ся поддержкой газневидов в борьбе с Восточно-караханидским каганатом[1].

Караханидам удалось задержать победное шествие киданей на запад. Однако завоевания киданей породили целую волну крупных миграций. Расширение границ киданьской державы в XI в. привело к инфильтрации на запад племен кунов и каи[2]. Согласно Шараф аз-Заману Марвази, племя кунов первоначально обитало в стране Хита. Куны были кочевниками, которые из-за вражды с правителем киданей вынуждены были оставить свою родину. По пути своего движения они подверглись нападению со стороны многочисленного и сильного племени каи. Вытесненные со своих пастбищ, они ушли затем в страну сары, которые бежали в земли туркмен. Под натиском племени сары туркмены ушли в восточную часть страны огузов, откочевавших в свою очередь в земли печенегов на берегу Армянского моря[3].

События, описываемые Марвази, судя по всему, произошли накануне образования сельджукидского государства в Хорасане. В пользу этого мнения свидетельствует рассказ Мухаммада Ауфи. Повествуя о тех же событиях, он добавляет: «Некоторые из них (туркмен) усилились (затем) и во времена Чагры-Тегина[4] выступили и захватили (страны) мира. Сельджукские падишахи и род сельджуков оставались известное время правителями мира, а гузы пошли в земли печенегов, вблизи Армянского моря» (290, л. 407).

Движение кунов и каи из Центральной в Среднюю Азию началось из Северного Китая и Западной Сибири. В источниках второй четверти XI в. эти племена упоминаются по соседству с хирхизами[5], кимаками и токуз-гузами (483, с. 145, 146). Куны исповедовали несторианство, но время обращения их в христианскую религию остается неизвестным. Первые сведения о распространении этой

---

[1] В одной из своих касыд в честь султана Махмуда Газневи поэт Фаррохи Систани пишет: «К кита-хану пришло желание вступить с тобой в дружбу» (635, с. 427).

[2] И. Маркварт и З. В. Тоган полагают, что народ каи идентичен с огузским племенем кайиг. Против такой точки зрения решительно возражают М. Ф Копрюлю и В. Ф. Минорский (669; 736; 635; 773). В произведениях газневидских поэтов XI в. упоминаются гулямы из племени каи; они почти всегда отмечаются наряду с татарами. М. Ф. Копрюлю считает на этом основании, что между каи и татарами существовала этническая близость (635).

[3] Под Армянским морем, как указывал В. В. Бартольд, подразумевается Черное море. И. Маркварт ошибочно полагал, что в этом отрывке имеется в виду первоначальная родина печенегов на Каспийском побережье. В. Ф. Минорский убедительно показал, что Марвази и Ауфи неверно называют это море Армянским, вместо обычного наименования Русское (Черное) море (58, с. 141, 142; 736, с. 102).

[4] Под этим именем подразумевается сельджукид Дауд Чагры-бек (23), который ошибочно назван «тегином». См. о последнем термине и его значении в работе К. Шлегеля (737).

[5] «Среди них (тюрок), — пишет Ауфи, — имеется племя, называющееся хирхиз, которое весьма многочисленно. Их обиталища находятся на Летнем Востоке. К северу от них расположены степи каи и кимаков, а к западу — (земли) ягма и карлуков» (290, л. 470).

веры среди кочевых племен Дальнего Востока относятся к началу XI в. Около 1009 г., насколько известно, христианство приняли кереиты, и, возможно, куны[1] были частью кереитской федерации племен (736, с. 98). В дальнейшем в результате войн с соседями куны оказались вытесненными из Центральной Азии и вторглись в Среднюю Азию и Восточную Европу[2].

Миграция кунов и каи имела место после образования киданьского государства Ляо (669, с. 80; 736, с. 104). Куны под нажимом киданей ушли из Северного Китая и появились в Европе между 1030 и 1049 г. Передвижения кунов и каи дали толчок грандиозной волне миграций кочевых племен в первой трети XI в. Описываемые Марвази и другими средневековыми авторами[3] события произошли в 30-х годах этого столетия (680, с. 285; 736, с. 98). Примечательно, что в «Каноне» Бируни куны и каи не упоминаются больше как крайние обитатели Дальнего Востока. Этот факт указывает на начало их передвижений на запад в 30-х годах XI в. (736, с. 98 и след.).

Племена кунов проникли к середине XI в. далеко в Восточную Европу. В мадьярских хрониках отмечается, что в 1068 г. куны вторглись на территорию Венгрии. Согласно этим летописям, куны подразделялись на «белых» и «черных» (637, с. 131, 132).

Данные средневековых источников позволяют видеть, что в начале XI в. в Среднюю Азию вторглись кочевые племена с Дальнего Востока. Это была цепь миграций, вызванная экспансией киданьского государства Ляо. Киданьские завоевания способствовали движению в 30-х годах XI в. на запад кунов и каи, обитавших в Западной Сибири и Северном Китае. Волна этих передвижений захватила и ряд других степных племен Восточной Азии. В бурном водовороте миграций оказалась группа народа сары[4], принадле-

[1] И. Маркварт считал кунов отюреченной ветвью монголов и пытался отождествить их с огузами и кыпчаками. Генетически он связывал кунов с этими племенами через так называемых мурка, которые упоминаются в более ранних источниках (669, с. 80). Несостоятельность подобного взгляда была отмечена В. В. Бартольдом, который выступил против отождествления огузов с кыпчаками. В. Ф. Минорский убедительно доказал, что тезис И. Марквартa о кунах как ветви народа мурка основан на простом недоразумении (680; 736).

[2] Впоследствии часть кунов, вероятно, попала в пределы сельджукской державы. В армии султана Баркиярука видную роль играл происходивший из кунов эмир Акинджи ибн Кочкар (736, с. 99, 101).

[3] В частности, об этих событиях кроме Ауфи сообщают Мухаммад Шабангараи и Шюкруллах, сведения которых восходят к тексту Марвази (23).

[4] Марвази и Ауфи не указывают, где жили сары, вторгшиеся под натиском кунов и каи в страну туркмен. В. В. Бартольд помещал сары в Чуйской долине, где в IX—X вв. было расположено селение под названием Сарыг (432). В. Ф. Минорский отмечает, что сары (шари) состояли из двух групп, одна из которых жила недалеко от Эдзингола, а вторая — вблизи Аральского моря и нижнего течения Сыр-Дарьи (736). Однако вопрос о месте обитания западной части народа сары нельзя считать решенным. Можно лишь думать, что сары жили далеко к востоку от среднего течения Сыр-Дарьи. Такой вывод напрашивается при сопоставлении рассказа Марвази и Ауфи с данными Бируни о расселении туркмен в первой трети XI в.

жавшего к числу кыпчакских племен (58; 669; 680). Преследуемые враждебными племенами кунов, они напали на туркмен, вероятно живших в Джетысу, по среднему течению Сыр-Дарьи и в предгорьях Каратау. Туркмены передвинулись на запад, видимо, к низовьям Сыр-Дарьи и пограничным областям Хорезма и Хорасана. Между тем сары-кыпчаки вторглись в середине XI в. в земли огузов и нанесли им жестокое поражение[1].

Эти события нашли свое отражение в хронике армянского историка Матфея Эдесского, который под 1050—1051 гг. сообщает о разгроме огузов и печенегов «рыжеволосым» (хардеш) народом, который до этого был разбит народом «отц» (змей). Преследуемые «рыжеволосыми», огузы и печенеги двинулись в пределы Византии (538, с. 89). Очевидно, под хардешами[2] Матфея Эдесского подразумеваются сары, упоминаемые в сочинениях Марвази и Ауфи (669).

Разгромленные кыпчаками в середине XI в. огузские племена Западного Приаралья и Северного Прикаспия бежали в южно-русские и причерноморские степи. Так был положен конец державе сырдарьинских ябгу, подточенной изнутри глубокими социальными противоречиями.

Огузы в пределах Восточной Европы

В «Повести временных лет» под 1054 г. содержится интересный рассказ о нашествии торков на Переяславль. Лаврентьевская летопись сообщает о выступлении против торков князя Всеволода Ярославича, одержавшего над ними победу. По пятам торков-огузов, бе-

[1] Своеобразное отражение эти события получили в труде Михаила Сирийца, который пишет о массовых передвижениях с востока крупных орд тюрок-кочевников. В результате этой волны перемещений старое тюркоязычное население оказалось вытесненным со своих насиженных мест. Тюрки, двинувшиеся с востока, разделились на три большие группировки. Одна из них пошла на юг, вторая на север, а третья — на запад. Выбор направления их миграций был определен по жребию. Согласно общему уговору, они метнули в небо три стрелы, пометив их своими знаками. Тюркские племена, стрела которых упала на юг, пошли в сторону Верхней Индии. Половцам-куманам выпал жребий двинуться на север, и они достигли царства греков. Третья группа тюрок ушла на запад, где смешалась с арабами и приняла ислам (669, с. 30 и след.).

[2] Народ хардеш, возможно, принадлежал к объединению кыпчакских племен Алтая. Согласно китайским источникам, рыжие люди с голубыми глазами обитали в стране Кин-Ша (516, с. 174). Кин-Ша (Золотая гора) соответствует хребтам Алтая, расположенным между Кизылбашем и Илкеаралом (516, с. 174). В тех же источниках отмечается, что кыпчаки некогда обитали в местности Чже-Лань (517, с. 24). Эта группа кыпчаков жила на Алтае, близ Змеиной горы (125, с. 54), либо в бассейне реки Кеми (231, с. 60). Еще труднее дело обстоит с идентификацией народа «змей», разбившего наголову хардешей. Возможно, под именем «отц», как полагает Ю. А. Зуев, скрываются кан, имевшие тамгу в виде змеи.

жавших из Средней Азии и Поволжья в глубь Европы[1], шли половецкие ханы (336). Вторгшиеся в Переяславское княжество торки были одной из групп разбитых кыпчаками огузов (346, с. 8; 116, с. 75, 76). В 1060 г. объединенное войско русских князей Киева, Чернигова, Переяславля двинулось в поход на торков. Огузы в это время занимали часть южнорусских степей, откуда вытеснили печенегов, бежавших на Балканы[2]. Теснимые с востока кыпчаками, торки-огузы пытались прорваться в пределы Древнерусского государства. «В этом же (1060 г.) году, — говорится в Лаврентьевской летописи, — Изъяслав, Святослав, Всеволод и Всеслав собрали бесчисленное войско и отправились в поход на торков, одни на конях, а другие в ладьях. Торки же, прослышав об этом, в страхе обратились в бегство и так и перемерли в бегах, божьим гневом гонимые — кто от стужи, кто от голода, иные от болезней и от суда божьего» (336, I, с. 309). Разбитые русскими князьями и теснимые с тыла кыпчаками, огузы вынуждены были бежать в Заднепровье, а затем к Дунаю. Однако небольшая группа торков осталась на Дону и Днепре, будучи покорена половецкими ханами, а часть их них прибегла к покровительству Киева[3]. Основная же масса огузов в 1064 г. переправилась через Дунай и оказалась в пределах Византийской империи[4]. Огузы форсировали реку на челноках, выдолбленных из древесных стволов, и кожаных мешках с соломой, привязанных к хвостам пущенных вплавь коней (101, с. 29 и след.). Громадная огузская орда рассеялась в поисках пищи и корма для своих животных по всей Дунайской равнине. Византийский император Дука пытался подкупить их вождей и заставить уйти обратно за Дунай (538, с. 126, 127). Вначале огузы нанесли поражение болгарам и грекам и разорили Иллирию и Фессалоники. Однако наступившие зимние холода и голод явились для них тяжелым испытанием. Воспользовавшись ослаблением торков, болгары разгромили их основные силы. После этого вожди огузов с подвластными им племенами частью подчинились Византии, а частью ушли обратно в южнорусские степи (115; 116; 381). Оставшаяся на Балканах часть огузской орды получила от византий-

[1] П. Голубовский считал, что это были огузские племена, вытесненные в первой половине XI в. половцами из Поволжья и Дона. Д. А. Расовский же полагает, что торки-огузы обосновались в Приднепровье еще в конце X в., захватив земли ушедших на запад печенегов. По его же мнению, уже тогда торки начали «все более и более вытеснять печенегов из Причерноморских степей». Однако, как доказал И. Маркварт, это были огузские племена Средней Азии, ушедшие на запад в результате половецко-кыпчакского движения XI в. (116, с. 72; 346, с. 6, 7; 669, с. 27 и след).

[2] Основная масса печенегов ушла под напором торков в дунайские провинции Византии, а часть из них — в пределы Венгрии (116, с. 77; 346, с. 8).

[3] Половцы, победившие торков-огузов, считали их своими рабами. Интересно отметить, что в 1061 г. половецкие ханы, недовольные принятием русскими князьями части разбитых ими огузов, потребовали их выдачи (346, с. 9).

[4] По свидетельству византийских авторов XI в., переправившиеся через Дунай узы насчитывали 60 тысяч мирнад (669, с. 26, 27).

ских императоров «в надел казенные земли в Македонии» (101, с. 29; 235, с. 351). Византийский историк Аттайлиота пишет, что некоторые из их предводителей удостоились затем сенаторских званий. Огузы же, ушедшие обратно за Дунай, поселились близ границ Русского государства. В 1080 г. они были разгромлены Владимиром Мономахом, а их остатки расселены вдоль южных рубежей Руси[1]. Михаил Аттайлиота, описывая эти события, сообщает, что узы были рассеяны «князем мирмидонов по своим городам»[2]. Огузы были поселены в пограничных укреплениях, например в Торческе, на левом берегу реки Стугны[3]. Приднепровские торки сыграли в дальнейшем важную роль в обороне юго-западных рубежей Древнерусского государства от набегов и вторжений половцев-кыпчаков. Торческ стал заслоном на пути грабительских нашествий половецких ханов на Киев, Переяславль и другие города Руси. В 1093 г., после смерти князя Всеволода, начались раздоры из-за обладания стольным Киевом. Воспользовавшись междоусобицами, половцы напали на Торческ и блокировали его. На помощь осажденным торкам-огузам подошли киевские, переяславские и черниговские полки. Весной 1093 г. на Стугне произошло решительное столкновение русской армии с кыпчакскими ханами. Несогласованность действий русских князей привела к жестокому поражению. Половцы осадили Торческ, защитники которого оказали им отчаянное сопротивление. Кыпчакам удалось взять город измором лишь в результате длительной осады (336, с. 346—348).

Огузские племена, поселившиеся на территории современной Украины, прочно связали свои исторические судьбы с Русской державой. Торки принимали, вероятно, участие в знаменитом походе в половецкую степь, описанном в «Слове о полку Игореве». В походе Игоря Святославовича в 1185 г. на кыпчаков участвовали так называемые коуи, которых С. П. Толстов отождествляет с огузским племенем каи (420). Ипатьевская и Никоновская летописи, наряду с коуями, упоминают также о каепичах, боутах и берендеях. Средневековые русские источники прямо указывают, что берендеи являлись частью торков-огузов (116, с. 149, 150; 381, с. 91). Ипатьевская летопись сообщает о взятии половцами шести городов, принадлежавших берендеям.

Дореволюционные русские исследователи относили берендеев к числу так называемых черных клобуков. И. Самчевский полагал, что они являлись остатками народа, пришедшего на Русь уже в древние времена (381, с. 83—106). Однако эта точка зрения подверглась справедливой критике со стороны П. В. Голубовского

[1] В «Повести временных лет» под 1080 г. говорится: «Поднялись торки переяславские на Русь, Всеволод же послал на них сына своего Владимира. Владимир же пошел и победил торков» (336, I, с. 336).

[2] Исследованиями П. Голубовского, В. Васильевского и других ученых доказано, что под названием «князь мирмидонов» подразумевается правитель Руси.

[3] Торческ, по-видимому, был расположен южнее современного Юрьева (224, с. 135).

(115; 116). Обращает на себя внимание, что берендеи начинают фигурировать в русских хрониках лишь после разгрома огузов в 1050 г. В Лаврентьевской летописи под 1097 г. приведен любопытный рассказ о приглашении к себе берендеев требовольским князем Васильком (336, I, с. 176, 378). С помощью берендеев, торков и печенегов он рассчитывал совершить поход на половецких ханов, польского короля и Дунайскую Болгарию. Однако вероломный захват и ослепление Василька его братом Святополком помешали осуществлению этих планов[1].

В настоящее время одними из потомков огузов Восточной Европы, вероятно, являются гагаузы, живущие в Болгарии, на Украине и в Молдавии. Гагаузы — оседлые земледельцы, но в их языке выявлено множество скотоводческих терминов. Фольклор гагаузов сохранил следы тотемизма, в частности, пережитки культа волка. В гагаузских песнях волк выступает в качестве посланца бога и по их древним верованиям не подлежит истреблению (279).

Огузы под властью кыпчакских ханов

Кыпчакское движение, как видим, нанесло окончательный удар и положило конец существованию державы сырдарьинских ябгу. Большая масса огузских племен ушла под напором половцев в пределы Восточной Европы и Малой Азии. Остатки разгромленных огузских племен Западного Приаралья и Северного Прикаспия были покорены кыпчакскими ханами. В конце XI в. Янгикент, Дженд и другие города низовьев Сыр-Дарьи оказались в руках половецких вождей (498, с. 5). Махмуд Кашгарский отмечает на своей карте «обиталища огузов и кыпчаков» у Аральского моря (266, I, с. 28). В XII в. отдельные группы огузов, находившиеся, вероятно, в той или иной степени политической зависимости от куманов, жили компактными массами на Урале и в Нижнем Поволжье. Согласно «Муджмал ат-таварих», области, прилегающие к «берегам Булгара», назывались «землей огузов» (283, с. 102). Абу Хамид ал-Гарнати пишет, что в середине XII в. сорок племен огузов населяло город Саксин[2]. Во главе каждого племени огузов, живших в палатках и войлочных юртах, стоял особый предводитель (480, с. 5 и след.).

Саксин представлял собой крупный город, в котором обитали также исламизированные хазары, булгары и сувары. В торговом пригороде Саксина имелась большая колония иноземных купцов (480, с. 5—9). Саксин вел не только караванную, но и морскую торговлю с портовыми городами южного побережья Каспийского моря (278, с. 170). Богатый торговый город привлекал внимание соседних правителей и вождей кочевых племен половецко-кыпчак-

[1] В Ипатьевской летописи под 1105 г. содержатся интересные сведения о победе половцев над торками и берендеями. «Того же лета пришед Боняк зиме на Зарубе и победил торки и берендеи» (336, II, с. 469).

[2] Локализация Саксина является до сих пор весьма спорной. Одни исследователи помещают этот город на Волге, а другие — на реке Урал (337; 425; 449; 680; 688; 706).

ского объединения. Хорезмшах Атсыз ибн Мухаммад (1128—1156) в течение сорока лет безуспешно пытался овладеть Саксином (656, с. 87, 88). В XII в. говорится также о столкновениях жителей Саксина и его окрестностей с племенами кыпчаков и йемеков[1]. Результатом этих нападений, вероятно, явилось признание городом зависимости от половецко-кыпчакских ханов, назначивших здесь своих наместников-баскаков (474). Огузские племена, наряду с другими жителями этой области, попали под власть правителей Дешти Кыпчака.

Ослабленная внутренними противоречиями, огузская держава, таким образом, не выдержала удара кыпчакских племен. Падение государства сырдарьинских ябгу оказалось роковым для исторических судеб огузов Средней Азии. Кыпчакское нашествие прервало начавшийся процесс консолидации огузов в этническую общность типа народности раннефеодальной эпохи. Огузские племена, уцелевшие от кыпчакского погрома, вынуждены были спасаться бегством от пришлых завоевателей. Значительная масса огузов под напором кыпчаков ушла в пределы Восточной Европы и Малой Азии. Другая часть огузов перешла под власть караханидов Мавераннахра и сельджукских правителей Хорасана[2]. Остатки разбитых кыпчаками в середине XI в. огузов в дальнейшем растворились среди тюркоязычных племен Дешти Кыпчака.

---

[1] Наджиб Хамадани — современник Абу Хамида Гарнати — пишет: «Саксин — это город (шахр), больше него нет города в Туркестане, (город) имеет в окружности 6 фарсахов; в этой (же) благоустроенной области (имеются) другие его города — Скркенд, Узкенд (и) Бджкенд. Жителей его (Саксина) беспокоят племена кыпчаков и йемеков. В этой области (вилайет) нет реки, кроме Атила. Его (Саксина) обитатели живут в шатрах; все население этого города — мусульмане, как я слышал от некоторых купцов» (301, л. 147; 562, с. 371—373; 770, с. 204—206).

[2] В 1065 г. Дженд, являвшийся некогда одним из крупных городских центров державы сырдарьинских ябгу, был захвачен войсками султана Алп-Арслана (165, X, с. 20).

ГЛАВА IV

СЕЛЬДЖУКСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В X — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI в.

В средневековой мусульманской историографии не сохранилось прямых свидетельств о возникновении сельджукского объединения. История формирования этой группировки на ее раннем этапе отразилась косвенным образом в рассказах о первых сельджукидах. Относительно происхождения и генеалогии этого уруга существуют две основные версии. Первая из них представлена «Малик-наме», а вторая—«Сельджук-наме» Захир ад-Дина Нишапури. Данные «Сельджук-наме» в свою очередь обнаруживают некоторые черты сходства с повествованием «Огуз-наме» и рассказами старинных туркменских преданий. Рассматриваемый круг источников взаимно дополняет и корректирует начальную историю сельджукидов. Однако между всеми этими версиями в целом ряде случаев имеются весьма существенные расхождения. Критическое исследование этих разноречивых сведений может быть успешным на основе сравнительно-исторического метода. Сопоставление между собой различных средневековых источников прежде всего помогает отбору наиболее достоверных известий. Это создает также перспективу для воссоздания наиболее важных моментов раннего этапа сельджукского движения.

Происхождение сельджукидов

Средневековые восточные источники сохранили крайне скудные данные о происхождении сельджукидов. В этих источниках содержатся к тому же самые разноречивые сведения о этнической принадлежности данной фамилии. Одни средневековые авторы указывают, что сельджукиды вышли из среды хазар, а другие сообщают, что они происходят из огузов.

Обращает на себя внимание, что версия о хазарском происхождении сельджукидов приведена лишь в отдельных вариантах «Малик-наме». Сельджукиды причисляются к хазарам, например, в труде Абу-л-Фараджа, который одновременно называет их хунна-

ми (586, с. 299—335). Абу-л-Фарадж именует хуннами не только сельджуков, но и другие кочевые племена Азии (586, с. 335). Поэтому у нас есть основание считать, что употребляемые им термины «хазар» и «хунн» не имеют здесь определенного этнического содержания[1]. Данный случай, впрочем, является далеко не единственным в средневековой восточной историографии (705, с. 18). Следовательно, утверждение о хазарском происхождении сельджукидов нельзя понимать в буквальном смысле. Рассматриваемый термин употребляется здесь в качестве архаического общего наименования для степных народов Средней Азии[2].

Необходимо также отметить, что в приводимой Абу-л-Фараджем цитате из «Малик-наме» сельджукиды не относятся к хазарам. Они не называются хазарами и в более ранних версиях этого источника, излагаемых мусульманскими историками. В ряде вариантов «Малик-наме» говорится лишь о том, что предок сельджукидов был приближенным и вельможей хазарского царя. Отсюда можно заключить, что рассматриваемое утверждение Абу-л-Фараджа основано на субъективной интерпретации своего первоисточника. Впрочем, в трудах Абу-л-Фараджа и следующего за ним Ибн Тиктака (292, с. 332) термин «хазар», прилагаемый к сельджукам, фактически не имеет этнического содержания. В пользу этого мнения свидетельствует не только приведенный выше анализ текста Абу-л-Фараджа, но и конкретные данные, содержащиеся в труде Ибн Тиктака. Последний, относя сельджукидов к числу хазар, вместе с тем отмечает, что они были вождями тюрок-огузов (292, с. 332, 333). Все эти обстоятельства лишают достоверной почвы теорию о хазарском происхождении сельджукидов.

Остановимся теперь на разборе исторических данных о принадлежности сельджукидов к огузской среде. На происхождение этой династии из огузов указывается в ряде вариантов «Малик-наме». Согласно версии Ибн ал-Асира, основатель сельджукидской фамилии был предводителем тюрок-огузов (613, IX, с. 321, 322). Другие историки, которые также пользовались «Малик-наме», относят сельджукидов к огузскому племени кынык (529, с. 41 и след.). Садр ад-Дин Хусейни рассказывает, что кыныки, из числа которых вышли сельджукиды, состояли из многочисленных кочевых родов (727, с. 11, 12).

Происхождение сельджукидов из племени кынык подтверждается не только «Малик-наме», но и другими средневековыми источниками. В «Истории» Абу-л-Ала Ахвала, например, также говорится, что эта династия вышла из тюрок-кыныков (164, л. 176).

---

[1] Сельджукидов относят к хуннам и некоторые средневековые византийские авторы. Однако подобное утверждение, как показал О. Мэнчен-Хэлфин, не может считаться правильным (663, с. 101).

[2] В подобном же значении употребляется термин «скиф» (и другие архаические названия), прилагаемый к сельджукам европейскими и закавказскими историками эпохи крестовых походов (181; 542; 595; 605).

Захир ад-Дин Нишапури вносит уточнение, свидетельствуя о принадлежности сельджукидов к «уругу и кости кынык» (161, с. 10). Османские версии «Огуз-наме» добавляют, что кыныки относились к племенам левого крыла огузского войска. Кыныки имели свое боевое знамя (туг), а их тотемом (онгон) была чакры—храбрейшая и отважнейшая среди охотничьих птиц[1]. Вышедшая из кыныков династия сельджукидов происходила из Туркестана и принадлежала к старинному уругу (410, л. 17).

Происхождение сельджукидов из племени кынык, таким образом, подтверждается целым рядом средневековых источников. На это указывают версии «Малик-наме», «Огуз-наме» и «Сельджук-наме» Захир ад-Дина Нишапури. Отмеченный факт вряд ли можно отнести к числу случайных, фатальных совпадений. Данное мнение подкрепляется таким авторитетным первоисточником, как труд Махмуда Кашгарского. В «Диван лугат ат-тюрк» прямо указывается на происхождение сельджукидов из племени кынык (266, I, с. 56).

Совокупность приведенных исторических сведений позволяет заключить, что сельджукидская фамилия вышла из среды кыныков. Это было довольно крупное племя, состоявшее из многочисленных родовых групп (529, с. 41). Источники XI в. относят кыныков к огузам, которые одновременно именуются туркменами (266, I, с. 56). Поэтому у нас есть основание считать, что династия сельджукидов происходила из огузо-туркменской среды.

Первые сельджукиды

Сведения о первых сельджукидах содержатся в различных вариантах «Малик-наме» и других источниках. В версии Ибн Хассула отмечается, что родоначальником этой фамилии был Сарчык (493, с. 39). Однако другие мусульманские авторы, пользовавшиеся «Малик-наме», утверждают, что сельджукиды происходят от Тугага. Абу-л-Фарадж, например, сообщает, что Тугаг был отцом Сельджука, положившего начало могуществу этой династии (586, с. 292, 293). Тугаг считается предком сельджукидов и в персидском варианте «Малик-наме», приведенном в труде Мирхонда (692, с. 1—3). В качестве основателя рода сельджукидов Тугаг фигурирует также в версиях Ибн ал-Асира (613, X, с. 321), Садр ад-Дина Хусейни (727, с. 1, 2) и других средневековых историков (699, II, с. 9).

В большинстве вариантов «Малик-наме», таким образом, Тугаг изображается родоначальником фамилии сельджукидов. Особняком стоит лишь свидетельство Ибн Хассула, именующего основателя этой династии Сарчыком. Подобное расхождение, как увидим ниже, объясняется смещением почетного звания «тугаг» с собственным именем этого представителя рода сельджукидов.

Однако Сарчык-Тугаг, вопреки утверждению «Малик-наме»,

---

[1] Чакры (чагры) — тюркское название породы сокола или же ястреба-перепелятника (570, с. 28; 574, с. 42).

не может считаться основателем сельджукидской фамилии. Подобный вывод напрашивается при сопоставлении версии «Малик-наме» с «Сельджук-наме». Согласно Захир ад-Дину Нишапури, предками этой династии были Керекучи-ходжа и его сын Тугшырмыш. Захир ад-Дин Нишапури пишет: «Сельджук ибн Лукман[1] происходил из рода (нежад) Тугшырмыша, сына Керекучи-ходжи[2] из племени (уруг) и кости (остохан) кынык. (Керекучи-ходжа) был мастером по изготовлению кибиток (хыргах тараш) у тюркских царей» (161, с. 10). Аналогичные сведения о генеалогии первых сельджукидов имеются в трудах Рашид ад-Дина (720), Хафиз-и Абру (448), Муслих ад-Дина Лари (288; 289). В несколько сокращенной редакции эта же версия приводится Раванди (766), Мухаммадом Язди (548) и Керим ад-Дином Аксарайли (487). Однако в сочинениях Рашид ад-Дина и других авторов содержатся некоторые дополнительные сведения, отсутствующие в тегеранском издании «Сельджук-наме». В публикации Исмаил-хана Афшара нет абзаца, в котором говорится, что предок сельджукидов служил у Тогрул-султана из племени кынык. «Сельджук ибн Лукман, — пишет Рашид ад-Дин,—был из родственников сельджуков и происходил из кости (остохан) кынык, из рода (нежад) Тугшырмыша, сына Керекучи-ходжи, который был мастером по изготовлению кибиток у тюркских царей; он служил при Тогрул-султане из племени (уруг) кынык» (720, с. 5).

Рассматриваемый отрывок дословно совпадает с началом главы о сельджукидах в сочинении Хафиз-и Абру (448, л. 237). Аналогичным является и текст «Сборника летописей» туркменского историка Салыр-Баба, переведшего труд Рашид ад-Дина с персидского оригинала (378, л. 154, 155). Большого внимания заслуживает терминология этого автора, называющего Керекучи-ходжу «эвчи»[3]. В исследуемом аспекте определенный интерес представляют также данные, содержащиеся в «Мират ал-адвар». Однако генеалогия первых сельджукидов, по Муслих ад-Дину Лари, несколько отличается от схемы Рашид ад-Дина и остальных авторов. «Сельджук ибн Тугаг, — повествует Муслих ад-Дин, — (происходит) из потомства Тугшырмыша[4], сына Керекучи-ходжи, который был мастером по изготовлению кибиток у царя Тогрула, упомянутого в рассказе о саманидах» (289, л. 233; 290, л. 131). В родословной таблице сельджукидов, по «Мират ал-адвар», прежде всего бросается в глаза, что Сельджук назван не сыном Лукмана, как

---

[1] Сельджук называется сыном Лукмана и в других средневековых источниках (565; 647). Однако это утверждение является следствием неверного отождествления Тугага с Лукманом. Скорее всего, эта ошибка произошла по вине переписчиков, которые вместо توقاق , стоявшего в оригинале, прочли لوقمان

[2] В тегеранском издании принята неправильная конъектура Кокджа-ходжа.

[3] Этим термином переводится иранское «хыргах тараш», что означает «мастер по изготовлению кибиток».

[4] В обоих использованных нами ленинградских списках труда Муслих ад-Дина Лари это имя пишется в искаженной форме Тугшурмуг.

в труде Захир ад-Дина, а сыном Тугага. Муслих ад-Дин Лари утверждает, что Керекучи-ходжа, предок сельджукидов, был современником Тогрула, являвшегося одним из первых саманидских правителей. В «Мират ал-адвар» вместе с тем сказано, что Тогрул был выходцем из среды тюрок-огузов (288, л. 116). Рашид ад-Дин и Хафиз-и Абру отмечают, что Тогрул-султан происходил из среды кыныков (720, с. 5; 448, л. 237).

Сведения Захир ад-Дина Нишапури о родоначальнике сельджукидов, таким образом, расходятся с данными Рашид ад-Дина, Хафиз-и Абру и Муслих ад-Дина. В «Сельджук-наме» просто говорится, что Керекучи-ходжа был царским мастером, но более поздние авторы утверждают, что он служил при дворе Тогрул-султана. Последний в одном случае изображается как султан племени кыныk, а в другом — рассматривается как ранний представитель династии саманидов, которая якобы вышла из огузской среды. В тексте Захир ад-Дина—первоисточнике Рашид ад-Дина, Хафиз-и Абру и Муслих ад-Дина — подобных сведений нет. Следовательно, рассказы о Тогрул-султане можно отнести к числу позднейших интерполяций. В пользу такого мнения говорят также известия «Огуз-наме» и исторические предания «Родословной туркмен».

Рассказы о первых сельджукидах особенно сильно разнятся между собой при сопоставлении двух основных версий, представленных в «Малик-наме» и труде Захир ад-Дина. Повествование автора «Сельджук-наме» явно не согласуется с рассказами историков, пользовавшихся «Малик-наме». В последнем рассказ о сельджукидах начинается с Тугага, считающегося отцом Сельджука (529, с. 43). Несколько особняком в этом отношении стоит генеалогия, приводимая в труде Муслих ад-Дина Лари. Родословная этой династии, по «Мират ал-адвар», обнаруживает сходство и с «Малик-наме», и с «Сельджук-наме».

История сельджукидов, по Муслих ад-Дину, также начинается с Керекучи-ходжи и доводится до Сельджука, который называется не сыном Лукмана, а сыном Тугага. Дальнейшее же повествование «Мират ал-адвар» о Тугаге и его потомках совпадает с рассказами других историков, пользовавшихся «Малик-наме». Очевидно, это можно объяснить лишь тем, что Муслих ад-Дин Лари пытался свести воедино обе рассматриваемые версии о происхождении фамилии сельджукидов.

Исследуемые данные, таким образом, в целом ряде деталей и подробностей явно не сходятся между собой. Однако их критическое сопоставление позволяет выявить наиболее ранние звенья родословной фамилии сельджукидов. В «Малик-наме», как мы видим, полностью отсутствуют сведения о Керекучи-ходже, являвшемся простым мастером по изготовлению кибиток. Родословная схема фамилии сельджукидов в этом источнике начинается с Сар-

чыка-Тугага, который изображается знатным вельможей, царским советником, могущественным военачальником (529, с. 41 и след.). В «Малик-наме» скорее всего намеренно игнорируются простые и выпячиваются знатные представители рода сельджукидов. Очевидно, это было продиктовано определенными политическими целями, преследовавшимися сельджукидскими правителями, по заказу которых данный исторический труд и был написан в XI в. Пришедшей к власти династии сельджукидов необходимо было обосновать свое «благородное» происхождение[1]. Именно поэтому автор «Малик-наме» мог умолчать о Керекучи-ходже и Тугшырмыше, который, по туркменским историческим преданиям, был выходцем из бедной среды (212, с. 60).

Сравнительно-исторический синтез, таким образом, дает возможность заключить, что Сарчык-Тугаг не был основателем династии сельджукидов. В генеалогическом списке этой фамилии до Сарчыка значатся имена Керекучи-ходжи и Тугшырмыша, не имевших знатного происхождения.

Керекучи-ходжа и Тугшырмыш

Родоначальником фамилии сельджукидов, как видно из труда Захир ад-Дина Нишапури, был Керекучи-ходжа. На это указывают также версии «Огуз-наме» и туркменские исторические предания. Согласно «Родословной туркмен», в огузском иле жил человек по имени Керекучи-ходжа[2]. Сыном Керекучи-ходжи был Тугшырмыш, являвшийся мастером по изготовлению юрт[3]. Тугшырмыш[4] был крайне несостоятельным, бедным человеком (212, с. 60).

Интересный рассказ о Тугшырмыше и его сыновьях приведен в полной версии «Огуз-наме». В этой версии повествуется, что Тугшырмыш происходил из огузов и был мастером по изготовлению кибиток (эв йасуджи). Когда огузские племена восстали против Али-хана, то к ним был послан Коркут. Ханский советник обратился к гадальщику Амирану с просьбой предсказать, чем кончится борьба огузов со своим ханом. Амиран ответил, что скоро власти Али-хана придет конец. Во главе огузских илей станут милосердные и справедливые потомки Тугшырмыша. В ту же ночь Амиран увидел вещий сон, будто из тела Тугшырмыша выросло

---

1 Первые сельджукидские правители насаждали идею о своем высоком, благородном происхождении. Мухаммад Тогрул-бек в одном из посланий халифу Каиму подчеркивал свою принадлежность к «царскому» роду (586, с. 299). Обращает на себя внимание, что аналогичное утверждение имеется в сочинении Ибн Хассула, который пользовался «Малик-наме» (493, с. 14, 15).

2 В различных списках «Шаджара теракиме» это имя подверглось искажению и пишется как Кенардже-ходжа.

3 ایو یساتورغان یرلس کشی ایردی

4 В «Родословной туркмен» указывается далее, что у Тугшырмыша было три сына, старшего из которых звали Тукак (Тукат), среднего — Тогрул, а младшего — Арслан. Абу-л-Гази утверждает, что они находились в родстве с Коркут-беком (212, с. 67).

три ветвистых дерева. Своими зелеными вершинами деревья касались небесного свода. Гадальщик сказал Тугшырмышу, что сновидение предвещает царскую власть его сыновьям. Тугшырмыш удивился его словам, но купил барана и устроил благотворительное угощение (садака). Сыновья Тугшырмыша, которых звали Дугаг, Тогрул и Арслан, были храбрыми охотниками. Огузские эмиры, видя смелость и искусство юношей, назначили их на должность миришкаров — главных охотничих (378, л. 130).

Повествования «Родословной туркмен» и «Огуз-наме» содержат некоторые детали, имеющие явно легендарный характер. Наряду с историческими личностями, в них фигурируют эпические персонажи наподобие Коркута[1]. Вызывает подозрение и эпизод с предсказанием о переходе власти в руки сельджукидов и скорой гибели Али-хана. Вместе с тем в этих сказаниях имеется ряд интересных подробностей, запечатленных народной памятью. Прежде всего заслуживает внимания указание на то, что первые сельджукиды не были знатными людьми. Это вполне согласуется с известием «Сельджук-наме» о происхождении данной фамилии из среды мастеров-кибиточников.

Захир ад-Дин Нишапури, к сожалению, ничего не сообщает о времени жизни родоначальника династии сельджукидов. Муслих ад-Дин Лари утверждает, что Керекучи-ходжа служил при Тогрул-султане в «эпоху первоначального ислама» (288, л. 116). Получается, что он жил в VII в., но эту дату вряд ли можно считать достоверной. Ведь Муслих ад-Дин Лари указывает также, что Тогрул-султан являлся одним из первых саманидских правителей. Между тем известно, что династия саманидов пришла к власти лишь в IX в. Все это свидетельствует о явной надуманности и сомнительности утверждения о том, что Керекучи-ходжа был современником пророка Мухаммада. Особенно недостоверным представляется рассказ Муслих ад-Дина Лари о том, что Тогрул-султан происходил из династии саманидов. Эта династия, по его же словам, вышла из среды огузских племен. Такое утверждение является ошибочным и не подтверждается реальными историческими фактами (ср. 385).

Если отбросить все эти недостоверные детали, то следует признать, что родоначальник сельджукидов был выходцем из среды простых ремесленников. На принадлежность Керекучи-ходжи к числу мастеров по изготовлению юрт указывают не только приведенные данные, но и его собственное имя либо прозвище. Слово «кереку» встречается уже в древнетюркских рунических текстах в значении деревянной решетки от юрты или же самой кибитки (578, с. 313). В XI столетии это название прилагалось у туркмен к юр-

[1] Правда, нам известны подлинные факты о существовании у огузов исторического лица, носившего имя Коркут (56; 174). Однако он жил в XII в., следовательно, значительно позднее тех событий, о которых повествует рассматриваемая версия «Огуз-наме».

те (491, I, с. 447). Мастера, изготовлявшие такие кибитки, очевидно, назывались керекучи[1].

Все эти факты свидетельствуют о том, что предок сельджукидов был плотником, изготовлявшим деревянные решетки для юрт. Сын Керекучи-ходжи, именовавшийся Тугшырмышем, продолжал заниматься этим же видом ремесла. Однако сыновья Тугшырмыша забросили профессию своего отца и деда. Скорее всего это было связано с их поступлением на службу к огузской правящей знати, о чем сохранилась память в наиболее полной версии «Огуз-наме». Следует вместе с тем оговориться, что точное определение времени жизни первых сельджукидов является трудной задачей. Можно лишь предположить, что Керекучи-ходжа жил приблизительно между началом и второй половиной IX в., а его сын Тугшырмыш дожил до середины X в.

Тугаг и Сельджук

Возвышение рода сельджукидов началось с Тугага, который был сыном Тугшырмыша и внуком Керекучи-ходжи. В различных вариантах «Малик-наме» Сарчык-Тугаг выступает в роли влиятельной и знатной персоны. Однако рассказы о Тугаге, приведенные в этих источниках, отличаются большой противоречивостью. Ибн Хассул (493, с. 39), Абу-л-Фарадж (586, с. 292) и Мирхонд (692, с. 1) говорят, что Сарчык-Тугаг служил при дворе хазарского царя. Ибн ал-Асир (613, IX, с. 321), Садр ад-Дин Хусейни (727, с. 1) и Мехмед Нешри (699, с. 8) сообщают, что он находился на службе у тюркского правителя.

Большим разнобоем отличаются и другие известия о Тугаге, сохранившиеся в различных вариантах «Малик-наме». Сарчык-Тугаг изображается то крупным вельможей (493), то царским советником и фаворитом (727), то могущественным военачальником (586). Многие авторы, пользовавшиеся «Малик-наме», рассказывают о стычке Тугага с падишахом, которому он служил. Ибн Хассул говорит, что Сарчык, не поладив с царем, ударил его палицей и свалил с лошади. В «Тафдил ал-атрак» подчеркивается вместе с тем, что так мог поступить лишь независимый и храбрый человек (493, с. 265). Более поздние версии «Малик-наме» содержат уже конкретизацию причин этого столкновения. Одни авторы утверждают, что стычка произошла из-за намерения падишаха напасть на мусульманские земли (613; 727; 299). Другие историки говорят, что сюзерен Тугага хотел нанести вред окрестному тюркскому племени (672; 692). Тугаг воспрепятствовал этому походу, что явилось причиной рукопашной схватки с царем. Кровавый инцидент произошел на глазах знатных военачальников и сановников, которые вмешались, и «между ними был установлен мир» (692, с. 2).

[1] Слово «кереку» в форме «кереке» и «гереге» сохранилось до сих пор в казахском и туркменском языках. В казахском языке «кереке» означает «деревянная решетка юрты», а в туркменском «гереге» — это деревянные части кибитки, нагруженные на вьючных животных (434, с. 116).

В приводимых в «Малик-наме» рассказах о Сарчыке-Тугаге чувствуется стремление возвеличить и прославить его деяния. Идеализация Тугага проявляется в тенденциозном изображении его ярым защитником ислама (529, с. 42, 43). Особое недоверие вызывает утверждение некоторых историков о принятии им мусульманской религии (727, с. 1). В «Малик-наме», вероятно, преувеличена также роль Сарчыка-Тугага как могущественного сановника. Отдельные версии указывают даже, что он был фаворитом и временщиком, диктовавшим свою волю падишаху. Эти детали вызывают большое подозрение в своей исторической достоверности.

Исследуемые рассказы о Сарчыке-Тугаге, несмотря на свою тенденциозность, все же имеют важное значение для истории ранних сельджукидов. Прежде всего они позволяют видеть, что Тугаг был уже не простым, а знатным человеком. Это совпадает с рассказами «Огуз-наме», повествующими о возвышении сыновей Тугшырмыша. В пользу данного мнения говорит также его почетное звание «тугаг»[1].

Слово «туг», как отметил еще В. В. Радлов, означало по-тюркски вид знамени. Отсюда происходит звание «тугагчи», которое носили военные предводители-темники (344, III, с. 1430). В древнетюркских надписях словом «туг» обозначалось боевое знамя (495; 578). Некогда у тюрок в качестве подобных военных знаков отличия служил хвост горного яка или бунчук из конских волос (589, с. 157; 706, с. 68). Средневековые тюркские властители имели также знамена (туги) из простых и шелковых тканей. Имеются сведения о том, что у них, как правило, насчитывалось не больше девяти знамен. Поэтому верховные правители тюрок назывались «токуз туглук хан» (491, III, с. 127).

Приведенный историко-лингвистический материал дает основание полагать, что «тугаг» — почетное звание Сарчыка[2]. Генезис этого титула восходит к древнетюркскому названию боевого знамени или штандарта. Сарчык носил данный титул наряду с прозвищем «темир яйлык». Звание «тугаг», вероятно, давалось пред-

---

[1] Садр ад-Дин Хусейни указывает, что слово «тугаг» означает по-тюркски «железный лук» (727, с. 1). Абу-л-Фарадж также объясняет это прозвище как «железный лук» (586, с. 292), а Мирхонд — как «тугой лук» (692, с. 1). В этих толкованиях имеется налицо смешение почетного звания «тугаг» с прозвищем «темир яйлык». Прозвище «темир яйлык», по словам Абу-л-Фараджа, Тугаг получил за большую физическую силу (586, с. 292). К. Каэн правильно замечает, что прозвище «темир яйлык», которое носил Тугаг, отображает роль лука как символа власти у огузов (529, с. 42).

[2] Следует отметить, что Сарчык, или Сартчук, упоминается и в средневековых армянских источниках, повествующих о сельджукидах. Мхитар Анийский называет Сартчуком отца Мусы, являвшегося сыном Сельджука. Саркаваг и Самуил Анийский отмечают Сартчука в числе предков султана Алп-Арслана. Однако армянские историки, вероятно, не имели точных сведений о генеалогии Сарчыка-Сартчука (109; 542; 557).

водителям крупных военных отрядов[1]. Поэтому можно считать наиболее правдоподобным утверждение той версии «Малик-наме», где Тугаг называется военачальником. Однако история возвышения и карьеры Сарчыка все же недостаточно ясна. В «Огуз-наме», как говорилось, отмечается, что Тугаг и Арслан получили должность миришкаров. Османские версии этого сказания утверждают, что первые сельджукиды являлись беками дозора и арьергарда (410, л. 17). Сопоставляя эти данные с «Малик-наме», можно предположить, что возвышение Сарчыка было связано с его военной карьерой.

Исследуемый круг источников, к сожалению, не содержит точных сведений о времени жизни Сарчыка-Тугага. Определение хронологических рамок исторических повествований о Сарчыке имеет между тем важное значение. Рассказы о Тугаге, приведенные в средневековых источниках, можно интерпретировать лишь с учетом конкретной эпохи. На основе анализа «Малик-наме» К. Каэн полагает, что Тугаг жил в IX—первой трети X в. (529, с. 43). Данное мнение представляется нам вероятным, но оно может быть принято лишь с поправкой. Основание для такой коррективы дают сведения, которые сохранились в наиболее полной версии «Огуз-наме». В этом источнике, а также преданиях туркмен говорится, что Тугаг был современником Али-хана, воцарившегося на троне огузских правителей Янгикента. Поэтому можно полагать, что Тугаг жил примерно между второй третью IX и серединой X в.

В «Малик-наме», как мы видим, говорится, что Сарчык-Тугаг служил хазарскому или тюркскому царю. К. Каэн считает, что под этими именами скрывается верховный правитель огузских племен, кочевавших от Нижнего Поволжья до Аральского моря (529, с. 31 и след.). Однако подобная интерпретация сведений «Малик-наме» не является единственно возможной. Анализ текста Идриси, как отмечалось выше, свидетельствует о наличии в X в. двух политических центров огузских племен. Один из них именуется «старым» и помещается на востоке, а другой соответствует Янгикенту. Поэтому возникает требующий ответа резонный вопрос о том, какой из огузоких правителей имеется в виду в исследуемых рассказах о Сарчыке. Обращает на себя внимание, что в ряде версий «Малик-наме» сюзерен Тугага называется байгу. Это не имя собственное, а титул, который носили правители, считавшиеся по своему достоинству ниже ябгу. Отсюда можно полагать, что Сарчык находился на службе не у властителя Янгикента, а правителя Старой Гузии. Выдвинутое предположение согласуется с историческими сказаниями о поступлении Тугага на службу к огузским ханам Туркестана.

[1] Звание «тугаг», или «дукак», отмечается и позднее в почетных титулах старшей ветви династии сельджукидов (165, X, с. 114; 722, с. 32). В Малой Азии обычно при назначении на должность военачальника давались знамя (туг), кафтан, барабан и специальный ярлык (702, с. 52).

Образование сельджукидской группировки

Согласно «Малик-наме», после смерти Тугага остался малолетний сын по имени Сельджук. Правитель, которому служил его отец, взял мальчика на воспитание в свой дворец (586, с. 293). Байгу окружил сына Тугага особой заботой, почетом и вниманием (692, с. 3; 727, с. 2). Сельджук вскоре подрос и стал одним из любимцев царя, который приблизил его к себе. Благодаря уму и большой щедрости сын Тугага завоевал симпатии высших сановников и вельмож (292, с. 332, 333). Несмотря на свой юный возраст, Сельджук получил звание сюбаши и стал главным предводителем войска (613, IX, с. 322; 692, с. 3, 4).

В сказаниях «Малик-наме» о Тугаге и Сельджуке нашел свое отражение начальный этап формирования сельджукского объединения. Хотя эти рассказы и преувеличены, они все же позволяют видеть рост могущества сельджукидского рода. В повествованиях о Тугаге и Сельджуке упоминаются их «подданные», «слуги» и «приверженцы» (629, с. 3, 4; 292, с. 333, 334). Ибн ал-Асир пишет, что Тугаг предводительствовал огузами, которые подчинялись ему беспрекословно. В решающую минуту схватки с байгу на помощь к Тугагу пришли его слуги и приверженцы. Они сумели отстоять своего патрона и не дали его в руки подручных царя (613, IX, с. 321, 322).

Дальнейшие рассказы, приведенные в «Малик-наме», свидетельствуют о том, что усилившейся фамилии сельджукидов подчинялись уже целые племена (613, IX, с. 322). Сила и власть этого уруга особенно возросли при Сельджуке. Потомку Тугага подчинялись «многочисленный» народ (672, с. 3, 4), «союзные» роды (292, с. 339) и «зависимые» племена (465, л. 395). Благодаря этому Сельджук превратился в одного из наиболее крупных и влиятельных огузских предводителей (292, с. 334). Сельджук имел в своем распоряжении многочисленные военные отряды и был окружен целой толпой слуг (хадам) и челяди (хаваши). Фамилии сельджукидов принадлежали большие стада различных видов скота, в их казне имелось много денег, сокровищ, драгоценных камней и дорогой посуды (548, с. 18).

Неуклонный рост силы и влияния сельджукидов отмечается не только в «Малик-наме», но и в «Сельджук-наме». Захир ад-Дин Нишапури пишет: «Они (сельджукиды) были великим и многочисленным родом, (обладавшим) бесчисленным имуществом, достаточно (большим) числом (военных) отрядов, племен и (многочисленной) свитой» (161, с. 10).

Исследуемый круг источников дает возможность составить некоторое представление о путях формирования сельджукского объединения. Становится очевидным, что в эту группировку вошли «союзные» и «зависимые» от сельджукидов огузские и туркменские роды и племена. Власть сельджукидов над этими племенами, а также над слугами и подданными основывалась на богатстве и

возросшей силе. Очевидно, важную роль при этом сыграла коммендация — переход малочисленных и слабых родо-племенных групп под покровительство наиболее сильных уругов.

Карачык и Сыгнак — колыбель сельджуков

В «Малик-наме», к сожалению, не имеется конкретных сведений о первоначальном месте обитания племен сельджукского объединения. Однако в труде Захир ад-Дина Нишапури в качестве прародины сельджуков указывается Туркестан. В «Сельджук-наме» говорится, что они ушли затем из Туркестана и поселились в Нуре Бухарском и Согде Самаркандском (161, с. 10, 11). Аналогичные сведения о колыбели сельджуков приводятся Рашид ад-Дином (720, с. 5), Хафиз-и Абру (448, л. 237) и другими историками (164, л. 176; 296, л. 164). Османская версия «Огуз-наме» сообщает любопытные сведения о племенах огузов Туркестана, подчинявшихся роду сельджукидов. В этом источнике говорится, что местные огузские племена занимались скотоводством и разводили в основном стада баранов. Беки правого крыла огузского войска происходили из кайи и баятов, а левого — из беджене и чавундаров (410, л. 17).

В рассматриваемых источниках под Туркестаном, очевидно, подразумевается современная Южно-Казахстанская область. В пользу этого мнения свидетельствует итинерарий Гетума, который рассказывает о происхождении сельджукидов из окрестностей Карачыка и Сыгнака (183, II, с. 83). Карачыком в сочинении Гетума, как в свое время отметил М. Броссе, именуются Сырдарьинские Каратау (557, с. 178, 179). Действительно, еще в XI в. Карачыком назывались горы к северо-востоку от Сыр-Дарьи, а также «огузские города» Фарабского округа (266, I, с. 28, 404). Следовательно, колыбелью племен сельджукского объединения был район среднего течения реки Сыр-Дарьи. Данный вывод можно подкрепить историческими преданиями туркмен Самаркандской и Бухарской областей. Эти туркмены, входившие в сельджукскую группировку, поселились в Нуре Бухарском в X—начале XI в. Согласно преданиям, они являются пришельцами из Южного Казахстана, со среднего течения Сыр-Дарьи. В качестве своей первоначальной родины они указывают область нынешнего города Туркестана. Самаркандские и бухарские туркмены рассказывают, что они отстали от основной массы своего народа, ушедшего за Аму-Дарью. Предки туркменского народа, по их словам, двинулись из Туркестана через Нур Бухарский и ушли в Закаспийские степи (280; 333).

Сопоставление известий средневековых нарративных источников с туркменскими историческими преданиями дает основание считать, что первоначальной родиной сельджукских племен был район среднего течения Сыр-Дарьи. Главным хозяйственным занятием этих племен было скотоводство (разведение лошадей, верблюдов, баранов). Первоначальное ядро этой группировки сложилось из огузов и туркмен, населявших область Сыгнака и предгорья Каратау. В дальнейшем сельджукское объединение пополнилось в основном за счет огузских племен, живших по нижнему

течению Сыр-Дарьи. В источниках, повествующих о событиях конца X—начала XI в., сельджуки именуются по старой традиции огузами. Однако в более позднее время они все чаще называются туркменами (592, с. 163—166). Скорее всего это было следствием распространения общего имени «туркмен» на племена сельджукского объединения в первой четверти XI в.

Начало сельджукского движения

Первоначальный этап сельджукского движения нашел свое отражение в ряде средневековых источников. В различных версиях «Малик-наме» это движение связывается с именем Сельджука, возглавлявшего многочисленную и сильную группировку. Ибн ал-Асир и Садр ад-Дин Хусейни рассказывают, что возвышение сына Тугага, получившего титул сюбаши, встревожило жену байгу[1]. Хатун стала подстрекать мужа к убийству Сельджука, но последний узнал о готовящейся расправе и бежал «со своим племенем и подданными из земли неверных в страну ислама» (613, IX, с. 322; 727, с. 2). В других вариантах «Малик-наме» говорится, что юный Сельджук держался гордо и независимо. Тогда жена хакана стала интриговать и восстанавливать своего мужа против сына Тугага. Опасаясь вероломного нападения, он бежал из Турана — страны тюрок — в Иран. Сельджук ушел с многочисленной конницей и угнал с собой большие стада верблюдов, баранов и коров (586, с. 292, 293).

В «Малик-наме» история сельджукского движения, как мы видим, связывается с борьбой и соперничеством между сельджукидами и байгу. Скорее всего под байгу здесь имеется в виду один из последних огузских правителей Старой Гузии. Основанием для такого предположения является совпадение местоположения старой резиденции огузских вождей с районом первоначального обитания племен сельджукского объединения. Входившие в эту группировку огузы и туркмены, очевидно, находились сначала в политической зависимости от властителя Старой Гузии. Однако затем между этим правителем и сельджукскими вождями началась борьба, в результате которой часть огузов и туркмен оставила среднее течение Сыр-Дарьи.

Хотя в «Малик-наме» уход сельджуков в Мавераннахр и Джанд изображается как следствие вражды с байгу, но вряд ли это было единственной причиной сельджукского движения. В пользу такого вывода свидетельствуют исторические данные, содержа-

[1] Интересные подробности о взаимоотношениях между Сельджуком и байгу содержатся в персидской версии «Малик-наме», на которую ссылается Мирхонд. Согласно этому источнику, хатун была недовольна усилением власти Сельджука, ставшего главным предводителем войска. Карьера Сельджука встревожила также высших государственных сановников и вельмож. Однажды Сельджук позволил себе нарушить традиционный местнический этикет на приеме в доме байгу. Этим воспользовались завистники и враги, обвинившие его в намерении захватить царскую власть. Сельджук и его приверженцы не стали дожидаться расправы и бежали по направлению к Самарканду (692, с. 3, 4).

щиеся в труде Захир ад-Дина Нишапури. В «Сельджук-наме» говорится, что сельджуки покинули Туркестан из-за нехватки пастбищ для скота (161, стр. 11). Это перекликается с рассказом «Огуз-наме» о начале сельджукского движения из Туркестана в Мавераннахр. Одна из версий этого сказания отмечает, что в Туркестане некогда жило много «тюрок и монголов», имевших свои летовки и зимовки. Местные пастбища и выгоны стали тесны для кочевников, заполнивших все горы и равнины. Огузские племена стали испытывать острый недостаток в землях для выпаса скота. Поэтому они ушли во главе с сельджукидами из Туркестана и поселились близ Самарканда, Бухары и Нура (410, л. 17).

Исторический синтез данных «Малик-наме» и «Сельджук-наме» позволяет думать, что в основе сельджукского движения лежали не столько политические, сколько экономические причины. Очевидно, конфликт между вождями сельджукской группировки и огузским байгу произошел из-за пастбищ и земельных угодий. Разбогатевшая и ставшая могущественной сельджукская аристократия, имевшая большие стада животных, начала испытывать нехватку в пастбищных выгонах. Вероятно, на этой почве разгорелась острая борьба с правящей кочевой знатью, стоявшей близко к правителю Старой Гузии. Соперничество между этими двумя группировками особенно усилилось после выдвижения Сельджука на должность главного предводителя войска. В результате придворных интриг Сельджук лишился благосклонного отношения байгу и попал в опалу. Назревавшая расправа над вождями сельджукских племен заставила их покинуть область Сыгнака и предгорья Каратау.

Сельджукиды и Дженд

Оставившая среднее течение Сыр-Дарьи часть огузов и туркмен, возглавляемая сельджукидами, ушла в пограничные области Мавераннахра. Согласно версиям «Малик-наме», сельджуки миновали Самарканд и расселились близ Дженда.

В научной литературе существуют различные суждения о времени переселения сельджуков в Джендскую область. Согласно А. Чулошникову, они поселились в Дженде около 955 г. (452, с. 34), а по мнению И. Кафесоглу и Р. Груссэ,—в 985 г. (623, с. 484; 588, с. 204). Против такой датировки возражает М. А. Коймен, считающий, что Сельджук со своим племенем обосновался в Дженде около 935 г. (640, с. 569). Однако установить точную дату переселения огузов и туркмен, находившихся под властью сельджукидов, в Джендскую область весьма трудно при отсутствии достоверных исторических фактов. Можно лишь косвенным путем определить приблизительное время, когда произошло это важное событие.

Следует заметить, что в «Малик-наме» имеются данные, помогающие выяснению исследуемого вопроса. В некоторых версиях этого исторического труда указывается, что Сельджук умер в возрасте 107 лет и был погребен в Дженде (613, IX, с. 322). Другие

историки, пользовавшиеся «Малик-наме», свидетельствуют, что он прожил 100 лет (727, с. 2).

В. В. Бартольд считает наиболее вероятным, что Сельджук умер после 992 г. (66, с. 567). К. Каэн, анализируя «Малик-наме», приходит к выводу о том, что этот предводитель сельджукских племен скончался около 1009—1010 г. (529, с. 43—45).

Основываясь на последней датировке, можно определить приблизительное время начала сельджукидского движения в Мавераннахр и низовья реки Сыр-Дарьи. В «Малик-наме» говорится, что Сельджук ушел со своими приверженцами от байгу после смерти Тугага. Следовательно, это событие имело место примерно в середине X в.[1] В пользу этого мнения, как увидим ниже, косвенно свидетельствует и одна из сельджукских надгробных эпитафий X в.

После бегства из пределов Сыгнака и Карачыка основная масса сельджуков, очевидно, ушла на нижнее течение Сыр-Дарьи. Оказавшись близ Джендской области, вожди сельджукских племен решили принять ислам. Сельджукские предводители быстро поняли все блага, которые они могут извлечь от принятия новой религии. «Если мы, — говорили сельджукские главари, — не примем веру и обычаи народа этой страны, то никто не будет к нам благоволить и мы окажемся в меньшинстве и одиночестве» (586, с. 293). Сельджуки отправили затем своих послов в Хорезм к управителю (вали) крепости Зандак, недалеко от которой были расположены их пастбища. Посланцы сельджуков попросили направить к ним мусульманского наставника. Комендант Зандака не замедлил удовлетворить их просьбу и послал к ним миссионера вместе с богатыми подарками. «Они (сельджуки), — пишет Абу-л-Фарадж, — оставались здесь несколько лет, зажили крайне зажиточно и их количество увеличилось» (586, с. 293).

Обращение сельджуков в ислам было продиктовано не только стремлением заручиться поддержкой мусульманского населения, но и необходимостью получить земельные угодья и пастбища для скота (292, с. 334). Следует также иметь в виду, что принятие мусульманской религии давало в руки сельджукских вождей мощное орудие для удержания в подчинении своих подданных, слуг и зависимые племена.

Дженд, близ которого обосновались сельджуки, был подвластной огузским ябгу областью, пограничной с Хорезмом и Мавера-

[1] Правда, в отдельных вариантах «Малик-наме» говорится, что в момент ухода от байгу Сельджук был еще юношей. Однако в столь молодом возрасте достичь звания сюбаши, как утверждается в этих источниках, вряд ли было возможным. Отсюда напрашивается вывод о том, что в указанных версиях возраст, в котором он находился, когда бежал от своего падишаха, явно занижен. По-видимому, это было сделано для того, чтобы показать исключительные военные дарования Сельджука. Впрочем, не исключена возможность, что при долголетии более одного столетия зрелый мужской возраст мог считаться молодыми годами. Поэтому вполне логично думать, что во время ухода из Туркестана Сельджук находился в более старшем, чем юношеский, возрасте.

нахром. Население Джендского округа состояло из кочевых и полуоседлых огузских племен. В самом Дженде и других городах нижней Сыр-Дарьи имелись колонии мусульманских торговцев и ремесленников. Жители пограничных с областью Дженда крепостей Хорезма и Мавераннахра в основном состояли из так называемых газиев и добровольцев (529, с. 44). Среди этих «борцов за веру» имелись также обращенные в ислам тюрки. Они периодически совершали набеги на языческих огузов, грабили, захватывали пленных и военную добычу. С этой точки зрения принятие мусульманской религии также имело практическое значение для сельджукидов. Обращение в ислам, вероятно, стимулировалось и расчетами сельджукидов на поддержку недовольных податной системой огузских ябгу жителей Дженда.

После обращения в ислам сельджуки оказались втянутыми в стремительные и бурные события в Джендской области. В «Малик-наме» отмечается, что Сельджук и его воины начали борьбу с царем окрестных тюрок, под которым, вероятно, подразумевается янгикентский правитель Али-хан (716, с. 405). Началом конфликта послужило столкновение с чиновниками ябгу, ежегодно взимавших харадж с жителей Дженда. Сельджук отказался от уплаты подати и стал требовать ее отмены с мусульманского населения этой области (692, с. 3—5). Выступление сельджуков было поддержано населением Дженда, которое было недовольно фискальной политикой сырдарьинских ябгу[1]. Сельджук получил денежную и военную помощь от местных жителей и начал собирать конные ополчения из туркмен[2]. Повстанцы, отказавшись от уплаты податей, начали решительные действия и прогнали сборщиков налогов (613; 292; 727). Восставшие сельджуки при поддержке населения Дженда развернули боевые операции против войск огузского ябгу. В одной из завязавшихся стычек конница сельджуков отбила стадо верблюдов, угнанных неприятельским отрядом. Дальнейшие сражения завершились крупным успехом повстанцев, и сельджукские вожди захватили город Дженд (613, IX, с. 382). Правда, эта победа не обошлась для сельджуков без урона и значительных потерь. В одном из боев погиб Микаил — старший из потомства Сельджука[3].

В средневековых источниках не содержится никаких сведений о времени сельджукского восстания и захвата ими Дженда.

---

[1] Мехмед Нешри утверждает, что Сельджук опирался в борьбе с царем тюрок-язычников на поддержку Кадыр-хана. С помощью войск, присланных этим караханидским правителем, сельджуки овладели Джендом (672, с. 22, 23). Рассказ Нешри вызывает большое сомнение, поскольку Кадыр-хан ибн Харун Богра-хан правил с 1013 г., когда Сельджука уже не было в живых.

[2] На это указывается в персидской версии «Малик-наме», приводимой Мирхондом (692, с. 5—7). В «Материалах по истории туркмен и Туркмении» (265, с. 451) неверно переведено: «Он (Сельджук) собрал тюрок той страны».

[3] Мехмед Нешри указывает, что в этой войне был убит Сельджук (672, с. 23), что не подтверждается более ранними историками.

Известно лишь, что Сельджук находился здесь в 992 г., как это явствует из рассказа Ибн ал-Асира (265, с. 365 и след.). Отсюда становится понятым, что он овладел Джендом до указанной исторической даты. Скорее всего это событие имело место примерно в конце 80-х годов X в.

Захват сельджуками Дженда явился серьезным ударом для огузских ябгу. Успех сельджуков был обусловлен поддержкой народных масс, страдавших от тяжелых налогов и поборов. Овладевшие Джендом сельджукские вожди усилились, а их престиж значительно поднялся в глазах соседних мусульманских правителей (692, с. 5). Сельджукская знать, использовавшая в своих интересах народное движение, мечтала о дальнейших территориальных захватах. В одной из версий «Малик-наме» приведен любопытный рассказ, отразивший эти настроения сельджукских вождей. Садр ад-Дин Хусейни повествует, что однажды Сельджуку приснился огонь, от которого сыпались искры на запад и восток. Обратившись к гадальщику, он узнал, что это было не простое, а вещее сновидение. «Из твоих потомков, — сказал прорицатель, — народятся цари, которым будут кланяться низко в дальних уголках земли» (727, с. 2).

Сельджукиды и Мавераннахр

После взятия Дженда весть о победах сельджукидов распространилась по всему Туркестану и Мавераннахру (692, с. 5, 6). В версии «Малик-наме», приводимой Ибн ал-Асиром, говорится, что когда Харун ибн Илек-хан захватил «окраины» владений одного из саманидских эмиров, то последний обратился за помощью к Сельджуку. «Тот (Сельджук), — пишет Ибн ал-Асир, — послал ему на помощь своего сына Арслана с отрядом из своих людей. Благодаря им саманид усилился, взяв верх над Харуном, и вернул обратно то, что тот взял было у него. После этого Арслан вернулся к своему отцу» (265, с. 365).

В персидском варианте «Малик-наме» отмечается, что за помощью к Сельджуку обратился саманидский эмир Ибрахим, который был разбит караханидским правителем Илек-ханом. Сельджук послал ему в подмогу военные отряды, которые обратили тюрок-караханидов в паническое бегство из Мавераннахра. Разгромив Илек-хана, подвластные сельджукидам племена обосновались в пределах Бухарской области. Переселившись сюда, они продолжали борьбу против караханидов, освобождая занятые ими крепости и города (692, с. 5—7).

В исследуемых версиях «Малик-наме» описывается борьба между тюрками-караханидами и саманидами в Мавераннахре в конце X—начале XI в. Достоверные исторические факты говорят о том, что в мае 992 г. караханиды овладели Бухарой (66, с. 567, 568). В этом году в Мавераннахр вторглась армия Харуна ибн Хасана Сулеймана, носившего титул «богра-хан» (716, с. 406; 529, с. 44). Сельджукские племена Дженда оказали военную помощь саманиду Нуху ибн Мансуру (748, I, с. 45). Благодаря этой под-

держке Нух ибн Мансур, собравшись с силами, вернул Бухару спустя три месяца после ее захвата Богра-ханом. Историк Утби пишет, что при отступлении Харуна ибн Илек-хана из Мавераннахра на его войско напали тюрки-гузы (52, I, с. 176; ср. 603, с. 354). Очевидно, это были сельджукские ополчения, прибывшие из Джендской области на помощь саманиду Нуху ибн Мансуру.

Борьба саманидов с вождями тюрок-караханидов носила упорный характер. В 999 г. караханид Наср ибн Али утвердился в Бухаре, фактически положив конец державе саманидов (759, III, с. 373, 374). Последний саманид — Абу Ибрахим Мунтасир — безуспешно пытался выбить караханидских вождей из Мавераннахра. Вскоре после взятия ими Бухары он бежал в Хорезм, собрал остатки саманидских войск и двинулся на Бухару. Город, согласно Утби, был захвачен Арсланом-Балу, который являлся хаджибом Мунтасира (52, с. 320—332; 603, с. 373—375). Однако последнему саманиду не удалось закрепить свой успех в Мавераннахре. Под натиском превосходящих сил Илек-хана он форсировал Аму-Дарью и ушел в Хорасан и Джурджан.

В 1000 г. Абу Ибрахим Мунтасир двинулся к Абиверду, а оттуда ушел к огузам, правитель которых именовался «байгу». «Они пришли к Аби Кухаку (Зерафшану), — пишет Гардизи, — сразились с (войском) Сюбаши-Тегина и разбили его. Илек пришел к Самарканду потому, что они (гузы) совершили нападение и захватили (в плен) восемнадцать человек (его) военачальников. Гузы (ушли) и увели (с собой) пленников. Абу Ибрахим впал в уныние и пошел к переправе Даргана, (имея с собой) триста всадников и четыреста пехотинцев. (Мунтасир) переправился (через) реку (Аму-Дарью), так как река (уже) замерзла. (Гузы) пошли (вслед) за ним и хотели (также) перейти реку, (но) лед раскололся, и все (они) утонули» (631, с. 64).

Рассматриваемое известие Гардизи послужило темой оживленной дискуссии в специальной научной литературе. В. В. Бартольд полагал, что Мунтасир направился к сельджукам Бухарского Нура. Огузский байгу отождествляется им с Мусой ибн Сельджуком, носившим, по его мнению, почетный титул «ябгу» (66, с. 567, 668). З. В. Тоган считает, что в сочинении Гардизи подразумевается не Муса, а Арслан ибн Сельджук, который обратился в ислам около 1003 г. (773, с. 176, 177). К. Каэн скептически относится к утверждению Гардизи о принятии огузским ябгу мусульманской веры. Он полагает, что в «Зайн ал-ахбар» речь идет о союзе Мунтасира с Исраилом ибн Сельджуком (529, с. 44; 532, с. 272—274). Совершенно иного мнения держится О. Прицак, который отождествляет байгу, упоминаемого в труде Гардизи, с Али-ханом, отцом Шахмелика. О. Прицак считает, что правитель сырдарьинских огузов в 1000—1004 гг. оказал военную помощь Мунтасиру в борьбе с караханидами (716, с. 405).

Наиболее вероятной нам представляется точка зрения о том,

что байгу, упоминаемый в тексте Гардизи, соответствует Исраилv ибн Сельджуку. Мнение же О. Прицака, как резонно заметил К. Каэн, является довольно спорным (532, с. 272—274). Трудно допустить, чтобы Али-хан, занятый борьбой с джендскими сельджуками, мог оказать военную помощь саманидам. В версиях «Малик-наме», кроме того, прямо говорится, что на помощь саманидам пришел Исраил ибн Сельджук. Поэтому под именем байгу скорее всего фигурирует Исраил, который действительно носил титул «байгу».

Осенью 1003 г. Мунтасир вновь появился в Мавераннахре и нашел поддержку у сельджукских племен (748, I, с. 45; 596, с. 92). «Бегство привело Мунтасира,—пишет Утби,—к стоянкам тюрок-огузов, имевших склонность к (династии) саманидов; их обуял стыд за оставление их без помощи, и привязанность толкнула их на оказание помощи в их деле» (265, с. 224). Битва Мунтасира и его союзников-огузов с армией Илек-хана произошла в окрестностях Самарканда. Конница огузов под покровом ночной темноты ринулась на лагерь Илек-хана. В результате внезапного нападения огузы захватили большую добычу и военнопленных. Однако между огузскими вождями начались глубокие разногласия: одни хотели получить у караханидов выкуп за пленных, другие предлагали отпустить их и пойти на сближение с Илек-ханом. «Это,—говорит Утби, — возбудило в нем (Мунтасире) такое подозрение, что он не находил себе места в той местности и не мог сомкнуть глаз» (265, с. 225). Вместе с отрядом из семисот конных и пеших воинов Мунтасир бежал через Амуль к Мерву.

После безуспешных попыток захватить и обосноваться в Хорасане Мунтасир вернулся обратно в Мавераннахр. Абу Ибрахим, переправившись через Аму-Дарью, подвергся нападению военного гарнизона Бухары. Мунтасир был наголову разбит и бежал к крепости Нур. Утби сообщает, что Абу Ибрахим нанес поражение защитникам этой крепости. Джербадекани же рассказывает, что после осады Нура к Мунтасиру присоединилась «группа из войска (хашам) гузов» (603, с. 225). Абу Ибрахима, по словам Утби, поддержали шейхи Самарканда. Мунтасир собрал военное ополчение и выступил против караханидов. К войску последнего саманида примкнули также огузы Мавераннахра. В мае—июне 1004 г. Мунтасир разгромил армию Илек-хана в кровопролитной битве у селения Бурнамад, находившегося на дороге из Самарканда в Заамин (61, с. 111). Конница огузов преследовала врага и захватила военные трофеи и пленных. Одержав победу, огузы ушли обратно, взяв с собой награбленную добычу. После их ухода поредевшее войско Мунтасира потерпело жестокое поражение. Караханиды окончательно утвердились в Бухаре, а Мунтасир вскоре погиб на Аму-Дарье (52, с. 340—347; 165, с. 65, 66).

Приведенные исторические факты позволяют видеть, что в конце X—начале XI в. сельджуки приняли активное участие в

борьбе между саманидами и караханидами за обладание Мавераннахром. Сельджук послал из Дженда в помощь эмирам Бухары военный отряд под командованием Исраила. Благодаря поддержке сельджукских ополчений Нух ибн Мансур нанес поражение тюркам-караханидам. Однако в 999 г. караханид Наср ибн Али вновь овладел Бухарой. Несмотря на поддержку сельджукских ополчений, саманидам не удалось сохранить власть над Мавераннахром. В 1004 г. последний саманид Абу Ибрахим потерпел сокрушительное поражение от караханидов. Подвластные сельджукидам огузские племена оставили Мунтасира и ушли в свои кочевья с награбленной добычей и пленными. Союз между огузскими предводителями и последним саманидом оказался временным и непрочным, поскольку среди них имелись глубокие разногласия. Одна часть огузских вождей хотела продолжать войну с караханидами, нажиться на военных трофеях и продаже военнопленных. Другая группа предводителей искала сближения с кочевой знатью тюрок-караханидов, располагавших большими силами в Мавераннахре. Сельджукские вожди, соблазненные перспективой захвата большой добычи, поняли безнадежность и опасность дальнейшей поддержки саманидов. Несмотря на успех в битве под Самаркандом в 1004 г., война с караханидами, опиравшимися на местную феодальную знать, фактически была проиграна. Отказ сельджукских предводителей от союза с последним саманидом привел к окончательному утверждению власти караханидов над Мавераннахром.

Сельджуки в Мавераннахре

История расселения сельджуков в долине Зерафшана и Нуратинских горах содержит ряд неясных моментов. Согласно «Малик-наме», они поселились в окрестностях Бухары в период завоевания тюрками-караханидами Мавераннахра. Ибн ал-Асир и Мирхонд говорят, что племена сельджукского объединения пришли сюда из Джендской области. Однако Захир ад-Дин Нишапури и Абу-л-Ала Ахвал сообщают, что сельджуки поселились в Нуре Бухарском и Самаркандском Согде после своего ухода из Туркестана (161; 164).

Сопоставляя данные «Малик-наме» и «Сельджук-наме», нетрудно заметить явное противоречие в освещении сельджукского движения. Очевидно, это расхождение можно объяснить многообразием путей их реальных передвижений в середине X—начале XI в. Подавляющее большинство подвластных сельджукидам огузов и туркмен, несомненно, поселилось около Дженда после ухода из Сыгнака и Карачыка. В этом отношении показания версий «Малик-наме» вполне заслуживают доверия, поскольку нам известны соответствующие исторические факты о пребывании в X в. их верховного предводителя (Сельджука) в Дженде (613, X, с. 727). Однако мы не можем игнорировать и свидетельств Захир ад-Дина Нишапури, Абу-л-Ахвала и других историков, рассказывающих о поселении сельджуков в области Самарканда и Бухары после своего ухода из Туркестана. В этих исторических трудах,

очевидно, речь идет о части сельджукских племен, которые не ушли в Дженд, а обосновались в степях близ Самарканда и Бухары. Хамдуллах Казвини, ссылаясь на «Историю» Абу-л-Ала Ахвала, указывает, что племена сельджукской группировки поселились в Нуре Бухарском и Согде Самаркандском в 375 г. х.=985/6 г. (767, I, с. 434). В. В. Бартольд считает дату, приводимую Хамдуллахом Казвини, весьма сомнительной (66, с 567). К. Каэн думает, что в «Тарих-и гузида» имеет место простая описка, так как Хамдуллах Казвини вместо 395 г. х.=1005/6 г. ошибочно поставил 375 г. х. =985/6 г. (529, с. 45). Однако с мнением К. Каэна трудно согласиться по целому ряду соображений. Хамдуллах Казвини, как отмечалось, заимствовал приводимую им дату из сочинения Ахвала. Исторический труд Абу-л-Ала Ахвала был использован и другими средневековыми хронистами. В частности, этим сочинением пользовался автор «Зубдат ат-таварих», который указывает на расселение сельджуков в Мавераннахре в 374 г. х.=984/5 г. (164, л. 177). Отсюда видно, что дата Хамдуллаха Казвини не занижена, а скорее всего явно завышена. Следовательно, у нас имеются основания считать, что расселение сельджуков в Бухарской и Самаркандской области произошло раньше 985—986 гг.[1] В пользу этого мнения говорят некоторые данные, содержащиеся в трудах ряда мусульманских историков. Мир Йахйа Казвини в своем «Лубб ат-таварих» пишет, что сельджуки поселились в Нуре Бухарском и Согде Самаркандском в 355 г. х.=965/6 г. (275, л. 38). Историк Мюнеддждимбаши рассказывает, что Сельджук ушел из «страны неверных в страну ислама» около 350 г. х.=961/2 г. (299, с. 520). Обращает на себя внимание, что эти даты совпадают с надписями, сохранившимися на надгробиях сельджукских могильников X в. из Нуратинского района. Историко-эпиграфические памятники туркмен Самаркандской области позволяют констатировать пребывание их предков в Нуратинских горах в начале второй половины X в. В Самаркандской области в селении Дюш сохранилось множество старых могил с надписями, где захоронены предки современных туркмен Нураты. Одна из таких надгробных куфических эпитафий на арабском языке гласит: «Благоухающий эмир Мухаммад Алп Арслан-бек. Умер 23 шаввала 348 г. х. (959—960 г.)»[2]. Очевидно, Алп Арслан-бек происходил из сельджукских племен, которые поселились в Нуратинских горах, в теперешнем селении Дюш, примерно в середине X в.

---

[1] В этом отношении интересно также известие Ахмада Гаффари, которое, очевидно, восходит к «Истории» Ахвала. Гаффари указывает, что сельджукиды, происходившие из туркмен-кыныков, пришли из Туркестана в Мавераннахр в 370 г. х.=980/1 г. (51, с. 134).

[2] Надпись-эпитафия скопирована Абдулмаджитом Ахмедовым, преподавателем Самаркандского госуниверситета. Автор приносит благодарность Л. Ахмедову за представленную возможность ознакомления с этой надписью.

Разумеется, одной надписи еще недостаточно для окончательного решения проблемы расселения сельджукских племен в Мавераннахре. Однако наличие такого рода датированного эпиграфического материала позволяет говорить о их сравнительно раннем проникновении в Самаркандскую и Бухарскую области. Совокупность рассмотренных выше исторических сведений дает основание думать, что процесс расселения сельджукских племен в Нуре Бухарском и Согде Самаркандском был относительно длительным. Вероятно, часть этих племен в ходе сельджукского движения обосновалась в Мавераннахре приблизительно в середине X в. Однако большинство племен сельджукской группировки Бухарской и Самаркандской областей поселилось здесь позднее (в конце X—начале XI в.). Вероятно, это было связано не только с их участием в борьбе между саманидами и караханидами, но и с их неудачами в войне с сырдарьинскими ябгу после кончины Сельджука. Последний, насколько известно, до конца жизни оставался в Дженде, поскольку именно здесь он и был погребен. Следовательно, племена сельджукской группировки примерно до 1010 г. кочевали еще в низовьях Сыр-Дарьи. Однако после его смерти Дженд находился уже в руках Шахмелика, сына Али-хана. Рассказывая о событиях 1032—1035 гг., Абу-л-Фазл Бейхаки пишет, что Шахмелик, владевший в эту пору Джендом, был в старинной вражде с сельджукскими вождями (769, 856). Понятно, что борьба между сельджуками и правителями сырдарьинских огузов началась задолго до указанной даты. Отсюда логически следует, что сельджукские вожди потеряли власть над Джендской областью между 1010 и 1032 г. Скорее всего они вынуждены были уйти отсюда после кончины Сельджука, в середине первой четверти XI в. В пользу этого мнения говорит приводимый ниже анализ сведений, имеющихся в «Малик-наме»[1].

Сельджукиды и караханиды Мавераннахра

Согласно версии Ибн ал-Асира, племена сельджукского объединения поселились в двадцати фарсахах от Бухары; их предводителями были сыновья Микаила Дауд Чагры-бек и Мухаммад Тогрулбек. «Эмир Бухары, — пишет Ибн ал-Асир, — стал бояться их, стал плохим соседом, хотел напасть и погубить их. Тогда они нашли убежище у Богра-хана, царя Туркестана, и стали жить в его стране» (265, с. 366). Ибн ал-Асир повествует далее, что Тогрул и Чагры не доверяли властителю Туркестана. Они договорились между собой не являться одновременно в ставку Богра-хана, который хотел схватить обоих братьев. Отчаявшись в успехе своей затеи, он приказал арестовать явившегося к нему во дворец Тогрулбека. В ответ на этот вероломный акт Дауд напал на войско Богра-хана. Завязалась жестокая битва, закончившаяся победой

[1] Впоследствии часть сельджуков, как увидим ниже, безуспешно пыталась укрепиться вновь в Джендской области.

сельджуков и освобождением Мухаммада[1]. Сельджуки ушли из Туркестана и поселились вблизи Бухары (ср. 353, л. 346).

Описываемые Ибн ал-Асиром и Мирхондом события трудно поддаются хронологической интерпретации (ср. 66, с. 567; 532, с. 274, 275). К. Каэн склонен допустить, что Илек-хан, о котором пишет Мирхонд, тождествен Али-Тегину (529, с. 48). Однако в «Раузат ас-сафа» Илек-хан называется властителем Мавераннахра, в то время как Али-Тегин именуется правителем Самарканда. Поэтому нет оснований считать, что сыновья Микаила в эту пору враждовали с караханидом Али-Тегином, правителем Бухары и Самарканда. О. Прицак считает (716, с. 406), что в «Малик-наме» повествуется о конфликте между потомками Сельджука и Нухом II ибн Мансуром (976—997). Однако разрыв сельджукидов с саманидами скорее всего имел место в начале XI в. Ибн ал-Асир и Мирхонд говорят, что сельджуки, ушедшие к Богра-хану, возглавлялись Даудом Чагры-беком и Мухаммадом Тогрул-беком. Дауд и Чагры в правление Нуха II ибн Мансура были в младенческом возрасте и поэтому не могли быть предводителями сельджуков[2]. Отсюда можно полагать, что в «Малик-наме» речь идет не о событиях X в., а о событиях примерно середины первой четверти XI в. (ср. 529, с. 48).

Ибн ал-Асир и Мирхонд не уточняют, кто имеется в виду под именем Богра-хана. О. Прицак считает, что сельджуки, возглавлявшиеся Даудом и Мухаммадом, ушли к преемнику западно-караханидского[3] властителя Харуна ал-Хасана ибн Сулеймана (716, с. 405). И. Кафесоглу полагает, что потомки Микаила подчинились караханидскому правителю Таласа (622, с. 2). А. А. Росляков думает, что Чагры-бек и Тогрул-бек ушли во владения Кадыр-хана Юсуфа (361, с 40), что является наиболее вероятным.

Титул «богра-хан», как известно, носили различные предста-

[1] Несколько иначе эти события изложены в персидской версии «Малик-наме». Согласно тексту Мирхонда, сыновья Микаила враждовали с Илек-ханом, правителем Мавераннахра. Последний боялся их силы и могущества и хотел устранить своих противников. Чагры-бек и Тогрул-бек не стали ждать и первыми напали на окраины его владений. В ответ на это Илек-хан собрал большую армию и двинулся на сельджуков, которые обратились за помощью к Богра-хану. Сельджуки ушли из владений Илек-хана и после длительного пути остановились в двух фарсахах от столицы Богра-хана. Каждую неделю оба брата порознь являлись на службу к хану, которому никак не удавалось схватить их вместе. Тогда он отдал распоряжение заковать в цепи Тогрул-бека и бросить его в темницу. Богра-хан приказал затем своим военачальникам напасть и захватить врасплох стан Чагры-бека. Однако посланные им отряды были наголову разбиты сельджукской конницей. Богра-хан вынужден был освободить Тогрул-бека и отправить его к брату с богатыми дарами. Сельджуки оставили после этого Туркестан и ушли в пределы Самарканда (692, с. 7—9).

[2] Имад ад-Дин Исфахани пишет, что Тогрул-бек родился в памятный год, когда один из тюркских ханов совершил нападение на Мавераннахр (598, с. 27, 28). Рождение Тогрул-бека датируется 385 г. х.=993/4 г., а Чагры-бека — около 380 или 386 г. х.=990—995 г. (529, с. 43; 534, с. 4, 5).

[3] Караханидская держава разделялась в XI в. на две части: Восточный и Западный каганаты (711, с. 227).

вители династии караханидов (506, с. 790). Под этим почетным званием известен, например, Харун ибн Сулейман—один из первых караханидских завоевателей Бухары. Но Харун ибн Сулейман умер еще в 996 г., во время отступления из Мавераннахра в Кашгар. Вероятно, Дауд и Мухаммад отправились к одному из сыновей Харуна ибн Мусы, имевшему титул «богра-хан». Скорее всего они ушли во владения его сына, известного под именем Кадыр-хан Юсуф. Косвенным доказательством в пользу этого предположения служит рассказ Мехмеда Нешри о бегстве Сельджука к караханидскому правителю Кадыр-хану. Не исключена возможность, что Нешри перепутал здесь Сельджука с потомками Микаила (672, с. 22, 23).

Кадыр-хан Юсуф в начале XI в. был крупным и сильным удельным правителем в Восточно-караханидском каганате. В 1006 г. он упоминается в качестве властителя Хотана, которому подчинялись области до крайних пределов страны тюрок (165, IX, с. 1 и след.). Монетные данные свидетельствуют, что он в 1014 г. был правителем в Яркенде, а в 1015 г. — в Кашгаре. Очевидно, именно в пределы его владений и ушли сельджуки, возглавлявшиеся Чагры-беком и Тогрул-беком.

Завоевание тюрками-караханидами Мавераннахра не прошло бесследно для сельджуков, живших в окрестностях Бухары и Самарканда. Караханидское нашествие сопровождалось притоком из Кашгара и Семиречья больших орд кочевых племен (711; 714). Среди них главную роль играли карлуки, ягма и чигили, которые овладели лучшими пастбищами междуречья Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. Вожди тюрок-караханидов покорили не только население оазисов, но и степные тюркоязычные племена. В начале XI в. в зависимости от караханидов оказались и сельджуки долины Зерафшана и Нуратинских гор. Средневековые авторы не указывают точное время их перехода под власть илек-ханов Мавераннахра. Очевидно, они не сразу покорились вождям тюрок-караханидов. Во всяком случае сельджуки оставались некоторое время независимыми после взятия Бухары армией Насра ибн Али. «Когда кончилось господство саманидов,—пишет Ибн ал-Асир,—а Илек-хан овладел Бухарой, значение Арслана ибн Сельджука в Мавераннахре стало великим» (265, с. 366). Сельджуки этой поры состояли из двух самостоятельных группировок. Одна из них возглавлялась Исраилом, а другая — Мусой, Даудом и Мухаммадом (529, с. 52). Исраил был старшим сыном Сельджука и имел почетное звание «байгу-арслан» (727, с. 1; 692, с. 13; 296, л. 151). Дауд носил титул «чагры-бек», а его брат Мухаммад — «тогрул-бек» (438, л. 103; 296, л. 14; 770, с. 261; 773, с. 176). Подобно титулу «байгу», оба эти звания[1] восходят к названиям птиц соколиной породы (714, с. 23).

[1] Почетное звание «тогрул-бек» отмечается и в титулатуре огузо-туркменской знати после образования сельджукидской державы (734, с. 21; 722, с. 274). Титул «чагры-бек» существовал также в государстве караханидов (645; 132; 133).

В эту пору группировка Исраила обосновалась в пределах Бухарского Нура (165, IX, с. 175, 176), а сельджуки, возглавляемые Даудом и Мухаммадом, после возвращения из Туркестана поселились в окрестностях Дженда (613, IX, с. 323). Отношения между вождями этих двух сельджукских группировок подчас носили враждебный характер (692, с. 13). Сельджукские предводители, боровшиеся за власть, придерживались различной политической ориентации. Одна часть сельджукских вождей выступала за союз с оседлой знатью Мавераннахра, а другая — с кочевой аристократией тюрок-караханидов. Исраил был связан прочными узами дружбы с последними саманидами (139, л. 150). Дауд и Мухаммад, враждовавшие с эмирами Бухары, сделали неудавшуюся попытку сблизиться с караханидами.

Али-Тегин и сельджуки Мавераннахра

С падением державы саманидов в 999 г. в Мавераннахре создалась весьма сложная политическая обстановка. В начале XI в. Бухарой овладел Али-Тегин[1], опиравшийся на поддержку группировки Исраила. Очевидно, Исраил накануне этих событий подчинялся уже караханидскому правителю Мавераннахра, носившему титул «илек-хан». Ибн ал-Асир сообщает, что Исраил и Али-Тегин отделились от Илек-хана. В «Тарих ал-камил» указывается также, что Али-Тегин бежал от Арслан-хана[2], брата Илек-хана, и захватил Бухару. Али-Тегин вошел в соглашение с Исраилом, предводителем сельджукских племен Нура. Илек-хан пытался уничтожить мятежного Али-Тегина, но потерпел жестокое поражение (613, IX, с. 323).

Появление Али-Тегина на исторической арене Мавераннахра может быть отнесено к 1002—1003 г. (711, с. 219). Но в это время он не играл заметной роли среди правящей знати тюрок-караханидов. Властителем Мавераннахра был тогда Наср ибн Али (561, с. 706), захвативший в конце X в. столицу державы саманидов (165, IX, с. 62). Первые монеты с именем Али ибн Хасана чеканены в Бухаре в 405 г. х. (1015 г.). Однако на тех же монетах, битых позднее, значатся имена Йига-Тегина и Арслан-Илека (561; 711). В. В. Бартольд (506, с. 790), М. Назим (697, с. 58) и К. Каэн полагают, что Йига-Тегин был сыном верховного караханидского правителя Кадыр-хана (1013—1032). О. Прицак (711, с. 219) доказывает, что Йига-Тегин — не имя собственное, а титул Али-Тегина, принятый им после взятия Бухары в 451 г. х.=1020/1 г. Это отождествление имеет важное значения для хронологической интерпре-

[1] Относительно генеалогии караханида Али-Тегина в исторической литературе высказаны самые различные мнения (501; 503; 697; 711).

[2] В. В. Бартольд отождествляет Арслан-хана с караханидским правителем Мухаммадом ибн Али, который правил в Мавераннахре до 1024—1025 г. (503, с. 274; ср. 529, с. 47, 48). О. Прицак возражает против такого взгляда и считает, что это две разные исторические личности. Арслан-хан, по его мнению, не кто иной, как Мансур ибн Али, от имени которого чеканились монеты в Баласагуне с 1015 по 1024 г. (714, с. 29—31; с. 211—219).

тации событий, которые были тесно связаны с сельджукским движением в Мавераннахре в первой четверти XI в.

Становится очевидным, что сельджуки Мавераннахра оказались втянутыми в крупные события в Западно-караханидском каганате. Они приняли участие в восстании Али-Тегина, который захватил Бухару около 1020 г. (714, с. 31). Этому событию, по-видимому, предшествовало выступление Али-Тегина против Арслан-хана[1]. Однако Али-Тегин потерпел тогда поражение и был заточен в темницу, но затем бежал из тюрьмы и поднял мятеж. Али-Тегин вступил в союз с Исраилом и с помощью сельджукских ополчений овладел Бухарой.

Восстание Али-Тегина произошло в обстановке феодальных усобиц первой четверти XI в. в государстве караханидов. Среди вождей тюрок-караханидов шла ожесточенная схватка за власть и наследственные уделы. Особой остротой отличалась борьба правителей Мавераннахра с верховными ханами Кашгара и Баласагуна. Соперничавшие между собой караханиды нередко призывали на помощь газневидов (7, III, с. 1163 и след). В этих междоусобных войнах принял участие и Али-Тегин, нашедший поддержку в лице сельджукских вождей Мавераннахра.

Группировка сельджуков Нура оказала активную поддержку мятежному Али-Тегину. Исраил и Али-Тегин подняли восстание, «отложились» от Илек-хана, правителя Мавераннахра (613, IX. с. 323). Участие сельджуков в восстании Али-Тегина было вызвано их недовольством караханидскими наместниками Бухары (529, с. 48. 49). Военный союз Али-Тегина с сельджукской знатью был скреплен узами брачного родства. Али-Тегин, как сообщает Ибн ал-Джаузи, женился на дочери Исраила (529, с. 50). Исраил оставался верным союзником Али-Тегина вплоть до его пленения Махмудом Газневи. Поддержка, оказанная Али-Тегину группировкой Исраила, дала возможность успешно соперничать с другими караханидскими правителями.

Али-Тегин, начавший играть важную роль в политической жизни Мавераннахра, находился, однако, в дружественных отношениях не со всеми сельджукскими вождями. Если Исраил и подчинявшиеся ему сельджукские племена были опорой Али-Тегина, то предводители другой сельджукской группировки враждовали с новым властителем Бухары и Самарканда. В персидской версии «Маликнаме» говорится, что когда Дауд и Мухаммад вернулись из страны Богра-хана, Али-Тегин обратился за помощью к туркестанским

[1] К. Каэн полагает, что Али-Тегин начал борьбу с илек-ханами Мавераннахра еще в правление Насра ибн Али. Взятие Али-Тегином бывшей столицы государства саманидов произошло незадолго до 1024—1025 г. (529, с. 48, 49). Аналогичного взгляда на этот счет придерживается и М. Н. Федоров в статье по истории караханидов (439, с. 134—136). О. Прицак считает, что Али-Тегин был правителем Бухары уже в 1015 г. (711, с. 219). При этом он исходит из отождествления Али-Тегина с Али ибн Хасаном, имя которого выбито на бухарских монетах 405 г. х.=1014/5 г. Мнение О. Прицака, с нашей точки зрения, является наиболее вероятным.

маликам и султанам (692, с. 11, 12). Осведомившись о военных приготовлениях властителя Самарканда, сыновья Микаила сошлись на военный совет. «Правильнее поступить так, — сказал на этом совете Чагры-бек Тогрул-беку, — что тебе и всем, которые с тобою, направиться в (труднодоступную) пустыню, а мне дай дозволение пойти на священную войну. Не лишено вероятия, что, несмотря на свою силу, неприятели, благодаря такому средству, будут держаться от нас подальше» (265, с. 453). Предложение Дауда было принято, и Тогрул-бек укрылся с подвластными сельджукскими племенами в окрестной пустыне. Чагры-бек с отрядом из тридцати тысяч всадников ушел через Хорасан в Малую Азию[1].

Следует отметить, что в версиях «Малик-наме» противоречиво освещаются судьбы группировки сельджукских племен, во главе которых стояли Чагры-бек и Тогрул-бек. В варианте Ибн ал-Асира говорится, что они после бегства из владений Богра-хана обосновались близ Дженда. Мирхонд же утверждает, что они поселились около Самарканда, а затем откочевали в близлежащие степи. Скорее всего сельджуки, находившиеся под властью сыновей Микаила, сначала действительно поселились в Самаркандской области, а потом ушли к низовьям Сыр-Дарьи. Очевидно, эта группа сельджукских племен откочевала в Южные Кизылкумы, а затем передвинулась к Дженду[2]. Дауд и Мухаммад с подвластными им сельджуками не смогли, однако, долго удержаться в Джендской области. Вскоре они ушли оттуда в результате столкновений с сырдарьинскими ябгу (529, с. 49—52).

Оставив низовья Сыр-Дарьи, сельджукские племена во главе с Хасаном ибн Мусой, Даудом и Тогрулом поселились в степях около Кеша и Нахшеба (438, л. 103). Судя по версии Мирхонда, они сначала не признали власти Али-Тегина, но затем благодаря вмешательству Исраила прекратили вражду и распустили свое войско. В дальнейшем отношения между Али-Тегином и сыновьями Микаила постепенно наладились и даже приобрели под конец дружественный характер (769, с. 583).

Разгром группировки Исраила

Али-Тегин, будучи искусным дипломатом, вел гибкую политику по отношению к сельджукской знати. «Человек он (Али-Тегин), — пишет Бейхаки,— был смышленый, изворотливый и бывалый, понимал, как обходиться с любой стороной. Туркмены и потомки Сельджука были

[1] Более подробно этот рассказ Мирхонда рассмотрен в нашей статье, написанной совместно с К. Н. Юзбашяном (24, с. 144—158).

[2] И. Кафесоглу думает, что сельджуки во главе с Мухаммадом Тогрул-беком остались на Сыр-Дарье (622, с. 2). З. В. Тоган полагает, что Тогрул-бек со своими приверженцами укрылся в песках Муюн-Кум (773, с. 180). Однако рассказ Мирхонда скорее всего указывает на то, что сельджуки, предводительствуемые Мухаммадом, нашли убежище в Южных Кизылкумах. Сыновья Микаила располагали в это время большим войском. К отрядам Дауда примкнула часть сельджуков, живших в окрестностях Бухары. Очевидно, это были племена, которые находились под властью Исраила. Характерно, что после этого Исраил воспылал злобой к своим племянникам (265, с. 453).

у него в запасе, и он их сберегал (для себя) словом и серебром, ибо понимал, что ежели они от него отпадут, то он потеряет силу» (8, с. 395).

Благодаря поддержке сельджукских племен Али-Тегин успешно соперничал с верховными караханидскими властителями. Одним из сильных противников его был Кадыр-хан Юсуф, опиравшийся на поддержку газневидов (697, с. 57, 58). Последний вступил в переговоры с султаном Махмудом, прося у него военную помощь (7, с. 94, 640). В 1025 г. многочисленная газневидская армия форсировала Аму-Дарью и двинулась к Бухаре.

Али-Тегин, по словам Гардизи, узнав о переправе войска Махмуда, бежал в пустыню. Махмуд Газневи послал в погоню за ним разведывательные отряды своей армии. Дозорные части напали на след укрывшегося в песках Исраила. Махмуд Газневи спешно отправил туда военный отряд, который захватил в плен Исраила. По султанскому приказу он был доставлен в Газну, а оттуда в Индию, где кончил свои дни в заточении (631, с. 84, 85).

Ибн ал-Асир повествует об этих событиях совсем иначе. Он сообщает, что Али-Тегин при приближении армии газневидов бежал из Бухары, а Арслан ибн Сельджук со своим племенем отступил в пески и стал защищаться от неприятелей. После этого султан пригласил в свой лагерь Исраила, а когда он прибыл, то приказал схватить и заточить его в темницу[1].

В. В. Бартольд (66, с. 569) и А. Ю. Якубовский (476, с. 94) считают, что рассказ Гардизи более правдив, чем повествование Ибн ал-Асира. А. Ю. Якубовский вместе с тем утверждает, что Исраил собирался напасть на военный обоз Махмуда, но был схвачен и отправлен в Индию (323, с. 94). Однако Гардизи, на которого он ссылается, ничего не сообщает о подобном намерении Исраила. В «Зайн ал-ахбар» говорится лишь о захвате одним из газневидских военачальников обоза с семьей Али-Тегина (631, с. 84, 85).

В повествовании Гардизи обращает на себя внимание одна весьма подозрительная деталь. Согласно тексту «Зайн ал-ахбар», Исраил был взят в плен без всякого сопротивления. Исраил был в это время могущественным эмиром, имевшим большое и сильное войско (161, с. 11; 139, л. 151; 296, л. 151). Поэтому трудно допустить, чтобы Исраил мог так легко сдаться небольшому отряду воинов Махмуда Газневи. Скорее всего Гардизи попросту умолчал о некоторых происшествиях, которые могли скомпрометировать

[1] «Махмуд, — пишет Ибн ал-Асир, — увидел силу сельджуков, их могущество и большую численность. Он написал Арслану ибн Сельджуку, склонил его к себе и побудил (приехать), и тот прибыл к нему. Тогда Йамин ад-Даула Махмуд Газневи тотчас же схватил его и без промедления заключил в крепость, а его шатры разграбил» (265, с. 366). Махмуд устроил затем военный совет, на котором один из его приближенных (Арслан Джазиб) предложил расправиться с остатками туркмен Нура. Однако султан предпочел переправить их через Джейхун и поселить в областях Хорасана, обязав их уплачивать харадж (ср. 289, л. 211). В другом месте «Тарих ал-камил» говорится, что часть туркмен Бухарского оазиса после того, как их предводитель Исраил был схвачен Махмудом, бежала в Хорасан (613, IX, с. 266).

султана Махмуда. В пользу этого мнения говорят сведения, приводимые целым рядом средневековых историков. Ибн ал-Асир, как мы видели, отмечает, что Махмуд заманил Исраила в свой лагерь и приказал заключить его в крепость. Более подробный рассказ об этом содержится в трудах Захир ад-Дина Нишапури, Равенди (766, с. 88—91), Мухаммада Язди (548, с. 19, 20) и других историков (720; 296; 410).

Захир ад-Дин Нишапури повествует, что сельджуки Нура Бухарского и Согда Самаркандского располагали многочисленным и хорошо оснащенным войском. Обеспокоенный ростом их военного могущества, Илек-хан—правитель Туркестана—направил к султану Газны посла со специальной миссией. Илек-хан предложил Махмуду привлечь путем обещаний на свою сторону сельджуков Нура и Самарканда (161, с. 11).

Махмуд Газневи двинулся после этого в Бухару, направив к сельджукам посла, который должен был склонить их к покорности султану. На призыв Махмуда откликнулся Исраил, который во главе десятитысячного отряда отборной конницы направился в газневидский лагерь[1]. Однако Махмуд предложил ему оставить при себе лишь небольшую свиту из трехсот всадников. Исраилу и его сыну Кутылмышу был оказан Махмудом пышный царский прием, но во время пира вождь сельджуков был схвачен[2] и заточен в темницу Калинджара[3].

В исследуемом рассказе Захир ад-Дина Нишапури, конечно, чувствуется явная идеализация и преувеличение силы и могущества Исраила. Особенно неубедительно утверждение автора «Сельджук-наме» о том, что власть Исраила простиралась на огромную массу тюркских племен, обитавших в Мавераннахре и Хорасане (161, с. 12). Весьма надуманной представляется и сцена пира, а затем рассказ о попытках сельджукидов устроить побег Исраила из заточения в далекой Индии[4].

Несмотря на эти сомнительные и недостоверные детали, известия Захир ад-Дина и Ибн ал-Асира позволяют корректировать версию Гардизи о разгроме Махмудом Газневи сельджуков Нура

[1] Мухаммад Шабангараи утверждает, что Исраил ибн Сельджук прибыл к Махмуду Газневи в Самарканд. В городе в это время проходили состязания по конному поло. Находясь на ристалище, Махмуд получил весть о прибытии Исраила, который являлся «туркменским байгу» (296, л. 151).

[2] Захир ад-Дин утверждает, что Махмуд сначала предложил Исраилу заключить договор, согласно которому туркмены охраняли бы Хорасан от неприятельских вторжений во время его походов в Индию. Напоив вином предводителя сельджуков, Махмуд выведал у него, какими военными силами он располагает. Испугавшись огромного количества туркменских воинов, Махмуд приказал схватить охмелевшего Исраила и отправить в далекую Индию.

[3] Крепость была расположена в Индии, в области Мультан (613, IX, с. 132; 139, л. 151). Историки Фасихи и Бейдави (87) утверждают, что Исраил скончался в темнице Калинджара в 426 г. х.=1034/5 г. (748, I, с. 119).

[4] Недостоверный характер носят сведения и других историков, которые утверждают, будто Махмуд Газневи взял в плен Микаила ибн Сельджука (598, с. 5, 6; 465, л. 396).

и Самарканда. Сопоставляя данные Гардизи, Ибн ал-Асира и Захир ад-Дина Нишапури, можно предположить следующий ход событий 1025 г. в Мавераннахре. После того, как газневидская армия форсировала Аму-Дарью, Али-Тегин поспешно оставил Бухару. Исраил же укрылся со своими конными отрядами, вероятно, в песках Кызылкумов. Тогда Махмуд Газневи принял решение выманить Исраила из его убежища. Султан или один из его полководцев, по-видимому, заманили всяческими обещаниями сельджукского вождя в ловушку и взяли его в плен. Гардизи, писавший в царствование газневида Абд ар-Рашида, естественно, мог умолчать об этом неблаговидном поступке Махмуда.

Газневидские отряды после захвата в плен Исраила набросились на сельджукские кочевья и произвели грабежи и убийства. Это явилось жестоким ударом по группировке Исраила, которая распалась на части и разбрелась по Мавераннахру[1]. Одна из этих сельджукских групп обратилась затем с просьбой к Махмуду Газневи предоставить им убежище и пастбища в Хорасане. Предводителями этих сельджуков, насчитывавших четыре тысячи семей, были Ягмур, Бука, Кызыл и Кокташ (748, I с. 119). Имея большие стада баранов, верблюдов, лошадей, мулов, они испытывали острую нужду в пастбищах для скота[2]. Сельджуки обещали султану Махмуду платить налоги и нести военную повинность за те земли, которые будут отведены им в Хорасане (631, с. 85). Властитель Газны распорядился переправить их за Аму-Дарью и поселить в окрестностях Серахса, Абиверда и Феравы. Переправа через реку происходила под конвоем султанских войск, причем были приняты строгие меры предосторожности[3]. Махмуд приказал своим военачальникам полностью обезоружить сельджуков (748, I, с. 119).

[1] В советской исторической литературе высказывалось мнение о том, что пленению Исраила в 1025 г. способствовало недовольство сельджукских племен, испытывавших от своего вождя обиды и притеснения (361, с. 41; ср. 66, с. 596, 323, с. 95). Однако с этим утверждением нельзя согласиться по целому ряду соображений. Следует отметить, что подобное утверждение основано на неверной интерпретации текста Гардизи, рассказывающего о переселении Махмудом Газневи 4 тысяч туркменских семей из Мавераннахра в Хорасан (265, с. 229). Данное свидетельство проясняется в свете приводимого Джузджани отрывка из не дошедшей до нас части сочинения Абу-л-Фазла Бейхаки. Рассказ Бейхаки не оставляет сомнений в том, что повествование Гардизи о притеснении туркмен их эмирами относится ко времени после захвата в плен Исраила (748, I, с. 119).

[2] Захир ад-Дин Нишапури говорит, что после заточения Исраила туркмены отправили своих послов к Махмуду Газневи. «У нас, — заявили они, — стало много людей; челяди (хаваши) и скота (маваши); из-за многочисленности групп и толп (наших людей) степные выгоны и пастбища недостаточны для нашего скота и многочисленной челяди. Мы надеемся на беспредельное великодушие султана, что (он) даст нам разрешение перейти через реку Джейхун и поселиться в Хорасане, между Нисой и Бавердом» (161, с. 13; 720, с. 10).

[3] Средневековые армянские хронисты также рассказывают о переселении сельджуков в пределы державы газневидов. «Махмуд перешел через Джахан (Аму-Дарью), — пишет историк Вардан, — в землю теталов, привел оттуда большое количество пленных в Хорасан и поселил особо» (109, с. 118). Мхитар Айриванский повествует, что отец султана Масуда, двинувшись на помощь Кадыр-хану, встретил на своем пути многочисленные шатры тюрок. «Когда тем же

Обращает на себя внимание, что во главе этих сельджуков стояли вожди, не носившие почетных титулов. Характерно также, что на четыре тысячи семей или кибиток приходилось четыре предводителя. Вероятно, у сельджуков данной поры действовала военно-племенная система деления на тысячи. Нуждаясь в землях и пастбищах для своих многочисленных стад, эта сельджукская группировка вынуждена была проситься на службу к газневидским правителям. Пленение и заточение Исраила в одной из крепостей Индии не могло остановить их в этом намерении, поскольку между ними и сыновьями Микаила существовали враждебные отношения. Тогрул-бек и Чагры-бек после устранения Исраила стали притязать на господство над сельджукскими племенами, находившимися прежде под властью их дяди. Притеснения, которым они подвергли эти племена, заставили их искать покровительства Махмуда Газневи.

Вражда между предводителями обоих сельджукских группировок осталась на долгие годы. Когда позднее Чагры и Дауд пришли из Хорезма, сын Ягмура, являвшийся одним из предводителей сельджукских племен, в страхе бежал из Хорасана (748, I, с. 122). Спустя много лет после рассматриваемых событий Тогрул-бек считал племена сельджуков, некогда подвластные Исраилу, своими подданными. «Эти туркмены, — заявлял он в одном из своих писем, — были нашими рабами, слугами, подданными и зависимыми (людьми), выполняя (наши) приказания, и служили у (нашего) порога» (265, с. 364).

Данные рассматриваемых источников позволяют, таким образом, видеть, что в 1025 г. сельджукская группировка Бухарской области подверглась разгрому войсками Махмуда Газневи. Дауд Чагры-бек и Мухаммад Тогрул-бек пытались заставить подчиниться своей власти остатки подданных Исраила, оказавшегося в плену у газневидов. Однако жестокие притеснения, которым они подвергли эти племена, вынудили их проситься на службу к Махмуду Газневи[1]. Вождями этих сельджукских племен были Ягмур, Кокташ, Бука и Кизыл. Четыре тысячи семей, возглавлявшиеся этими предводителями, были переселены газневидами в Хорасан. Они были расселены близ Серахса, Феравы и Абиверда, где им отвели пастбища для скота (139, л. 151).

Восстание сельджуков в Хорасане в 1027 г.

Переселение сельджукских племен в Хорасан было неблагожелательно встречено высшими кругами правящей знати газневидской державы (769, с. 323). Особенно враждебную позицию занял правитель Туса Арслан Джазиб. Сельджукские вожди в этой ситуации вынуждены были искать покровительство у наместников Хорасана.

путем он возвращался обратно с великой победой, — сообщает Мхитар, — то (он) взял (с собой) турецкого эмира Апаху (Байгу), привел его в Хорасан и заключил в оковы. Тогда пришел его народ и обратился сначала к отцу, а потом к его сыновьям, прося возвратить Апаху, но его не возвратили» (109, с. 120).

[1] Махмуд Аксарайли утверждает, будто это событие произошло два года спустя после захвата в плен Исраила (487, с. 13).

Земли, отведенные сельджукам в окрестностях Серахса, Феравы и Абиверда, были, вероятно, недостаточны для выпаса их стад. Сельджукские предводители обратились к посредничеству влиятельного газневидского сановника Абу Сахля Хамдеви для получения новых пастбищных выгонов в Хорасане (727, с. 2, 3). Они преподнесли Абу Сахлю богатые дары и получили земли в окрестностях Денданакана (598, с. 5, 6).

Сельджукские племена Хорасана обязаны были платить налоги в пользу султанского дивана. Они уплачивали подати со скота, очевидно, вдвое больше обычных (487, с. 13). Сбором налога ведали специальные чиновники, увидевшие в пришельцах объект для наживы. «Начали, — пишет Ибн ал-Асир, — ходить к ним сборщики, протянулись руки к их имуществу и детям» (265, с. 366). Наряду с превышением амилями своих полномочий здесь, вероятно, имели место и случаи насильственного обращения детей в гулямов и наложниц (727, с. 23). Произвол и вымогательство привели в 1027 г. к открытому восстанию сельджуков в Хорасане (613, IX, с. 323, 324; 727, с. 3, 4). Гардизи пишет о столкновениях сельджуков с наместниками Абиверда, Нисы и Феравы. В «Зайн ал-ахбар» рассказывается о грабежах туркмен в этих областях и умалчивается о гнете и насилиях газневидских чиновников, вызвавших эти беспорядки[1].

Султан Махмуд направил для усмирения повстанцев карательное войско под начальством Арслана Джазиба. В результате нескольких сражений газневидские отряды вынуждены были отступить, не добившись победы. Сельджуки не только дали отпор, но и сами перешли к наступательным действиям. Правитель Туса запросил помощи у Махмуда Газневи. В 1028 г. армия Арслана Джазиба, получившая подкрепление от султана, двинулась против сельджуков. Битва, происшедшая у Феравы, началась лихой кавалерийской атакой туркмен. Конница сельджуков не смогла, однако, опрокинуть центр врага; сельджуки были разбиты и бежали к Дехистану и Балханским горам (631, с. 85). После этого поражения часть сельджуков направилась к Керману и Исфахану (613, IX, с. 266—324). Остальная масса, среди которой главную роль играл Ягмур, укрылась в прибалханских степях[2]. Ибн ал-Асир утверждает, что они совершали отсюда набеги на города и селения Хорезма (265, с. 363).

В 1029 г. Арслан Джазиб выступил в поход против сельджуков Прибалханья. Однако почти двухлетняя война с сельджуками Балхан и Дехистана не принесла успеха. Тогда Махмуд Газневи решил пойти на сближение с огузскими и туркменскими вождями. «Мах-

[1] Основываясь на подобного рода односторонних сведениях, З. О. Сафа ошибочно считает, что рассматриваемые и последующие события явились следствием «грабительских обычаев» туркмен (730, с. 41 и след.).

[2] В «Истории Масуда» они называются по имени своих вождей «кизыли» и «ягмури», а также «балхан кухи», что связано с наименованием Балханских гор (7, III, с. 1136, 1137).

муд, — пишет Ибн ал-Асир, — привлек к себе на службу часть гузов и их главу Ягмура» (265, с. 363). Сельджукские отряды были подчинены принцу Масуду, назначенному правителем Рея. После смерти Махмуда в 1030 г. сельджукские ополчения помогли Масуду овладеть столицей газневидов. «Когда он (Масуд), — сообщает Ибн ал-Асир, — захватил Газну, эти (гузы) обратились к нему с просьбой в отношении тех из них, которые остались в Балханских горах. Масуд разрешил им вернуться, с условием находиться в подчинении и вести себя подобающим образом» (265, с. 363). Новый газневидский правитель назначил специального управителя (шихне) над сельджуками Хорасана. Султан послал к ним из Туса одного из своих эмиров, поручив ему «руководство делами и имуществом» сельджуков (727, с. 3).

Восстание сельджуков в Хорасане в 1031 г.

После воцарения в 1030 г. Масуда ибн Махмуда сельджуки были приглашены на службу в газневидское войско. Вождями их были Ягмур, Кизыл, Бука, Кокташ и другие предводители. Командование сельджукскими ополчениями было поручено Хумар-Тегину, носившему звание хаджиба (769, с. 75). Сельджуки вместе с газневидским отрядом из 4000 всадников и 3000 пехотинцев были отправлены в Мекран. Объединенными силами удалось нанести поражение мятежному эмиру Исе в Белуджистане. Однако вожди сельджуков были недовольны подчинением их власти газневидских военачальников. Сельджукские воины к тому же, видимо, не получали военного жалованья (769, с. 71). Сельджукские вожди помышляли о восстании против султана Газны. Масуд, заручившись согласием части их предводителей, решил убрать с пути Ягмура, Кизыла, Буку и Кокташа. С этой целью летом 1031 г. сельджукские отряды были отправлены в Нишапур. Ягмур и несколько других вождей были схвачены и убиты (769, с. 322, 333). Расправа с этими предводителями явилась поводом для подъема новой волны сельджукского движения[1].

Основной причиной этого восстания было стремление сельджукских племен обрести новые земли и пастбища в Хорасане (323, с. 97). Большую активность сельджуки проявляли в Серахской и Абивердской областях, наместники которых неоднократно жаловались на них султану (631, с. 97).

В конце 1031 г. газневидское войско направилось из Герата к Фераве. Командование этой карательной экспедицией было поручено одному из султанских военачальников — Абу Саду. Первое столкновение с сельджуками произошло под стенами Феравы. Но ни одна из сторон не добилась решающего перевеса сил. Тогда сельджуки отослали свои обозы и семьи к Балханам. Летучие отряды их кавалерии стали беспокоить своими внезапными нападениями газневидский лагерь. Абу Сад вынужден был вскоре отступить к Герату (631, с. 98).

[1] И. Кафесоглу считает убийство Ягмура и других вождей главной причиной восстания сельджуков в 1031—1034 гг. (622, с. 3).

Летом 1033 г. произошло восстание в индийских владениях газневидов. Наместник Пенджаба Ахмед Инал-Тегин открыто выступил против султана Масуда (769; 165, IX; 604; 515). Восстание в далекой Индии вызвало волнение и среди населения Хорасана. Абу-л-Фазл Бейхаки отмечает, что эта смута привела к усилению сельджуков. Сельджукские племена[1] оказали военную помощь Ахмеду Инал-Тегину. В «Тарих-и Масуди» говорится о прибытии туркменских отрядов в Лахор (769, с. 500—503; 604, с. 115). Однако в 1034 г. восстание в Индии было подавлено военачальниками Масуда.

Воспользовавшись занятостью султанской армии подавлением этого «мятежа», сельджуки развернули активные действия в Хорасане (165, IX, с. 174). В 1033—1034 гг. их конные отряды несколько раз нападали на местные газневидские гарнизоны. Предводителями их являлись близкие родичи убитых в Рее сельджукских вождей. Главную роль среди них играл сын Ягмура, казненного по указанию Масуда (769, с. 460—492).

Сельджукское движение 1033—1034 гг. в Прибалханье вызвало брожение среди туркмен, поселившихся в Дехистане и Гургане (769, с. 492). Правящие круги газневидской державы опасались их объединения с сельджуками Балханских степей. Масуд приказал своему вассалу Бакалинджару, правителю Гургана, выставить сторожевые посты и стеречь дороги Дехистана. В Тус и Серахс были посланы отряды регулярной армии во главе с полководцами Бильге-Тегином и Али-Дайе (769, с. 460).

В декабре 1034 г. произошло кровопролитное сражение между сельджуками Серахса и гвардией султанского войска под командованием Нуш-Тегина. Битва, продолжавшаяся с утра до поздней ночи, закончилась отступлением сельджуков в Юго-Западные Каракумы. Масуд жестоко расправился с группой захваченных в плен туркмен, приказав их бросить под ноги разъяренных слонов (769, 544—550). Под натиском газневидской армии сельджуки бежали из Абиверда и Нисы к Фераве. В погоню за ними были посланы отряды султанской кавалерии. Сельджуки, отступая с боями, укрылись в Балханских горах (769, с. 545, 546). В суровых условиях Прибалханья они оказались в крайне тяжелом положении, испытывая острую нужду в продовольствии. Весной 1035 г., после похода Масуда в Гурган и Табаристан они вновь появились в окрестностях Нисы, Феравы и Дехистана (769, с. 574).

Поход газневидской армии на Гурган и Табиристан сопровождался дикими грабежами и насилиями. Масуд наложил на жителей этих областей огромную контрибуцию. Действия эмира Газны и его военачальников вызвали ненависть населения всего Хорасана. Значительно ослабела и воинская дисциплина в султанской армии. Командование войском газневидов напоминало сборище мародеров, дравшихся из-за раздела добычи. Среди простых солдат и

[1] Возможно, это были сельджукские племена Мавераннахра (ср. 440).

гвардейцев из рабов-гулямов росло недовольство существующим режимом.

Сельджукское движение 1033—1034 гг. стимулировало активизацию народных выступлений в Хорасане против деспотии газневидов. Произвол и насилия при сборе налогов довели до отчаяния крестьян, ремесленников и средние слои горожан. Население этой некогда богатой и процветающей провинции разорилось, изнемогая под тяжестью непосильных поборов (515, с. 79—80). Летом 1034 г. вспыхнуло стихийное крестьянское восстание в Южном Хорасане. Многочисленные толпы крестьян двинулись к политическому и административному центру провинции — городу Нишапуру. Навстречу повстанцам выступила гвардия из гулямов, прибывшая накануне из Кермана. Отряды плохо вооруженных крестьян, заманенные маневром ложного отступления в засаду, были наголову разбиты. Повстанцы, оказавшиеся в руках жестоких карателей, были вздернуты на виселицах (157, с. 136, 137).

Тиранией Масуда была недовольна и влиятельная хорасанская знать. Грабительские методы поборов, конфискации и экспроприации привели к открытому конфликту с султанской властью. Против газневидов была враждебно настроена и часть духовенства, особенно шейхи местного суфийского ордена (157, с. 133—135; 515, с. 87). Большой жестокостью и алчностью отличался наместник Нишапура Абу-л-Фазл Сури. В «Истории Масуда» Бейхаки с возмущением описывает его деяния на поприще султанского сахиб-дивана. При взыскании налогов Сури не останавливался ни перед чем, вплоть до пыток и казней (515, с. 88, 89). Абу-л-Фазл Бейхаки сообщает, что Сури уничтожил почти всех вельмож и раисов Хорасана (769, с. 510).

Недовольная газневидской деспотией крупная знать не могла собственными силами свергнуть Масуда. Поэтому она искала выход из создавшейся обстановки в организации внешней экспансии против султана. Хорасанские вельможи вступили в переговоры с караханидскими властителями Мавераннахра. Знать умоляла в своих письмах вождей тюрок-караханидов побудить туркмен Мавераннахра к выступлению против газневидов (769, с. 510).

Сельджукское движение в Мавераннахре и Хорезме

После разгрома в 1025 г. группировки Исраила Дауд Чагры-бек и Мухаммад Тогрул-бек не признали власти вернувшегося в свои владения Али-Тегина (692, с. 18). Отношения между правителем Бухары и Самарканда и сыновьями Микаила были открыто враждебными. Али-Тегин хотел хитростью схватить предводителей сельджуков (613, IX, с. 324). Он не раз пытался склонить Дауда и Мухаммада на свою сторону, обещая делить с ними власть «на основе соправительства» (692, с. 19). Но его посулы и обещания не поколебали вождей сельджуков. Тогда Али-Тегин решил привлечь на службу Юсуфа, сына Мусы ибн Сельджука. Стремясь внести раскол среди потомков Сельджука, он назначил Юсуфа главой туркмен Мавераннахра (692, с. 18, 19). Юсуф получил от Али-

Тегина наделы (икта) и почетный титул «инанч-байгу» (165, IX, с. 196, 197; 353, л. 346). Последний явно хотел использовать подвластных Юсуфу сельджуков против Дауда и Мухаммада. Тогрулбек собирался после этого напасть и убить Юсуфа, но этому воспрепятствовал Чагры-бек. «Нехорошее это дело, — сказал он брату, — прекращать родство, за это нас осудит народ» (692, с. 19).

Вопреки ожиданию Али-Тегина, возвышение Юсуфа не привело к разногласиям среди сельджуков Мавераннахра. Тогда Али-Тегин приказал разгромить и уничтожить Юсуфа. Ибн ал-Асир сообщает, что Юсуф был убит одним из эмиров Али-Тегина по имени Алп-Кара. Мирхонд называет его Алп-Кара Барани и отмечает, что он перешел на службу к Али-Тегину. Последнее указание имеет для нас важное значение. Алп-Кара, вероятно, был выходцем из среды огузов-барани, к которым принадлежал и Шахмелик ибн Али. Отсюда вполне допустима родственная связь между Алп-Кара и династией огузских правителей Дженда и Янгикента. Али-Тегин использовал, очевидно, вождей сырдарьинских огузов в борьбе против сельджукидов Мавераннахра.

После гибели Юсуфа Дауд и Мухаммад начали войну с Али-Тегином. Они собрали большое войско и двинулись против Али-Тегина[1]. Ожесточенная битва, происшедшая в 1029 г., окончилась победой сельджукидов. Воодушевленные этим успехом, Чагры и Тогрул напали на стан Алп-Кара[2]. Сельджукская конница уничтожила его войско и разбила один из военных отрядов Али-Тегина. Попавший в плен Алп-Кара был сначала ослеплен, а затем обезглавлен (613, IX, 324; 692, с. 19, 20). Сельджуки Мавераннахра после этого продолжали борьбу с правителем Бухары и Самарканда. Али-Тегин снарядил большую армию, состоявшую из отрядов регулярных войск и пеших ополчений. Сельджуки не выдержали натиска и были наголову разбиты. Многие из них погибли в бою, а их имущество, большинство женщин и детей попали в руки врагов.

В ходе борьбы с Али-Тегином и сырдарьинскими ябгу сельджукские племена стали уходить к границам Хорезма (773, с. 180; 692, с. 5). Правитель Хорезма Харун ибн Алтунташ призвал сельджуков в свои владения, надеясь использовать их в борьбе с Масудом Газневи. Фахр ад-Дин Рази сообщает, что туркмены, обитавшие в степях Кеша и Нахшеба, были изгнаны Али-Тегином из Мавераннахра около 1032 г. Предводителями их были Хасан ибн Муса, Дауд и Абу Талиб Тогрул-бек, имевшие под своей властью пятнадцать тысяч семей. Туркмены ушли в пределы Хорезма и расселились в деревнях по берегам канала Гавхоре (438, л. 103). Однако в «Тарих-и Масуди» говорится, что Али-Тегин примирился с туркменами Мавераннахра после событий 1030 г. Бейхаки под

[1] Рашид ад-Дин говорит, что Дауд и Мухаммад собрали племена туркмен и напали на Али-Тегина (353, л. 346).

[2] Сражение между Алп-Кара и сельджуками произошло, по словам Ибн ал-Асира, в 1030 г. (ср. 299, с. 522).

1031 г. отмечает, что сельджуки стали заодно с Али-Тегином (769, с. 348). Они принимали участие на стороне последнего в войне против Алтунташа (1017—1032) — газневидского наместника Хорезма. В 1032 г. Алтунташ, получив подкрепления от Масуда, двинулся на Бухару. После взятия города он пошел к крепости Дабусии, куда отступило войско Али-Тегина. В многочисленной армии Али-Тегина имелись сельджукская конница и пешие ополченцы. Под стенами Дабусии завязалось ожесточенное сражение, не давшее решающего перевеса ни одной из сторон. Алтунташ вступил в переговоры с Али-Тегином, и между ними был заключен мир. Хорезмийское войско ушло обратно, оставив пределы Мавераннахра (769, с. 425).

Содержащиеся в «Тарих-и Масуди» исторические данные позволяют видеть, что в 1031—1032 гг. сельджукские вожди находились в союзе с Али-Тегином. Щедрой раздачей денег и обещаниями он сумел превратить сельджуков в свою военную опору (769, с. 551). Однако сельджукская знать поддерживала дружественные отношения то с Али-Тегином, то с хорезмшахами. Бейхаки пишет, что еще Алтунташ ежегодно предоставлял сельджукским племенам зимние пастбища в Хорезме. Благодаря посредничеству Ахмада ибн Абд ас-Самада[1] они перекочевывали в Хорезм с семьями, пожитками и скотом и оставались здесь до весны (769, с. 583, 608). Сельджуки, как явствует из «Тарих-и Масуди», кочевали от Бухарского Нура до Андаргаза (769, с. 854). Сельджукские вожди, таким образом, лавировали между соседними феодальными правителями Хорезма и Мавераннахра. Они то подчинялись Али-Тегину, то переходили на службу к Алтунташу и Харуну.

В начале 30-х годов XI в. в Хорезме произошло восстание против владычества газневидов. Харун ибн Алтунташ открыто выступил против султана Масуда. Сложившаяся в Хорезме политическая обстановка благоприятствовала дальнейшему сближению сельджуков с хорезмшахами. Бейхаки сообщает, что в 1034 г. туркмены стали заодно с Харуном ибн Алтунташем (769, с. 854). Хорезмшах, добиваясь независимости от правителей Газны, вступил в сговор с Али-Тегином. Союзники установили тайные связи с предводителями сельджуков Прибалханья (769, с. 355, 356, 542). Али-Тегин и его единомышленник разработали план захвата газневидских владений. Согласно достигнутой между ними договоренности, войска Харуна должны были вторгнуться в Мервскую область, а отряды Али-Тегина—двинуться на Термез и Балх. Пунктом встречи союзных войск были назначены области в верхнем течении левобережья Аму-Дарьи (769, с. 541, 542).

В начале зимы 1034 г. Али-Тегин послал конницу подвластных ему сельджуков Мавераннахра к Балху и Тохаристану (ср. 503; 439). Отряды сельджуков прошли до Термеза, Кобадиана, Андхоя,

[1] Ахмад ибн Мухаммад ибн Абд ас-Самад был в это время кетхудой (везирем) при Алтунташе.

проникли в верховья реки Вахш (762, с. 542, 543). Стоявшее в крепости Термез войско сипахсалара Бек-Тегина бросилось вдогонку и настигло их в Балхской области. Битва, происшедшая в окрестностях Шабуркана, окончилась победой сельджукской кавалерии (769, с. 543). После разгрома Бек-Тегина Масуд послал для отражения сельджукских отрядов своего полководца Али ибн Абдаллаха. Бейхаки сообщает, что тот заставил туркмен покориться и наложил на них контрибуцию (769, с. 544). Смелый рейд конных отрядов сельджуков не достиг, таким образом, своей цели. Они не смогли соединиться с войсками союзников Али-Тегина, промедливших с выступлением из Хорезма и Мавераннахра. Большую роль в провале плана их совместных действий сыграла искусная газневидская дипломатия. Против Харуна был подготовлен заговор подкупленных везирем Масуда дворцовых гулямов (769, с. 540, 551). Газневидам удалось также посеять интриги среди окружения Харуна (769, с. 552, 856). В начале 1035 г. хорезмийское войско направилось к Аму-Дарье, чтобы идти на Мерв. Гулямы-заговорщики неожиданно напали на Харуна и нанесли ему смертельные раны. Хорезмийское войско вынуждено было возвратиться обратно (769, с. 578—860). Масуду удалось предотвратить и поход Али-Тегина на Балх и Термез. Правитель Бухары и Самарканда, судя по всему, пошел на соглашение с Масудом. Бейхаки сообщает, что Али-Тегин дал обещание не нападать на владения газневидов (769, с. 548).

Начало первой трети XI в. знаменуется новым подъемом сельджукского движения в Северном Хорасане. В мае 1035 г. сельджукские отряды, предводительствуемые Даудом и Мухаммадом, форсировали Аму-Дарью и появились в окрестностях Нисы и Фераявы. Уходу сельджуков из Мавераннахра в Хорезм предшествовал ряд крупных событий. В конце 1034 г. Али-Тегин скончался, и власть перешла к сипахсалару Тунушу, ставшему временщиком при его малолетних сыновьях (8, с. 416). Бейхаки пишет, что сельджукиды не поладили с Тунушем и ушли в Хорезм. Причина неприязненных отношений между сельджукскими вождями и новыми правителями Бухары не совсем ясна. В «Тарих-и Масуди» упоминается о старой дружбе Тогрул-бека с Сулейманом Арслан-ханом, властителем Кашгара (1032—1056). Сельджукиды, вероятно, оказались втянутыми в междоусобные распри караханидов. Они ушли затем в Хорезм, откликнувшись на приглашение Харуна. Сельджуки пришли сюда из Нура Бухарского во главе с Даудом Чагры-беком и Мухаммадом Тогрул-беком. Бейхаки сообщает, что у них было огромное войско и большое количество лошадей, верблюдов и баранов (769, с. 856). Среди них упоминается особая группа, которая называлась инальцы[1].

[1] Х. Г. Раверти считал инальцев частью газневидских тюрок, примкнувших к сельджукидам в Хорасане (748, I, с. 121). В действительности же они принадлежали к числу племен сельджукского объединения. Свое название инальцы получили от имени Ибрахима Инала — одного из представителей фамилии сельд-

После ухода из Мавераннахра в Хорезм сельджуки расселились близ рабата Маше, в Шурахане и по берегам канала Гавхоре[1]. Харун ибн Алтунташ отвел им здесь пастбища и земли, надеясь превратить их в свою военную опору. В готовившемся им походе на Мерв сельджукская конница должна была стать авангардом войска хорезмшахов. Но военным планам Харуна не суждено было осуществиться. Сельджуки Хорезма вскоре были разбиты вождями сырдарьинских огузов. Зимой 1034 г. Шахмелик Барани выступил против них в поход из Дженда. Войско Шахмелика, пройдя через пески Кизылкумы, внезапно атаковало сельджуков. Застигнутые врасплох сельджуки не выдержали натиска и бежали, потеряв около восьми тысяч убитыми. В руки их врагов попало множество женщин и детей, а также скот и имущество[2]. Остатки разбитых сельджуков, спасаясь от преследования, переправились по льду через Аму-Дарью и скрылись в окрестностях рабата Намек.

Погром сельджуков расстроил замыслы правящей хорезмийской знати, помышлявшей о завоевании с их помощью Хорасана. «Когда весть об этом, — пишет Бейхаки, — дошла до Харуна, он очень приуныл, но виду не подавал, что ему это неприятно. Тайно он послал какого-то (человека) к потомкам Сельджука, надавал обещаний и сказал: «Собирайтесь и приведите других людей, потому что я и теперь придерживаюсь того, что с вами постановил» (8, с. 600, 601). Ободренные поддержкой Харуна ибн Алтунташа, сельджуки вернулись обратно в Хорезм. Харун вслед за тем сделал попытку примирить их с огузским правителем Дженда. Однако Шахмелик не пожелал вести с ним переговоры о прекращении вражды с сельджукидами. Несмотря на это, он вынужден был заключить с хорезмшахом договор о взаимном ненападении. Харун после этого вновь занялся приготовлениями к походу на Мервскую область.

Зима 1034 г. была тяжелой порой для сельджуков Хорезма. В результате поражения они понесли большие потери убитыми, лишились скота и обозов. Большинство их женщин и детей попало в руки воинов Шахмелика. Харун оказал помощь людьми опередев-

---

жукидов. Абу-л-Фарадж называет Ибрахима сыном Юсуфа и братом Мухаммада со стороны матери (586, с. 298). Другие средневековые историки утверждают, что Ибрахим был сыном дяди Мухаммада (165, IX, с. 218, 219) и сводным братом Тогрул-бека (161, с. 18; 9, с. 71). Ибрахим, носивший почетный титул инала, предводительствовал крупными отрядами сельджукских ополчений.

Очевидно, потомками иналъцев являются айналлу, обитающие сейчас в Иране, в провинции Фарс. Среди них бытует преданье о том, что их предки в давние времена пришли из Хорасана (638, с. 2, 3).

[1] Рабат Маше был расположен в четырех, а селение Шурахан — в пяти переходах к востоку от Кята— столицы Хорезма (503, с. 142—150).

[2] Ибн ал-Асир и Мирхонд говорят, что нападение Шахмелика на сельджуков было совершено по наущению и даже при помощи Харуна ибн Алтунташа. Однако это утверждение не может быть признано правильным. Нападение Шахмелика на сельджуков было совершено по прямому подстрекательству газневидов, с которыми огузские правители Дженда находились в дружественных отношениях (625, с. 34).

шим и ослабевшим ополчениям сельджуков. Он дал им также боевых коней и оружие, поселив в Даргане, близ которого находилась одна из главных переправ через Аму-Дарью (260, с. 107—112). Хорезмшах, готовясь к захвату Хорасана, собрал огромную армию. Бейхаки сообщает, что к нему «со всех сторон стекались люди (из племен) куджат, джиграк и кыпчак» (769, с. 859).

Весной 1035 г. хорезмийское войско выступило из Кята в поход на пограничные владения Масуда Газневи. Стоявшая наготове в Даргане сельджукская конница должна была пойти на Мерв в авангарде войска хорезмшахов. Однако поход не удался в самом начале, а Харун, как говорилось выше, пал жертвой интриг искусной дипломатии газневидов. После гибели Харуна ибн Алтунташа началась кровопролитная борьба за верховную власть в Хорезме (625, с. 35, 36). На политической арене страны появилась кучка хищных феодалов, оспаривавших друг у друга право безнаказанно грабить народ. В этой обстановке сельджуки Хорезма приняли решение уйти к своим сородичам в Хорасан. Бейхаки пишет, что сельджуки не могли ни вернуться обратно в Нур, ни обосноваться прочно в Хорезме из-за боязни нападения Шахмелика. Оставался единственный выход: пойти и проситься на службу к Масуду Газневи (769, с. 863).

Весной 1035 г. сельджуки форсировали Аму-Дарью и оказались в пределах Хорасана. В «Тарих-и Масуди» говорится, что это была небольшая группа, насчитывавшая не более семисот-девятисот всадников (769, с. 863). Однако в дальнейшем Бейхаки упоминает о десятитысячной сельджукской кавалерии, не считая их семей, находившихся при походных обозах. Кажущееся на первый взгляд противоречие легко объяснимо при внимательном анализе «Тарих-и Масуди». Бейхаки сообщает, что к сельджукидам, переправившимся через Джейхун, присоединилось «много народа» (6, с. 687). В «Истории Масуда» говорится затем об отрядах хорезмийцев в составе сельджукских ополчений (769, с. 582).

Очевидно, к сельджукидам на Аму-Дарье примкнула значительная группа тюрок, среди которых преобладали огузы и кыпчаки. В пользу этого мнения свидетельствует Насир-и Хосров, который рисует завоевание сельджуками Хорасана как нашествие огузов и кыпчаков. «Гузы и кыпчаки, — пишет он — (это) трава бедствия (для Хорасана), выросшая в окрестностях Джейхуна» (304, с. 329). В этом отношении большой интерес представляет также рассказ Бейхаки о событиях конца 1034 г. Бейхаки сообщает, что Харун после разгрома Шахмеликом сельджуков оказал им всяческую помощь. В «Тарих-и Масуди» говорится, что хорезмшах повелел сельджукидам привести к себе в качестве подмоги «других людей» (769, с. 857). Поскольку Бейхаки упоминает затем куджатов, джигграков и кыпчаков, можно думать, что именно из них состояли отряды, примкнувшие к сельджукам.

В дальнейшем сельджукские ополчения значительно пополнились в Хорасане за счет туркмен Прибалханья, а также новых

пришельцев (огузов и туркмен) из Мавераннахра (769, с. 617—627). Абу-л-Фазл Бейхаки пишет, что к сельджукидам присоединилась часть туркмен, переселенная ранее в Хорасан Махмудом Газневи (769, с. 618). В «Истории Масуда» эти племена называются кизыли, ягмури и балхан-кухи (769, с. 648). Сельджукиды, форсировав Аму-Дарью, двинулись к Амулю. После взятия и разграбления города они пошли к Нисе и Фераве. В 1040 г. сельджукиды нанесли сокрушительное поражение Масуду Газневи под стенами Денданакана (769, с. 581 и след.).

Сельджукское движение 1035—1040 гг. в Хорасане

Сельджукское движение 1035—1040 гг. в Хорасане сравнительно полно освещено в советской исторической литературе. Поэтому мы остановимся лишь на причинах разгрома газневидов и образовании государства сельджукидов. Триумфальная победа над султаном Масудом объясняется, по нашему мнению, не только поддержкой сельджукидов местной феодальной знатью, недовольной деспотией газневидов. В период завоевания Хорасана не все сельджукиды, кстати, придерживались одинакового политического курса. Весьма примечателен в этом отношении один из эпизодов, имевших место летом 1038 г. в Нишапуре. Захир ад-Дин Нишапури и другие историки рассказывают, что после взятия Туса и Нишапура сельджукские вожди хотели предать эти города беспощадному разграблению. Тогрул-бек стал отговаривать их, ссылаясь на то, что в «священный месяц (ислама) нельзя обижать мусульман». Мухаммад не разрешил сельджукским вождям разорить и ограбить Нишапур. Тогда возмущенный Дауд выхватил нож и закричал: «Или ты дашь нам (разграбить город), или я убью себя своей рукой» (161; 598; 586; 165, IX). Стремясь охладить алчный пыл брата, Тогрул-бек дал ему 40 000 динаров, которые были собраны с жителей Нишапура.

Приведенный факт свидетельствует о наличии серьезных расхождений в политике сельджукидов по отношению к населению Хорасана. Одна часть из них стремилась к хищническому грабежу захваченных областей, а другая выступала за более умеренные методы их эксплуатации (331, с. 109). Однако среди сельджукских вождей явно преобладали сторонники второго из указанных выше направлений. Сельджукиды в Хорасане вступили в союз с местной феодальной знатью и наладили дипломатические отношения с халифами Багдада (20, с. 78, 79). Мухаммад Тогрул-бек в 1038 г. отправил из Нишапура своего посла к Каиму Би-амриллаху. Посольство было хорошо принято халифом, выразившим свою поддержку сельджукидам (598, с. 7, 8). В Багдад направился и посол от Кизыла ибн Яхьи, который доводился шурином Тогрул-беку. Один Дауд Чагры-бек уклонился от переговоров с Каимом и ушел в Серахс (586, с. 296).

Сельджукские вожди в послании халифу писали о своей верности и приверженности аббасидам (161, с. 17). В письме отмечалось, что после смерти Махмуда Газневи его сын и наследник пре-

стола Масуд предался разгульным пирам и забавам. Султан оставил в стороне дела государственного управления, чем не замедлили воспользоваться «испорченные люди». Они стали на путь насилий и жестоких притеснений мирного гражданского населения. Тогда хорасанские вельможи призвали на помощь предводителей сельджуков, которые в результате нескольких крупных сражений наголову разбили газневидов. «После этого (божьего) подарка и благоденствия, — писали далее вожди сельджуков, — мы расстелили среди людей дорогу справедливости и правосудия и отстранились от угнетения, насилия и несправедливости. Мы хотим, чтобы дело (управления государством) совершалось путем (соблюдения) обычаев религии, законов ислама и по приказаниям халифа» (161, с. 17; ср. 548, с. 36).

Предводители сельджуков изложили в этом письме как бы программу своей внутренней политики. В этом отношении весьма интересно и заявление, сделанное Ибрахимом Иналом накануне вступления сельджуков в Нишапур и торжественной коронации Тогрул-бека (515, с. 252—258). Обращаясь к духовной и светской знати города, он сказал: «Вы не унывайте. То, что до сих пор происходило—грабежи и беззакония мелкого люда,—то это было поневоле, так как они воевали. Теперь же дело другое: область стала нашей и никто не посмеет и шевельнуться» (8. с. 489; 6. с. 552).

Тогрул-бек после вступления в Нишапур в 429 г. х.=1037—1038 г. приказал не трогать городское население и не притеснять раийат (161, с. 15; 720, с. 12). Такой политический курс объективно способствовал росту престижа сельджукидов и содействовал их успехам в Хорасане. Последовательным сторонником этого курса в отличие от Дауда был его младший брат Мухаммад. Благодаря своей более дальновидной и гибкой политике, Тогрул-бек стал постепенно главной фигурой среди сельджукских вождей. Первоначально верховным предводителем сельджуков в Хорасане считался Муса, носивший почетный титул байгу. Гардизи, описывая начальный этап газневидо-сельджукской войны, упоминает Мусу в качестве главного вождя туркмен (631. с. 106). В этом отношении показательна также переписка 1035 г. между сельджукидами и Масудом Газневи. Среди трех главных сельджукских эмиров на первом месте здесь фигурирует имя Мусы. Однако хотя Муса, Дауд и Мухаммад действовали сообща, каждый из них отправлял собственного посла на переговоры с газневилами (769, с. 583, 610; 748, I, с. 122). Сельджукские предводители были в это время связаны между собой взаимными договорами и обязательствами[1]. В «Тарих-и Систан» указывается, что когда сельджукиды переправились через Аму-Дарью в Хорасан, то Муса-байгу, Тогрул и Чагры заключили специальный договор. Впоследствии Муса жаловался Мухаммаду, что Дауд нарушил данные им тогда обязательства (411, с. 381).

[1] Такие договоры между ними заключались и позднее (720, с. 34, 35; 161. с. 17).

Очевидно, Муса-байгу обладал номинальными прерогативами власти над сельджукскими племенами Хорасана. Среди правящей верхушки фамилии сельджукидов главную роль играли Тогрул и Чагры. В описании событий 1038—1039 гг. Мухаммад Тогрул-бек именуется старшим над всеми сельджукскими эмирами (6, с. 552). Подобная эволюция далеко не случайна и свидетельствует о ломке старых, патриархальных институтов власти, на смену которым приходят новые принципы управления. Значение байгу и старших в роду по возрасту постепенно сводится на нет, уступая место власти наиболее энергичных и удачливых представителей сельджукской знати.

Тогрул-бек, провозглашенный в Нишапуре султаном Хорасана, пользовался в дальнейшем все более возраставшими прерогативами власти. Бейхаки сообщает о назначении им Дауда и Мусы-байгу правителями Серахса и Мерва (769, с. 689, 690). В «Тарих-и Масуди» говорится, что Мухаммада окружали телохранители и сановная знать (769, с. 689). Постепенно при нем стал возникать чиновничий аппарат управления, но до организации сильной власти было еще далеко. По-прежнему продолжал играть заметную роль существовавший и ранее у огузов совет знати. На этом совете (кáнкáше) предложения Тогрула иногда отклонялись большинством. В этом отношении весьма показателен кáнкáш, созванный Тогрулом, Даудом и Мусой накануне битвы при Денданакане. Перед началом совета сельджукские вожди заявили о своей готовности выполнить лишь то, что найдет правильным Тогрул. Однако на кáнкáше они поддержали Дауда, являвшегося в противоположность осторожному Мухаммаду сторонником решительных военных действий (769, с. 712, 713; 748, I, с. 130).

Сельджукские предводители в борьбе с султаном Масудом использовали также вражду газневидов с хорезмшахами и караханидами Мавераннахра. После гибели Харуна ибн Алтунташа в Хорезме развернулась ожесточенная борьба между его преемниками и группой сторонников Масуда, во главе которых стоял Абд ал-Джаббар[1]. Последний сделал попытку захватить Кят и восстановить в Хорезме власть газневидов. Однако выступление Абд ал-Джаббара не было поддержано хорезмийцами и потерпело сокрушительное поражение. К власти пришел сын Харуна Исмаил Хандан (1035—1038), продолживший борьбу за независимость Хорезма. Сельджукские вожди использовали враждебные отношения хорезмшахов с газневидами и заключили дружественный союз с Исмаилом Ханданом (769, с. 626, 627). Муса, Тогрул и Дауд вступили также в тесные связи с Богра-ханом, властителем Таласа и Ис-

[1] Абд ал-Джаббар, по словам Бейхаки, был кетхудой Хорезма при Харуне ибн Алтунташе. После восстания Харуна против Масуда он скрылся в подполье, выжидая удобного случая для свержения мятежного хорезмшаха (769, с. 854, 855).

фиджаба[1]. Абу-л-Фазл Бейхаки сообщает, что Мухаммад Тогрулбек издавна был в приятельских отношениях с этим караханидским правителем. Богра-хан после разгрома Бектугды под Серахсом обещал оказать действенную помощь сельджукидам. В своем письме к сельджукским вождям он писал: «Выступайте решительно, и сколько бы ни было потребно (вам) людей, скажите, и мы (вам) отправим» (265, с. 262; 769, с. 657). Обращает на себя внимание, что вслед за этими событиями мощный поток туркмен устремился из Мавераннахра в Северный Хорасан. Бейхаки пишет, что они двинулись сюда через переправы Аму-Дарьи[2], которые до этого зорко охранялись газневидами (769, с. 627).

Крушению власти газневидов в Хорасане содействовало также разложение деморализованной неудачами султанской армии (323, с. 107). Брожения в армии особенно усилились летом 1040 г. во время изнурительного перехода через Каракумы из Серахса на Мерв. Простые солдаты и гулямы, на плечи которых легла вся тяжесть утомительного похода и военных действий в условиях безводной и жаркой пустыни, открыто роптали и были готовы поднять восстание (769, ст. 778). Широкие массы рядовых воинов были недовольны жестокой палочной дисциплиной и обирательством со стороны своих военачальников. Газневидские полководцы беззастенчиво наживались за счет средств, отпущенных для кормления солдат и фуража для их верхового и вьючного скота (769, с. 667, 724). Даже сами командующие армией не гнушались спекуляциями солдатскими продовольствием и припасами. Большое недовольство проявляли так называемые одноконные (ексувареган) всадники (769, с. 586). Во время длительных походов они испытывали большие трудности и лишения из-за отсутствия запасных лошадей. Недовольные своим положением, изнуренные походами, одноконные воины нередко уклонялись от боя с сельджуками.

В газневидской армии самый многочисленный контингент войска состоял из гулямов (697, с. 146; 515, с. 101). Отряды гулямов подразделялись на дворцовые (сараян), личные (хассеган) и султанские (513, с. 42—68). Среди гулямов было немало тюрок, в том числе огузского происхождения (515, с. 100—109; 679, с. 108). В исторической литературе отмечалось уже, что гулямы представляли собой категорию привилегированных рабов (475). Действительно, их салары и хаджибы обычно достигали высокого положения в державе газневидов (730, с. 25). Отдельные предводители гулямов становились даже наместниками целых областей. Знатная верхушка, особенно из султанских гулямов, пользовалась влиянием

---

[1] Махмуд (или Мухаммад) Богра-хан был сыном Кадыр-хана Юсуфа и правил до 1058 г.

[2] Интересные сведения об этих передвижениях туркмен содержатся и в османской версии «Огуз-наме». В этом источнике в рассказе о победах туркмен над Масудом Газневи в Хорасане отмечается: «Некоторые туркмены из правого и левого крыла со (своими) баранами и (другим) скотом, оставив Туркестан и Мавераннахр, с ордой и войском направились в Хорасан» (410, л. 20).

при дворе. В большинстве случаев, это были наперсники и фавориты газневидских эмиров. Одним из таких султанских любимчиков был Нуш-Тегин Тубати, ставший наместником Гарчистана. Влиятельные предводители гулямов являлись обладателями огромных богатств и несметных сокровищ. Сюда входило и недвижимое имущество, а подчас им принадлежало по нескольку крупных деревень (6, с. 400, 517). Однако основную массу гулямов составляли низшие социальные категории, которые были юридически бесправными рабами. Гулямы за малейшую провинность подвергались строгим наказаниям, терпели обиды и притеснения от своих военачальников и султанов (6, с. 570 и след.).

Неудачная война с сельджукидами в разоренном Хорасане переполнила чашу терпения рядовых солдат и гулямов. В газневидской армии участились случаи открытого неповиновения и массового дезертирства[1]. Большая группа дворцовых гулямов во главе со своими саларами перешла на сторону сельджуков. «Султан (Масуд), — жаловались гулямы-перебежчики, — нас истребляет, и поэтому мы прибыли сюда из боязни и в силу необходимости (для того), чтобы биться (с ним) насмерть» (769, с. 713). Среди гулямов и солдат назревал заговор против султана Масуда и его окружения. Душой заговора стала группа дворцовых гулямов, вошедших в тайные связи с сельджукскими вождями. В самый решительный момент завязавшегося боя при Денданакане эти гулямы, имевшие значки с изображением льва, вскочили на коней и перешли на сторону врага (769, с. 782). Началось паническое бегство остальных солдат, не пожелавших проливать свою кровь за султана. Масуд и его полководцы были наголову разбиты и едва избежали плена. После этого страшного погрома газневиды навсегда потеряли Хорасан, перешедший в руки сельджукидов.

Многолетняя война Масуда Газневи с сельджуками нанесла удар развитию производительных сил Хорасана (515, с. 260, 261). Особенно сильно пострадало сельское хозяйство, пришедшее в значительный упадок. В отдельных районах, оказавшихся театром активных военных действий, была разрушена оросительная сеть и засыпаны колодцы (769, с. 721; 692, с. 83). Хищнические поборы газневидов, больше напоминавшие грабежи, чем взимание налогов, окончательно разорили крестьян. Засуха и насильственные реквизиции продовольствия и фуража привели к голоду, унесшему в могилу несколько тысяч человеческих жизней (515, с. 261; 769, с. 737—768). Тяжелое положение создалось не только в Хорасане, но и в сопредельных областях. Экстренные поборы на нужды войны, злоупотребления сборщиков налогов и государственных чиновников значительно ухудшили положение райатов, особенно

[1] Повествуя о сельджукском движении, византийский историк Никифор Вриенний пишет: «Между тем стали искать у него (Тогрула) пристанища люди, за свои злодейства боявшиеся смертной казни, также немалое число рабов и бродяг, питавшихся надеждой хищничества, так что в короткое время около него собралась огромная сила, не меньше пятидесяти тысяч человек» (181, с. 24, 25).

городских низов и бедных слоев крестьянства. Народные массы стихийно поднимались на борьбу, но их действия носили локально ограниченный характер и не вылились в организованное движение. Разорившаяся беднота нередко сплачивалась в небольшие отряды, нападавшие на купеческие караваны и феодальные поместья. Один из таких отрядов под руководством Али Кухендизи активно действовал в Гарчистане (8, с. 497, 498).

Волнения народных масс, вылившиеся в некоторых областях в стихийные «разбойные» движения, значительно ослабили газневидов. Предводители сельджуков, особенно Мухаммад Тогрул-бек, отлично поняли, какую выгоду они могут извлечь из сложившейся обстановки. Поэтому они стали заигрывать с простой «чернью», давая щедрые обещания. В этом отношении замечательна описанная Бейхаки сцена коронации Тогрула в Нишапуре осенью 1038 г. (769, с. 687—692). Сельджукские вожди поклялись тогда не трогать «бедноты» и «малых людей» (769, с. 690). Такая политика, проводившаяся сельджукидами в Хорасане, была рассчитана на привлечение симпатий широких слоев народных масс. Однако сельджукские предводители вовсе не были намерены отстаивать интересы или поддерживать выступления бедных слоев горожан и крестьянства. Сельджукиды, напротив, стали на путь открытого подавления народных волнений (613, IX, с. 330; 727, с. 7).

Сельджукские вожди стремились вместе с тем восстановить феодальные поместья, пришедшие в упадок в результате многолетней войны в Хорасане (515, с. 268). Первые мероприятия подобного рода они пытались осуществить еще до разгрома Масуда Газневи в 1040 г. под Денданаканом. Сельджукская знать, идя навстречу интересам местных феодалов, стремилась не только восстановить поместья, но и собрать повсюду разбежавшихся крестьян. В этом отношении большой интерес представляет один из рассказов Мирхонда, заимствованный из «Малик-наме». Описывая борьбу сельджукидов с армией Сюбаши, он сообщает, что жители разоренной войной Мервской области заключили специальный договор с Тогрулом и другими предводителями (ср. 727, с. 6, 7). Согласно этому договору, Тогрул и Дауд обязались не грабить и не притеснять мирное население области. После этого сельджукиды вступили в Мерв, где в торжественной хутбе—пятничной молитве — в качестве правителя Мерва было упомянуто имя Мухаммада Тогрул-бека. «Эмир Чагры-бек, — замечает далее Мирхонд,—по указанию своего старшего брата (Тогрула) назначил наместников и управляющих, дал приказание восстановить разрушенные хозяйства и поместья» (692, с. 35). Поддержка, оказанная сельджукидам мервской знатью, во многом объясняется жестокой грабительской политикой газневидов. Садр ад-Дин Хусейни рассказывает, что Сюбаши, отправляясь в поход на сельджуков, оставил в Нишапуре сборщика налогов Паркуба. «Этот человек, — пишет он, — превратил Хорасан в ободранную луковицу.

С помощью метлы поборов (мусадара) он начисто подмел (Хорасан) и никому не оставил даже щепки» (727, с. 6).

Продолжением отмеченного выше социально-политического курса сельджукидов явились и некоторые другие мероприятия. В их числе одним из важных явилось временное прекращение взимания отдельных видов налогов. После битвы под Денданаканом сельджукиды освободили на год жителей Мервской и других провинций от уплаты хараджа (613, IX, с. 328). Тогрул-бек после взятия Исфахана повелел, чтобы «в течение трех лет с жителей города ничего не брали; правитель (Исфахана) следовал этому указанию, и все переселенцы снова вернулись на родину» (305, с. 206). Ослабление сельджукидами налогового бремени, от которого в первую очередь страдало крестьянство и ремесленники, преследовало своей целью восстановление производительных сил страны, а также упрочение позиций новой династии.

Одним из важных стимулов борьбы сельджукидов с газневидами в Хорасане явилось стремление сельджукской знати к превращению в крупных феодалов-землевладельцев. Тогрул, Дауд и Муса использовали победы над газневидами для приобретения в собственность больших земельных наделов. После разгрома армии Бектугды в 1035 г. Масуд Газневи вынужден был отдать Нису Тогрулу, Дехистан — Дауду, а Фераву — Мусе-байгу (769, с. 610, 611). Бейхаки пишет, что в пожалованной им султанской грамоте они были титулованы дехканами (769, с. 611; 727, с. 3). Все три главных сельджукских предводителя получили прерогативы власти наместников провинций[1]. Сельджукские вожди приобрели не только Нису, Дехистан и Фераву, но и прилегающие к ним пастбищные выгоны. Однако эти земли были даны им за военную службу не в наследственное, а в условное держание. Тогрул, Дауд и Муса обязались охранять Хорасан от вторжения туркмен из Хорезма, Прибалханья и Персидского Ирака (769, с. 583).

Дехканы областей, какими стали сельджукиды, не имели больших иммунитетных прав. Бейхаки, рассказывая о событиях 1036 г., приводит текст послания Мусы, Тогрула и Дауда к Масуду Газневи с просьбой отдать им Мерв, Серахс и Абиверд. Предводители сельджуков просили, чтобы султанские чиновники взимали с этих городов налоги (мал) и отдавали им в качестве жалованья за военную службу. Однако сельджукиды в дальнейшем не захотели довольствоваться столь ограниченными правами. Абу-л-Фазл Бейхаки говорит, что они стали претендовать на самостоятельность в управлении пожалованными им областями (769, с. 731, 732). Стремление Тогрула, Дауда и Мусы к расширению своих иммунитетных прав хорошо видно из переговоров, ведшихся ими после битвы под Серахсом. В 1039 г. вслед за целым рядом неудач и поражений в Хорасане султан Масуд вынужден был заключить мир

[1] Ибн ал-Асир утверждает, что они получили названные области на правах икта́даров (613, IX, с. 326).

с предводителями сельджуков. Согласно договору, сельджукиды получили Серахс, Абиверд, Фераву и Нису с условием, что они не будут «нападать на мусульман, хороших (знатных) и плохих (простых) райятов и не будут производить поборы (мусадара)[1] и заключать соглашения (мавааза'ат)» (769, с. 733). Бейхаки пишет далее, что предводители сельджуков были недовольны этими условиями. Сельджукские вожди открыто заявляли, что отведенные им области недостаточны для кормления. Секретные осведомители доносили султану, что они помышляют о самостоятельном управлении этими областями. «Когда нам, — говорили сельджукиды,— не хватит хараджа и доходов, придется вынужденно (протянуть) руки к чрезмерным поборам (мусадара), заключить соглашения (мавааза'ат) и совершить набеги и захват областей» (769, с. 735). Фактически же их не удовлетворяло положение служилых дехкан, получавших жалованье от верховного государя. Размер этого жалованья, как видно из «Тарих-и Масуди», определялся суммой доходов с пожалованных областей. Стремление к превращению из условных держателей земли в полновластных феодалов явилось одним из важных стимулов многолетней и упорной борьбы сельджукидов с газневидами в Хорасане.

Таковы основные факторы, способствовавшие разгрому газневидов и образованию сельджукского государства в Хорасане в середине XI в.

[1] См. подробнее о термине «мусадара» и его значении при газневидах: 51, с. 71, 86.

ГЛАВА V

ОГУЗЫ И ТУРКМЕНЫ В СЕРЕДИНЕ XI—XIII вв.

Длительная борьба с газневидами способствовала консолидации и сплочению значительной массы огузов и туркмен вокруг сельджукидской фамилии в Хорасане. В условиях многолетних боевых действий органы управления, избиравшиеся некогда на период войны, обретают характер постоянных институтов власти. Происходят важные изменения в самой природе и организации управления сельджукскими племенами. Вытесняются последние остатки трансформированной власти народных собраний — пережитка эпохи военной демократии. Главенствующую роль в совете знати начинают играть военные предводители, ставшие фактическими владельцами завоеванных областей. Окончательно побеждает внутриполитический курс на союз с местной феодальной знатью Хорасана и сопредельных областей. Все это приводит к созданию органов государственного управления по несколько видоизмененному образцу державы саманидов и газневидов (388, с. 306, 307). Дальнейшее оформление этого бюрократического аппарата происходит в ходе завоевательных войн XI в. и завершается в правление султана Меликшаха (1072—1092).

Первым сельджукидским правителем был Мухаммад Тогрул-бек, принявший еще в 1038 г. титул султана (613, IX, с. 323; ср. 161, с. 18; 727, с. 7). После сражения при Денданакане сельджукская знать посадила Тогрула на трон, воздвигнутый сразу на поле битвы. Сельджукские вожди принесли ему присягу на верность как верховному эмиру (769, с. 783). Важной по своему значению после Мухаммада Тогрул-бека фигурой был Дауд Чагры-бек. Ибн ал-Асир сообщает (613, IX, с. 327), что Дауд еще в 1037 г. был провозглашен властителем Мерва и принял древнеиранский титул шахиншаха[1]. Приблизительно в это же время он был назначен

[1] Садр ад-Дин Хусейни утверждает, что торжественная хутба на имя Дауда была прочитана в Мерве в раджабе 1037 г. (727, с. 6).

Тогрулом главнокомандующим всех сельджукских войск (769, с. 690; 692, с. 35, 36). Хотя «великим султаном» был Тогрул, однако в хутбе, читавшейся в Хорасане, упоминалось также имя Чагры-бека (692, с. 38). Муса, носивший титул «байгу», фактически не имел большого влияния (692, с. 28, 38).

Сельджукские завоевания в середине XI в.

Образование сельджукидской державы сыграло важную роль в исторических судьбах огузов и туркмен Средней Азии. После разгрома Масуда Газневи в 1040 г. вожди сельджуков организовали походы на Иран, Ирак, Закавказье и Малую Азию[1]. Завоевание этих стран на первых порах осуществлялось в основном силами огузских и туркменских ополчений. Благодаря этим завоеваниям сельджукские племена оказались рассеянными по различным странам Передней и Малой Азии.

В исторической литературе существует мнение о том, что грандиозные переселения сельджукских племен в XI в. являлись следствием политического расчета их верховных правителей, желавших избавиться от своих беспокойных сородичей. Однако не следует упускать из виду, что в завоеваниях была заинтересована и сама кочевая сельджукская знать. В дальние походы ее манила не только перспектива захвата добычи и пленных, но и возможность эксплуатировать население и природные ресурсы покоряемых стран. Зажиточная аристократия огузов и туркмен искала также новые пастбища для своих многочисленных стад. «Будучи богаты стадами, — пишет византийский историк Никита Хониат, — (сельджуки) нуждаются в лугах и пастбищах и поэтому оставляют свои жилища и со всем семейством переходят в римские пределы» (311, с. 158).

После денданаканской битвы Тогрул-бек, Чагры-бек, Муса-байгу и другие сельджукские вожди договорились захватить остальную часть Хорасана. Захир ад-Дин указывает, что они решили оставить Масуду Газневи лишь Систан, Газну и Синд (161, с. 17). В действительности же Дауд и Муса пытались впоследствии овладеть Систаном и другими соседними областями (411, с. 365 и след.). Завоевательные походы сельджукидов начались почти одновременно в нескольких направлениях. В конце лета 1040 г. Тогрул-бек с десятитысячной конницей двинулся в Нишапур, Муса-байгу остался с войском из инальцев в Мерве, а Дауд с остальными силами направился в Балх и Тохаристан (769, с. 788; ср. 613, IX, с. 330).

Сельджукиды почти сразу же после одержанной под Денданаканом победы стали распределять между собой завоеванные об-

[1] Характеристика сельджукских завоеваний и их объективно-исторических последствий дана в обзоре состояния научной разработки проблем, исследуемых в предлагаемой монографии. Поэтому в настоящей главе затрагиваются лишь отдельные аспекты этих завоеваний, освещение которых способствует пониманию хода социально-экономической и политической истории огузов и туркмен Средней Азии.

ласти. Фактически это был не столько передел земель, которыми они владели, сколько разграничение сферы предстоящих территориальных захватов. Чагры-бек получил тогда большую часть Хорасана и объявил своей столицей город Мерв. Правителем Буста, окрестностей Герата, Исфизара, Систана и Кабулистана был назначен Муса. Старшему сыну Дауда—Кавурду достался округ Керман, окраины Табеса и Кухистана. Тогрул-бек получил Южный Иран и вместе с Ибрахимом Иналом, Якути и Кутылмышем двинулся к Рею (161, с. 18). После дальнейших походов в Ирак и Табаристан сельджукиды произвели новый раздел земель. Сыновья Микаила стали владетелями областей от Аму-Дарьи до Нишапура, Ибрахиму Иналу достались Кухистан и Гурган, а Мусе — Герат, Бушендж, Систан и Гур[1].

Войны сельджукидов с газневидами

В 1041 г. войско Чагры-бека после длительной осады овладело Балхом, а Муса вступил в Герат. Однако Муса затем был вынужден оставить город, перешедший вновь в руки газневидов (613, IX, с. 331). Оправившись после разгрома под Денданаканом, газневиды вскоре сделали попытку отнять у сельджукидов Хорасан (613, IX, с. 354). В 1043 г. армия султана Маудуда ибн Масуда двинулась из Газны и вторглась в пределы владений Дауда Чагры-бека. Последний отправил навстречу газневидским отрядам свое войско под командованием Алп-Арслана. Сельджуки одержали победу над армией Маудуда и вторглись в окрестности Буста. Однако газневидская конница перешла в контратаку и выбила отсюда сельджукские отряды (613, IX, с. 346 и след.). Потерпев неудачу, Алп-Арслан сделал затем безуспешную попытку овладеть Бадгисом и Гератом (613, IX, с. 346, 347).

Борьбе сельджукидов с газневидами в 40—50-х годах XI в. благоприятствовали династические распри между преемниками султана Масуда. После его убийства в 1041 г. на престол Газны взошел Маудуд, а затем султан Абд ар-Рашид. В царствование Абд ар-Рашида один из дворцовых гулямов по имени Тогрул стал во главе заговора (613, IX, с. 400, 401; 15, с. 235). Султан был свергнут с престола, на котором воссел Тогрул, установивший дружественные отношения с сельджукидами Хорасана (15, с. 236). В кратковременное правление Тогрула Газна, вероятно, обязалась уплачивать дань сельджукидам (727, с. 11). Однако в 1052 г. Тогрул был убит, и газневидский трон занял Фаррохзад ибн Масуд. Дауд Чагры-бек не хотел примириться с потерей сельджукского влияния в Газне и послал свою конницу в Бусту. Однако войско Фаррохзада под командованием Нуштегина наголову разбило отряды сельджуков и отбросило их от границ владений газневидов (613, X, с. 3 и след.; 727, с. 10—20). Многолетняя

[1] Подобный раздел областей, о котором рассказывает Имад ад-Дин Исфахани, расходится в некоторых деталях с повествованиями Садр ад-Дина Хусейни, Мухаммада Раванди и Рашид ад-Дина (598, с. 8; 727, с. 12; 766, с. 104; 720, с. 19, 20).

борьба закончилась в 1060 г. заключением мирного договора между Чагры-беком и Ибрахимом ибн Масудом. Договаривающиеся стороны пришли к соглашению о том, что каждая из них «остается при тех владениях, которыми она обладает» (613, X, с. 3).

Разгром Шахмелика и захват Хорезма

В начале 40-х годов XI в. сельджукиды предприняли военный поход на Хорезм. Предлогом для этого явилось изгнание Шахмеликом из страны Исмаила Хандана (625, с. 40—44). Хорезмшах бежал к сельджукидам в Хорасан и просил защиты и помощи (727, с. 14). В 1042 г. Дауд Чагры-бек с многочисленной конницей двинулся в поход на Хорезм и осадил Шахмелика в Кяте. Однако попытка взять город приступом окончилась неудачей. Приближалась зима, и Дауд, не добившись успеха (692, с. 56), отступил обратно за Аму-Дарью[1]. С наступлением весны сельджукское войско во главе с Тогрулом и Даудом снова вторглось в пределы Хорезма. Осажденный в Кяте Абу-л-Фаварис Барани совершил вылазку, но попал в засаду и был наголову разбит. Хорезмская знать и измученные осадой горожане открыли ворота Кята и изъявили покорность сельджукидам. Шахмелик со своей семьей, казной и свитой бежал через Каракумы в Дехистан. Шахмелик двинулся затем из Дехистана в Табес, потом направился в Керман, а оттуда — в Мекран. Шахмелик Барани, очевидно, по пути из Дехистана в Керман вторгся в округ Бейхак и осадил Сабзевар. Местные жители оказали жестокое сопротивление, и отряд Абу-л-Фавариса вынужден был отступить из-под стен города (9, с. 51). Шахмелик был захвачен в Мекране в плен Ирташем, братом Ибрахима Инала (613, X, с. 346).

Разгром Шахмелика нанес сильный удар правящей знати державы огузских ябгу. Ханы Янгикента и Дженда из рода барани потеряли господство над Хорезмом. Тогрул и Чагры, очевидно, вступили для борьбы с Шахмеликом в тесный союз с вождями кыпчаков. Садр ад-Дин Хусейни рассказывает, что когда Дауд прибыл в Гургандж, то к нему присоединился один из кыпчакских эмиров. Последний обратился в мусульманскую веру и породнился с сельджукидами (727, с. 19).

Союз между сельджукидами и кыпчакскими предводителями в рассматриваемое время был логически закономерным явлением. Кыпчакские племена, двинувшиеся с востока после изложенных выше событий 30-х годов XI в., естественно, находились уже во враждебных отношениях с преграждавшими им путь на запад вождями сырдарьинских огузов. Поэтому они вряд ли могли остаться безучастными к исходу борьбы Шахмелика Барани с Чагры-беком и Тогрул-беком. Союз между кыпчакскими ханами и сельджукидами диктовался общими интересами борьбы против огузских ябгу. Благодаря этому Шахмелик, не имевший к тому

[1] Ибн ал-Асир утверждает, что Дауд Чагры-бек был разбит Шахмеликом и бежал в Хорасан (613, IX, с. 346).

же прочной опоры в завоеванном им Хорезме, был разгромлен сельджукидами Хорасана. Поражение Шахмелика ослабило державу сырдарьинских огузов, которая окончательно пала под натиском кыпчакских племен в начале 50-х годов XI в.

Сельджукские завоевания в Передней Азии

После захвата Хорезма султан Тогрул-бек с большой армией направился в Гурган и Табаристан (168, с. 26). Население Гургана и Табаристана было обложено ежегодным налогом (мал) и харадж̀ем (168, с. 18). Тогрул-бек своим наместником в Гургане назначил Мардвиджа ибн Бассу, обязав его уплачивать в год пятьдесят тысяч динаров (613, IX, с. 340). Авангардом султанских войск служили сельджукские ополчения под командованием Ибрахима Инала, Якути и Кутылмыша ибн Исраила (161, с. 18). В 1042 г. конница Ибрахима заняла Рей, ставший опорным пунктом для продвижения сельджукидов в Персидский Ирак и Закавказье (613, IX, с. 347). Тогрул-бек приказал благоустроить Рей, куда он вступил в 1042 (или 1043) г., и объявил его своей столицей (613, IX, с. 347).

В 1043 г. войска Тогрул-бека под предводительством Ибрахима Инала вторглись в Керман. Ограбив здесь несколько деревень, они вернулись обратно в Рейскую область. Поход сельджуков на Керман, а также в Хамадан был повторен в 1045 г. Сельджукские отряды, ведя ожесточенную борьбу с курдскими племенами, вскоре подошли к Хулвану. К Ибрахиму Инал̀у примкнула часть курдских предводителей во главе с Соди ибн Абу Шауком. Благодаря поддержке курдов-шадинджани Ибрахим значительно усилился (613, IX, с. 363; ср. 586, с. 303).

Ибрахим Инал, утвердившись в Хулване, начал по султанскому приказу готовиться к походу на Багдад. Однако вскоре он направился с многочисленным войском против византийцев. В 1048 г. сельджукская армия вторглась в Закавказье и Малую Азию. Поход Ибрахима на Кавказ был вызван прибытием к нему огромной массы огузов из Мавераннахра (165, IX, с. 227).

Против вторгшейся в Закавказье армии сельджукидов выступило армяно-грузинское войско под командованием Липарита Орбелиана (400; 538; 542; 595). Решительное сражение, происшедшее в окрестностях Вананда, окончилось победой Ибрахима Инала. Сельджукские вожди, по словам Аристакеса Ластиверци, ворвались в область Васпуракан подобно «изголодавшимся волкам» (489, с. 72).

В 1050 г. сельджукиды Хорасана совершили поход в Фарс и захватили город Феса. Местный правитель из дейлемитов бежал из города, который подвергся разграблению. Сельджукидская знать награбила в Фесе имущества и денег общей стоимостью в один миллион динаров и взяла в плен три тысячи человек. «Когда они, — пишет Ибн ал-Асир, — закончили с этим (делом), они возвратились в Хорасан, но не остались там. Они опасались, что

Тогрул-бек отправит к ним (своих людей) и заберет у них добычу, которую они захватили» (613, IX, с. 386).

В 1055 г. войска Мухаммада Тогрул-бека вступили в Багдад, столицу халифата. С приближением армии сельджукидов полководец и ставленник фатимидов Арслан Бесасири бежал из города[1]. В Багдаде была прочитана хутба с именем Тогрул-бека, получившего от халифа Каима титул «правитель востока и запада» (613, IX, с. 254, 255). Имад ад-Дин Исфахани, повествуя о походе Тогрул-бека в Ирак, пишет: «Тюрки проникли во все места, захватили все стороны, не оставили незахваченными земли, не выпитыми вод» (598, с. 10). Огромную армию Тогрул-бека ни одна область не могла прокормить больше одной недели (586, с. 300). Тогрул-бек сместил прежних чиновников и назначил новых сборщиков налогов. Страна переживала тяжелые дни, особенно пострадало сельское население. Сельджукские эмиры отобрали у крестьян почти весь рабочий скот, что лишило их возможности обрабатывать свои поля (586, с. 307).

Мятеж Ибрахима Инала в 1050 г.

Сельджукское завоевание стран Ближнего и Среднего Востока сопровождалось восстаниями огузской и туркменской аристократии. В середине XI в. один из таких мятежей, возглавленный Ибрахимом Иналом, произошел в Персидском Ираке. Ибрахим Инал захватил в Ираке, Закавказье и Малой Азии огромную добычу (613, IX, с. 363). Сельджуки взяли большое количество пленных, в том числе византийских патрициев. Захваченные ими трофеи едва уместились на десяти тысячах повозок. В руки огузо-туркменских вождей попало также множество награбленного скота. Возгордившийся своими победами Ибрахим стал помышлять о самостоятельности. Вокруг него сгруппировалась влиятельная сельджукская военно-племенная знать. Среди влиятельной аристократии, окружавшей Ибрахима, выделялся его родственник по отцу эмир Ахмад (613, IX, с. 367, 368). Одним из его крупных военачальников и сподвижников был Сахт Кеман. Ибрахим Инал опирался на поддержку находившегося у него в подчинении сельджукского войска (165, IX, с. 220). Кроме того, его поддерживала часть кочевых курдских вождей и оседлой феодальной знати Ирака. Его имя упоминалось в пятничной хутбе захваченного сельджукскими и союзными им курдскими племенами Хулвана (613, IX, с. 363). Ибрахим имел своего везира, подражая верховному султану Мухаммаду Тогрул-беку (613, IX, с. 368). Осознав свою мощь и силу, Ибрахим Инал стал вести себя как независимый феодальный правитель.

В 1050 г., вернувшись из Закавказья и Малой Азии в Южный Иран, он поднял восстание против Тогрул-бека. Причиной

[1] Абу-л-Харис Арслан Бесасири происходил из г. Феса (Беса) провинции Фарс (165, IX, с. 272; 764, с. 19).

этой смуты явилось нежелание Ибрахима отдать султану Хамадан и ряд горных крепостей в Персидском Ираке (613, IX, с. 380). Ибрахим Инал стал подозревать своего везира Абу Али в интригах, способствовавших ухудшению его отношений с султаном. Везир был арестован и подвергнут зверским истязаниям: ему выкололи один глаз и отрезали губы. «Ибрахим, — пишет Ибн ал-Асир, — удалился от Тогрул-бека и собрал насколько можно из своих войск. Они сошлись (на поле битвы) и между (их) войсками произошло жестокое сражение. Ибрахим Инал был разбит и отступил» (613, IX, с. 380). Тогрул-бек захватил ряд принадлежавших Ибрахиму горных твердынь. Ибрахим укрепился в одной из крепостей, надеясь отсидеться за ее неприступными стенами. Отряды Ибрахима несколько раз делали вылазки против осаждавших крепость султанских войск, но были разбиты превосходящими силами Тогрул-бека. Потеряв надежду на спасение, Ибрахим вышел из крепости и сдался на милость победителя. Однако Тогрул-бек простил брата и вернул многое из отобранного им у Ибрахима Инала (613, IX, с. 380).

Мятеж Ибрахима Инала поставил перед султанской властью проблему борьбы с сепаратизмом влиятельной огузо-туркменской аристократии. После разгрома этого восстания Тогрул-бек начал раздавать завоеванные области в икта за военную службу. Интересно, что покоренные Ибрахимом горные районы султан отдал в 1050 г. в икта своим воинам (613, IX, с. 385). Раздача земель в икта за военную службу положила начало созданию армии нового типа. Постепенно на смену огузо-туркменским ополчениям, построенным по родо-племенному принципу, пришло постоянное феодальное войско. Воины-иктадары становились в непосредственную зависимость от султана, являвшегося верховным распорядителем всего фонда государственных земель (771).

Восстание Ибрахима Инала в 1059 г.

В 1059 г. Мухаммад Тогрул-бек ушел в Ниснбию, оставив в Синджаре войско под командованием эмиров Ардема и Байтегина. С уходом султанской армии Ибрахим Инал вновь поднял мятеж и двинулся к Хамадану. Ибн ал-Асир сообщает, что Ибрахиму удалось собрать много тюрок. Он открыто восстал против Тогрул-бека (165, IX, с. 267). Абу-л-Фарадж уточняет, что Ибрахим собрал большое войско из туркмен и огузов (566, с. 313). Ибрахим хотел, очевидно, захватить внезапно г. Хамадан (548, с. 39).

Готовясь к восстанию, он установил тайные связи с врагами Тогрул-бека: Арсланом Бесасири и фатимидским халифом Мустансиром (598, с. 15, 22; 586, с. 313). Ибрахиму Иналу, несомненно, сочувствовала часть феодалов Ирака. Во всяком случае, он издавна поддерживал хорошие отношения с аристократическими и купеческими слоями Мосула. Однажды местная знать и торговцы обратились к нему с просьбой избавить от чрезмерных требований огузских военачальников и оградить от конкуренции иранских купцов. Ибрахим Инал, являвшийся тогда правителем Мосула, весьма

благосклонно отнесся к их просьбам. Населению Мосула было объявлено об уменьшении размера податей с земледельцев. Горожанам был зачитан специальный указ об отмене пошлин с рыночных торговцев (586, с. 310). В этом отношении характерно также, что Ибрахим заступился в 1058 г. за жителей Синджара, поднявших восстание против Кутылмыша. Ибрахим просил Тогрул-бека помиловать население этого города, но султан жестоко расправился с повстанцами (598, с. 12, 13).

Известие о восстании Ибрахима Инала заставило Мухаммада Тогрул-бека вернуться из похода в Сирию и пойти к Хамадану. Султан больше всего опасался, что Ибрахим сумеет овладеть его казной (438, л. 103; 720, с. 21). Пока султанская армия двигалась к Хамадану, повстанцы сумели захватить часть территории современного Южного Ирана. Вскоре Тогрул-бек подошел к Хамадану, но не решался начать военные действия против восставших. Султан не имел достаточных сил для борьбы с многочисленными конными отрядами Ибрахима Инала. Поэтому Мухаммад Тогрул-бек обратился за помощью в Багдад, где находилась его жена-хатун с сельджукским войском, и в Хорасан — к сыновьям Дауда (165, IX, с. 269; 598, с. 15, 16). Дождавшись прибытия крупных подкреплений, султанское войско двинулось на Ибрахима Инала. Сражение произошло недалеко от Рея и окончилось победой Тогрул-бека. Ибрахим Инал бежал с поля битвы по направлению к горам Шахризура (586, с. 313), но когда лошадь Ибрахима устала, он был настигнут и взят в плен (598, с. 15, 16). Возможно, Ибрахим был выдан огузами, у которых пытался скрыться после своего поражения (586, с. 314). Тогрул-бек приказал удушить захваченного в плен Ибрахима тетивой его собственного лука (598, с. 16). Вместе с Ибрахимом были казнены его сподвижники—племянники Мухаммад и Ахмад, являвшиеся сыновьями Ирташа[1].

Мятеж Ибрахима Инала в 1059 г. был поддержан значительной частью подвластных Тогрул-беку огузов и туркмен. Главным образом это объясняется трудным положением, в котором оказались простые сельджукские воины, измученные лишениями и многолетними войнами. В 1056 г. начался страшный голод, охвативший огромную территорию от Ирака до Мавераннахра. Вслед за голодом последовала массовая эпидемия чумы, докатившаяся из Аравии до Бухары (586, с. 307, 308). Голод и болезни охватили также огузов и туркмен, находившихся в Иране и Ираке. Рядовые сельджукские воины массами гибли от голода и эпидемических болезней.

В глазах сельджукских племен Ибрахим был законным претендентом на власть. Ибрахим Инал, как говорилось, был сыном

[1] Абу-л-Фарадж утверждает, будто Ибрахим был убит огузами, у которых искал убежища после своего поражения. Огузы отрубили голову Ибрахиму и прислали ее в султанский лагерь. Голова Ибрахима якобы была надета на палку и выставлена у дворца Тогрул-бека (586, с. 314).

Юсуфа ибн Микаила, носившего титул «инанч-байгу»[1]. Поэтому в случае успеха он рассчитывал провозгласить себя султаном (299, с. 524). Восстание Ибрахима Инала было подавлено Мухаммадом Тогрул-бёком с большим трудом благодаря военной помощи сельджукидов Хорасана.

Сельджукские завоевания способствовали обогащению огузской и туркменской знати, но принесли незначительные выгоды простым воинам. Попавшая в их руки добыча была мизерной по сравнению с теми богатствами, которыми завладела их военно-племенная аристократия. Завоевательные войны сельджукидов лишь отчасти удовлетворили нужду рядовых огузов и туркмен в земельных угодьях, необходимых для ведения экстенсивного скотоводства. В территориальных захватах в первую очередь была заинтересована богатая кочевая знать, владевшая огромными поголовьями скота. Сельджукские завоевания для простых воинов являлись больше разорительной повинностью, чем средством легкого обогащения. В дальних походах огузские и туркменские ополчения испытывали большие трудности, несли огромные жертвы, терпели всяческие лишения. Туркмены в одной только битве с курдами на реке Хабор потеряли несколько тысяч человек убитыми (586, с. 327). Рядовые сельджукские воины теряли в сражениях и междоусобицах свои жизни, лишались имущества и скота (589, с. 29; 586, с. 328; 613, X, с. 13, 14). Поэтому они нередко бежали от своих вождей, как, например, в 1052 г. во время похода Тогрулбека в Шираз (613, IX, с. 401).

Трудности дальних походов, нехватка продовольствия и фуража в условиях почти непрерывных военных действий вызывали ропот и волнения среди простых воинов. В 50-х годах XI в. их массовое недовольство было использовано Ибрахимом Иналом, организовавшим сепаратистское движение против центральной власти. Однако это восстание, как мы видим, потерпело неудачу, а сам Ибрахим был казнен. Подавление этого мятежа имело важные последствия для дальнейшей истории сельджукского государства, его военной системы. Феодализирующаяся верхушка быстро поняла, что иррегулярные ополчения из огузов и туркмен не являются прочной военной опорой. Ведение широкой завоевательной политики и осуществление прочного господства над покоренными странами вызвали необходимость создания армии нового типа. Поэтому на смену родо-племенным сельджукским ополчениям вскоре пришло постоянное феодальное войско, получавшее за службу иктовые наделы и военное жалованье.

Сельджукские завоевания середины XI в. способствовали усилению классового антагонистического расслоения в огузо-туркменской среде. Массовые переселения стимулировали дальнейший

[1] Сам Ибрахим помимо титула «инал» имел почетный лакаб «сайф ад-даула» (586, с. 310—312; 283, с. 407).

распад патриархально-родовых институтов, содействовали замене их хозяйственно-территориальными связями. Завоевательные войны привели к укреплению власти господствующей знати над массой рядовых общинников. В значительной мере этому способствовала практиковавшаяся сельджукидами удельная система раздела покоренных стран между членами правящей династии (649, с. 60). Покоренные области в ряде случаев были даны им в наследственную собственность (мильк), а в других — на правах икгадаров (649, с. 60). Благодаря подобной системе распределения земельных владений сельджукская империя являлась государством нового типа по сравнению с централизованной державой газневидов. Объективное развитие этой системы, введение практики широкой раздачи иктовых наделов способствовали возникновению иерархии вассальных отношений. Дальнейшее развитие феодальных институтов при сельджукидах привело к сепаратистским тенденциям и стимулировало постепенный распад империи. Передача крупных провинций и областей в управление членам правящей фамилии способствовала появлению различных ветвей сельджукидской династии в странах Востока. Пока сельджукская империя находилась в расцвете сил, эти провинциальные ветви признавали сюзеренитет верховного султана. Однако по мере роста феодальных центробежных сил, ослабивших мощь сельджукского государства, они постепенно обособились и стали фактически независимыми правителями.

Исторические факты о сельджукских завоеваниях середины XI в. позволяют говорить о дальнейшем процессе феодализации, происходившем в огузо-туркменской среде. Завоевательные походы способствовали обогащению сельджукидской знати и росту ее экономического могущества. Высшая аристократия огузов и туркмен начала сближаться с местными феодальными кругами и постепенно отходить от традиций кочевого быта. Опираясь на поддержку этих кругов, сельджукские вожди основали в XI—XIII вв. ряд полузависимых и самостоятельных владений (526; 533; 720; 744; 741; 678). В созданных ими феодальных княжествах широкое распространение получил институт икта (721; 509; 636). Сельджукская аристократия получила возможность эксплуатировать труд местных крестьян, ремесленников, пользоваться доходами с выделенных ей наделов. Все это способствовало росту политической и экономической мощи огузских и туркменских предводителей, становившихся типичными представителями феодального класса средневекового Востока. Огузо-туркменские вожди, находившиеся в подчинении сельджукидов, принимали участие в распределении пастбищных угодий между простыми соплеменниками. Рядовая масса непосредственных производителей тем самым все больше оказывалась в зависимости от сельджукской знати. Постепенно она фактически была превращена в обычных подданных (раийатов), обязанных уплачивать налоги.

Сельджукидам, таким образом, удалось подчинить значительную массу свободных общинников, что в прежних исторических условиях оказалось фактически не под силу огузским ябгу.

Феодальный институт икта

Благодаря сельджукским завоеваниям огузская и туркменская знать превратилась в крупных владельцев огромных богатств и земельных наделов. Насири Хосров указывает, что сельджукские вожди захватили в свои руки все «бразды правления народом» (304, с. 380). В другом стихотворении поэт замечает, что они быстро превратились из «неимущих бродяг» в крупных ханов (304, с. 329). Обращает на себя внимание и то, что огузские племена конца XI в. называли ираноязычное население Хорасана «татами» (522, с. 198). В этом наименовании можно видеть отражение старой традиции эпохи тюркского каганата, где татами называли «общины оседлых данников» (422, с. 264).

В результате обширных завоеваний XI в. сельджукская правящая аристократия получила целые области и провинции в качестве икта и милька (613, X, с. 45; 281, с. 16—60). Иктовые наделы были даны и простым воинам, служившим в отрядах наследных принцев и близких родичей сельджукидов (622, с. 159, 160). Туркменские и огузские ополчения, несшие пограничную службу, получили в икта множество крепостей с прилегающими к ним обрабатываемыми землями и пастбищами (622, с. 51). В ряде пограничных областей знатным туркменским и огузским вождям предоставили земли в наследственную собственность (161, с. 29; 720, с. 38).

Раздача сельджукскими правителями икта своим воинам за службу началась в середине XI в. в ходе завоевания ими стран Ближнего и Среднего Востока. Эта практика была введена еще при Тогрул-беке (1017—1063), который стал отдавать целые области в икта своим воинам, а также вассальным эмирам (613, XI, с. 385). Однако при Тогрул-беке дарение воинам икта не приобрело еще массового характера. В дальнейшем распространении этого феодального института важную роль сыграла реформа Низам аль-Мулька — видного государственного деятеля, везира Алп-Арслана (1063—1072) и Меликшаха (1072—1092). Имад ад-Дин Исфахани сообщает, что Низам аль-Мульк провел во второй половине XI в. реформу, положившую начало массовой раздаче воинам земель на правах иктадаров. Сущность ее заключалась в том, что если раньше государство выплачивало жалованье солдатам из казны, то теперь взамен этого стали раздавать им земли. «Он (Низам аль-Мульк), — пишет Имад ад-Дин, — распределил земли между воинами, отдав их (им) в икта и сделал (эти земли) источником (их) доходов» (598, с. 58). Имад ад-Дин Исфахани при этом отмечает, что причиной реформы послужили общая разруха и массовые эпидемические болезни, в результате

чего урожай не собирался и казна оскудела[1]. Имад ад-Дин указывает, что Низам аль-Мульк давал земли тем, у кого не было икта (598, с. 58). Таким образом, вопреки утверждению некоторых зарубежных историков, так называемое «военное икта» существовало до отмеченной реформы (ср. 508, с. 243).

Реформа Низам ал-Мулька сыграла благоприятную роль в подъеме сельского хозяйства державы сельджукидов (598, с. 58). Дарение наделов в икта воинам, а также гражданским чиновникам способствовало увеличению доходов с земледелия и ремесла. Иктадар был заинтересован в росте объема сельскохозяйственной продукции в отданном ему (либо числившемся за ним) владении. Между тем прежняя «концентрация провинции под управлением государственного дивана порождала равнодушие и, следовательно, разорение страны» (509, с. 216, 217).

Однако рассматриваемый феодальный институт таил в себе потенциальную опасность для центральной власти. По мере роста экономической мощи особенно крупных иктадаров усиливались их сепаратистские действия. Видимо поэтому уже Низам ал-Мульк нередко предоставлял воину икта или ренту с пожалованного ему надела в разных уголках обширной державы сельджукидов. Низам ал-Мульк, по словам Садр ад-Дина Хусейни, назначил для каждого воина икта в размере одной тысячи динаров: половина этой суммы поступала из самаркандских, а другая — из румских (малоазиатских) доходов (727, с. 46). «Низам аль-Мульк, — пишет Имад ад-Дин, — иногда делал так: кому-либо из солдат назначал ежегодное жалованье в тысячу динаров и половину этих (денег) выписывал (ему) для выдачи из налогов одной из областей Рума (Малой Азии), а другую половину — из находящейся в конце Хорасана области» (598, с. 58). В этом отношении интересны также свидетельства Захир ад-Дина Нишапури и других средневековых авторов, которые пишут, что воины Меликшаха, постоянно служившие «при его стремени», имели икта, разбросанные в различных областях сельджукской империи (161, с. 32; 720, с. 47).

В XI—XIII вв. существовало несколько категорий икта, подразделявшихся на крупные, средние и мелкие наделы[2]. Одной из наиболее распространенных форм было «военное икта», которое в источниках обычно называется «иктаат-и хашам» (48; 49; 161; 720). Большинство туркмен и огузов, подвластных сельджукидам,

[1] В другом месте своего труда Исфахани рассказывает о вспыхнувшем в 1076 г. сильном голоде, который был вызван засухой и недородом. Абу-л-Фарадж сообщает, что в 1076 г. начался голод, сопровождавшийся эпидемией чумы, в Сирии. Эта страшная эпидемия, повторившаяся в 1085 г. в Сирии, охватила Иран и другие страны Востока (598, с. 51; 586, с. 327).

[2] В нашу задачу не входит освещение всех категорий икта, существовавших в XI—XII вв., поскольку на этот счет имеются специальные исследования (531; 608; 649). Основное внимание нами уделяется «военному икта», получившему в эту пору распространение среди огузов и туркмен, находившихся на службе у сельджукидов.

получило именно такого рода иктовые наделы. Сельджукские военачальники, получившие икта, вероятно, делили их на части между подчиненными им солдатами (531, с. 45).

В исследуемую пору существовало несколько видов иктаат-и хашам, состоявших из условных держаний, пожизненных и наследственных владений. Однако последними двумя типами икта владела главным образом крупная знать, особенно члены правящей династии сельджукидов. В руках простых воинов имелось ничтожно малое количество ставших наследственными иктовых наделов (531, с. 48).

Иктовые наделы давались в зависимости от знатности, военного ранга и различных заслуг. Передача земли в икта оформлялась специальной грамотой, в которой обычно указывались статут иктадара и стоимость надела в денежном выражении. Эта стоимость определялась доходностью того или иного земельного и другого отданного в икта владения (ср. 727). В документах XII в. стоимость иктовых наделов определяется в пределах от 2000 до 30000 динаров (608, с. 63). Очевидно, в эту сумму входило также натуральное довольствие, в основном зерно. Сельджукидские ферманы XII в. часто упоминают о даровании военным и другим лицам «икта и куска хлеба». Большой интерес в этом отношении представляет одна из грамот Санджара, в которой содержатся весьма ценные сведения о иктадарах Гургана. «Приказываем, чтобы каждый, кто имеет икта и кусок хлеба (нан паре), — сказано в этом указе,—и состоит на нашей постоянной службе, (пусть) утвердят за ним его старое икта и ни у кого (из них) не оспаривают (его икта). Каждый (из них) пусть довольствуется тем, что имеет; (пусть он) усилит свои старания в службе и подчинении, чтобы мы прибавили (ему) инамы и икта, а каждый (из) отпущенных (воинов), кто исключен (из реестровых списков) после похода в Мавераннахр, (пусть его) включат (в списки воинов) нашего личного дивана. Пусть без фермана и государева указа не дают никому ни мана зерна и ни одного золотого динара, чтобы после этого, когда все войско (хашам) придет на службу, то каждому (из них) дали в полагающемся (ему) размере то, что окажется необходимым из излишков икта» (281, с. 68, 69).

Данные сельджукских грамот показывают, что под «нан паре» подразумевается натуральное и денежное содержание для военных лиц (608, с. 86). Очевидно, понятию «икта и кусок хлеба»[1] соответствует «икта и кормление», фигурирующее в средневековых нарративных источниках (161, с. 31; 720, с. 47). В документах XII в., кроме того, говорится о жалованье, называемом чаще всего «маваджиб», которое выдавалось сельджукскому вой-

[1] В этой связи можно отметить, что при мамлюкских султанах Египта существовал вид икта под названием «хлеб» (خبز). Согласно Нувайри и Ибн Тагриберди, это были земельные наделы, дававшиеся за военную службу (482, с. 16; 602, I, с. 159).

ску. Такого рода жалованье фактически являлось условной формой военного икта (608, с. 86). В этом случае, вероятно, представлялась рента[1] с числившегося за военным лицом иктового надела (509, с. 208). Сельджукские воины, находясь в дальних походах, получали в качестве жалованья фураж и средства на пропитание в счет доходов с отданных им в наделы земель (622, с. 158). Эти средства брались из казны либо бюджета тех областей, куда они направлялись. Именно поэтому ариз (инспектор армейского управления) вел строгий учет передвижениям военных отрядов (161, с. 53; 720, с. 107).

Иктадары, или мукта, должны были являться со своими людьми на военную службу в полном боевом вооружении (281, с. 158—162). Имена получивших иктовые наделы военных были занесены в специальные реестры войскового управления «диван-и арз»[2]. Другая часть воинов числилась в списках так называемого «личного» дивана верховного государя (281, с. 69).

Периодически устраивались боевые смотры, велся учет выбывших из строя и переставших служить воинов и на этом основании вносились уточнения в армейские реестры (388, с. 106; 161, с. 53). Солдаты, исключенные по каким-либо причинам из этих списков, нередко участвовали в смутах и волнениях (281, с. 67—69). Войсковые дефтеры фиксировали отданные в икта наделы и размеры причитающихся с них доходов. В этих списках были также указаны размеры натурального и денежного жалованья военных лиц (608, с. 39—41).

Мукта обычно собирали налоги с раийата — крестьян и ремесленников, живших на территории отданных им в икта земель (388, с. 34). В документах XII в. говорится, что иктадары взимали со своих подданных различные виды налогов и поборов (русум). Одна из таких грамот увещевает мукта, чтобы они «не претендовали на излишки (при сборе) налогов и не изобретали (новых) сборов» (281, с. 69). Подобного рода предупреждения иктадарам свидетельствуют о фактическом превышении ими размера налогов, что доводило крестьян до разорения. В этом отношении характерно также показание одного из ферманов Санджара на имя правителя области Гурган. «Каждому, — говорится в этой грамоте, — кто находится на службе, пусть он (правитель) утвердит за ним его икта по старому законному (праву). Если же кто-нибудь будет захватывать и расширять (свои права) и без разрешения (нашего) брата Изд ад-Дина и без нашего фермана возьмет больше того, что ему нами позволено, (то пусть) он (правитель) взыщет обратно» (281, с. 70).

---

[1] Подобные иктовые держания имелись при мамлюках Египта. «Среди икта, — пишет историк Калкашанди, — бывают пожалования только денежных доходов, которые собираются с некоторых мест» (329, с. 186).

[2] См. о функциях и организационной структуре этого дивана в исследованиях А. Эгбала и Г. Хорста (569; 608).

Феодальный институт икта, как мы видим, получил широкое распространение в XI—XII вв. Общая тенденция процесса развития икта характеризуется перерастанием держания типа бенефиция в наследственную собственность, близкую к западноевропейскому аллоду (332, с. 256 и след.). Подобные явления наблюдались еще в досельджукскую пору[1], но они не имели всеобщего характера (531, с. 25—52). В середине XI в. в странах халифата также существовало наследственное икта, хотя юридически эта практика считалась незаконной (571).

Дальнейший процесс все большей трансформации икта в частную собственность наблюдается при буидах, сельджукидах, хорезмшахах. В XI в., например, в Сирии в правление туркменской династии зенгидов иктовые наделы не только знатных, но и простых воинов стали передаваться по наследству (387, с. 40; 509, с. 206). Сельджукидские и хорезмшахские правители были просто бессильны противостоять этой приобретавшей все большее распространение практике. Иктадары постепенно обрели права не только на землю, но и на живших на ней раййатов. Особенно большими иммунитетными правами обладали могущественные иктадары, члены правящей династии и вассальные управители областей и провинций. Ферманы султана Санджара свидетельствуют о том, что крупные иктадары по существу были полновластными хозяевами в пожалованных им икта. В грамоте, выданной на имя правителя Мазандерана исфахбеда Серадж ад-Дина, говорится: «В соответствии с указом, да будет вечным (его) действие, приказываем, чтобы каждый наш наиб (заместитель) и представитель (гомаште), который прибывает в этот вилайет (Мазандеран), считал икта Серадж ад-Дина, пожалованное (ему) высочайшим царским указом, бесспорным и в том (икта) не управлял и не дозволял вмешательства» (281, с. 74). Грамоты хорезмшахов конца XII—начала XIII в. также говорят о росте могущества крупных мукта, пользовавшихся не только фискальным, но и административным иммунитетом (88, с. 30—38).

Развитие феодального института икта в XI—XII вв. способствовало превращению весьма значительного слоя мукта в наследственных собственников земли. Среди этих феодалов имелось немало представителей туркменской и огузской аристократии. Практика раздачи иктовых наделов вполне импонировала эксплуататорским интересам сельджукской патриархально-феодальной знати. Обретшая крупные икта туркменская и огузская верхушка получала доходы не только от кочевого хозяйства, но и земледельческой и ремесленной продукции своих наделов. Это способствова-

[1] Мухаммад Хорезми свидетельствует, что в X в. икта передавалось в наследство в отличие от «тума» — пожизненного кормления (479, с. 88, 89).

ло обогащению сельджукской аристократии, росту ее экономической и политической мощи.

Огузы и туркмены Средней Азии в XI—XII вв.

Сельджукские завоевания способствовали уходу большой массы огузов и туркмен в Переднюю и Малую Азию (318; 599; 528; 744; 745). Несмотря на миграцию в страны Ближнего и Среднего Востока, в Закавказье и Малую Азию, значительная часть огузов и туркмен осталась в пределах Средней Азии. Во второй половине XI в. отдельные группы огузских племен обитали на территории нынешнего Западного и Южного Казахстана, где они жили вперемешку с кыпчаками. Карта Махмуда Кашгарского указывает на жилища огузов и кыпчаков к юго-востоку от Каспийского моря (266, I, с. 28). Места обитания огузов на этом атласе отмечены также в предгорьях Каратау, называемых «гора Карачык»[1]. Огузскими городами Махмуд Кашгарский называет Сюткент, Карачык, Сыгнак и Карнак[2]. Согласно «Диван лугат ат-тюрк», огузы жили также на Мангышлаке (266, I, с. 387). Огузы Северного Прикаспия, Сыр-Дарьи и Приаралья представляли собой относительно небольшие, но компактные группы. Это были остатки былой орды кочевых и полуоседлых огузов, некогда входивших в состав державы сырдарьинских ябгу. Они находились уже в зависимости от сельджукидских правителей Хорасана, половецких вождей Дешти Кыпчака и караханидов Мавераннахра. В 60-х годах XI в. значительная часть сырдарьинских огузов, вероятно, подчинилась сельджукидам. Около 1065 г. султан Алп-Арслан совершил поход на Дженд и Сабран, которые сдались без сопротивления. «Когда он (Алп-Арслан), — пишет Ибн ал-Асир, — переправился через реку, его встретил правитель (малик) Дженда, выразил ему покорность и преподнес большие подарки. Алп-Арслан ничего не изменил в его правах: он утвердил за ним то, что было в его руках, и после того, как почтил его и оказал ему свои милости, возвратился от него, прибыл в Гургандж Хорезмский, а оттуда направился в Мерв» (265, с. 374).

Султан Алп-Арслан до покорения Дженда совершил поход из Хорезма в близлежащие полупустыни Мангышлака. В 1065 г. сельджукское войско направилось из Гургенджа против Кыфшата

---

[1] Т. Бангуоглу, полагает, что на карте Махмуда Кашгарского под названием «страна огузов» подразумевается долина Сыр-Дарьи вплоть до Аральского моря (498, с. 12).

[2] Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич утверждают, что Карнак соответствует развалинам Садык-Ата; лежащим недалеко от железнодорожной станции Сауран (28, с. 104, 105). Однако старое городище под названием Карнак расположено в 25 км к северу от города Туркестана, в центре поселка Атабай. Подъемный керамический материал, собранный нами совместно с А. А. Марущенко в 1961 г., свидетельствует о функционировании Карнака в XI—XIII вв. Сведения о Карнаке и Карачыке содержатся в русских источниках XVII—XVIII вв. (264, с. 236; 187, с. 28; 140, с. 110).

и Джази. Алп-Арслан осадил Кыфшата, засевшего в крепости Мангышлак (727, с. 28). Кыфшат вынужден был сдаться и изъявил покорность сельджукидам[1]. Алп-Арслан, очевидно, напал затем на Джази и разгромил его тридцатитысячное войско (692, с. 90—92).

Зимой 1065 г. сельджукская армия двинулась из Хорезма в поход на Дженд. Местный правитель послал свою мать для заключения мира с султаном. В дар Алп-Арслану он прислал породистых лошадей, шкурки булгарских бобров, татарских гулямов и другие подарки. Султан согласился признать правителя Дженда своим вассалом и оставил за ним его владение (692, с. 94, 95). Покорив Дженд, Алп-Арслан совершил отсюда поход на Сабран и подчинил его своей власти. Султан вернулся затем в Ургенч и назначил Арслана-Аргуна управителем Хорезма (727, с. 28).

В результате военной кампании 1065 г. часть огузов и туркмен нижнего и среднего течения Сыр-Дарьи перешла под власть сельджукидов Хорасана. Огузы и туркмены, жившие в Мавераннахре, оказались в зависимости от караханидов и хорезмшахов[2]. В XII в. группа туркмен жила в пригороде Байкенда (537, с. 27, 28), а часть огузов служила в войске караханидских правителей Самарканда (613, XI, с. 54); они подразделялись на две группы, одна из которых называлась учук, а другая — бузук (165, XI, с. 38; ср. 748, II, с. 907). Огузские племена Мавераннахра, испытывавшие недостаток в пастбищах, нередко откочевывали в пределы Хорезма. Атсыз в своем письме огузскому вождю Тути-беку писал: «Всякий раз, когда (какое-нибудь) племя из связанных с богохранимой стороной и других видов войска гузов (хашам) Хорасана и Мавераннахра оказывались в печальном положении, они вследствие уверенности в милосердии и должном внимании этой стороны приходили в область Хорезм» (765, с. 29).

Передвижения сырдарьинских туркмен в XII в.

В XII в. остатки огузов и туркмен среднего течения Сыр-Дарьи и предгорий Каратау оказались в водовороте крупных миграций. В «Машайих-и тюрк» Наср ад-Дин Маргинани говорится, что при Ахмеде Ясави два туркменских племени (акманы и караманы) обитали в Туркестане. Маргинани отмечает, что акманы и караманы убили сына Ходжи Ахмеда, за что были прокляты этим «святым» шейхом (757, с. 316—318; 773, с. 311). Туркмены оставили после этого Туркестан и ушли в соседние области.

Различные варианты легенды о караманах и акманах до сих пор широко бытуют среди туркмен. В преданиях туркмен-абдалов

[1] В «Раузат-ас-сафа» утверждается, что сельджуки вначале разгромили войско Джази. Лишь после этого Кыфшат выразил покорность Алп-Арслану, который, «не предав его вилайет набегу, ушел в Хорезм» (692, с. 90—92).

[2] Следует заметить, что одни средневековые историки утверждают, будто хорезмшахи происходили из огузского племени бекдили, а другие говорят о их родстве с канглы и кыпчаками (625, с. 538, 539).

рассказывается, что некогда в Туркестане жили два брата: Акман и Караман. Братья происходили из абдалов, которые уплачивали дань Ахмеду Ясави. Акман и Караман решили избавить свой народ от притеснений этого святоши. Они зарезали корову и подбросили ее в мечеть Ходжи Ахмеда, обвинив его в краже. Ахмед Ясави разгневался на братьев и проклял их. Акман и Караман превратились в собак и начали пожирать сородичей. Абдалы вынуждены были спасаться бегством и ушли на полуостров Мангышлак (136; 138).

Аналогичные исторические легенды записаны нами среди жителей Южно-Казахстанской области. Информаторы из местных туркмен сообщают, что при Ахмеде Ясави акманы и караманы населяли среднее течение Сыр-Дарьи[1]. Они жили близ города Туркестана, в местностях под названием Чой-Тепе и Кул-Тепе. Потомки акманов, живущие сейчас в Шаш-Тюбе, близ поселка Атабай, считаются выходцами из Саурана[2]. Местные старики рассказывают, что караманы покинули Туркестан в результате вражды с Ходжой Ахмедом. Ссора произошла из-за отказа этого «святого» дать воду для орошения полей акманов и караманов. Ходжа Ахмед проклял их за клевету, и они превратились в собак-людоедов. Караманы и акманы вынуждены были оставить свои земли и бежать из Туркестана[3].

Среди части нуратинских туркмен существует предание, что они являются потомками Акмана и Карамана. В далекие времена туркмены племен караман и акман кочевали в окрестностях города Туркестана. Однажды пропал конь из табунов Ахмеда Ясави, который заподозрил туркмен в краже. В ответ на это акманы и караманы подбросили лошадь в конюшню этого святого и обвинили его в хищении коня. Ходжа приказал выгнать туркмен из пределов Туркестана. Акманы и караманы ушли через Кызылкумы и осели в Нуратинских горах (420, с. 95, 96). В других версиях этой легенды отмечается, что Акман и Караман были родом из туркмен-теке[4]. Они собирали налоги с туркменских племен, живших в Туркестане. Акман и Караман решили заставить платить налоги и самого Ахмеда Ясави. Братья зарезали лошадь

---

[1] Записано со слов Салахаддина Рахматкулова (62 года) и Маннана Перман-Кули (60 лет) из поселка Шаш-Тюбе.

[2] Записано со слов Мухаммадхана Мансурова (89 лет) из сельсовета Атабай.

[3] Записано со слов Тохта Хальфы (90 лет)—жителя города Туркестана.

[4] Информаторы из туркмен-теке современной Южно-Казахстанской области рассказывают, что их предки во времена Ахмеда Ясави населяли город Туркестан. Теке несли обязанности городских привратников и поэтому назывались дарвазалык. Спустя некоторое время они ушли отсюда и поселились близ родника Карачык. Туркмены-теке вырыли здесь каналы и начали заниматься обработкой земли. Потомки этих туркмен живут сейчас в Туркестанском районе, в колхозе им. Крупской. (Записано со слов местных старожилов: Мамедова Карима, Хоматова Атахана и Алиярова Абдуллы).

и положили ее тушу в мечеть «святого» ходжи. Ахмед Ясави обратил их в злых собак, набросившихся на собственный народ. Туркмены, преследуемые собаками, бежали из пределов Туркестана (ср. 148, с. 480).

Рассматриваемые исторические предания и легенды говорят о крупных миграциях туркмен, ушедших из предгорий Каратау и среднего течения Сыр-Дарьи в Нуратинские горы, Мангышлак и Хорасан. Среди этих туркменских племен упоминаются акманы, карáманы, теке, човдуры и йомуды. Народные легенды относят эти события к периоду жизни Ахмеда Ясави. Ранняя биография этого мусульманского «святого» является предметом споров (676; 677). Достоверно известно лишь, что он скончался во второй половине XII в. Очевидно, миграция туркменских племен из Туркестана произошла в середине указанного столетия.

В исследуемых преданиях говорится о собаках, которые преследовали туркмен, бежавших из сырдарьинских областей. Культ собаки имел широкое распространение среди тюрко-монгольских народов эпохи средневековья. Собака почиталась также племенами киданей, потомки которых основали в XII в. обширную державу кара-китаев (100, с. 190). В 1137 г. правители кара-китаев разбили у Ходжента войска Махмуд-хана из династии караханидов (284, с. 292—505). Спустя пять лет они нанесли жестокое поражение армии Санджара в битве при Катаване[1]. Очевидно, экспансия кара-китаев способствовала уходу туркмен из пределов Туркестана. В пользу этого мнения говорит свидетельство автора XIV в. Зеркуба Ширази. Рассказывая о событиях 1145 г., он пишет, что «волны туркмен» хлынули в Хорасан и Фарс из областей кыпчаков (163, л. 63; 4, с. 48).

Туркмены Хорасана, Гургана и Дехистана

В XI—XII вв. значительная масса туркмен, подвластных сельджукидам, обитала в пределах Хорасана, Гургана и Дехистана. Туркменские племена жили в Хаверанской, Мервской и других областях (9, с. 28; 413, с. 79). В указах султана Санджара (1118—1153) отмечается, что туркмены населяли Джурджан, Шахристан, Дехистан и сопредельные районы (177, л. 11—12; 281, с. 81—85). В этих документах говорится также о «язычниках», которые жили в области Дехистана и в степях Мангышлака. Грамоты предписывают наместнику и управителю Гургана[2] вести с ними решительную и непрестанную войну (281, с. 19). В документах говорится, что при этом наместнике имелись войска Хорасана, Ирака

[1] Рассказы об этих событиях приведены в трудах Ибн ал-Асира (165, XI, с. 37—40), Садр ад-Дина Хусейни (727, с. 65 и след.), Низами Арузи Самарканди (536, с. 26 и след.), Мухаммада Язди (548, с. 97 и след.) и других средневековых историков.

[2] Как видно из грамоты, он был назначен управителем Гургана, Табаристана, Дехистана, Бистама и Дамгана (281, с. 16—21).

В грамоте отмечается, что он был сыном одного из знатных военачальников — эмира Мухаммада Йол-Абы, который был до него управителем области Гурган (281, с. 17).

и Мазандерана во главе со своими предводителями; указ вменяет в обязанность последним беспрекословно подчиняться наместнику Гургана. Ферман, к сожалению, не датирован и в нем не уточняется, кто были те «неверные», которые обитали в Дехистане и представляли опасность для западных границ Хорасана. Скорее всего это были степные племена, находившиеся в политической зависимости от кыпчаков. Против них, как видно из данной грамоты, сельджукиды направили большие военные силы. Основное ядро этого войска, очевидно, состояло из туркмен, которые были поселены в Гургане и Дехистане в качестве заслона от нападений на Хорасан со стороны Балхан и Мангышлака. Любопытно отметить, что в дальнейших грамотах Санджара указывается, что салары и эмиры Мангышлака подчинялись управителю (шихне) Гургана и Дехистана (281, с. 85). Сельджукидам, несомненно, удалось покорить тех «язычников», которые обитали на Мангышлаке.

Исследуемые документы содержат также весьма интересные сведения о кочевых и полукочевых тюрках Хорасана и сопредельных областей. В одном из указов о назначении эмира Тадж ад-Дина[1] управителем Мазандерана, Гургана, Дехистана, Астрабада, Бистама и Джулфадегана упоминается о воинах и райятах из тюрок, живших в этих областях[2]. «Все люди тех областей,— говорится в документе, — из благородных и простых солдат и подданных (сипахи ва раийат) — тюрки и тазики — (пусть) следуют повелениям (сего) указа» (281, с. 26). В другом, по-видимому, более раннем документе о назначении в качестве наместника области Мазандеран эмира Инанч Бильге Сува-бека сказано, что ему и его наибам поручается также управление «райятом города Гургана и его окрестностей из тюрок и тазиков — оседлых и жителей пустынь»[3]. Ферман предписывает этому управителю назначить «шихне» над подданными данной области. Грамота вменяет в обязанность всем эмирам, раисам, почтенным и уважаемым людям Мазандерана из светской и духовной знати, а также всему райяту волости Гурган и окрестных селений заниматься каждому своим прежним делом и слушаться приказов Инанч Бильге (281, с. 15, 16).

Важные подробности об оседлых и кочевых группах населения Гургана и соседних с ним областей содержатся в фермане, выданном на имя Тадж ад-Дина. «Классы подданных, — говорится в

[1] В другой грамоте упоминается Тадж ад-Дин Абу-л-Мукаррам Ахмад ибн Аббас ибн Ахмад, который происходил из рода потомственных наместников Мазандерана (281, с. 27).

[2] Тюрки упоминаются в качестве воинов и райятов и в других областях: в Серахсе, Нишапуре, Рее. Документы XII в. отличают войско из тюрок и тюрок-райятов от их знати, к которым султаны нередко обращаются за помощью (281, с. 30, 31, 41, 55, 59). Следует также отметить, что поэт Муиззи называет воинов Санджара «тюрками» (284, с. 749).

[3] رعایا شهر گرگان و نواحی آنرا از ترک و تازیک حضری و بلوی

указе, — из (жителей) пустынь, горожан, оседлых и кочевников[1] (пусть) уплачивают своевременно налоги в диван (наместника): харадж (поземельный налог), ушр (одну десятую часть), налоги за пастбища и другие (подати и налоги)». Далее в фермане указывается, что чиновники Тадж ад-Дина не должны самовольно увеличивать размеры налогов с жителей Мазандерана, Гургана, Дехистана, Астрабада, Бистама и Джулфадегана. При этом в документе отмечается, что наместник указанных областей обязан «охранять их имения, земли, четвероногих (чахарпай) и крупный рогатый скот от приказов, (вызывающих) протест, и неуместных принуждений и назначить со своей стороны почтенного заведующего поземельным налогом (сахиб-и харадж), чтобы налоговые правила (канун-и харадж) были в его руках» (281, с. 23).

Приведенные данные проливают свет на положение кочевого и полукочевого «тюркского» населения Гургана, Дехистана, Бистама, Астрабада. Скорее всего под этими «тюрками» сельджукские документы XII в. подразумевают туркмен. Ведь некоторые из исследуемых грамот прямо свидетельствуют о расселении туркмен в указанных областях. Эти туркменские племена вели кочевой и полукочевой образ жизни и поэтому называются «людьми пустыни» и «обитателями степей». Местные туркмены, основным занятием которых было скотоводство, уплачивали сельджукидским наместникам специальный «налог за пастбища».

В XI—XII вв. в Хорасане и Гургане наряду с кочевым, вероятно, имелось и оседлое туркменское население. Ферман, выданный на имя Инанч Бильге Сува-бека, упоминает «оседлых и жителей пустынь из тюрок и тазиков». Разумеется, данный текст еще недостаточен для твердых выводов, поскольку его можно истолковать по-разному. Однако в источниках XII в. имеются прямые свидетельства о тюрках, ведших оседлую жизнь. Ибн Фундук в своем историческом труде рассказывает, что в XII в. в городах и селениях Хорасана обитали потомки тюрок. Множество тюрок населяло области Нишапура, Бейхака, а среди них были даже заимы—старосты деревень (9, с. 162). Следовательно, можно предположить, что в XI—XII вв. часть туркмен Хорасана и сопредельных областей перешла к оседлости. Однако по сравнению с кочевыми и полукочевыми туркменами это были незначительные группы земледельцев.

Процесс оседания туркмен в Хорасане и сопредельных областях был тесно связан с их дальнейшим социальным расслоением, а также с феодальным институтом икта. Туркменские воины, как говорилось, получали в икта земельные наделы или же ренту

---

[1] Большой интерес в этом аспекте представляет также грамота о назначении шихне над туркменами Гургана, где употреблены термины «люди пустыни» (ахл-и барр) и «жители степей» (мукиман-и сахра); можно предположить, что под первыми подразумеваются кочевники, а под вторыми — полукочевое население (281, с. 23—31).

с записанных за ними в армейских реестрах деревень и городов. Особенно крупные иктовые владения достались высшей аристократической знати сельджукских племен. Мукта, не принимавшие регулярного участия в длительных походах, вероятно, с течением времени укрепились и осели на пожалованных им землях. Очевидно, к их числу следует прежде всего отнести иктадаров, передававших по наследству пожалованные им наделы.

Институт шихне и его сущность

Туркменские племена Хорасана, Гургана и Дехистана в XII в. управлялись своими вождями, над которыми сельджукидское правительство назначало так называемых шихне. В зарубежной историографии распространено мнение о том, что шихне являлись начальниками гарнизонов или военными губернаторами. К. Каэн в одной из своих ранних статей[1] писал, что шихне — это военный губернатор (527, с. 94). В совместной работе К. Каэна и В. Ф. Минорского отмечается существование в XII в. военных шихне (683, с. 113). Ж. Соваже понимает термин «шихне» в значении «государственный уполномоченный в командовании гарнизоном и управлении городом» (733, с. 114). Однако подобное определение значения термина «шихне» является весьма сомнительным (388, с. 313).

В XII в. при сельджукидах шихне являлись блюстителями порядка (608, с. 159—161). Аналогичную роль они играли и в XI в. при газневидах. Абу-л-Фазл Бейхаки, например, сообщает о назначении эмиром Масудом Газневи некоего Хасана Сулеймана в качестве шихне Рея. Причем Бейхаки говорит, что этот шихне получил от Масуда пояс в 500 мискалей золотом (6, с. 24). Шихне, как указывается в «Тарих-и Масуди», имел в своем распоряжении военный отряд. Газневидские правители назначали повсюду специальных шихне для того, чтобы «не было беспорядков» (6, с. 24). Отсюда видно, что в царствование Масуда Газневи шихне имели «полицейские» функции. На это указывает также Ибн Фундук, который пишет, что одна старуха пожаловалась Масуду на его шихне: последний взыскал с нее три динара штрафа за ссору и драку с соседкой (9, с. 20).

Институт шихне имел широкое распространение и в державе сельджукидов. В XI—XII вв. шихне отмечаются во многих странах, оказавшихся под властью этой династии (120, с. 39; 109, с. 120). Шихне назначались в городах, областях и целых провинциях (413, с. 449). Сельджукские шихне и здесь играли роль блюстителей порядка. Это явствует не только из документов, но и из средневековой художественной литературы. Низами в одной из своих новелл рассказывает о старой женщине, пожаловавшейся Санджару на его шихне. Будучи пьян, последний ворвался в

[1] В одной из последних работ К. Каэна также утверждается, что шихне — это военный губернатор (533, с. 15). Однако вместе с тем автор отмечает, что военные гарнизоны сельджукидов, во главе которых стояли шихне, были обязаны поддерживать общественный порядок (533, с. 21).

ее жилище, ища бежавшего убийцу. Шихне перерыл весь дом и, не найдя преступника, жестоко избил старуху (309, с. 50).

Следует отметить, что в XII в. шихне назначались также в иктовых наделах (281, с. 85). Очевидно, эта практика существовала задолго до образования сельджукидской державы. В этом отношении весьма интересен рассказ Низами Арузи Самарканди об Ахмаде ибн Абдаллахе Худжестани. Однажды, — пишет Самарканди, — спросили у Худжестани, каким образом он из простого погонщика ослов (хар-бенде) стал эмиром Хорасана. На это он ответил, что некогда в Бадгисе прочитал диван стихов, которые оказали на него большое воздействие. Худжестани покинул свою родину и вскоре присоединился к Али ибн Лейсу, брату Якуба ибн Лейса и Амра ибн Лейса[1]. В это время государство саффаридов только создавалось. Вскоре Али ибн Лейс приказал Худжестани «стать шихне икта в Хорасане». Тогда он собрал 100 всадников при наличии уже 20 человек из своего отряда. Землями-икта Али ибн Лейса были Керух Хери и Хаф-и Ништапур[2]. Худжестани прибыл в Керух Хери и показал указ о назначении его в качестве шихне. Однако в Хафе ему не подчинились и заявили, что им нужен шихне с отрядом из 10 всадников. Худжестани, — говорит далее Низами Арузи Самарканди, — вскоре после этого оказал неповиновение саффаридам, разграбил Хаф, захватил Ништапур и стал эмиром Хорасана (536, с. 30, 31).

Должность шихне при сельджукидах была важной и нередко переходила от отца к сыну, становясь фактически наследственной. В указах Санджара имеется даже термин «шогл-и мирас», которым обозначались подобные должности (281, с. 27). Большой интерес в этом аспекте представляет грамота о назначении Имад ад-Даула ва ад-Дина[3] в качестве наместника и шихне области Балх. Ферман утверждает его в этой должности, которая принадлежала его деду и отцу. Любопытно отметить, что при своем назначении Имад ад-Даула получил от султана особые знаки отличия и дорогие подарки[4]. Султан пожаловал ему одежды, лошадь, кольцо, украшенное драгоценными камнями, щит, пояс для меча, литавры или большой барабан, знамя, шатер и «все, что из отличительных знаков, снаряжения и обычаев сипахсаларства,

[1] Представители династии саффаридов (274).

[2] Хаф являлся большим округом в области Ништапур. В нем было двести селений и три города: Сирджан, Харджирд и Сиравенд (265; 499). Границы Хафской области достигали Зузана (1, с. 141).

[3] В грамоте отмечается, что его дедом был Имад ад-Дин Кумач, происходивший из рабов-мамлюков сельджукидских правителей, а отцом—Ала ад-Дин Абу Бакр. Имад ад-Даула ва ад-Дин, как и его предки, был эмиром войска исфахсаларийе и носил титул «эмир Хорасана, марз бан Востока» (настоящее его имя было, по-видимому, Абу-л-Фатх).

[4] Подарки и знаки отличия получил также эмир Тадж ад-Дин, назначенный управителем Мазандерана, Гургана, Дехистана, Астрабада и Бистама. В указе о его утверждении на эту должность говорится, что ему дали великолепные одежды, верховую лошадь с золотой сбруей и седлом, кольцо, усыпанное драгоценными камнями, и оружие (281, с. 23).

пехлеванства и вассального правителя» (281, с. 74). В рассматриваемой грамоте сначала перечисляются все полномочия Имад ад-Даула как наместника области, а затем говорится о его правах как шихне. В документе отмечается, что «в деле шихнеги» Имад ад-Даула следует назначить помощников-наибов, разбирающихся в условиях той должности. Этим наибам вменяется в обязанность наказывать и взимать штрафы за различные преступления и нарушения законов, подвергать наказаниям грабителей и мятежников и поддерживать людей благочестивых и воздержанных. Они должны были обеспечивать безопасность городов и селений Балха от разбойников с большой дороги. Наибы шихне обязаны были при расправах над провинившимися советоваться и получать разрешение у имамов, муфтиев, знатоков шариата и поступать в этих случаях согласно предписаниям ислама. В грамоте подчеркивается, что наибы, подчинявшиеся шихне, должны также следить за безопасностью дорог и речных переправ и обеспечивать безопасность прохода по ним «мусульман и различных видов путников». Очевидно, функцию охраны выполняли отряды войска, имевшиеся в распоряжении правителя этой области[1]. В указе говорится, что наибы, служившие в диване шихнеги, имели право изгнать со своих мест «людей, причиняющих вред, и развратителей». В случае подозрения в смуте и разбоях на дорогах наибы должны были донести об этом в канцелярию (диван-и айалат) наместника области (281, с. 79).

Приведенные и другие сведения, имеющиеся в сельджукских грамотах XII в.[2], проливают достаточный свет на сущность института шихне. Становится ясным, что непосредственной функцией шихне было установление порядка и обеспечение государственной безопасности. Шихне имел свой диван управления и целый штат чиновников. Шихне и его наибы взимали штрафы за нарушение закона, подвергали наказаниям за преступления. Особенно жестоко они преследовали «смутьянов» и «мятежников», которые изгонялись и подвергались репрессиям. Пост шихне, становившийся наследственным, являлся важной государственной должностью. В распоряжение шихне были предоставлены военные отряды, выполнявшие карательные и охранные функции. Шихне, назначав-

[1] В указе отмечается, что Имад ад-Даула подчинялись племена (хейль), войска (хашам) и рабы-гулями, принадлежавшие еще его отцу. Все эти военные силы были объединены в отряды, во главе которых стояли эмиры, вожди племен и начальники гулямов (висакбаши). Гулямское войско этого управителя Балхской области подразделялось на висачных и имадийских; под последними, вероятно, подразумевается личная гвардия из воинов-рабов Имад ад-Даула.

[2] В одном из документов отмечается, что шихне, подчинявшиеся управителям областей, не могли без их разрешения назначать главу, или так называемого накиба ночной стражи (281, с. 29). В другой грамоте (о назначении шихне в Джувейне) упоминается «кетхудай (начальник) диван-и шихнеги»; здесь же говорится, что местный шихне должен изгонять и наказывать не только мятежников и айаров, которые бродят в окрестных горах, но и тех, кто оказывает им поддержку (281, с. 61).

шиеся в иктовых наделах, поддерживали «законность» и «порядок» среди живших на этих землях крестьян и ремесленников[1]. Феодальный институт шихне являлся прежде всего орудием для подавления и удержания в повиновении трудовых масс.

Шихне назначались сельджукидами не только над оседлым, но и кочевым и полукочевым населением[2]. Это назначение оформлялось специальными указами, издававшимися от имени верховного султана. В сборнике документов, составленном Мунтаджаб ад-Дином Беди, приведены копии двух таких ферманов. В одном из них речь идет о назначении шихне над предводителями туркмен Гургана, его округов и местностей. Указ предоставляет «великому и победоносному исфахсалару» Инанч Бильге Улуг Джандар-беку[3] управление и начальствование (шихнеги ва тимардашт) над эмирами и саларами туркменских племен Гургана и его окрестностей. Грамота дает ему право собирать налоги и поборы шихнегийские (хукук ва русум-и шихнеги) по установленным законам; при этом отмечается, что шихне не должен вводить новых налогов и сборов. Согласно этому ферману, шихне должен распределять пастбищные угодья и водопои между вождями туркмен. В указе говорится, что последние управляли подчиненными им кибитками, которые к ним относятся и за ними записаны. Шихне обязан был следить за тем, чтобы эти вожди «не занимались наведением страха (друг на друга) и насильственным отобранием» утвержденных за ними пастбищ и водных источников. Эмиры, салары и мукаддамы туркмен Гургана должны были по всем делам направлять свои прошения в канцелярию (диван) своего шихне[4]. Указ требует от них, чтобы они строго повиновались Улуг Джандар-беку и платили «налоги шихнегийские» по установленному закону помощникам или чиновникам — наввабам его дивана. «Чтобы они (туркмены),—говорится далее в ферване,—уплачивали помощникам (шихне) налоги за пастбища (хукук-и мараи) в том размере, который утвержден, и во всех обстоятельствах придерживались пути подданства и выказывали покорность, чтобы удостоились (за это) прибавления наград и нашего сострадания» (281, с. 82).

Для характеристики рассматриваемого института шихне важное значение имеют и другие официальные документы сельджуки-

[1] Шихне назначались в иктовых земельных наделах не только при сельджукидах, но и хорезмшахах (386, с. 112).

[2] Возможно, эта практика существовала еще при газневидах (727, с. 3).

[3] Джандары при сельджукидах Малой Азии составляли личное войско султана, выполнявшее функции палачей, телохранителей и дворцовой стражи (780; 789).

[4] Текст этого документа, приведенного в ленинградской рукописи, которая описана В. Р. Розеном, несколько отличается от контекста тегеранского издания сочинения Мунтаджаб ад-Дина Беди; текст указанного списка к тому же не полный, в нем недостает концовки, содержащей важные сведения о туркменах Гургана. Следует также отметить, что в переводе, сделанном по тексту рукописи ИНА и помещенном в МИТТ, имеются поэтому неточности и пропуски.

дов. В одной из грамот Санджара речь идет о назначении эмира Джемал ад-Дина в качестве шихне над туркменами Хорасана и Гургана[1]. В фермане, в частности, говорится: «Икта, которые были в Гургане на его (Джемал ад-Дина) имя, мы согласно написанному (приказу) повелели утвердить (за ним) и должность шихне Дехистана и наместничество в управлении той областью (нийабат-и айлат), присмотр за Шахристаном и кроме него (другими местностями), а также устройство войска (хашам) туркмен, которые находятся в тех областях, (сия) высокая грамота (нашла) необходимым вручить ему, а (также) поручить ему (управление) знатными (людьми) войска (хашам ва мутаджаннида) и подданными, которые обитают там, (а это) жители степей и оседлые. Пусть он обращается с ними хорошо и проявляет заботу в защите всех подданных и встает ради важных (дел) государства.. Приказ таков, чтобы эмиры, знатные, военачальники (саларан) Мангышлака, Шахристана и других (областей) и все подданные Дехистана оказали надлежащее послушание (нашему) ферману и включились в число (людей, подчиненных) Джемал ад-Дину. (Пусть они) обращаются за полезными советами к нему и не поступают без его согласия, (пусть) подчиняются его помощникам (наввааб) и слушаются их слов» (281, с. 85).

Приведенные документы представляют большой интерес для понимания сущности института шихне и положения туркмен Хорасана и Гургана в XII в. Исследуемые грамоты свидетельствуют, что эти туркмены были подчинены своим военным и родо-племенным вождям. Предводители туркмен распоряжались зависимыми от них людьми (атба) и простыми сородичами. За каждым из таких вождей (саларов и мукаддамов) числилось определенное количество домов или семейств (хане). Туркменские роды и племена имели закрепленные за ними пастбища с водными источниками. Однако из-за них между туркменскими вождями нередко происходили крупные раздоры. Более сильные эмиры, вероятно, забирали себе лучшие пастбищные угодья, колодцы и источники.

Сельджукидские власти назначали для управления туркменами своих чиновников-шихне, имевших относительно большие полномочия. Шихне прежде всего следили за порядком и разграничивали территории их пастбищ (ср. 639, с. 161). Туркменские племена уплачивали за пользование этими землями подать, которая называлась «хукук-и мараи». Кроме того, они платили налог в пользу шихне и его помощников — наввабов. Право распоряжения пастбищами и водными источниками являлось эффективным орудием в руках шихне для подчинения туркменских вождей своей власти. Туркменские предводители в свою очередь распределяли эти выгоны и угодья между подчиненными им семьями. Это являлось

[1] Грамота озаглавлена: «О значении (должности) шихне, назначенного над туркменами, и других икта».

мощным средством для экономического подчинения рядовых сородичей. Простые туркменские скотоводы оказывались тем самым под двойной зависимостью: своих родо-племенных вождей и сельджукидских шихне. Феодальный институт шихне был орудием господства и эксплуатации сельджукской знатью рядовых масс туркмен Хорасана, Гургана и Дехистана.

Данные сельджукидских грамот XII в. свидетельствуют о том, что туркменские племена рассматривались центральным правительством как обычные подданные, обязанные уплачивать налоги. Взимавшиеся с туркмен, как и с других райятов, налоги и подати были довольно обременительны. Недаром в указах Санджара говорится о протестах населения Гургана и Дехистана против «неуместного принуждения» сборщиков налога. Произвол и насилия султанских чиновников не раз вызывали народные волнения, в которых участвовали и рядовые туркмены. В ряде документов об утверждении наместников в Хорасане, Гургане и Дехистане прямо говорится о расстройстве и смутах в этих областях, порожденных злом и насилием над райятом (281, с. 30—39). Сельджукидские правители нередко в подобных случаях передавали такие области в управление государственного дивана. В одной из грамот сказано, например, что Гурган и окрестные поселения долгое время были охвачены смутой. Ферман велит перевести эту область в ведомство султанского дивана, а ее наибом назначить эмира Изз ад-Дина. При этом отмечается, что указанная мера вызвана необходимостью пресечь угнетение и притеснение райята и создать для подданных безопасность от несправедливостей. Дальнейший текст документа не оставляет сомнений в том, что в Гургане произошли беспорядки, главным образом, на почве недовольства налогами и их несправедливым сбором. Указ особо подчеркивает хорошие качества Изз ад-Дина в знании правил сбора налогов (русум-и вилайет), управлении подданными и командовании войсками. Согласно этому ферману, в его ведение передается весь райят и войско из тюрок и тазиков (281, с. 30, 31).

Сельджукидские властители не раз посылали в Гурган своих высших сановников для наведения порядка в этой провинции. Большой интерес в этом отношении представляет один из фирманов, где говорится о расстройстве дел этой области, притеснениях райята и разрушениях земельных владений (асбаб). В грамоте отмечается, что для устранения этих беспорядков туда посылается султанский приближенный из доверенных государственных вельмож Мунтаджаб ад-Дин Али ибн Ахмад; он должен путем уговоров и предоставления льгот успокоить эмиров, иктадаров, военачальников, солдат и каждому из них в соответствии с его рангом дать инамы, прибавить «икта и кусок хлеба», привести в порядок дела дивана управления областью (диван-и риясат), шихне и сборщиков налога (амил). Указ предписывает Мунтаджаб ад-Дину, чтобы он оставил на службе лишь добросовестных и изгнал негодных чиновников из этих диванов. Характерно, что

грамота рекомендует ему напомнить оставленным на службе чиновникам, чтобы они устранили притеснения раийата и дали им спокойствие. Далее в фермане говорится: «Мы повелели Мунтаджаб ад-Дину, чтобы он хорошенько разъяснил подданным то, что слышал от нас и в отношении их выразил все, что возможно из наших сожалений и обещаний, а владельцам икта (мукта), вали и мутасаррифам[1] сказал, чтобы их хорошее обращение (с раийатами) распространилось до всех пределов; (пусть они) не претендуют на излишки (при сборе) налогов и не изобретают (новых) сборов» (281, с. 67—69).

Исследуемые данные показывают, что в XII в. в Гургане и Дехистане произошли беспорядки, вызванные притеснениями трудовых масс феодалами и чиновниками Санджара. Недовольными оказались также простые солдаты, лишившиеся жалованья и продовольствия либо получившие мизерные икта и нан паре (кусок хлеба). Очевидно, в этих стихийных волнениях приняли участие и туркмены-кочевники Гургана, отданные под управление сельджукидского шихне. В особенно же бедственном положении оказались местные крестьяне и ремесленники. Султанские чиновники и держатели икта зачастую произвольно вводили дополнительные налоги и повинности. Все это привело к волнениям, охватившим широкие круги раийата, что потребовало вмешательства центральных властей.

Огузы и туркмены в войске сельджукидов

В XI—XII вв. значительная масса огузов и туркмен несла военную службу в армии сельджукидов. Туркмено-огузские ополчения состояли из различных племен и родов. В документах XII в. говорится о «племенах (тавайф) войска (хашам) огузов» (765, с. 30). Родо-племенные ополчения огузов и туркмен делились на правое и левое крыло. Беки правого крыла назначались при Санджаре из кайи и баятов, а левого — из печенегов и чавундаров (410, л. 17). В этой связи интересно отметить, что родовые знаки кайи и баятов изображены на монетах и золотой медали, выбитой в 1063 г. в честь Мухаммада Тогрул-бека (22, с. 12—14).

Сельджукское войско подразделялось не только на два крыла[2], но и боевой центр (168, I, с. 95, 96). В нем имелся также авангард (язак), дозорные (караул) отряды и арьергард (120; 410; 686; 690). В середине XI в. в войске сельджукидов имелись отряды по две тысячи всадников (586, с. 300). В армии сельджукидов насаждались суровые порядки и строгая военная дисциплина. Солдаты при виде султана обязаны были сходить с коней и целовать перед ним землю. После этого они вытягивались в струн-

[1] Обычно термином «вали» обозначались правители областей, а мутасаррифами назывались чиновники, ведавшие финансовой отчетностью (388, с. 317; 8, с. 736).

[2] Разделение на правое (car) и левое (сол) крыло, а также центр (манглай) практиковалось и в войске ак-коюнлу (681, с. 152). Термин «манглай» по-тюркски буквально означает «лоб» (708, с. 311; 755, с. 319).

ку и ждали особого приказа. Они имели право удаляться лишь по специальному знаку военачальника. Никто из солдат при военном смотре не должен был приближаться к султану и разговаривать с ним (586, с. 300).

Огузо-туркменские ополчения составляли основу военной мощи первых сельджукидских правителей. Однако в дальнейшем (при Алп-Арслане и Меликшахе) была создана постоянная армия. Важную роль в сельджукидском войске стали играть наемные отряды из покоренных народов и гвардия из рабов-гулямов (388, с. 107—141; 598, с. 43—71). Наряду с конными отрядами, применялись также пешие ополчения из крестьян и городского населения (720, с. 33).

Сельджукидская армия подразделялась в XII в. на отдельные роды войск, именовавшиеся хашам, мутаджаннида, хадам, сипахи, исфахсаларийе[1]. Последний состоял из отрядов, которые подчинялись крупным военачальникам, носившим звание исфахсаларов[2]. Хашам состоял из отрядов, подвластных султану или его военачальникам и наместникам областей (177, л. 56; 281, с. 20, 30, 77). Это войско в правление Санджара подразделялось на хорасанское, иракское и мазандеранское (281, с. 20). Очевидно, в состав хадама входили, главным образом, вассальные отряды. Грамоты Санджара содержат приказы таким вассалам прийти на военную службу в полном вооружении (281, с. 158—161). Мутаджаннида представляло собой войско, состоявшее из тюркских, тазикских и других солдат[3]. В документах XII в. фигурируют также военные отряды, подчинявшиеся мукта, или иктадарам[4]. Одна из грамот, наряду с хашамом и хадамом, упоминает о рабах и клиентах (281, с. 20). Здесь, вероятно, речь идет о гулямах, служивших в гвардии султана, а также в отрядах его военачальников. Особый вид личного султанского войска из рабов составляли дворцовые чауши (284; 598; 599; 600). Последние исполняли распоряжения своего падишаха, охраняли его при торжественных и других выездах.

Основное ядро сельджукской постоянной армии состояло из отборной кавалерии, считавшейся личным войском (хассе) султана (161, с. 25; 720, с. 33). В правление Алп-Арслана (1063—1072) сельджукская конница насчитывала 15 тысяч человек (598, с. 39,

---

[1] Ибн ал-Каланиси упоминает в составе армии сельджукидов отряды слуг, оруженосцев, палиценосцев, чаушей (вестовых и телохранителей), хорасанскую гвардию и войско принцев (722, с. 197).

[2] Сельджукское войско под названием исфахсаларийе упоминается в документах XII в. (281, с. 30 и след.) и труде Ибн ал-Каланиси (722, с. 34). В одной из грамот Санджара говорится, что исфахсалары являются личными слугами (бандеган) султана (281, с. 73).

[3] В фермане о назначении Изз ад-Дина наибом области Гурган сказано, что в его ведение султан передает «хашам и мутаджаннида из тюрок и тазиков» (281, с. 30, 41 и след.).

[4] Вероятно, эти отряды в большинстве случаев входили в состав войска наместников, или управителей областей (281, с. 20, 30, 69, 76, 77).

40). Каждый всадник помимо боевого коня имел запасную лошадь (598; 358). Воины, составлявшие личное войско сельджукидов, отличались большой храбростью. Будучи профессиональными вояками, главным образом тюркского происхождения, они ничего не умели делать, кроме убийства (613, IX, с. 27, 28). В царствование Меликшаха «при его стремени» (161, с. 34) несло постоянную службу 50 тысяч отважных всадников[1]. Общее количество войск, разбросанных в самых различных областях обширной державы сельджукидов, достигало тогда 400 тысяч человек (388, с. 167).

Официальные документы, изданные Санджаром, упоминают о службе туркмен в XII в. в хашаме и мутаджаннида (281, с. 84, 85; 177, л. 30—85). Очевидно, часть туркмен служила также в отрядах сельджукидских царевичей и близких родичей правящей династии. Другая часть огузов и туркмен несла пограничную службу в «уджах» и находилась в подчинении своих беков и эмиров (622, с. 159, 160). В грамотах XII в. туркменское войско упоминается в Гургане, Дехистане, Шахристане и сопредельных областях.

Однако следует заметить, что при сельджукидах туркмены не служили в войске из гулямов. Между тем гулямские отряды начали играть большую роль в армии сельджукидов. Гулямы, происходившие из рабов, получали жалованье за военную службу[2]. Предводители гулямов становились крупными военачальниками, им отдавали в управление целые области (161, с. 31; 720, с. 46). Одним из таких предводителей был личный гулям Алп-Арслана по имени Санглу, являвшийся могущественным командующим в армии сельджукидов (759, III, с. 51).

Преобразование сельджукидского войска в наемную армию, возвышение гулямских и других предводителей вызывало недовольство туркменских и огузских вождей новыми порядками. Поэтому в царствование Меликшаха выдвигался проект о включении туркмен в отряды дворцовых гулямов (388, с. 109). Это диктовалось необходимостью сгладить конфликт между сельджукидскими властителями и их соплеменниками, имевшими заслуги перед троном. Однако данный проект вряд ли представлял реальную альтернативу исторически вполне закономерно возникшей проблемы. Взаимоотношения между правящей династией и огузо-туркменскими вождями неуклонно ухудшались. Именно поэтому туркменские предания сохранили память о сельджукидах как государях, ставших чуждыми своему народу (212, с. 70).

---

[1] Мухаммад Раванди и Ахмад Гаффари ошибочно называют цифру в 46 000, а Мирхонд — в 47 000 всадников (51, с. 145; 509, с. 216).

[2] В средневековых источниках этот вид сельджукского войска называется اجری خوار (ср. 633, с. 246).

Огузские владения Хорасана и Кермана

В 1153 г., в правление Санджара восстали огузские племена, обитавшие в Балхе, Хуттале и Саганиане. Подточенное изнутри феодальными усобицами, восточно-сельджукское государство рухнуло под ударами повстанцев. Вожди огузов узурпировали султанскую власть и захватили в свои руки Хорасан и другие области державы сельджукидов. Одним из таких крупных огузских предводителей был Динар, который во время «гузской смуты», наряду с Коркудом, Тутибеком и другими эмирами, «стал около стремени (Санджара) и служил (пленному) султану» (265, с. 440). Другими словами, он принадлежал к числу той огузской знати, которая фактически захватила и поделила на части Хорасан. Очевидно, в момент этого дележа Динару достались Серахс и Мерв — столица государства Санджара. На получение Мерва в икта ранее претендовал другой огузский эмир — Бахтияр (613, XI, с. 80). Можно полагать, что предпочтение Динару перед Бахтияром в получении Мерва в качестве владения при дележе Хорасана не было случайным. Афзал ад-Дин Кермани сообщает, что предки Динара[1] были огузскими правителями в Мавераннахре и Хорасане; ему с детства подчинялось 20 000 человек, и он управлял «войском и царством» (48, с. 20). Динар принадлежал к высшим кругам огузской знати, которая передавала свою власть по наследству. Это был не выборный племенной вождь, а феодальный владетель, имевший под своей властью несколько тысяч человек.

Получив при разделе Хорасана между огузскими эмирами Мерв и Серахс, Динар, видимо, принял титул мелика, а затем шаха (48, с. 48). Фактически он был полноправным феодальным князьком, хотя внешне именовался вассалом Санджара. В хутбе Мерва и Серахса упоминалось имя Санджара несмотря на то, что его уже давно не было в живых. Подобный маневр имел глубокий политический смысл, ибо тем самым создавалась видимость преемственности и законности власти огузских вождей.

Средневековые источники ничего не сообщают о внутреннем устройстве огузского владения Мерва и Серахса. Период господства огузов, по мнению В. В. Бартольда, был для Мерва временем заметного упадка (62, с. 214). Письменные данные, а также археологические наблюдения позволяют установить, что в Мервском оазисе рассматриваемого времени сельские районы действительно переживали экономический кризис (259, с. 32). В значительной мере это было вызвано прорывом Султан-Бендской плотины под напором вод реки Мургаб в 1163 г. Очевидно, разрушение плотины было результатом прекращения ежегодных ремонтов и строительных работ на Султан-Бенде. Следует также учесть, что в это время шла почти непрерывная ожесточенная борьба между огузскими вождями и соседними феодальными правителями. Поэтому

[1] Отца Динара звали Мухаммад (597, с. 162).

тридцатилетний период между поражением Санджара огузами в 1153 г. и установлением власти хорезмшахов был для Мерва временем тяжелых бедствий (62, с. 214). В Мерве в течение нескольких лет не было воды и поэтому «большая часть населения выселилась, и положению жителей приключилось полное расстройство, пока хорезмшах не послал людей и плотину запрудили» (265, с. 527).

Изучение средневековых источников показывает, что в исследуемое время происходит некоторый упадок и сельских поселений Серахса. Во второй половине XII в. упоминается о деревнях Серахса, которые разрушились и стали пустошами (265, с. 340). Сообщается также, что в эту пору Мерв и Серахс представляли собой «пустынные местности» (9, с. 22). Основная причина этого явления кроется в беспрерывных войнах между огузскими вождями и феодалами Хорасана и сопредельных областей. В конце XII в. Динару пришлось отстаивать свои права на Мерв и Серахс в ожесточенной борьбе с хорезмшахами. Около 1180 г. под Серахсом появились войска Султаншаха, который напал на огузов, убив большую часть из них (768, с. 17). При этом сам Динар, спасаясь от гибели, бросился в ров Серахса, но его вытащили оттуда и он укрылся за крепостными стенами города.

Несмотря на свою внезапность, нападение Султаншаха на серахских огузов оказалось безуспешным. Тогда он двинулся к Мерву и спустя некоторое время захватил его. После этого начались его бесконечные грабительские набеги на огузов Серахса. Динар, ослабев в борьбе с Султаншахом, обратился за помощью к правителю Нишапура Мелику Туганшаху. Динар заявил, что он готов отдать ему Серахс в обмен на Бистам (768, с. 21; 355, I, с. 97). В ответ на это Туганшах прислал одного из своих военачальников — Омара Фирузкухи. Динар оставил Серахс и ушел к Туганшаху, который назначил правителем Серахса эмира Каракуша. Вслед за тем Султаншах двинулся с трехтысячным войском против Туганшаха. Динар и Туганшах с огромной армией выступили из Нишапура, но в сражении при Асия-и Хафс в мае 1181 г. потерпели жестокое поражение (768, с. 21). Очевидно, вскоре после этого события мелик Динар с частью хорасанских огузов ушел в Керман.

В результате войн с Султаншахом огузы вынуждены были уйти из Серахса. Около 1184 г. они прибыли в Кубнан в числе 5 000 всадников с обозами, женами и детьми. Они были так ограблены Султаншахом, что не имели даже одежды (49, с. 89; 597, с. 106). Главными предводителями этих огузов были Семсам, Булак, Кайсар-бек (49, с. 88, 89; 597, с. 107). Огузы захватили вскоре большую часть Кермана, но не смогли взять Бердсир. Последний являлся столицей керманской ветви сельджукидов — потомков Кавурда Кара Арслан-бека[1].

[1] Кавурд был сыном Дауда Чагры-бека (766, с. 104).

Завоевание огузами Кермана сопровождалось грабежами и разрушениями городов и селений. Огузская знать ограбила и почти начисто разорила страну, где начался сильный голод (49, с. 91; 597, с. 111—112). Однако в дальнейшем огузские вожди пошли на сближение с керманской военно-феодальной знатью. Предводители огузов пригласили к себе Омара Нехи — родича систанского правителя Тадж ад-Дина Абу-л-Фазла Седжези. Огузы провозгласили его меликом, но затем по каким-то причинам не поладили с ним. Тогда огузские эмиры призвали к себе Мухаммада — атабека керманских сельджукидов — и вместе с ним заняли столицу Кермана (49, с. 96; 597, с. 119, 120). По условиям договора, заключенного перед этим между атабеком и огузскими предводителями Семсамом и Булаком, к ним должен был вскоре примкнуть Тураншах — правитель Кермана. Но этот план не осуществился, так как Тураншах внезапно был убит. Во время рассматриваемых событий 1186—1187 гг. в Кермане появился мелик Динар (597, с. 116). Огузы, от которых вскоре бежал атабек Мухаммад, не желая быть марионеткой в руках их эмиров, присоединились к Динару.

Мелик Динар около 1187 г. овладел Бердсиром, а Мухаммад — последний сельджукидский шах Кермана — бежал в Ирак. Мухаммадшах умер после безуспешных попыток заручиться помощью для борьбы с огузами у правителей Ирака, Фарса, Систана, Хорезма, Гура и Газны. Вместе с его смертью прекратилась династия сельджукидских правителей Кермана. После захвата Бердсира Динар принял титул шаха и провозгласил себя правителем Кермана (48, с. 48).

Образование государства динаридов в Кермане было теснейшим образом связано с процессом дальнейшей феодализации, который происходил в огузском обществе данной поры. Среди огузских эмиров, беков и сердаров имелось немало сторонников политики союза с местной феодальной знатью. Главой этой части аристократии был мелик Динар, ставший во главе огузского государства Кермана. Динар сохранил действовавшую при сельджукидах административно-налоговую систему управления Керманом. При нем имелся везир, атабек, шихне, функционировали прежние государственные диваны (597, с. 146—184). Динару удалось на некоторое время разрядить атмосферу феодальных усобиц в Кермане. Став правителем Кермана, он старался оградить райят от чрезмерных притеснений и грабежей со стороны огузских эмиров и местных феодалов. Именно поэтому очевидец рассматриваемых событий, историк Афзал ад-Дин Кермани, так превозносит Динара (48, с. 25 и след.). Подобный внутриполитический курс преследовал своей целью стабилизацию расшатанной войнами и междоусобицами экономики страны. Новая династия пыталась тем самым привлечь также симпатии задавленных нуждой и голодом широких слоев народных масс. Динар и поддер-

живавшая его группа огузских вождей в этом отношении повторили опыт сельджукидов при завоевании Хорасана.

В правление Динара в Кермане сохранились и прежние феодальные институты землевладения. Дальнейшее распространение получила раздача земель в икта за военную службу. Целые области Кермана были отданы в икта огузским воинам. Так, например, область Зиренд стала иктой войска огузов (597, с. 150). Огузы, владевшие Зирендом на правах икта, взимали с подчиненных им крестьян (раийат) «хамс» и «ушр дивани», то есть $^1/_5$ и $^1/_{10}$ часть урожая. Эти налоги собирались как с крестьян-базияров[1], так и с владельцев феодальных поместий, земли которых находились в Зиренде. Огузы не посчитались даже с самим везиром Динара Хаджи Джамалом. Поместья (дийа), владения (амляк) и недвижимое имущество последнего находились в этой области Кермана, отданной в икта огузскому «хашаму». Все это пришлось не по душе шахскому везиру, который вскоре добился от Динара указа, где войску огузов запрещалось брать налоги с феодалов Зирендской области. Огузский хашам не подчинился, однако, этому ферману Динара. Противодействие огузов указу Динара заставило его пойти на уступки и арестовать своего везира Хаджи Джамала. Эти события не могли пройти бесследно и привели к вражде между предводителями огузского войска и керманской землевладельческой аристократией. В таких условиях Динару приходилось лавировать между огузскими вождями и местными феодалами, но его симпатии были явно на стороне последних. Вот почему огузская военная аристократия составила заговор и решила убить Динара. Огузское войско пыталось осуществить этот план, но Динару обещаниями и хитростью удалось избежать смерти; он бежал от огузов в Бердсир, захватив свою казну. Вскоре после этого Динар умер, оставив двух сыновей: Фаррохшаха и Аджамшаха (597, с. 160). После смерти Динара начались беспрерывные усобицы и войны, в ходе которых огузское государство Кермана было ликвидировано (597, с. 162 и след.).

История динаридов Кермана представляет большой интерес для понимания социально-экономических процессов, происходивших в среде огузов и туркмен XII—XIII вв. Прежде всего становится очевидным, что образование этих княжеств произошло на базе сближения огузских предводителей с местными феодальными кругами. Однако не все огузские вожди в этом отношении придерживались одинакового политического курса. Среди них имели место серьезные разногласия, переросшие в открытые столкновения. Одна часть кочевой огузской аристократии стремилась к быстрому обогащению, не останавливаясь перед актами прямо-

[1] В труде Афзал ад-Дина Кермани отмечается, что базияры являлись земледельцами, уплачивавшими налоги (48, с. 30). Наряду с базиярами, в это время в Кермане упоминаются и дехканы-землевладельцы (48, с. 29 и след.; 597, с. 150).

го разбоя и грабежа. Другая группа их предводителей выступала за более умеренные методы эксплуатации и тесный союз с местной феодальной знатью. Борьба между этими двумя группировками завершилась падением государства динаридов Кермана.

Язырское владение

В XII в. политическая гегемония в теперешнем Северо-Западном Туркменистане переходит в руки ханов из огузского племени языр. Наиболее ценные сведения по истории языров содержатся в труде Мухаммада ибн Наджиб Бекрана (294, л. 349). «Языр, — пишет Бекран, — племя из тюрок, которое попало в пределы Балхана и его гор. К ним присоединилось одно племя из Мангышлака, а другое—из Хорасана. После того они стали многочисленными и сделались сильными. Оттуда они снялись и пришли в Шахристан и Фераву. После этого они поселились в крепости под названием Так. Сейчас они делятся на три племени: настоящие языры, мангышлаки и барси»[1].

Данный отрывок из «Джахан-наме» был в свое время комментирован русскими востоковедами. Одним из первых на него обратил внимание А. Туманский, который сопоставил данные Бекрана с известием Абу-л-Гази. Согласно «Родословной туркмен», племя языр «пошло в Хорасан, где около Дуруна жило много лет, по этой причине Дурун называют Языровым юртом. Часть племени языр поселилась в горах близ Дуруна, где занялась земледелием. В настоящее время их (языров) называют карадашлы» (212, с. 68).

Приведенные данные в сочетании с другими историческими фактами позволяют судить о путях формирования язырской группировки. Становится очевидным, что языры сложились из двух главных компонентов: местного субстрата и пришлых элементов. Первый этап истории язырского объединения был непосредственно связан с районом Балханских гор. В эту группировку вошли затем кочевые племена, ушедшие в Прибалханье из Мангышлака и Хорасана. Мухаммад Бекран не говорит о времени этой миграции, но скорее всего она имела место в XI в.

Крупной вехой в истории язырского объединения явилась пора сельджукского движения в Хорасане. В первой трети XI в. в Прибалханье ведущую роль начали играть сельджукские племена. Балханские горы стали прибежищем для кизыли и ягмурн[2], которые ушли сюда из Хорасана после восстания 1027 г. В это же время в Прибалханье упоминаются балхан-кухи, которые, возможно, являлись потомками старого огузского населения, жившего на Балханах. После гибели державы сырдарьинских ябгу сюда ушли новые группы огузов и туркмен, среди которых были оклы, гоклы, агары и султанлы (212, с. 68).

[1] В «Материалах по истории туркмен и Туркмении» переведено «собственно языры, языры мангышлакские и языры фарсские» (265, с. 349).

[2] Бейхаки именует их туркменами, а Ибн ал-Асир называет огузами (769, с. 71, 648; 613, IX, с. 159).

В пору сельджукского движения завершается первый этап формирования рассматриваемой группировки в районе Балханских гор. Консолидировавшиеся в это объединение кочевые племена назывались общим именем «языр»[1]. Характерно, что именно в период сельджуко-газневидской борьбы в Хорасане впервые в источниках упоминается область Языр (692, с. 31). Обращает на себя внимание и другой факт, дающий некоторое представление о судьбах языров в XI в. В 1065 г. султан Алп-Арслан, как отмечалось выше, совершил поход из Хорезма против Кыфшата и Джази. Скорее всего здесь мы имеем дело не с именами собственными, а своеобразной этнонимической персонификацией. В пользу такого мнения указывает то обстоятельство, что в труде Сибита ибн ал-Джаузи в рассказе о походе 1065 г. упоминаются «кыфшак и туркмен» (773, с. 190). Привлекает внимание и само название «джази», закономерным эквивалентом которого является «йази». Чередование согласной «дж» с гласной «йа», как известно, составляет отличительную черту средневековых тюркских диалектов и языков (180; 184; 345). Необходимо также отметить, что в самой родо-племенной номенклатуре огузов XI в. имеется ряд названий с исходной согласной «дж». В то же время мы видим здесь и такие наименования, которые начинаются с гласной «йа» (266, I, с. 56). Отсюда можно предположить, что «джази» (с утраченным этническим суффиксом ар-эр) соответствует племенному названию «йазыр» («языр»). Поэтому мы имеем основание думать, что в начале второй половины XI в. часть языров Прибалханья и кыпчаков Мангышлака оказалась в зависимости от сельджукидов Хорасана. В таком случае поход Алп-Арслана в Прибалханье можно рассматривать как логическое завершение враждебных отношений между потомками Микаила и составлявшими часть языркого объединения кизыли и ягмури.

Хотя часть языров и кыпчаков оказалась в XI в. в зависимости от сельджукидов, но их власть над Прибалханьем и Мангышлаком не была достаточно прочной. Обстановка в этом районе была тревожной и характеризовалась вторжениями местных степных племен в Дехистан, Гурган и Хорезм. В 1096 г. тюркоязычные племена, обитавшие на Мангышлаке и восточном побережье Каспия, напали на Хорезм. Ибн ал-Асир сообщает, что во главе этих тюрок стоял могущественный «царь». Поэтому нападение было

[1] Возможно, в этом названии преломилось более древнее наименование степных племен, обитавших в Прибалханье еще в эпоху раннего средневековья. В этом районе в V—VI вв. упоминается народ или племя под названием «сул», что означает «степь, песок» (66, с. 556). Примечательно, что в средневековых тюркских языках и диалектах слово «язи» также имело значение «степь, равнина», а также — «вольные люди» (495; 521, 570; 344; 578; 585). Отсюда можно предположить, что название «йазыр» («языр») происходит от «йази» +«эр» (буквально: «человек, мужчина»). В широком смысле данный термин, вероятно, означал «степные люди», что вполне согласуется с географической средой Прибалханья. Название «балхан-кухи», возможно, прилагалось к части языров, обитавших в Балханских горах.

не кратковременным грабительским набегом, а организованным нашествием. В нападении участвовал Тогрул-Тегин, сын Акинжи ибн Кочкара, бежавший от сельджукидов из Хорасана. Мухаммад ибн Ануштегин, наместник Хорезма, вынужден был обратиться за помощью к Санджару, который двинулся на выручку из Нишапура. Когда сельджукское войско приблизилось к Хорезму, эти «тюрки бежали на Мангышлак, а Тогрул-Тегин также ушел к Хонд-хану»[1].

Рассказ Ибн ал-Асира свидетельствует о том, что в конце XI в. на Мангышлаке обитали племена тюрок, имевшие своего властителя. Они были настолько сильны, что пытались даже овладеть соседним Хорезмом (165, X, с. 110, 111; 613, X, с. 183). Очевидно, под тюрками, населявшими в конце XI в. Мангышлак, имеются в виду племена кыпчакского объединения. В пользу такого мнения говорит карта Махмуда Кашгарского, на которой в Прикаспии отмечены жилища кыпчаков. На это же указывают и приведенные выше исторические свидетельства о походе султана Алп-Арслана из Гурганджа на Мангышлак.

Археологические исследования последних лет позволяют дополнить свидетельства письменных источников о племенах язырского объединения Прибалханья. В этом районе обнаружена принадлежавшая им крепость под названием Дуйнеш-Кала, расположенная на северных отрогах Больших Балхан. Крепость имеет в плане неправильный четырехугольник, вытянутый с юга на север. Стены Дуйнеш-Калы сложены из необработанного камня и достигают в толщину трех метров. Обнаружены фрагменты чеполивной и поливной керамики, составляющей единый археологический комплекс. Керамика имеет преимущественно коричневую и темно-зеленую поливу и датируется XI—XII вв. Дуйнеш-Кала служила одним из опорных пунктов язырской группировки и просуществовала вплоть до монгольского нашествия (472, с. 212—217).

Второй этап истории язырской группировки был связан с их расселением в Хорасане. Основным центром языров стала крепость Так, соответствующая городищу Шехр-Ислам (256; 236). В средневековых источниках нет сведений о времени переселения языров в район Шахристана, Така и Феравы. Исторические предания туркмен указывают, что это событие произошло вслед за распадом огузской державы в XI в. (212, с. 68). Отдельные группы языров, наряду с другими огузскими племенами, могли оказаться в Хорасане в самом ходе сельджукского движения. Однако главная масса языров ушла сюда из Прибалханья во второй половине XII в. (236, с. 317).

Передвижение языров в пределы Шахристана, Така и Феравы было вызвано рядом причин. В XII в. Прибалханье и Ман-

[1] В тексте خند خان الى . Скорее всего здесь подразумевается не местность, а личность — Хонд-хан.

гышлак снова оказались в руках сельджукидов Хорасана. Однако местные степные племена длительное время оказывали сопротивление «великим сельджукидам». В одном из ферманов Санджара, как говорилось выше, наместнику Гургана предписывается вести решительную борьбу с «язычниками», обитавшими в пределах Дехистана и Мангышлака (281, с. 19). Более поздние грамоты указывают на то, что эти племена были уже в подчинении шихне Гургана и Дехистана (281, с. 85). Отсюда становится понятным, что они были покорены и обращены в райятов, обязанных уплачивать налоги сельджукидским властям. Злоупотребления султанских чиновников, о которых мы знаем по грамотам XII в., несомненно, затронули также языров Прибалханья. Поэтому не исключена возможность, что восстание огузов в 1153 г. в Балхской области и захват ими Хорасана всколыхнули племена языркой группировки. Воспользовавшись «гузской смутой», они двинулись к пределам Шахристана, Така и Феравы и захватили Шехр-Ислам.

Продвижение языров в глубь оседлых районов Хорасана явилось также следствием дальнейшего процесса феодализации в среде огузских степных племен. Богатая кочевая знать, имевшая большие поголовья скота, нуждалась не только в расширении пастбищных угодий, но и рынках для сбыта растущей скотоводческой продукции. Обедневшая часть кочевников искала в культурной полосе места для оседания и перехода к земледельческому хозяйству. Довольно примечательно, что языры после захвата Така стали оседать и заниматься в основном земледелием (236, с. 292).

Расселение в Шехр-Исламе и Дуруне завершает собой процесс формирования языркого объединения. В пределах культурной земледельческой полосы языры начали смешиваться с другими огузскими племенами, а также с местным городским населением. Результатом этих важных перемен явилась инкорпорация языров в состав интенсивно складывавшейся туркменской народности. Любопытно отметить, что в конце XI—начале второй половины XII в. языры причислялись к огузам (266, с. 56; 165, X, с. 111). Однако позднее (в конце первой четверти XIII в.) они считались уже туркменами (768, с. 71, 72). Значительная часть языров, которая осела на землю в Таке и Дуруне, стала называться карадашлы (236, с. 292). С течением времени это наименование постепенно вытеснило старое племенное имя языров. Исчезновение этого названия было вызвано коренными изменениями в хозяйственной жизни и этническом составе былой языркой группировки.

Передвижение в Хорасан имело и другое важное последствие в исторических судьбах племен языркого объединения. Расселение в Шехр-Исламе и Дуруне усилило процесс развития патриархально-феодальных отношений и способствовало образованию независимого языркого владения. Однако точное время основа-

ния этого ханства остается для нас не вполне ясным. Известно лишь, что в конце XII в. во главе языров стоял предводитель по имени Ягмур-хан. Сами языры, как отметил В. В. Бартольд, рассматривались в эту пору как самостоятельный народ (66, с. 585). Очевидно, усилившиеся язырские вожди не признали власти хорезмшахов, захвативших после событий 1153 г. в свои руки значительную часть Хорасана. Поэтому Иль-Арслан сделал в 1160 г. попытку завоевать область Языр. Ибн ал-Асир пишет, что в этом году хорезмшах выступил к Уджина[1], напал на тюрок-языров[2], во главе которых стоял Ягмур-хан. Хорезмийское войско произвело среди языров сильный погром и убило множество народа. Ягмур-хан бежал к хорасанским огузам и обратился к ним за подмогой как к своим родственникам. Он просил у огузов помощи для борьбы с эмиром Айтаком, которого заподозрил в подстрекательстве Иль-Арслана к нападению на Языр.

Ихтияр ад-Дин Айтак был одним из крупных военачальников-эмиров султана Санджара. Воспользовавшись феодальной анархией, наступившей во второй половине XII в. в Хорасане, он захватил часть Хаверанской области (382, с. 5). В 1157 г. Айтак обосновался в районе Нисы и Абиверда, собрав вокруг себя «толпу любителей грабежа» (613, XI, с. 149). Однако вскоре он оказался в Дехистане, а оттуда перебрался в Гурган. Айтак получил в управление область Гурган от исфахбада Табаристана (168, с. 95) после того, как огузы ушли из Нишапура в Дехистан[3]. Спустя некоторое время огузские вожди снова двинулись в Гурган и Дехистан. Против них выступил правитель Табаристана со своим войском, на правом фланге которого находился эмир Айтак. Началась битва, в которой огузы сражались, выстроившись в развернутом боевом порядке — выставив центр и оба крыла. Айтак и Кабудджаме, командовавшие правым флангом войска правителя Табаристана, в самый разгар битвы внезапно бежали. Тогда огузы смяли войско табаристанцев и обратили его в бегство. Огузы преследовали врага, убив при этом несколько тысяч человек. Исфахбад ушел в Табаристан, где собрал новую армию и опять двинулся на огузов. Однако войско огузов после взятия Бистама и Дамгана ушло в Мавераннахр (168, с. 96).

Очевидно, до этих событий правитель Хорезма, подстрекаемый эмиром Айтаком, напал на Ягмур-хана. Последний бежал к хорасанским огузам и обратился к ним за помощью. Огузы через Нису и Абиверд двинулись на Айтака, обратившегося за подмогой

---

[1] В издании Торнберга اوجنه, а в каирском اجنه. Вероятно, в данном случае речь идет о сторожевом пункте языров. Такие пограничные крепости обычно назывались по-огузски «удж» (120, с. 22).

[2] В публикации Торнберга (613, XI, с. 171) ошибочно البرزيه, а в каирском издании (165, XI, с. 110) вместо اليزريه стоит البرزيه.

[3] Садр ад-Дин Хусейни свидетельствует, что огузы пришли в Гурган в 1157 г., в год кончины Санджара (727, с. 94).

к шаху Мазандерана[1]. Рустам ибн Али с огромной армией из курдов, дейлемитов и туркмен, живших в районе Абескуна, двинулся на помощь Айтаку (669, с. 52). В начавшейся вскоре битве огузы атаковали правое крыло войска противника. Айтак бежал с поля брани, а за ним последовало и остальное войско мазандеранцев. После этого события Айтак ушел в Хорезм, а огузы направились в Дехистан, который был поблизости от места сражения. Огузы пробили брешь в стене Дехистана и ограбили его в начале 1161 г. Разрушив Гурган и рассеяв его жителей, они ушли в Хорасан. Эмир Айтак после ухода огузов из Гургана и Дехистана возвратился обратно в свои владения. Вскоре Айтак завоевал округ Джувейн и разгромил эмира Богра-Тегина Бузгуша ал-Джаракани (613, XI, с. 117; 118). В дальнейшем Айтак вынужден был признать себя вассалом хорезмшахов. В хутбе Гургана и Дехистана сначала упоминалось имя Иль-Арслана, а затем Айтака. Тяготясь своей зависимостью от правителя Хорезма, Айтак в 1165 г. сделал попытку сбросить его власть. Однако это имело для него роковые последствия, так как он потерял Дехистан, перешедший в руки Иль-Арслана (613, XI, с. 141).

Судя по приведенным данным, владения Ягмур-хана, правителя языров, находились между Хорезмом и Гурганом. Однако неизвестно, когда и при каких обстоятельствах Ягмур-хан стал правителем «язырских тюрок»[2]. Известно лишь, что в 1160 г. между Ягмур-ханом и Иль-Арсланом произошла кровопролитная битва. Хорезмшах нанес поражение язырам, которые обратились за подмогой к огузам Хорасана. В нападении Иль-Арслана на область Языр был замешан эмир Айтак, находившийся в союзнических отношениях с исфахбадом Табаристана. В 1161 г. огузы направились из Хорасана в Гурган и нанесли поражение Рустаму ибн Али и его союзнику Айтаку. Победа объединенных сил хорасанских огузов и языров, видимо, привела к расширению владений Ягмур-хана. Однако о дальнейших судьбах язырского юрта в средневековых источниках не сохранилось никаких сведений. Язырское владение начинает снова фигурировать на страницах истории лишь в первой четверти XIII в.

Средневековые источники не содержат также никаких сведений о политическом и социально-экономическом строе язырского владения. Этот пробел можно лишь отчасти восполнить на основе археологического материала, добытого на городище Шехр-Ислам. Развалины былого политического центра язырских ханов лежат в 22 км к северу от поселка Бахарден. Площадь Така-Языра составляет около 30 га, что свидетельствует о довольно крупном по тогдашним масштабам городе (236). Шехр-Ислам состоит из рабада и шахристана с двумя цитаделями. Стены

[1] Имеется в виду Рустам ибн Али ибн Шахрияр ибн Карун (1139—1164), представитель династии бавендидов, из ветви мулюк ал-джибал.

[2] Ибн ал-Асир свидетельствует, что Ягмур-хан был сыном Одака, или Озака' (165, XI, с. 116).

шахристана были защищены шестьюдесятью сторожевыми башнями. Так Язырский возник в IX—начале X в. и постепенно стал значительным городским центром. Пора наибольшего расцвета Шехр-Ислама относится к концу XII—началу XIII в. Вокруг разросшегося города в это время были возведены толстые стены из сырцового кирпича. Столица языров была одним из крупных центров торговли и ремесла (45, с. 127, 128). В городе имелись целые кварталы мастеров, изготовлявших посуду и другие предметы домашней утвари (46, с. 33—36). Шехр-Ислам вел караванную торговлю с Хорасаном, Ираном, Китаем, Индией (45, с. 128). Раскопки последних лет позволяют говорить о наличии в городе богатой знати и бедных слоев населения. Стены некоторых жилищ Шехр-Ислама имеют роспись, имитирующую деревянную решетку кибитки (44). Очевидно, эти жилища принадлежали язырам, перешедшим к оседлому образу жизни.

Язырское объединение первоначально состояло главным образом из кочевых племен. Среди племен язырской группировки упоминаются мангышлаки, являвшиеся типичными степняками. Однако после расселения в Таке и Дуруне языры стали постепенно оседать на землю. Захват язырами пригодной для возделывания культурной полосы в Юго-Западном Туркменистане оказал большое влияние на их дальнейшую хозяйственную жизнь. Местные природные условия вполне благоприятствовали занятию отгонным скотоводством и земледелием[1]. Языры, поселившиеся в горах близ Дуруна[2], стали обрабатывать землю (212, с. 68). Отдельные группы языров, вероятно, осели в долине Нохура (99, с. 93).

Язырское владение, судя по данным средневековых источников, просуществовало до 1213 г. Несеви рассказывает, что Туркан-хатун[3], мать Ала ад-Дина Мухаммада, последнего хорезмшаха, овладела Языром после смерти Хинду-хана. Она воспользовалась междоусобной борьбой правителя языров Хинду-хана с его братом Омар-ханом. Несеви свидетельствует, что Хинду-хан, придя к власти, приказал ослепить своего брата. Палач, которому было поручено ослепление, сжалился над Омар-ханом. В течение 11 лет Омар-хан прикидывался слепым, пока не умер Хинду-хан. «Туркан-хатун, — пишет Несеви, — овладела (после этого) областью Языр, основываясь на том, что Хинду-хан был женат на женщине из ее племени и из ее родственников. Тогда Омар-хан открыл свои глаза и отправился ко двору султана (Ала ад-Дина

[1] Память о язырах-земледельцах сохранилась не только в письменных источниках, но и туркменских народных легендах. Одно из преданий рассказывает о хане Языра, который наделил землей предка туркмен-шихов. Язырский правитель, согласно этой легенде, отдал «святому» Фахр ад-Дину селение Бендесен (47, с. 76).

[2] Развалины Дуруна лежат в 5—6 км к востоку от станции Бахарден (236, с. 294).

[3] Более правильным, вероятно, является чтение «Теркен-хатун» (762, II, с. 465).

Мухаммада), надеясь на утверждение в качестве правителя (области Языр). Однако ему не удалось то, на что он уповал, и он получил лишь прозвище Сабыр-хан» (265, с. 471).

В рассказе Несеви останавливает внимание интересная деталь о родственных связях Хинду-хана с султаншей Туркан-хатун. Последняя была дочерью крупного хана (748, с. 254) и происходила из племени баяут или урани (762, II, с. 465; 601, с. 80). Баяуты и урани входили в состав племен канглы-кыпчакской группировки и находились в родстве с династией хорезмшахов. Согласно установившейся традиции, правители Хорезма брали жен из ханских родов канглы и кыпчаков. Хорезмшах Текеш был женат на дочери Икрана — одного из влиятельных кыпчакских ханов (748, I, с. 290). В начале XIII в. крупную роль при дворе хорезмшахов играл предводитель канглы Амин-Малик, на дочери которого был женат Ала ад-Дин Мухаммад (748, II, с. 460). Кыпчаки и канглы, населявшие Каракумы (762, II, с. 370), наряду с играками и другими тюркоязычными племенами, составляли главную военную опору хорезмшахов[1]. Все эти факты проясняют свидетельство Несеви о династических связях вождей канглы и кыпчаков с правителями языров. Племена канглы-кыпчакского объединения представляли в XII—XIII вв. большую политическую силу. Хинду-хан именно поэтому вступил в брак со знатной женщиной из племени урани или баяут.

Туркан-хатун, ликвидировавшая политическую самостоятельность Языра, вероятно, присоединила эту область к своему личному домену (762, II, с. 466). Омар-хан фактически был почетным узником при дворе хорезмшахов. Будучи последним из известных нам язырских вождей, он погиб в начале XIII в. Весной 1219 г. Туркан-хатун бежала из Ургенча, надеясь укрыться от монголов в крепости Илал. Путь султанши лежал через Языр, и поэтому она взяла с собой Омар-хана. Когда Туркан-хатун приблизилась к Языру, то, опасаясь бегства Омар-хана, приказала его умертвить.

Туркменские племена Средней Азии в период монгольского нашествия

Средневековые нарративные источники содержат весьма отрывочные сведения о туркменских племенах кануна монгольского завоевания Средней Азии. Туркменские племена жили в эту пору в районе между Фарабом и Аральским морем (294, л. 11; 10, л. 79, 80). Отдельные группы туркмен населяли окрестности Янгикента и Приаральские Каракумы (768, с. 69, 70). Кочевья туркмен были разбросаны также между Джендом и озером Каракуль[2]. В начале XIII в. туркмены жили и на левом берегу Сыр-Дарьи в районе Зернука (762, I, с. 100). Значительная часть турк-

[1] В армии хорезмшахов служили и таджики, составлявшие отдельные военные отряды (762, I, с. 116, 121; 601, с. 75; 748, с. 980).

[2] В середине XII в. эти туркменские племена оказали помощь караханидским правителям Самарканда в борьбе против хорезмшахов (352, л. 82; 748, II, с. 908; 601, с. 12, 13).

мен населяла степи, окружающие Хорезмский оазис. «Живут там, — пишет Йакут, — племена из тюрок и туркмен со своими животными» (265, с. 420). Среди этих туркменских племен, вероятно, обитали чаграки (играки), служившие в армии хорезмшахов. В Приаралье и Прикаспии огузские и туркменские группы жили вперемешку с племенами канглы и кыпчаков (748, I, с. 231, 237). Основная масса туркмен накануне монгольского завоевания обитала в Хорасане, Гургане, Дехистане и сопредельных областях.

В первой четверти XIII в. туркменские племена Средней Азии приняли участие в борьбе с нашествием Чингис-хана. Одно из первых столкновений с завоевателями имело место после взятия монголами Дженда. В 1220 г. монгольская армия под командованием Джучи-хана двинулась на Шахркент[1]. Овладев этим городом, войско завоевателей направилось в Каракорум[2]. После захвата Дженда военачальники Чингис-хана собрали 10-тысячное ополчение из туркмен этой области (768, с. 120, 121). Туркменские отряды были подчинены монгольскому предводителю Тайнал-нойону и отправлены в Хорезм (ср. 516, с. 55). Туркмены в пути восстали против монголов, но были разбиты и бежали в сторону Мерва и Амуйе (768, с. 69, 70; 762, I, с. 90). Остальная масса туркмен, живших в окрестностях Дженда и Янгикента, была покорена монгольскими завоевателями (183, I, с. 31; 563, с. 144).

Туркмены, бежавшие из Дженда в Мерв, присоединились к отрядам Буки, который служил прежде в дозоре войска хорезмшахов. Бука по своему происхождению был туркменом. Вокруг него собрались и туркмены, жившие в Мургабской долине (295, V, с. 35; 762, I, с. 153, 154). С появлением Буки в Мерве резко обострилась борьба между двумя политическими группировками. Одна из них выступала за сдачу города Чингис-хану, а другая призывала оказать решительное сопротивление монголам. Сторонники отпора иноземным поработителям собрались вокруг Буки, которого поддержали рядовые воины и простые горожане. Затем в Мерве появился Муджир ал-Мульк, один из видных сановников Ала ад-Дина Мухаммада. Бука вынужден был уступить власть Муджир ал-Мульку, заявившему о своей готовности возглавить борьбу с монголами. «Туркмены и воины города, — пишет Джувейни, — хотя численность их превышала 70 000 человек, также подчинились (Муджир ал-Мульку)». Заручившись поддержкой туркмен, солдат и горожан, Муджир ал-Мульк казнил мервского шейх ал-ислама, являвшегося горячим приверженцем монголов. Сторонники Муджир ал-Мулька расправились и с Шамс ад-Дином, казнем Серахса, получившим за свое предательство деревян-

[1] Шахркент соответствует Янгикенту (355, I, с. 200; 762, I, с. 90).

[2] Каракорум, являвшийся ставкой тюрок-канглы, вероятно, находился поблизости от Дженда (748, I, с. 268, 269; 762, I, с. 89; 355, с. 200).

ную пайзу от самого Чингис-хана. Однако Муджир ал-Мульк не оправдал надежд, которые возлагали на него защитники Мерва. «Муджир ал-Мульк и мервская знать, — сообщает Джувейни, — предались развлечениям и удовольствиям и все вечера проводили за вином» (265, с. 489).

Между тем отряды войска Чингис-хана, занявшие Амуйе, стали продвигаться к Мерву. Первое сражение монголы завязали на подступах к городу с туркменской конницей. Туркмены и присоединившиеся к ним отряды «султанских тюрок» наголову разбили монголов и отбросили их от Мерва. После этого между туркменскими ополчениями и Муджир ал-Мульком начались раздоры. Туркмены избрали своим предводителем Ихтияр ад-Дина, который прибыл сюда из крепости Амуйе. Разногласия привели к разобщению сил защитников Мерва, на который надвигалось войско Тули-хана[1]. Джувейни утверждает, будто небольшой отряд монголов уничтожил 70-тысячное войско туркмен на Мургабе. Тули-хану и его воинам досталась большая добыча: огромные стада баранов и 60 000 лошадей. Разгром туркменских ополчений на Мургабе облегчил монгольским полководцам захват Мервской области[2].

Очевидно, участь туркменских племен Мургабской долины разделили также языры. Джувейни и Рашид ад-Дин отмечают Языр в числе областей, покоренных в 1221 г. Тули-ханом (762, I, с. 151; 355, I, с. 219). Монгольское завоевание нанесло тяжелый удар языркому владению. Население Шехр-Ислама в результате сильного погрома резко сократилось. Остатки местных жителей поселились у восточной цитадели города. Однако в дальнейшем на Таке-Языре отмечается некоторый подъем культурной жизни[3]. В XIV в. здесь строятся новые дома, возобновляется ремесленное производство (45, с. 127; 46, с. 34, 37). Языр в эту пору считался богатой хлебом земледельческой областью (763, с. 159). Хафиз-и Абру отмечает, что в Языре имелось много крупных деревень. Среди них он называет Фераву, Нохур, Гермаб, Мурчу[4] и другие селения (265, с. 529). В рассматриваемую эпоху Языр был одной из крупных провинций. Центральную часть Языра составляли предгорья Копет-Дага с нынешними Бахарденским и Геок-Тепинским оазисами. Однако в дальнейшем имя языров постепенно исчезает со страниц истории. Абу-л-Гази пишет, что в его время языров называли уже карадашлы (212, с. 68), но старое имя языров надолго сохранилось в памяти

[1] Тули-хан захватил Меручак, Серахс и Мерв зимой 1221 г. (516, с. 61; 760, с. 351).

[2] Дальнейшие события, происшедшие в Мерве, описаны Джувейни (762, I, с. 155—167) и Мирхондом (295, V, с. 36, 37).

[3] Область Языр упоминается Рашид ад-Дином при описании событий конца XIII в. (560, с. 170).

[4] Абд ар-Раззак Самарканди сообщает о местности Чалав в вилайете Языр (560, с. 135).

туркменского народа (268, с. 6). Потомки языров еще в недавнем прошлом пользовались большим уважением среди туркменских племен. Во время народных торжеств и празднеств они по старинной традиции занимали место для самых почетных гостей (197, с. 152).

Последствия монгольского завоевания

Монгольское завоевание принесло много бедствий туркменским племенам Средней Азии. Туркмены, оказавшиеся под игом монгольских ханов, были обложены тяжелыми налогами и повинностями. Джувейни сообщает о сборе с населения Мерва, Языра и Дехистана натуральных податей (улуфат) в неограниченном количестве (762, II, с. 616, 617). Поэт второй половины XIII в. Пур-и Баха отмечает, что туркмены, арабы и таджики страдали от налога купчура[1] (689, с. 193).

Сборщики налогов отличались большой жестокостью и в случае неуплаты «отнимали сыновей и дочерей» (183, II, с. 88). Обременительной повинностью для рядовых туркмен была и военная служба в монгольской армии[2]. Мобилизованное на войну ополчение туркмен Дженда не случайно восстало против завоевателей.

В результате монгольского нашествия многие племена туркмен и огузов оставили пределы Средней Азии, Ирана, Закавказья. Одним из них было племя кайи, которое, спасаясь от орд Чингис-хана, бежало в Малую Азию (408, л. 33). В некоторых источниках указывается, что кайи поселились в окрестностях Кара-Дага, вблизи Анкары. После разорения монголами Хорасана и Балха огузы, жившие в Махане, ушли в Азербайджан и Рум (409, л. 3). В османских источниках рассказывается о бегстве огузов из Хорасана в Анатолию во времена нашествия Чингис-хана (573, с. 199). Сообщается также об уходе караманов[3] из Ирана в Южную Анатолию (672, I, с. 42, 43). Караманы во главе с Нуры Софи направились через Ширван в область Арманак[4].

В период монгольского нашествия значительная масса огузов и туркмен оказалась также в Афганистане и Пакистане. Джувейни сообщает о прибытии огромного количества туркмен из Хорасана и Мавераннахра в область Пешавер (762, II, с. 460; ср. 748, II, с. 1015). Среди этих туркмен упоминаются играки, предводителем которых был Сайф ад-Дин (762, II, с. 404—465; 748, II, с. 1016—1043). Туркмены и огузы приняли активное уча-

---

[1] Очевидно, купчуром здесь называется подать, взимавшаяся с наличного поголовья скота (762, II, с. 616, 617).

[2] О службе туркмен в войске монголов сообщает, например, Рашид ад-Дин (355, I, с. 100).

[3] Одни историки относят караманов к племени афшар, а другие причисляют их к салырам (757, с. 316—318; 779, с. 8; 584, с. 4).

[4] Эта область была исторически связана с Конийским вилайетом и располагалась на одном из притоков Гёксу.

стие в борьбе Джелал ад-Дина с монголами в Герате, Пенджабе, Газне, Пешавере, Синде (165, XII, с. 172; 355, с. 220).

Монгольское завоевание сыграло отрицательную роль в исторических судьбах туркменского народа. Иноземные поработители разорили многие селения и города, уничтожили тысячи мирных жителей. Оставшиеся в живых были обложены непомерными податями и налогами. Монгольское нашествие нанесло тяжелый удар экономике и культуре средневекового Туркменистана.

Завоевание Чингис-ханом Средней Азии, в том числе Туркменистана, было облегчено внутренней непрочностью державы хорезмшахов. Эта огромная империя, ослабленная феодальными сепаратистскими движениями, не выдержала удара, нанесенного ей татаро-монгольскими захватчиками.

Феодальная знать государства хорезмшахов во главе с султаном Мухаммадом оказалась неспособной организовать отпор завоевателям. Значительная часть местной знати предала интересы своей родины. Открытый переход феодалов на сторону врага способствовал в немалой степени успехам монгольского оружия. Только народные массы были повсюду наиболее инициативной и активной силой в борьбе против чужеземных поработителей.

Завоевание монголами Туркменистана нанесло тягчайший удар по производительным силам страны. Разрушение таких крупных плотин, как, например, на Аму-Дарье и Мургабе, привело к упадку земледелия в оазисах левобережного Хорезма и Мервской области.

В меньшей степени, чем северная и южная части Туркменистана, пострадали прикопетдагская полоса и долины Сумбара и Атрека. В этих районах кое-где сохранилось сельское и отчасти городское население. Но и здесь завоеватели разграбили ряд крупных городских центров и опустошили множество сельских поселений. Сильному разорению подверглись населенные пункты Мисрианской равнины, где до сих пор еще видны остатки разрушенных городов, следы заброшенных каналов и пашен.

Опустошительный характер чингисханского нашествия объясняется крайне отсталой формой экстенсивного скотоводческого хозяйства монголов. Разрушая завоеванные области и страны, кочевая монгольская знать стремилась к превращению их в пастбищные угодья для своих многочисленных стад. Однако часть монгольской феодальной аристократии выступала за более рациональные и умеренные методы эксплуатации природных ресурсов и населения покоренных стран. Борьба между этими двумя группировками красной нитью проходит через всю историю монгольской державы (331; 332).

Завоевание монголами Туркменистана парализовало хозяйственно-экономическую жизнь страны. Погром городов и селений привел к упадку ремесла, земледелия, внутренней и междуна-

родной торговли. Некоторое исключение на этом фоне представлял Ургенч, восставший из руин в середине XIII в. Через него пролегали важные караванные пути, соединявшие Восточную Европу с Дальним Востоком.

В средневековых источниках почти нет сведений о туркменских племенах Средней Азии второй половины XIII — начала XIV в. Большинство туркмен, вероятно, нашло себе убежище в Каракумах, на Устюрте, Балханах и Мангышлаке. Очевидно, значительная часть северных групп туркменских племен оказалась в зависимости от монгольских ханов Дешти Кыпчака и Золотой Орды (199; 363). Кочевые туркмены были обложены натуральной податью, взимавшейся с поголовья скота, и несли военную повинность (182, с. 320).

Позднее, в связи с поворотом части вод Аму-Дарьи к Каспийскому морю, туркмены начали осваивать земли по Узбою, Дарьялыку и Сарыкамышу (310). Оседала преимущественно беднота, не имевшая достаточного количества скота для ведения самостоятельного кочевого хозяйства.

Монгольское завоевание Средней Азии вызвало крупные перемещения туркменских племен, повлекло за собой важные изменения в их этническом составе. В степях Прибалханья, на Узбое и Мангышлаке возникают новые объединения и территориальные союзы (199; 212; 364). Происходит смешение туркмен с пришлыми элементами монгольского и тюркского происхождения и старым этническим субстратом. Нивелирование социально-экономических отношений, материальной и духовной культуры, значительные изменения в антропологическом составе приводят к формированию общности туркмен, окончательно сложившейся в народность в XV—XVI вв.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Избранная тема составляет одну из интереснейших глав средневековой истории тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана. Огузская проблема вместе с тем характеризуется широким диапазоном и выходит далеко за пределы локальной истории Средней Азии. Значимость исследуемой темы определяется не хронологическими и географическими рамками, а ее местом в общем процессе всемирно-исторического развития. Историческое прошлое огузов и туркмен имеет не только познавательный, но и определенный теоретический интерес. В этом отношении наиболее важное значение имеет изучение их социально-экономической структуры, дающее возможность проследить некоторые закономерности перехода кочевников от первобытнообщинного к классовому антагонистическому обществу. Сравнительно-исторический подход к этим фактам позволяет уяснить особенности становления и утверждения раннефеодального строя у народов, миновавших рабовладельческую формацию. Это создает также условия для выявления отличительных черт процесса возникновения соответствующих форм их политической и государственной организации. Сочетая анализ с синтезом исторических фактов, можно проследить и некоторые общие тенденции в сфере этногенеза и формирования раннефеодальной народности.

Решение столь важного комплекса актуальных проблем, несомненно, требует более широких обобщений, значительного углубления и расширения ареала научных исследований. Достижение этой цели возможно на основе не только систематизированного и диахронного подхода, но прежде всего историко-типологического изучения всех этапов развития патриархально-феодальных отношений у различных кочевых народов мира. Однако сказанное нисколько не умаляет значения синтеза конкретных фактов на базе применения регионального принципа сравнительно-исторического метода. С этой точки зрения представляется вполне це-

лесообразным обобщение данных избранной темы путем их сравнения главным образом с синхронными явлениями общественного строя других тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана. Предлагаемый экскурс является именно такого рода попыткой, но вместе с тем он не претендует на исчерпывающее освещение всех проблем, связанных с генезисом и развитием патриархально-феодальных отношений.

Сравнение исследованных нами материалов с другими историческими фактами позволяет говорить, что кочевые общества не составляли какого-то исключения в мировой истории. В их социально-экономическом строе, как это видно и на конкретном примере избранной темы, выявляется действие объективных законов, лежащих в основе развития всего человечества. Поэтому трудно согласиться с мнением тех историков, которые утверждают существование особого, кочевого способа производства, равнозначного понятию формации (321). Однако в социально-экономической и политической организации степных племен имелись свои отличительные и характерные черты. Существование этих специфических особенностей было обусловлено приматом кочевого хозяйства и самой природой экстенсивного скотоводства. Подобный тип хозяйства не требовал большой затраты и широкого применения рабочей силы в непосредственной сфере производства. Именно поэтому рабство не стало у многих азиатских кочевников основой производства, главным средством добывания материальных благ. Рабовладение при переходе к классовому обществу сохранилось преимущественно как уклад и носило главным образом домашний характер. Господство экстенсивного скотоводства в хозяйстве было одной из основных причин минования подавляющим большинством азиатских кочевников рабовладельческой формации. Очевидно, немалую роль здесь сыграло также то обстоятельство, что к VIII—X вв. рабовладельческая формация давно уже исчезла в соседних с кочевниками и полукочевниками оседлых земледельческих оазисах Востока. Во всяком случае отличительной чертой общественного развития среднеазиатских кочевников был непосредственный переход от первобытнообщинного к раннефеодальному строю.

Становление классово антагонистического общества у кочевых народов было результатом длительного и сложного процесса исторического развития. Особенности этого процесса в значительной мере были обусловлены спецификой их материального производства. Значительная масса степных азиатских племен, в том числе огузы и туркмены, не была чистыми кочевниками. Даже в тех случаях, когда скотоводство явно доминировало в их хозяйстве, оно довольно часто сочеталось с охотой, земледелием и рыбной ловлей. В соответствии с этим и становление у них классового общества имело не однообразный, а многообразные пути своего развития. Однако процессы имущественной и социальной дифференциации у различных групп степных племен имели тес-

ную связь между собой. Весьма примечательно, что среди них основную массу оседлого и полуоседлого населения составляли обедневшие скотоводы.

Процесс оседания кочевников, разорившихся в силу тех или иных природных и экономических факторов, шел по двум основным направлениям. Часть из них вливалась в состав городского и сельского населения оазисов, а другая — обосновывалась в поселениях степной полосы. Последние были различных типов и в своем большинстве отличались от поселений древних земледельческих народов. Функциональное назначение их определялось не только важной ролью в хозяйстве, но и в повседневной жизни степных племен. Многие поселения, имевшие оборонительные сооружения, предназначались для укрытия людей и скота при военной опасности. Наиболее укрепленные и трудно доступные крепости служили резиденциями предводителей и местом хранения казны и продовольствия. Другие поселения городского и сельского типа являлись стационарными центрами ремесла, земледелия и торговли. Главным образом они возникали на месте прежних сезонных кочевых ставок и постоянных зимних поселений.

Исторические предпосылки образования классов не только у оседлых, но и кочевых народов появились еще в недрах первобытнообщинного строя. Прежде всего это проявилось в возникновении племенной зависимости, зарождении имущественного и социального расслоения и элементов сословных привилегий. Главным средством подчинения одних племен другим являлись частые войны и набеги в степной аридной зоне. Важную роль в этом процессе играла также коммендация — оказание покровительства сильными и многочисленными племенами более мелким и слабым племенам. Последующее развитие данного института объективно стало одним из исходных моментов появления внеэкономического принуждения. Само же подчинение одних племен другим, выражавшееся порой в несвободном, полурабском состоянии, все больше уступало место зависимости отдельных индивидуумов и семей. Все это было следствием разложения основ родо-племенного строя, что нашло свое отражение и в ряде других общественных явлений. В частности, это видно на примере такого неотъемлемого атрибута первобытнообщинного строя, как кровная месть, которая в дальнейшем все чаще заменялась выкупом. Одновременно наблюдается и тенденция к постепенной утрате своих привилегий знатными, или так называемыми старшими племенами. Регламентированное патриархальным обычаем их исключительное право на власть над остальными племенами фактически превращается больше в формальную, чем реальную норму общественной жизни. В результате процесса интенсификации разложения основ родо-племенного строя право на власть и господство давала не принадлежность к знатному племени, а реальная влиятельность и богатство той или иной фамилии (патронимии). Наряду с этим важные изменения произошли в области

семейного права и наследования имущества. Прослеживаемое по нашим материалам право старшего в роду трансформируется в наследование по прямой линии от отца к сыну[1]. Отдельные экономически сильные и наиболее богатые роды и семьи начинают выделяться из общины, ведя самостоятельное кочевое хозяйство. Все это способствует разложению больших и усилению общественной роли средних и малых родов и семей.

Специфической чертой рассматриваемой переходной стадии являлась нечеткость социальной организации и зарождающегося классового деления общества. Подавляющая масса непосредственных производителей состояла из общинников, которые юридически и фактически были свободными людьми. Отличительным признаком этой поры вместе с тем было переплетение старых, родо-племенных институтов с ростками новых, феодальных отношений. Длительное сосуществование этих двух укладов обусловливалось консервативным характером и медленными темпами развития экстенсивного скотоводства, низким уровнем и примитивностью земледельческого хозяйства полукочевых и кочевых племен. Однако при всей непрямолинейности и замедленности данного процесса шел неуклонный рост удельного веса патриархально-феодальных отношений. Зарождавшаяся аристократия и богатая знать постепенно возвышались над рядовой массой свободных общинников. Для этого использовались как органы старого, родо-племенного строя, так и элементы возникающей государственной власти. Совпадавшая с законным правом обязанность помогать своему родичу фактически превращалась в инструмент для закабаления непосредственных производителей материальных благ.

Средством подчинения свободных общинников являлись также институт клиентелы, различные виды коммендации и долговой кабалы. Определенную роль в этом процессе у кочевых тюркоязычных народов сыграла и трансформация патриархального обычая усыновления и временного перехода жениха в семью невесты. Жизненная необходимость возмещения потери рабочей силы в роду невесты породила обязанность отработать на ее семью либо уплатить определенный выкуп. В этих условиях бедные и недостаточно богатые юноши и мужчины оказывались в зависимости от других родов. Тем самым открывалась возможность для подчинения и эксплуатации недостаточно состоятельных и обедневших по различным причинам свободных членов общины.

По мере развития патриархально-феодальных отношений и разложения основ первобытнообщинного строя формировался слой зависимых людей. Своим фактическим положением они составляли промежуточное звено между свободными и домашними

[1] Возможно, в более раннюю пору, сведения о которой теряются в легендах, у огузов, как и некоторых других тюркоязычных кочевников, правом наследования пользовался младший сын.

рабами. В значительной мере эта зависимая категория напоминает так называемых литов, существовавших у «варварских» народов Западной Европы. Юридическое положение таких полусвободных людей для нас остается не ясным, но вряд ли они могли обладать правами, которые имели вольные члены общины.

Одним из исходных моментов закабаления свободных общинников явилось коллективное право и обязанность участия в войнах и охране своего племени. Сначала это была общественная функция, принадлежавшая всему роду или союзу племен. Однако в эпоху военной демократии межплеменные столкновения и грабительские набеги становятся обычным, повседневным явлением. Поэтому высшая ступень первобытнообщинного строя характеризуется усилением роли военных предводителей в общественной жизни кочевников. В условиях почти непрерывных войн значительно упрочивается их влияние на рядовую массу соплеменников[1]. Постепенно вокруг таких военных главарей сколачиваются дружины, превращающиеся в опору их власти и могущества. Обязанностью знатных предводителей становится кормление и содержание дружинников, как и своей домашней челяди. Все это способствует возникновению непосредственной материальной зависимости рядовых воинов-общинников от крупных предводителей. Дружины знатных и богатых вождей становятся орудием для подчинения их власти простых соплеменников и покоренных народов. Сами дружинники и народные ополчения постепенно оказываются в зависимом положении от влиятельной и разбогатевшей степной аристократии. В процессе дальнейшего развития и усиления патриархально-феодальных отношений добровольное участие общинников в защите племени и набегах превращается в обязанность нести военную службу в пользу своих вождей.

Советская историография внесла ценный вклад в разработку проблемы становления и развития патриархально-феодальных отношений у степных племен Азии. Однако смена у кочевников родо-племенного строя классовым обществом зачастую изображается как процесс медленной эволюции. В самом же деле их переход от первобытнообщинного к раннефеодальному строю не был мирной трансформацией количественных изменений в новое структурное качество. Утверждение патриархально-феодальных отношений у кочевых народов сопровождалось ожесточенной борьбой между народившейся аристократией и массой

[1] В известной мере этому, вероятно, способствовал патриархальный обычай, требовавший устройства общиной или всем племенем коллективных угощений по случаю удачных набегов и военных походов. Однако с течением времени эта общественная функция оказалась в руках военно-племенной знати. Интересно отметить, что отголоски этого трансформированного обычая сохранялись еще в XI в. у различных тюркоязычных народов Азии (771, с. 45, 46). Заслуживает внимания и существовавшая у них традиция периодической отдачи ханом во время таких пиров части своего имущества на разграбление соплеменникам (218; 572; 585; 771).

свободных общинников. Своим упорством она, пожалуй, нисколько не уступала социальным коллизиям при смене первобытно-общинного строя рабовладельческой формацией.

В сложном единстве и борьбе социальных противоположностей отмирали старые, родо-племенные институты и закладывались основы нового классового общества. Однако его утверждение, сопровождавшееся острыми социальными потрясениями, было поступательным, но далеко не однолинейным процессом. В отличие от подавляющего большинства средневекового земледельческого населения оазисов кочевники этой поры представляли собой вооруженную массу людей. Ношение оружия было не просто обязанностью, но и законным правом вольных скотоводов. Обширные степные просторы и возможность быстрой перекочевки затрудняли их подчинение государственной власти. Даже взимание податей и налогов обычно превращалось в военную кампанию и нередко завершалось кровопролитием. Поэтому закабаление основной массы кочевых племен шло замедленными темпами и не сразу приводило к желаемой цели. Затяжной характер обращения свободных общинников в податное сословие зависимых людей составляет отличительный признак рассматриваемого периода.

Обострение социальных противоречий явилось одной из важных и объективно прогрессивных движущих сил на пути создания нового общественного строя. Став источником саморазвития, оно постепенно обрело черты непримиримых классовых противоречий. Столкновение антагонистических интересов способствовало переходу от дофеодальной к раннефеодальной государственной организации. В этом процессе важную роль сыграла постепенная трансформация древних, родо-племенных норм коллективной собственности на скот и пастбищные угодья. Первоначально земля, как и скот, принадлежала всему роду или племени. Община сама распределяла сезонные летовки и зимовки и регулировала возникавшие конфликты между скотоводческими хозяйствами. Дофеодальное государство принимает на себя часть этих функций, что приводит к утверждению более стабильного ареала перекочевок и пастбищных угодий. В этот период времени устанавливаются границы между пригодными для ведения экстенсивного скотоводства землями привилегированных и менее знатных племен. С образованием раннефеодальных держав прослеживается зарождение государственной собственности на пастбища, что становится важным средством закабаления простых общинников. Старое, родовое земельное право все больше трансформируется в собственность государства и олицетворяющей его правящей династии. В соответствии с этим вводится сбор податей и налогов не только с оседлого, но и скотоводческого населения. Однако кочевые племена оказывают всемерное сопротивление попыткам их фактического превращения в рядовую массу податного сословия. Завязывается борьба, которая в зависимости от расстановки и соот-

ношения классовых сил достигает большей или меньшей степени остроты. Несмотря на это, феодальные отношения получают широкий простор для развития, но переплетаются и еще длительное время сосуществуют с патриархально-родовыми пережитками.

Переход кочевников от дофеодального к раннефеодальному обществу сопровождался развитием примитивного административно-государственного аппарата. Однако старые, родо-племенные органы управления не сразу теряют свое значение. Сохраняется власть родовых вождей, функционируют народные собрания, советы знати и родо-племенные ополчения. В характере и сущности этих политических и военных институтов вместе с тем происходят серьезные изменения. Народные собрания, являвшиеся некогда верховным органом управления, выполняют уже больше формальные, чем реальные функции. Главную роль в общественной жизни начинают играть советы знати при верховных правителях, власть которых являлась наследственной. Созывающиеся все реже народные собрания фактически лишь утверждают решения, выносимые правящей знатью. Всенародные ополчения, сохраняющие прежнюю, родо-племенную структуру, оказываются в прямой зависимости не от выборных, а назначаемых верховным правителем военачальников. Военная знать, имевшая свои дружины, превращается в ведущую общественную силу и консолидируется в аристократическое сословие.

Крупные перемены в экономической и политической структуре оказали большое влияние на соответствующие явления в области духовной культуры. Наиболее ярко оно прослеживается в языческих религиозных верованиях, которые хотя в народной среде относительно долго удерживают свои позиции, но обнаруживают повсеместно общую тенденцию к постепенному исчезновению. Шаманистский и другие культы, являвшиеся реликтом первобытно-общинного строя, начинают уступать свое место утверждающимся монотеистическим религиям. Господствующая феодализирующаяся знать первой отходит от политеизма, не соответствовавшего больше ее классовым эксплуататорским целям.

В истории феодальных держав, созданных аристократией степных племен, большое значение имело покорение ими старых земледельческих областей. Сам характер завоевания определялся главным образом преобладанием того или иного типа скотоводческого хозяйства. В соответствии с этим можно проследить исторические закономерности нашествий и захвата кочевыми племенами древних центров оседлой культуры.

Одной из главных причин участия в таких завоеваниях широких масс полукочевых и кочевых племен являлся не только захват добычи, но и приобретение новых земель и пастбищ. Рост населения в степной аридной зоне, частые войны и нашествия, имущественное и классовое расслоение были основными причинами крупных передвижений кочевых народов в земледельческие оазисы. Нарушение естественных и исторически сложившихся

границ пастбищных территорий в результате межплеменных столкновений приводило к цепной волне интенсивных миграций. Своими масштабами они подчас не уступали грандиозным передвижениям «варварских» народов эпохи великих переселений.

Структура и природа созданных кочевой знатью феодальных государств, особенно на раннем этапе, зависели от уровня социально-экономического строя завоевателей. Важную роль при этом, естественно, играла также соответствующая фаза и степень развития феодальных отношений в покоренных странах. Однако проблемы генезиса и конкретной типологии подобных государств, к сожалению, еще недостаточно разработаны в советской историографии. Поэтому мы ограничились рассмотрением отличительных признаков лишь одного из путей образования и развития таких феодальных держав и владений[1].

Исследованный фактический материал позволяет видеть, что при соответствующем уровне патриархально-феодальных отношений происходит относительно быстрое слияние интересов кочевой знати и местной земледельческой аристократии. Само завоевание не отличается катастрофическим разрушением производительных сил и преднамеренным истреблением покоряемого населения. Однако на первоначальном этапе среди кочевой знати идет борьба вокруг политической ориентации и дальнейшего социально-экономического курса. Большая или меньшая степень ее остроты и накала зависят от специфики кочевого хозяйства, уровня общественного строя и расстановки классовых сил. Несмотря на это противоборство, неуклонно усиливается и в конечном счете побеждает тенденция к союзу с местными феодальными кругами.

Одним из важных факторов, способствовавших образованию таких феодальных государств и владений, являлось стремление полукочевой и кочевой аристократии к превращению в крупных земельных собственников. При этом ее влекла реальная перспектива установления своего господства и эксплуатации городского и сельского населения богатых оазисов. Усилению подобной тенденции среди знати степных племен объективно способствовало дальнейшее развитие так называемой удельной системы. Зарождение ее у кочевых народов было следствием крупных перемен в общественном строе, вызванных становлением патриархально-феодальных отношений. Переход от дофеодальной к раннефеодальной державе, как отмечалось выше, сопровождался возникновением государственной собственности на землю. В соответствии с этим и пастбищные угодья начинают рассматриваться как собственность всех членов правящей фамилии, стоящей во главе подвластных ей родов и племен. Однако по мере развития

[1] В данном случае имеется в виду в основном история сельджукского государства в Хорасане, огузского владения Кермана и Западно-караханидского каганата.

вглубь патриархально-феодальных отношений эта удельная система претерпевает серьезные изменения. Наблюдается рост и преобладание тенденции к постепенной замене патронимальной формы объективно более прогрессивной индивидуальной собственностью. Сначала это развитие происходит в рамках самой удельной системы, а затем в масштабах всего государства. Подобная трансформация являлась результатом органического синтеза патриархально-феодальных с более зрелыми феодальными отношениями, существовавшими в завоеванных странах (649; 771).

В результате завоевания культурных оазисов кочевыми племенами органы управления последних оказываются не пригодными для осуществления прочного господства над завоеванными странами. Появляется необходимость создания более мощного и стабильного феодально-бюрократического аппарата. В его основу, как правило, кладется прежняя, иногда несколько видоизменная модель, заимствованная у местного земледельческого населения. Наряду с этим происходит замена утрачивающих свое значение родо-племенных ополчений постоянной наемной армией. Расширяется социальная база власти господствующей династии, которая все больше опирается на города и оседлую феодальную знать. Однако наряду с потомственной аристократией важную роль начинает играть новая служилая знать, поддерживаемая средними феодальными слоями. Благодаря этому широкое распространение получают различные виды земельных и других пожалований за военную и гражданскую службу. Объективное развитие этой феодальной системы приводит со временем к эволюции условных держаний в пожизненную и наследственную собственность. Постепенно наследственный характер обретают не только различные формы пожалований, но и государственные должности.

Рассматриваемые процессы свидетельствуют о втягивании полукочевых и кочевых племен в орбиту действия феодальных отношений, развивавшихся в покоренных ими странах. Одновременно происходит сложное переплетение и синтез патриархально-раннефеодальных с более зрелыми феодальными отношениями. Кочевая аристократия, особенно члены правящей фамилии, богатеют за счет ограбления и эксплуатации завоеванных народов и своих простых соплеменников. Основная масса кочевников получает в целом небольшие выгоды от завоевания и постепенно обращается в обычное податное сословие. Центральные власти над полукочевыми и кочевыми племенами назначают государственных чиновников, облаченных административными и фискальными правами. Они несут военную повинность, уплачивают подати и налоги за пастбища, имеющие соответствующие водные источники. Среди них исподволь зреет недовольство гнетом феодалов и центрального правительства, что нередко приводит к открытым восстаниям.

Завоевательные войны кочевников способствовали распаду патриархально-родовых связей, перегруппировке и смешению

различных племен. Они ускоряли процесс образования этнической общности нового типа, в основе которой лежали не кровнородственные, а хозяйственно-территориальные связи. В изменившейся природной и этнической среде происходила метисация пришлых элементов с местным степным и оседлым населением. В этих условиях закладывались основы народностей с соответствующими отличительными чертами социально-экономической жизни, материальной и духовной культуры.

Советская историческая наука, особенно за последние годы, внесла большой вклад в разработку проблемы образования народностей. Однако в некоторых работах высказаны положения, фактически отрицающие возможность существования народностей, основным типом хозяйства которых было скотоводство (37, с. 29). Многочисленные факты средневековой истории кочевых азиатских народов ставят под сомнение и опровергают подобную точку зрения. Разумеется, процесс сложения таких народностей имел свои отличительные черты, но он протекал на базе общих исторических закономерностей (38; 39). Прежде всего это выражалось в интеграции уровня общественного строя, ведущего типа хозяйства, развитии общности территории, языка и культуры. Специфической особенностью большинства таких народностей являлось сохранение патриархально-феодальных отношений под старой, родоплеменной оболочкой при господстве экстенсивной формы скотоводства. Характерным признаком кочевых народностей, образовавшихся из разнородных этнических компонентов, был сложный и долгий путь исторического формирования. Обычно такие народности сохраняли в повседневном быту и физическом облике древние местные истоки и фактически получали от кочевников-завоевателей лишь общий язык. Сформировавшись в результате длительного многостороннего взаимовлияния аборигенных и пришлых элементов, они вместе с тем отличались от своих исходных слагаемых. Различие заключалось не только в новом языке и метисных чертах антропологического типа, но и во всем комплексе ведущих признаков, и особенно этническом самосознании. Эти признаки формировались в результате долгой совместной жизни и тесных контактов на определенной территории, являвшейся важным условием для развития этнической общности и существования единой народности. Другим не менее значительным фактором при этом была общность языка, проявлявшаяся главным образом в письменной литературе, которая возникала на базе различных говоров и диалектов. Таковы основные моменты формирования раннефеодальных кочевых народностей, ведущим типом хозяйства которых являлось экстенсивное скотоводство.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абу Абдаллах Мухаммад ибн Абдаллах Нишапури. Тарих-и Нишапур. Тегеран, 1960.

2. Абу Абдаллах Мухаммад ибн Мухаммад аш-Шариф ал-Идриси. Нузхат ал-муштак фи хтирак ал-афак. Рукопись БСЩ, Ар. НС-176.

3. Абу Абдаллах Мухаммад ибн Мухаммад аш-Шариф ал-Идриси. Китаб Руджар. Фотокопия рукописи б-ки им. В. Коларова. София (Болгария).

4. Абу-л-Аббас Зеркуб Ширази. Шираз-наме. Тегеран, 1310 г. х. с.

5. Абу-л-Аббас Ахмад ибн Йахья ибн Джабир ал-Балазури. Китаб футух ал-булдан. Каир, 1932.

6. Абу-л-Фазл Бейхаки. Тарих-и Бейхаки. Тегеран, 1324 г. х.

7. Абу-л-Фазл Бейхаки. Тарих-и Масуди. Изд. Саида Нафиси, т. I—III. Тегеран, 1326 г. х.

8. Абу-л-Фазл Бейхаки. История Масуда. Пер. и прим. А. К. Арендса. Ташкент, 1962.

9. Абу-л-Хасан Али ибн Зейд Бейхаки. Тарих-и Бейхак. Тегеран, 1317 г. х.

10. Абу-л-Хасан Саид Али ал-Джурджани. Масалик ал-мамалик. Рукопись ИНА АН СССР, А-672.

11. Абу-л-Хасан Али ибн Хусейн ибн Али ал-Масуди. Ахбар аз-заман. Каир, 1357 г. х.

12. Абу-л-Хасан Али ибн Хусейн ибн Али ал-Масуди. Мурудж аз-захаб ва мадан ал-джавахир, ч. I—III. Каир, 1958.

13. Абу Рейхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни. Китаб ал-джамахир фи марифат ал-джавахир. Хайдерабад, 1355 г. х.

14. Абу Рейхан Бируни. Памятники минувших поколений. Пер. и прим. М. А. Салье. Ташкент, 1957.

15. Абу Рейхан Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. Пер. А. М. Беленицкого. М.—Л., 1964.

16. Абу Омар Минхадж ад-Дин Осман ...Джузджани. Табакат-и Насири. Кабул, 1342 г. х.

17. Абрамович Д. И. Речной сток равнинного Казахстана. Алма-Ата, 1950.

18. Агаджанов С. Г. Некоторые исторические данные о туркменских сортах дынь. ИАН ТССР, 1955, № 3.

19. Агаджанов С. Г. Восстание огузов 1153 года и падение Восточно-сельджукского государства. (Автореф. канд. дисс.). Ашхабад, 1956.

20. Агаджанов С. Г. К вопросу о торговой и дипломатической практике огузо-туркменских племен в X—XI вв. ИАН ТССР, 1957, № 3.
21. Агаджанов С. Г. Новые материалы о происхождении туркмен. ИАН ТССР, СОН, 1963, № 2.
22. Агаджанов С. Г. Уникальная медаль с изображением султана Мухаммада Тогрул-бека. ИАН ТССР, СОН, 1964, № 4.
23. Агаджанов С. Г. Новое известие о средневековых тюрках. ИАН ТССР, СОН, 1965, № 5.
24. Агаджанов С. Г., Юзбашян К. Н. К истории тюркских набегов на Армению в XI в. ПС, вып. 13 (76), 1965.
25. Агаджанов С. Г. Средневековые этимологии названия «туркмен». ВСЭТН, Ашхабад, 1967.
26. Агаджанов С. Г. Основные проблемы истории огузских племен Средней Азии. ФИТН. Л., 1967.
27. Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции. ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956.
28. Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, т. V, 1958.
29. Аджаиб ад-дунйа. Рукопись ИНА АН СССР, А—253—2.
30. Александров Е. Жанкент. «Туркестанские ведомости», 1885, № 45, 49.
31. Али-заде А. А. К некоторым вопросам, относящимся к истории владычества сельджуков на Среднем Востоке и в Закавказье. «Вопросы истории народов Кавказа». Тбилиси, 1966.
32. Алпамыш. Узбекский народный эпос. М., 1958.
33. Альбов М. Н. Золотоносные сланцы Кумакского района. «Цветные металлы», 1930, № 8—9.
34. Альбов М. Н. Вторичная зональность золорудных месторождений Урала. М., 1960.
35. Анна Комнина. Сокровенное сказание о делах царя Алексея Комнина. Пер. под ред. В. И. Карпова. Спб., 1895.
36. Андалиб. Огуз-наме. Рукопись ИЯЛ АН ТССР, инв. № 1373.
37. Агаев А. Г. Народность как социальная общность. «Вопросы философии», 1965, № 11.
38. Агаев А. Г. К вопросу о теории народности. Махачкала, 1965.
39. Алексеев В. Род, племя, народность, нация. М., 1962.
40. Артамонов М. И. Саркел—Белая Вежа. МИА СССР, 1958, № 62.
41. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
42. Архангельский А. Д. Геологические исследования в низовьях Аму-Дарьи. М.—Л., 1931.
43. Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
44. Атагаррыев Е. К вопросу о водоснабжении средневекового Шехр-Ислама и его окрестностей. ИАН ТССР, СОН, 1966, № 2.
45. Атагаррыев Е. Археологическое изучение средневекового города Шехр-Ислама. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. Баку, 1965.
46. Атагаррыев Е. Новые данные по истории Шехр-Ислама. ИАН ТССР, СОН, 1966, № 3.
47. Атаев К. Некоторые данные по этнографии туркмен-шихов. ТИИАЭ АН ТССР, т. VII, 1963.
48. Афзал ад-Дин Кермани. Китаб икд ал-ала ли-л мавкиф ал-ала. Тегеран, 1311 г. х.
49. Афзал ад-Дин Кермани. Тарих-и Афзал йа бадайи ал-азман фи вакайи Керман. Тегеран, 1326 г. х.
50. Ахаллы С. Салырбабаның эсеринде Коркут-Ата. ИТФАН СССР, 1950, № 3.
51. Ахмад ибн Мухаммад Гаффари Кашани. Тарих-и нигаристан. Тегеран, 1962.

52. Ахмад ибн Али ал-Манини. Ал-Фатх ал-вахби ала тарих Абн Наср ал-Утби. Каир, 1268 г. х.
53. Бартольд В. В. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. ПТКЛА, 1896.
54. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. ЗИАН ИФО, т. I, № 4, 1894.
55. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I, Тексты. Спб., 1898.
56. Бартольд В. В. Еще известие о Коркуде. ЗВОРАО, т. XIX, 1909.
57. Бартольд В. В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. Зап. РГО, отд. этнографии, т. XXXIV, 1909.
58. Бартольд В. В. Новый труд о половцах. «Русский исторический журнал», 1921, № 17.
59. Бартольд В. В. Султан Санджар и гузы. ЗВОРАО, т. XX, 1912.
60. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.
61. Бартольд. К истории орошения Туркестана. ЗВОРАО, т. XIX, 1909.
62. Бартольд В. В. По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г. Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Пг., 1924.
63. Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. Ташкент, 1925.
64. Бартольд В. В. Арабские известия о русах. СВ, 1940, № 1.
65. Бартольд В. В. Сочинения, т. I. М., 1963.
66. Бартольд В. В. Сочинения, т. II, ч. I. М., 1963.
67. Басилов В. О пережитках тотемизма у туркмен. ТИИАЭ АН ТССР, т. VII, 1963.
68. Бациева С. М. Социальные основы историко-философского учения Ибн Халдуна. В кн.: «Памяти акад. И. Ю. Крачковского». Л., 1958.
69. Бациева С. М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М., 1965.
70. Байпаков К. М. О локализации главного города Отрарского оазиса в IX—XII вв. Археологический сборник. Л., 1964.
71. Бадаи ат-таварих. Рукопись ИНА АН СССР, В-2304.
72. Барминцев Ю. Н. Эволюция конских пород в Казахстане. Алма-Ата, 1958.
73. Беленицкий А. М. Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании. СЭ, 1948, № 4.
74. Беленицкий А. М. «Картина мира» по Бируни. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедческая, № 98, вып. 1, 1949.
75. Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя. МИА СССР, 1950, № 15.
76. Беляев В. И. Географический труд ал-Идриси. Тр. БСЩ, т. II. Л., 1957.
77. Берг Л. С. Аральское море. Опыт физико-географической монографии. Спб., 1908.
78. Берг Л. С. Природа СССР. М., 1955.
79. Берг Л. С. Избранные труды, т. II. М., 1958.
80. Бернштам А. Н. К исторической топографии Чуйской долины. ВДИ, 1940, № 2.
81. Бернштам А. Н. Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942.
82. Бернштам А. Н. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье. КСИИМК, вып. XIII, 1946.
83. Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенез Южного Казахстана. ИАН КазССР, СА, 1950, № 2.
84. Бернштам А. Н. Древний Отрар. ИАН КазССР, 1951, № 3.
85. Бернштам А. Н. Историческая география Тянь-Шаня и Памиро-Алая. ИВГО, т. 87, вып. 1, 1955.
86. Бетехтин А. Г. Курс минералогии. М., 1956.

87. Бейдави. Низам ат-таварих. Рукопись БСЩ, ПНС—302.
88. Беха ад-Дин ибн Муайид ал-Багдади. Ат-тавассул ила-т-тарассул. Тегеран, 1315 г. х.
89. Билибина Т. В., Богданов Ю. В. О перспективах золотоносности в районе Мугоджар. «Геология рудных месторождений», 1959, № 5.
90. Бируни. Сборник статей. М.—Л., 1950.
91. Боголюбский С. Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959.
92. Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1963.
93. Бубнова М. А. Горно-металлургическая область Шельджи в IX—XI вв. (Автореф. канд. дисс.). Л., 1963.
94. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, Спб., 1869.
95. Букинич Д. Общий очерк Иргиз-Тургайского района. Тр. Тургайской мелиоративной экспедиции. Оренбург, 1930.
96. Булгаков П. Г. К биографии Бируни. НАА, 1966, № 4.
97. Буряков Ю. Ф. О местонахождении «Серебряного рудника Шаша». ОНУ, 1965, № 12.
98. Валидов А. З. Мешхедская рукопись Ибн ал-Факиха. Изв. РАН, т. XVIII, сер. VI, 1924.
99. Васильева Г. П. Туркмены-нохурли. Среднеазиатский этнографический сборник, вып. 1. М., 1954.
100. Васильев А. История и древности восточной части Средней Азии. Спб., 1859.
101. Васильевский В. Г. Византия и печенеги. Тр. В. Г. Васильевского, т. I. Спб., 1908.
102. Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. Спб., 1877.
103. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
104. Владимирцов Б. Я. Заметки к древнетюркским и старомонгольским текстам. ДАН, 1929, № 16.
105. Волин С. Л. К истории древнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1.
106. Вопросы географии Казахстана, вып. 9. Алма-Ата, 1962.
107. Вопросы минералогии и геохимии месторождений Казахстана. Алма-Ата, 1963.
108. Воронов А. Г. О колебаниях уровня озер. ИВГО, т. 79, вып. 5, 1947.
109. Всеобщая история Вардана Великого. Пер. с арм. И. Эмин. М., 1861.
110. Вторая записка Абу Дулафа. Изд. текста, пер., введен. и коммент. П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова. М., 1960.
111. Вяткин В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, 1902.
112. Гамаюнова А. П., Голосков В. П. Материалы к флоре и растительности Чу-Илийских гор. ИАН КазССР, СБ, 1949.
113. Гинзбург В. В. Расовые типы Средней Азии и их формирование в процессе этногенеза ее народов. Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Ташкент, 1964.
114. Гибб Х. А. Арабская литература. Классический период. М., 1960.
115. Голубовский П. И. Об узах и половцах. ЖМНП, ч. 224, 1884.
116. Голубовский П. И. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.
117. Голубовский П. Половцы в Венгрии. Университетские известия, т. XXIX, № 12. Киев, 1889.
118. Гольмстен В. В. Буртасы. КСИИМК, вып. XIII, 1946.
119. Годлевский В. А. Из комментариев к староосманскому переводу хроники малоазиатских сельджуков. М., 1911.

120. Гордлевский В. А. Государство сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941.
121. Городцов Б. А. Краткие сведения об археологических исследованиях в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. Харьков, 1905.
122. Городцов Б. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. М., 1907.
123. Григорьев В. В. Об арабском путешественнике X в. Абу Долефе и странствовании его по Средней Азии. ЖМНП, ч. CLXIII, № 9, отд. 2, 1872.
124. Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении. ИАН КазССР, СА, 1948, № 1.
125. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Спб., 1914.
126. Грумм-Гржимайло Г. Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель Центральной Азии за исторический период. ИГГО, т. 65, 1933.
127. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
128. Гумилев Л. Н. Хазария и Каспий. Ландшафт и этнос. ВЛГУ, 1964, № 6.
129. Гусейнов Р. А. К истории тюрок XI—XII вв. ТИИАН АзССР, т. XII, 1957.
130. Гусейнов Р. А. Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960.
131. Гусейнов Р. А. «Хроника» Михаила Сирийца. ПС, вып. 5 (68), 1960.
132. Давидович Е. А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских караханидов. Тр. Гос. исторического музея, нумизматич. сер., ч. II, вып. 24, 1957.
133. Давидович Е. А. Клад караханидских монет XI в. из Таджикистана. СА, 1957, № 3.
134. Демидов С. М. К вопросу о некоторых пережитках домусульманских обрядов и верований юго-западных туркмен. ТИИАЭ АН ТССР, т. VI, 1962.
135. Демидчик В. П. Описание Волги в «Книге изображений земли» арабского географа X в. Абу-л-Касима ибн Хаукала. ИООН АН ТаджССР, 1962, № 2.
136. Джикиев А. Материалы по этнографии мангышлакских туркмен. ТИИАЭ АН ТССР, т. VII, 1963.
137. Джикиев А. Этнографические данные по этногенезу туркмен-салыров. М., 1964.
138. Джикиев А. История туркмен и народные предания. «Эдебият ве сунгат», 1967, № 8.
139. Джузджани. Табакат-и Насири. Рукопись ИНА АН СССР, С—1846.
140. Добромыслов А. И. Города Сырдарьинской области. Ташкент, 1912.
141. Довлетшах Самарканди. Тазкират аш-шоара. Рукопись ИНА АН СССР, А—698.
142. Досмамед. Избранные произведения. Ашхабад, 1962.
143. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
144. Еремеев Д. К этнографии малоазиатских туркмен. ТИИАЭ АН ТССР, т. VII, 1963.
145. Еремеев Д. Происхождение юрюков и туркмен Турции и основные этапы их истории. Этнические процессы в странах Передней Азии. М.—Л., 1963.
146. Еренов А. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961.
147. Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.—Л., 1950.
148. Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса. ТХАЭЭ, т. I, 1952.
149. Жуков Л. Н. Драгоценные и поделочные камни. М., 1961.
150. Заборов М. А. Современная буржуазная историография крестовых походов. Средние века, вып. IV, М., 1953.

151. Заборов М. А. Апология захватнических войн под видом изучения истории крестовых походов. Вопросы религии и атеизма. М., 1954.
152. Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов. М., 1966.
153. Закария Казвини. Аджанб ал-махлукат. Рукопись БСЩ, ПНС-115. ПНС-115.
154. Замятин А. Материалы по золотопромышленности Орского района. «Горный журнал», 1928, № 2.
155. Записки путешествия акад. Фалька. Полное собрание ученых путешествий по России, т. VI. Спб., 1825.
156. Заходер Б. Н. История восточного средневековья. М., 1944.
157. Заходер Б. Н. Хорасан и образование государства сельджуков. ВИ, 1945, № 5—6.
158. Заходер Б. Н. Из истории волжско-каспийских связей Древней Руси. СВ, 1955, № 3.
159. Заходер Б. Н. Поволжье и юго-восток Каспия. FO. Krakow, 1960.
160. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962.
161. Захир ад-Дин Нишапури. Сельджук-наме. Тегеран, 1332 г. х. с.
162. Зайончковский А. Персидский источник по истории ак-коюнлу. НАА, 1965, № 4.
163. Зеркуб Ширази. Шираз-наме. Рукопись БСЩ, № 305 (по каталогу Б. Дорна).
164. Зубдат ат-таварих. Рукопись ИНА АН СССР, С—505.
165. Ибн ал-Асир ал-Джазири. Тарих ал-камил, т. I—XII. Каир, 1301 г. х.
166. Ибн ал-Варди. Харидат ал-аджаиб ва фаридат ал-гараиб. Рукопись БСЩ, № 114 (по каталогу Б. Дорна).
167. Ибн ал-Факих. Китаб ахбар ал-булдан. Фотокопия мешхедской рукописи ИНА АН СССР. ИФВ—202.
168. Ибн Исфендияр. Тарих-и Табаристан, т. II. Тегеран, 1320 г. х. с.
169. Ибн Ийас. Нашр ал-азхар. Рукопись ИНА АН СССР. В—1033.
170. Ибн Саид ал-Магриби. Джуграфийа. Рукопись ИНА АН СССР, С—591.
171. Ибн Сина. Канон врачебной науки, кн. II. Ташкент, 1956.
172. Иванов В. К вопросу об исторической топографии Старого Сайрама. В сб. «В. В. Бартольду». Ташкент, 1927.
173. Икбал А. Тарих-и Иран. Тегеран, 1939.
174. Иностранцев К. Коркуд в истории и легенде. ЗВОРАО, т. XX, 1912.
175. Иомудский Н. Н. Из народного предания туркмен. В сб. «В. В. Бартольду». Ташкент, 1927.
176. Иванов М. С. Племена Фарса. М., 1961.
177. Инша. Рукопись ИНА АН СССР, С—816.
178. Ибрагимов С., Храковский В. Материалы для истории образования казахского языка. ИАН КазССР, СИАЭ, 1952, № 2.
179. Ибрахим ибн Васиф Шах. Аджанб ад-дунйа. Рукопись ИНА АН СССР, В—613.
180. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1962.
181. Исторические записки Никифора Вриенния. Пер. под ред. В. И. Карпова. Спб., 1895.
182. История ТССР, т. I, кн. 1. Ашхабад, 1957.
183. История монголов по армянским источникам. Пер. с армянского К. П. Паткова, вып. I—II. Спб., 1873—1874.
184. Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
185. Кабус-наме. Пер. и прим. Е. Э. Бертельса. М., 1953.
186. Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, т. II, 1959.
187. Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1961.
188. Казахстан. Общая физико-географическая характеристика. М.—Л., 1950.

189. Каллаур В. О следах древнего города Джанд в низовьях реки Сыр-Дарьи. ПТКЛА, т. V, 1900.
190. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
191. Канюкова Л. С. Фонетические и лексические особенности чувашских диалектов. Вопросы диалектологии тюркских языков, вып. II. М., 1960.
192. Карамзин Н. М. История государства Российского, т. I—II. Спб., 1833.
193. Карамзин Н. М. Примечания к «Истории государства Российского». Спб., 1852.
194. Каримов У. Н. Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн». Ташкент, 1957.
195. Каррыев Б. А. Об эпосе Кер-оглы. ИАН ТССР, СОН, 1965, № 3.
196. Каррыев А. К., Росляков А. А., Агаджанов С. Г. Проблемы этногенеза туркменского народа в исторической литературе. ВСЭТН, Ашхабад, 1967.
197. Карпов Г. И. Племенной и родовой состав туркмен. Полторацк, 1925.
198. Карпов Г. И. Родовые тамги у туркмен. ИТФАН СССР, 1945, № 3—4.
199. Карпов Г. И. Туркмены-огузы. ИТФАН СССР, 1945, № 1.
200. Кассин Н. Г. К характеристике золоторудного месторождения Кумак. «Разведка недр», 1935, № 24.
201. Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910.
202. Каталог восточных рукописей АН ТаджССР, т. 1. Сталинабад, 1960.
203. Катиб Челеби. Джахан-нума. Константинополь, 1145 г. х.
204. Ковалевский А. П. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Пер. под ред. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939.
205. Ковалевский А. П. Ибн Фадлан. Харьков, 1950.
206. Ковалевский А. П. О степени достоверности Ибн Фадлана. «Исторические записки», 1950, № 35.
207. Ковалевский А. П. Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. Чебоксары, 1954.
208. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956.
209. Когай Н. А. Некоторые вопросы геологического анализа хребта Султан-Уиз-Дага. Тр. Среднеазиатского госуниверситета. Физическая география, вып. 1, 1957.
210. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
211. Конкашпаев Г. М. Словарь казахских географических терминов. Алма-Ата, 1963.
212. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.—Л., 1958.
213. Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
214. Корженевский Н. Л. Природа Средней Азии. Ташкент, 1960.
215. Кёсаев М. Туркмен тарыхчысы Салыр-Баба. «Совет эдебияты», 1945, № 1—2.
216. Книга Большому чертежу. М.—Л., 1950.
217. Книга Марко Поло. Пер. И. П. Минаева. М., 1955.
218. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. М.—Л., 1962.
219. Крачковский И. Ю. Арабские географы и путешественники. ИГГО, 1937, № 5.
220. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения, т. I. М.—Л., 1955.
221. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения, т. IV. М.—Л., 1957.
222. Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. М., 1965.
223. Куббель Л. Е. О некоторых чертах военной системы халифата омайядов. ПС, вып. 4 (67), 1959.
224. Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948.

225. Курылев Б. П. Общественный строй огузов по данным эпоса «Деде Коркут». М., 1964.
226. Курылев В. П. К вопросу об этимологии слов «бузок» и «учок». СЭ, 1965, № 6.
227. Курышджанов А. К истории и критике «Тюрко-арабского словаря» XIII в. Исследования по истории казахского языка. Алма-Ата, 1965.
228. Кызласов Л. Р., Смирнова О. И., Щербак А. М. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим. УЗИВАН, т. XVI, 1958.
229. Кызласов Л. Р. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ АН СССР, вып. XXVI, 1957.
230. Кузеев Р. Г., Шитова С. Н. Башкиры. Историко-этнографический очерк. Уфа, 1963.
231. Кычанов Е. И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII в. ИАН КиргССР, СОН, т. V, вып. 1, 1963.
232. Лакоза И. И. Верблюдоводство. М., 1953.
233. Левшин А. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казачьих орд и степей, т. II. Спб., 1832.
234. Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край. Спб., 1870.
235. Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960.
236. Литвинский Б. А., Мошкова В. Г. Изучение Така-Языра, Дуруна. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1. М., 1949.
237. Лыкошин Г. Догадка о прошлом Отрара. ПТКЛА, 1898—1899.
238. Лопатина Г. В., Деньгина Р. С., Егоров В. В. Дельта Аму-Дарьи. М.—Л., 1958.
239. Магакьян И. Г. Рудные месторождения. М., 1955.
240. Мажитов Н. А. Новые материалы о ранней истории башкир. Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964.
241. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
242. Мандельштам А. М. К вопросу о значении термина «чакир». ИООН АН ТаджССР, 1954, № 5.
243. Мандельштам А. М. Характеристика тюрок IX в. в «Послании Фатху ибн Хакану» ал-Джахиза. ТИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956.
244. Маргулан А. Х. О характере и исторической обусловленности казахского эпоса. И КазАН, СИ, 1946, № 2.
245. Маргулан А. Х. Археологические разведки в бассейне реки Сарысу. В АН КазССР, 1947, № 7.
246. Маргулан А. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. ИАН КазССР, 1947, № 6.
247. Маргулан А. Х. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Казахстана. ИАН КазССР, СА, 1948, № 46.
248. Маргулан А. К изучению памятников района Сарысу и Улутау. В АН КазССР, 1948, № 2.
249. Маргулан А. Архитектурные памятники района рек Кенгир и Сарысу. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949.
250. Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.
251. Маргулан А. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. ИАН КазССР, СА, 1951, № 3.
252. Маргулан А. Х., Мендикулов М., Басенов Т. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959.
253. Маркс К. и Энгельс Ф. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V. М., Госполитиздат, 1938.
254. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1.
255. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные сочинения. М., Госполитиздат, 1953.
256. Марущенко А. А. Существенные поправки. Материалы к исторической географии Туркменистана. «Туркменоведение», 1930, № 12.

257. Массон. М. Е. Из истории горной промышленности на территории Таджикистана. Л., 1934.
258. Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.
259. Массон М. Е. Намогильные кирпичи из Марыйского оазиса. ЭВ, т. VIII, 1958.
260. Массон М. Е. Дарганатинская старина. В сб. «Памяти М. С. Андреева». Сталинабад, 1960.
261. Материалы по геологии и полезным ископаемым Южного Урала, вып. 3. М., 1962.
262. Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.—Л., 1940.
263. Материалы по истории Казахской ССР, т. II, ч. 2. Алма-Ата, 1951.
264. Материалы по истории Таджикской, Узбекской и Туркменской ССР, ч. I. Л., 1933.
265. Материалы по истории туркмен и Туркмении. т. I, М.—Л., 1939.
266. Махмуд ибн Хусейн ал-Кашгари. Диван лугат ат-тюрк. Изд. К. Рифата, т. I—III. Стамбул, 1333—1335 г. х.
267. Махмуд Кашгари. Диван лугат ат-тюрк (факсим. изд.). Анкара, 1941.
268. Махтумкули. Стихотворения. Л., 1949.
269. Месторождения полезных ископаемых и их разведка. М., 1961.
270. Мехитар Айриванский. Хронографическая история. Пер. с армянского К. Патканова. Спб., 1869.
271. Миклухо-Маклай Н. Д. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. УЗИВ АН СССР, т. IX, 1954.
272. Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. М.—Л., 1955.
273. Миклухо-Маклай Н. Д. Некоторые персидские и таджикские исторические, биографические и географические рукописи Института востоковедения. УЗИВ АН СССР, т. XVI, 1958.
274. Мир Мухаммад Садек Фарханг. Саффарийан. Кабул, 1955.
275. Мир Яхйа Абд ал-Латиф Казвини. Лубб ат-таварих. Рукопись ИВАН УзССР, инв. № 29.
276. Михалева Г. А. О грузинских источниках по средневековой истории Средней Азии. ОНУ, 1961, № 2.
277. Михайлова А. И. Каталог арабских рукописей Института народов Азии, вып. 2. М., 1961.
278. Монгайт А. Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли. «История СССР», 1959, № 1.
279. Мошков В. Образцы народной литературы тюркских племен. Спб., 1904.
280. Мошкова В. Г. Туркмены Самаркандской и Бухарской областей. БАН УзССР, 1945, № 4.
281. Муайид ад-Даула Мунтаджаб ад-Дин Беди Атабек ал-Джувейни. Китаб атабат ал-катаба. Тегеран, 1329 г. х. с.
282. Мугинов Д. М. Исторический труд Мухаммада Шабангараи. УЗИВ АН СССР, т. IX, 1954.
283. Муджмал ат-таварих ва-л-кисас. Тегеран, 1318 г. х.
284. Муизди Нишапури. Диван. Тегеран, 1318 г. х.
285. Мурадов Э. М. Расовая принадлежность туркменского аборигенного скота. ИТФАН СССР, 1945, № 5—6.
286. Мурзаев Э. М. Средняя Азия. М., 1947.
287. Мурзаевы Э. и В. Словарь местных географических терминов. М., 1959.
288. Муслих ад-Дин Лари. Мират ал-адвар. Рукопись ИНА АН СССР, С-427.
289. Муслих ад-Дин Лари. Мират ал-адвар. Рукопись БСЩ ПНС-127.

290. Мухаммад Ауфи. Джавами ал-хикайат ва лавами ар-ривайат. Рукопись БСЩ, ПНС-232.
291. Мухаммад Брусави. Таквим ал-булдан. Рукопись ИНА АН СССР, В-1031.
292. Мухаммад ибн Али Табатаб. Правила для государей и рассказы о мусульманских династиях. Казань, 1863.
293. Мухаммад ибн Махмуд Амоли. Нафаис ал-фунун. Рукопись ИВАН УзССР, инв. № 2751.
294. Мухаммад ибн Наджиб Бекран. Джахан-наме. Рукопись ИНА АН СССР, С-612.
295. Мухаммад Хавендшах. Китаб тарих раузат ас-сафа, т. I—VII. Бомбей, 1266 г. х.
296. Мухаммад Шабангарани. Маджма ал-ансаб. Рукопись ИНА АН СССР. С-372.
297. Мухамедов Х. Из истории древних оборонительных стен вокруг оазисов Узбекистана. Ташкент, 1961.
298. Мушкетов Д. И. Геологический очерк Туркестана. Л., 1928.
299. Мюнеддджим-баши. Сахаиф ал-ахбар. Истанбул, 1285 г. х.
300. Нафиси С. Имам Абу-л-Хасан Бейхаки. Маджалла-и михр, т. II, № 4. Тегеран, 1313 г. х.
301. Наджиб Хамадани. Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-моуджудат. Рукопись ИНА АН СССР, А-453.
302. Наджиб Хамадани. Аджаиб ал-махлукат. Рукопись ИНА АН СССР, Д-129.
303. Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963.
304. Насири Хосров. Диван-и гасаид ва мукатаат. Тегеран, 1307 г. х.
305. Насири Хусрау. Сафар-наме. Книга путешествия. Пер. Е. Э. Бертельса. М.—Л., 1933.
306. Негматов Н. Н. К вопросу об этнической принадлежности населения Усрушаны. КСИИМК, вып. 61, 1956.
307. Негматов Н. Н. Усрушана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957.
308. Нестеров А. Прошлое приаральских степей в преданиях киргизов Казалинского уезда. ЗВОРАО, т. XII, 1900.
309. Низами Гянджеви. Пять поэм. М., 1946.
310. Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш и Узбой. Мат-лы Хорезмской экспедиции, вып. 3. М., 1960.
311. Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Пер. под ред. В. И. Долоцкого. Спб., 1860.
312. Новичев А. Д. Турецкие кочевники и полукочевники в современной Турции. СЭ, 1951, № 3.
313. Новичев А. Д. История Турции. Эпоха феодализма. Л., 1963.
314. Номинханов Ц. Д. Термины животноводства в современных тюркских языках. Тр. сектора востоковедения АН КазССР. Алма-Ата, 1959.
315. Нузхат нама-и Алаи. Фотокопия Герцогской б-ки Готы, Р-10 (по каталогу Перча).
316. Овезбердыев К. Материалы по этнографии туркмен-сарыков. ТИИАЭ АН ТССР, т. VI, 1962.
317. Огнев С. И. Звери СССР и прилегающих стран, т. V. М.—Л., 1947.
318. Огуз-наме йа худ сельджук-наме, изд. Н. Асима. Стамбул, б. г.
319. Озера полуаридной зоны. М.—Л., 1963.
320. Омари. Масалик ал-абсар. Рукопись ИНА АН СССР, В-782.
321. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов. ВИ, 1956, № 1.
322. Омербеков С. К вопросу о происхождении топонима «Шаульдер». ИАН КазССР, СФИ, 1962, № 2.

323. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954.
324. Очерки по истории геологических знаний, вып. IV. М., 1945.
325. Очерки по географии Татарии. Казань, 1957.
326. Пальгов Н. П. Природа Казахстана в очерках и картинках. Алма-Ата, 1950.
327. Пальгов Н. П. Казахстан. М., 1953.
328. Пантусов Н. Н. Сведения арабских географов о Средней Азии. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XXV, вып. 5, 1909.
329. Певзнер С. Б. Икта в Египте в конце XIII—XIV вв. В сб. «Памяти акад. И. Ю. Крачковского». Л., 1958.
330. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР. М.—Л., 1964.
331. Петрушевский И. П. Городская знать в государстве хулагуидов. СВ, т. V, 1948.
332. Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII—XIV вв. М.—Л., 1960.
333. Пещерева Е. М. Материалы этнографического обследования таджиков Нуратинского хребта. СЭ, 1964, № 1.
334. Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА СССР, 1958, № 62.
335. Плетнева С. А. О построении кочевнического лагеря-вежи. СА, 1964, № 3.
336. Повесть временных лет, т. I—II. М.—Л., 1950.
337. Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе. Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.
338. Поляков К. В. Полезные ископаемые, история и перспективы горного дела в Оренбургской губернии. «Минеральное сырье и его переработка», 1927, № 2.
339. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953.
340. Потапов Л. П. Из истории кочевничества. «Вестник мировой культуры», 1957, № 4.
341. Предтеченский Н. П. Климаты исторического прошлого. «Природа», 1946, № 6.
342. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958.
343. Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Спб., 1893.
344. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV. Спб., 1911.
345. Рамстед Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
346. Расовский Д. А. Печенеги, торки и половцы на Руси и в Угрии. SK, VI. Praha, 1933.
347. Растительный покров Казахстана, т. I. Алма-Ата, 1966.
348. Рахмани А. А. «Сельджук-наме» Захир ад-Дина Нишапури как источник по истории Азербайджана. ИАН АзССР, СОН, 1963, № 3.
349. Рахманов А. Сведения об огузах в туркменском варианте эпоса «Горкут-Ата». ВСЭТН. Ашхабад, 1967.
350. Рашевич Н. А. В низовьях Аму-Дарьи. «Природа», 1961, № 10.
351. Рашид ад-Дин. Джами ат-таварих. Фотокопия рукоп. Британского музея ИНА АН СССР, ИФВ-242.
352. Рашид ад-Дин. Джами ат-таварих. Рукопись ИВАН УзССР, инв. № 1.
353. Рашид ад-Дин. Джами ат-таварих. Рукопись БСЩ, ПНС-46.
354. Рашид ад-Дин Фазлуллах. Джами ат-таварих. Критический текст, т. I, ч. 1. М., 1965.
355. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, пер. Л. А. Хетагурова, т. I, кн. 1. М.—Л., 1952.

356. Ремпель Л. И. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа. ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956.
357. Розен В. Р. (Рецензия на издание де Гуе труда Ибн ал-Факиха). ЗВОРАО, вып. 1, 1877.
358. Розен В. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. ЗВОРАО, т. I, 1886.
359. Розен В. Р. Пролегомена к новому изданию Ибн Фадлана. ЗВОРАО, т. XV, 1904.
360. Росляков А. А. К вопросу о государственной организации у туркмен в средние века. ИТФАН СССР, 1951, № 1.
361. Росляков А. А. Первые сельджукиды. ИТФАН СССР, 1951, № 3.
362. Росляков А. А. Туркмены и огузы. Уч. зап. ТГУ, вып. 73, Ашхабад, 1955.
363. Росляков А. А. Краткий очерк истории Туркменистана. Ашхабад, 1956.
364. Росляков А. А. Основные черты военной системы азиатских степняков. ИТФАН СССР, 1951, № 2.
365. Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. XVIII. Спб., 1903.
366. Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, вып. 43, 1952.
367. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.
368. Руденко С. Очерк истории казахов бассейна рек Уила и Сагыза. В сб. «Казаки». Л., 1927.
369. Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. Геогр. о-во СССР. Мат-лы по этнографии, вып. 1. Л., 1951.
370. Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955.
371. Руднев Н. Следы древних городов по Сыр-Дарье. ПТКЛА, 1900, № 5.
372. Рудов Л. Н. Кидани. В сб. «Дальний Восток». М., 1961.
373. Рустамов А. К. О соколиной охоте в Каракумах. ИТФАН СССР, 1950, № 4.
374. Сварчевская З. А. К истории Балхаш-Алакульской впадины. ВЛГУ, 1952, № 7.
375. Садыков Х. У. Бируни и его работы по астрономии и математической географии. М., 1953.
376. Садыкова М. Х. Тюркоязычные кочевники на территории Южной Башкирии. Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.
377. Сакали М. А. Образ коня в туркменских и русских народных сказках. ИТФАН СССР, 1945, № 3—4.
378. Салыр-Баба Гулалы Салыр-оглы Хырыдары. Джами аттаварих. Рукопись ИЯЛ АН ТССР, инв. № 526.
379. Самойлович А. Н. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. ЗВОРАО, т. XIX, вып. 1, 1909.
380. Самойлович А. Н. Богатый и бедный в тюркских языках. ИАН СССР, 1936, № 4.
381. Самчевский И. Торки, берендеи и черные клобуки. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, отд. III, кн. II. М., 1855.
382. Семенов А. А. Древности Абивердского района. Ташкент, 1931.
383. Семенов А. А. К вопросу о происхождении слова «сельджук». БАН УзССР, 1946, № 3.
384. Семенов А. А. Таджикские ученые XI в. о булгарах, хазарах, русах, славянах и варягах. ДАН ТаджССР, вып. 7, 1957.
385. Семенов А. А. К вопросу о происхождении саманидов. ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXVII, 1954.
386. Семенов А. А. К истории города Нисы в XII в. ТЮТАКЭ, т. V, 1955.
387. Семенова Л. А. Салах ад-Дин и мамлюки Египта. М., 1966.
388. Сиасет-наме. Книга о правлении везира XI столетия Низам ал-Мулька. Пер. и прим. Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949.

389. Синицын И. В. Археологические исследования в Западном Казахстане. ТИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956.
390. Смирнов А. П. Волжские булгары. КСИИМК, вып. XIII, 1946.
391. Синицын. И. В. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА СССР, 1959, № 60.
392. Смирнов К. Ф. Курганы у села Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА СССР, 1959, № 60.
393. Смирнова О. И. Карта верховий Зерафшана по мугским документам. М., 1960.
394. Смирнова О. И. Заметки о среднеазиатской титулатуре. ЭВ, 1961, № 15.
395. Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. I—V. Ташкент, 1953—1960.
396. Соляные озера северо-западного Приаралья, плато Устюрт и низовьев Аму-Дарьи. М.—Л., 1953.
397. Соседко А. Ф. Султан-Уиз-Даг. «Природа», 1952, № 2.
398. Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах». Предисл. Г. Ласкина. М., 1899.
399. Стасюлевич М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. М., 1902.
400. Стефан Сюнийский. История князей Орбельян. Пер. с армянского Х. Ираникян. М., 1883.
401. Сувар ал-акалим-и саба. Рукопись ИНА АН СССР, А—253—1.
402. Сувар ал-акалим-и саба. Рукопись ВОЛГУ, № 149.
403. Султан Велед. Диван тюрки. Истанбул, 1341 г. х.
404. Сурат ал-ард ли-л-Шариф ал-Идриси. Багдад, 1961.
405. Тагирджанов А. Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточной библиотеки Ленинградского госуниверситета, т. I. Л., 1962.
406. Тарджума-и масалик ал-мамалик. Рукопись ИНА АН СССР, В—797.
407. Тарджума-и масалик ал-мамалик. Рукопись ИНА АН СССР, С—710.
408. Тарих-и Ал-и Осман. Рукопись ИНА АН СССР, С—1046.
409. Тарих-и Ал-и Осман. Рукопись БСШ, ПНС—184.
410. Тарих-и Ал-и Сельджук. Рукопись ИНА АН СССР, Д—116.
411. Тарих-и Систан, изд. Бахара. Тегеран, 1319 г. х. с.
412. Татищев В. Н. История российская, т. I. М.—Л., 1962.
413. Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Саида Мейхенейского. изд. В. А. Жуковского. Спб., 1899.
414. Тверитинова А. С. Фальсификация истории Турции в кемалистской историографии. «Византийский временник», вып. VIII, 1953.
415. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Спб., 1884.
416. Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10.
417. Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии. ВДИ, 1938, № 1.
418. Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1938, № 1.
419. Толстов. С. П. Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан начала XI в. СЭ, 1946, № 2.
420. Толстов С. П. Города гузов. СЭ, 1947, № 3.
421. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
422. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
423. Толстов С. П. Огузы, печенеги и море Даукара. СЭ, 1950, № 4.
424. Толстов С. П., Кесь А. С., Жданко Т. А. История средневекового Сарыкамышского озера. Вопросы геоморфологии и палеографии Азии. М., 1955.
425. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции АН СССР, 1945—1953 гг. М., 1958.

426. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг. Полевые исследования Хорезмской экспедиции. М., 1959.
427. Толстов С. П. Приаральские скифы и Хорезм. М., 1960.
428. Толстов С. П. История освоения древней дельты Сыр-Дарьи. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961.
429. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
430. Топонимика Востока. М., 1962.
431. Трофимовский В. А. Местный крупный рогатый скот Туркменистана. ИТФАН СССР, 1951, № 2.
432. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. МИА СССР, 1950, № 14.
433. Туманский А. Родословная туркмен. Рукопись ИНА АН СССР. Архив востоковедов, разр. 2, оп. 4, № 20.
434. Туркмен дилиниң сөзлуги. Ашгабат, 1962.
435. Умняков И. Компендиум испанско-арабского географа Исхака ибн ал-Хусейна и его сведения о хазарах и тюрках. ИГГО, т. XXI, вып. 8, 1939.
436. Умурзаков С. Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. Фрунзе, 1959.
437. Фахр ад-Дин Рази. Джами ал-улюм. Рукопись ИНА АН СССР, С—612.
438. Фахр ад-Дин Рази. Хаданк ал-анвар фи хаканк ал-асрар. Рукопись ИВАН УзССР, инв. № 2671.
439. Федоров М. Н. Очерк истории караханидов второй четверти XI в. История материальной культуры Узбекистана, вып. 7. Ташкент, 1966.
440. Федоров М. Н. Из истории взаимоотношений караханидов и сельджукидов до образования сельджукского государства. ОНУ, 1966, № 8.
441. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1956.
442. Ферсман А. Е. Избранные труды, т. VII. М., 1962.
443. Физическая география СССР. М., 1960.
444. Физическая география СССР. М., 1959.
445. Фосс Г. В. Золото (типы месторождений, история добычи, сырьевые базы). М., 1963.
446. Хасанов Х. Среднеазиатский географ-филолог XI в. Изв. Узбекского филиала Геогр. о-ва СССР, вып. V, 1962.
447. Хатама-и Раузат ас-сафа. Рукопись ВОЛГУ, № 166.
448. Хафиз-и Абру. Зубдат ат-таварих. Рукопись БСЩ, ПНС-57.
449. Хвольсон Д. А. Известия Ибн Даста о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских. Спб., 1869.
450. Худуд ал-алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.
451. Цалкин В. И. Фауна античного и раннесредневекового Хорезма. ТХАЭЭ, т. I, 1961.
452. Чулошников А. Очерки по истории казак-киргизского народа. Оренбург, 1927.
453. Шаджара-и теракиме. Рукопись ИЯЛ АН ТССР, инв. № 2070.
454. Шарипов А. Д. Малоизвестные страницы переписки между Бируни и Ибн Синой. ОНУ, 1965, № 11.
455. Шамс ад-Дин Суфи. Нухбат ад-дахр фи аджаиб ал-барр ва-л-бахр. Рукопись ИНА АН СССР, В—781.
456. Шахматов В. Ф. К вопросу о племенных союзах и варварских дофеодальных государствах на территории Казахстана. ВАН КазССР, 1950, № 5.
457. Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964.
458. Щербак А. М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959.
459. Щербак А. М. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска. ВДИ, 1960, № 2.

460. Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
461. Шнитников А. В. Общие черты циклических колебаний уровня озер и увлажненности территории Евразии в связи с солнечной активностью. Бюлл. Комиссии по исследованию солнца, 1949, № 3—4.
462. Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. М.—Л., 1957.
463. Шнитников А. В. Внутривековые колебания уровня степных озер Западной Сибири и Северного Казахстана. Тр. Лаб. озероведения, т. I. М.—Л., 1950.
464. Шумовский Т. А. Арабская картография в ее происхождении и развитии. ИВГО, 1947, № 5.
465. Шюкруллах ибн Шихаб Ахмад. Бахджат ат-таварих. Рукопись ИНА АН СССР, С—785.
466. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1950.
467. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., Госполитиздат, 1953.
468. Эпиграфика Киргизии, вып. I. Фрунзе, 1963.
469. Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965.
470. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1940.
471. Юшков С. К вопросу о дофеодальном, «варварском» государстве. ВИ, 1946, № 7.
472. Юсупов Х. Средневековые крепости на Больших Балханах. СА, 1968, № 2.
473. Якубовский А. Ю. Развалины Сыгнака. Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры, т. II, 1929.
474. Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча. Л., 1930.
475. Якубовский А. Ю. Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства. В сб. «Фердовси». Л., 1934.
476. Якубовский А. Ю. Сельджукское движение и туркмены в XI в. ИАН СССР, ООН, 1937, № 4.
477. Якубовский А. Ю. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв. СЭ, 1947, № 3.
478. Arberry A. J. Classical Persian literature. London, 1958.
479. Abu Abdallah Mohammed... al-Khowarezmi. Liber Mafatih al-olum explicans vocabula technica scientiarum, ed. G. van Vloten. Lugduni Batavorum, 1895.
480. Abu Hamid el-Granadino y su relacion de viaje por tierras Eurasiaticas. Madrid, 1953.
481. Abu Hayyan. Kitab al-idrak li-lisan al-atrak. Istanbul, 1931.
482. Abul Mahasin ibn Taghri Birdi. History of Equpt 1382—1469 A. D. Transl. by W. Popper. Berkely and Los Angeles, 1954.
483. Abul Rayhan Muhammad ibn Ahmad al-Biruni. The Book of Instruction in the Elements of the Art of Astrology. London, 1934.
484. Akhbar ar-Radi billah wal'-Muttaqi billah, par Mohammed ben Yahya as-Suli, t. I—II. Alger, 1946—1950.
485. Ahmed S. M. al-Masudi's contribution to the medieval Arab geography. IC, vol. XXVIII, № 1, 1954.
486. Ahmed S. M. Travels of 'Abul Hasan Ali ibn al-Husayn al-Masudi. IC, vol. XXVIII, № 4, 1954.
487. Aksarayli Mehmed oglu Kerimüddin Mahmud. Müsameret ül-ahbar. Ankara, 1943.
488. Arik F. On besinci asır tarihcilerinden Nesri'nin hayatı ve esrleri. Istanbul, 1936.
489. Arisdagues de Lasdiverd. Histoire d'Arménie, trad. par E. Prudhomme. Paris, 1864.
490. Asım N. Türk tarihi. Istanbul, 1316.
491. Atalay B. Divaü lugat-it-türk tercumesi, cilt I—III. Ankara, 1939—1941.

492. Awad G. Historical manuscripts in the Iraq Museum. Sumer. Baghdad, vol. III. № 1—2, 1957.
493. Azzavi A. Ibni Hassulün türkler hakkında bir eseri. TTKB, cilt IV, № 14—15, 1940.
494. Bacot J. Reconnaissance en Haute Asie septentrionale par cing envoyes Ouigours au VIII-me siècle. JA, t. II, 1956.
495. Bang W. Über die Rätsel des Codex Cumanicus. SKPAWPHC, Bd. XXI, 1912.
496. Bang W. Türkologische Briefe aus dem Berliner Ungarische Institut. UJ, Bd. X, Hft. 1—2, 1930.
497. Bang W. und A. Gabain. Uigurische Studien. UJ, Bd. X, Hft. 3, 1939.
498. Banguoglu T. Oguzlar ve oguzleri üzerine. TDAYB, № 180, 1950.
499. Barbier de Meynard C. Distionnaire géographique, historique, et litteraire de la Perse et des contrées adjacentes. Paris. 1861.
500. Bartholamae C. Altiranische Wörterbuch. Berlin, 1961.
501. Barthold W. Ali-Tegin. EI, Bd. I, 1913.
502. Barthold W. Ghuzz. EI, Bd. II, 1928.
503. Barthold W. Turkestan down to the Mongol invasion. London, 1928.
504. Barthold W. XII Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Die Welt des Islams, Bd. XIV—XVII, 1932—1934.
505. Barthold W. Burdas. IA, cilt II, 20 cüz, 1943.
506. Barthold W. Bughra-khan. IA, cilt II, 20 cüz, 1943.
507. Battal A. Ibnü Mühenna lugati. Istanbul, 1934.
508. Becker C. H. Islamstudien, Bd. I. Leipzig, 1924.
509. Belin M. De régime des fiefs militaires dans l'islamisme, et principalement en Turquie. JA, t. XV, № 56, 1870.
510. Benveniste E. Essai de grammaire Sogdienne. Paris, 1929.
511. Biruni's Picture of the World. Memoirs of the Archaeological Survey of the India, № 53. Dehli, 1937.
512. Blochet E. Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rasid ed-Din. Leyden—London, 1910.
513. Bosworth C. E. Ghaznevid military organisation. DI, Bd. XXXVI, Hft. 1—2, 1960.
514. Bosworth C. E. Early sources for the history of the first four Chaznavid sultans. The Islamic Quarterly, vol. XII, № 1—2, 1963.
515. Bosworth C. E. The Chaznavids: theyr empire in Afghanistan and Eastern Iran. Edinburgh, 1963.
516. Bretschneider E. Notices of the mediaeval geography and history of Central and Western Asia. London, 1876.
517. Bretschneider E. Notes on Chinese mediaeval travellers to the West. Shanghai, 1875.
518. Bretschneider E. Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources. London, 1910.
519. Brice W. G. The Turkish colonization of Anatolia. Bulletin of the John Rylands Library, vol. 38, № 1, Manchester, 1955.
520. Brockelmann C. Geschichte der arabischen Litteratur. Bd. I—II. Weimar—Berlin, 1898—1902.
521. Brockelmann C. Mahmud al-Kasgari über die Sprache der Türken. KCsA, Bd. I, 1921.
522. Brockelmann C. Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kasgaris Divan Lugat at-Türk. Leipzig, 1928.
523. Brockelmann C. History of Islamic peoples. London, 1949.
524. Caferoglu A. Tukyu ve uygurlarda han unvanlari. THITM, cilt I. Istanbul, 1931.
525. Caferoglu A. Türk onomastiginde «at» kültü. TM, cilt X, 1953.

526. Cahen C. Le Diyar Bakr au temps des premiers Urtukides. JA, 1935.
527. Cahen C. La Syrie du Nord à l'epoque des groisades. Paris, 1940.
528. Cahen C. La première penetration turque en Asie Mineure. Byzantion, vol. XVIII, 1948.
529. Cahen C. Le Malik-nameh et l'histoire des origines Seldjucides. Oriens, vol. II, 1949.
530. Cahen C. Notes sur l'histoire des groisades et l'Orient Latin. Bulletin de la Faculté des letters de l'Université de Strasbourg, 1950, № 2.
531. Cahen C. L'évolution de l'iqta du IX au XIII siècle. Annales. Economies-Sociétés-Civilisations, t. VIII, № 1. Paris. 1953.
532. Cahen C. A propos de quelques articles du Köprülü Armagani. JA, t. CCXLII, 1954.
533. Cahen C. Mouvements populaires et autonomisme urbain dans l'Asie musulmane du moyen age. Leiden, 1958.
534. Cahen C. Cagri-beg. The Encyclopaedia of Islam, vol. II, fasc. 23, Leyden—London, 1960.
535. Cahen C. The historiography of the Saljuqid period. HME. London, 1962.
536. Chahar Maqala («The Four Discourses») of Ahmad ibn Umar ibn Ali an-Nizami al-Arudi as-Samarqandi. London, 1927.
537. Chrestomathie persane á l'usage des élèves de l'École spéciale des langues orientales vivantes, publ. par Ch. Schefer, t. I. Paris, 1833.
538. Chronique de Matthien d'Edesse, trad. par. M. E. Dulaurier. Paris, 1858.
539. Chronique de Michel le Syrien, ed. et trad. en francais par J. B. Chabot, t. I—IV. Paris. 1889—1924.
540. Clauson J. A propos du manuscrit Pelliot tibétain 1238, JA, t. 274, 1957.
541. Clauson J. Ak-Beshim—Suyab. Journal of the Royal Asiatic Society. London, 1961, № 1—2.
542. Collection d'historiens arméniens, trad. par M. Brosset, t. I—II. St. Petersbourg, 1874—1876.
543. Compendium libri Kitab al-boldan auctore Ibn al-Fakin al-Hamadani, ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885 (BGA, V).
544. Crader L. Social organisation of the Mongol-Turkic pastoral nomads. The Haque, 1963.
545. Laslo F. Die Toquz-oguz und die Köktürken. Analecta Orientalia. Bd. I, 1947.
546. Czaplicka M. A. The Turks of Central Asia in history and at the present day. Oxford, 1918.
547. Çagatay S. Zur Wortgeschichte das anatolischtürkischen. UAJ, Bd. XXXI, Hft. 1—2, 1960.
548. Das Geschenk aus der Saldschukengeschichte von dem Wezir Muhammad... al-Husaini al-Jazdi. Leiden, 1909.
549. Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Balasagun. Herausg. von W. Radloff. St. Petersburg, 1891.
550. Deguignes J. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux, t. I—IV. Paris, 1756—1758.
551. Deguignes J. Perles des merveilles... par Ebn al-Ouardi. NE, t. II, 1789.
552. Dugat G. Histoire des orientalistes de l'Europe du XII-e au XIX-e siècle. t. I—II. Paris, 1869–1870.
553. Defrémery C. Recherches sur la regne du sultan seljoukide Barkiarok. JA, t. I—II, 1853.
554. Deny J. Turk ak-bas. Charisteria Orientalia. Praha, 1953.
555. Decriptio imperii moslemici auctore Shamso'd-din... al-Mokaddasi, ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877 (BGA, III).
556. Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs á la Transoxiane. Texte persan publ. par Ch. Schefer. Paris, 1892.
557. Deux historiens arméniens Kiracos de Gantzac, XIII-e s., Histoire d'Ar-

ménie; Oukhtanès d'Ourha, Xe s., Histoire en trois parties; trad. par M. Brosset. St. Petersbourg, 1870.

558. Dunlop M. D. The history of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.

559. Dorn B. Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque impériale publique de St. Petersburg, 1852.

560. Dorn B. Auszüge aus zwei morgenländischen Sriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angränzenden Länder. MA, t. VI, 1868—1873.

561. Dorn B. Über die Münzen der Ileke oder ehemaligen Chane von Turkistan. MA, t. VIII, 1881.

562. Dorn B. Auszüge aus vierzehn morgenländischen Sriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angränzenden Länder. MA, t. VII, 1876.

563. Dorrie H. Drei Texte zur Geschichte Ungarn und Mongolen. Göttingen, 1956.

564. Duda H. W. Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959.

565. Düstürname-i Enveri. Istanbul, 1928.

566. D'Herbelot. Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel..., t. I—III. La Haye, 1789.

567. D'Ohsson C. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour-bey ou Tamerlan, t. I—IV. La Haye et Amsterdam, 1834—1835.

568. Edib ibn Muhammed Yükneki. Atabet'ül hakaik. Istanbul, 1951.

569. Eghbal A. Le ministère pendant la période des Grans rois Saldjuqides. Téhéran, 1959.

570. Ein türkisch-arabisches Glossar. Nach der leidener Handschrift. Herausg. von M. T. Houtsma. Leiden, 1894.

571. El-Maverdi. Le droit du Califat. Paris, 1925.

572. Ergin M. Dede Korkut kitabı. Ankara, 1958.

573. Erzi A. S. Akkoyunlu ve Karakoyunlu tarihi hakkında arastırmalar. TTKB, cilt XVIII, № 70, 1954.

574. Et-tuhfet-üz-zekiyye fil-lugat-it-türkiyye. Istanbul, 1945.

575. Frähn C. M. Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. St-Petersburg, 1823.

576. Ferrand G. L'elément persan dans les textes nautiques arabes. JA, t. CCIV, 1924.

577. Frye R. Note on the Jayhani manucript in Kabul. Byzantion, vol. XVIII, 1948.

578. Gabain A. Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950.

579. Gabain A. Das uigurische Königreich von Chotscho 850—1250. Berlin, 1961.

580. Gabain A. und Winter W. Türkische Turfantexte, IX. Berlin, 1958.

581. Gaulmier J. La Zubda kachf al-mamalik de Khalil az-Zahiri. Beyrouth, 1950.

582. Géographie d'Aboulféda. Traduite de l'arabe en français par M. Reinaud, t. I—II. Paris, 1848.

583. Géographie d'Edrisi. Traduite de l'arabe en français par. A. Jaubert, t. I—II. Paris, 1836—1840.

584. Gieske H. Das Werk des Aziz ibn Ardasir Astrabadi. Leipzig, 1940.

585. Gokyay O. S. Dede Korkut. Istanbul, 1938.

586. Gregory Abu'l Farac (Bar Hebraeus). Abu'l Farac tarihi. Türkçeye çeviren R. O. Dogrul. Cilt. I. Ankara, 1945.

587. Günaltay S. Islam dünyasının inhitat sebebi Selçuk istilası midir? ITTK. Istanbul, 1943.

588. Grousset R. L'empire des steppes. Paris, 1941.

589. Hamilton J. R. Les Ouighours à l'époque des Cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris, 1955.

590. Hammer M. J. Sur les origines russes. Extraits de manuscrits orientaux. St. Petersbourg, 1827.

591. Harkavy A. Ein Briefwechsel zwischen Gordova und Astrachan zur Zeit Swjatoslaw's... Russiche Revue, Bd. I. 1875.

592. Hasan S. A. Notes on the etymology of the word Turkoman. IC, vol. 37, № 3, 1963.
593. Hazai G. Les manuscrits, conservesés à Sofia, des remaniements médiévals de Marvazi et Aufi. Acta Orientalia, t. VII, fasc. 2—3. Budapest, 1957.
594. Hamilton J. Toquz-oguz et On-uygur. JA, t. CCL. 1962.
595. Histoire de la Géorgie depuis l'antiquite jusqu'au XIX siècle. I—II. Trad. par M. Brosset. St.-Petersbourg, 1849—1850.
596. Histoire des Samanides par Mirkhond. Texte persan, trad. et accompagné... par M. Defrémery. Paris, 1845.
597. Histoire des Seldjoucides du Kerman par Muhammed Ibrachim. Texte persan. Lugduni Batavorum, 1886 (RTRHS, I).
598. Histoire des Seljoucides de l'Iraq par al-Bondari d'après Imad ad-Din al-Katib al-Isfahani. Texte arabe publ. par M. Th. Houtsma. Leide, 1889 (RTRHS, II).
599. Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure. Texte turc. Leide, 1891 (RTRHS, III).
600. Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'Abrégé du Seldjouknameh d'Ibn Bibi. Leyde, 1902.
601. Histoire des sultans du Kharezm, par Mirkhond... Paris, 1842.
602. Histoire des sultans Mamlouks de l'Equpte, par Taki-eddin Ahmed Makrizi. Trad. par M. Quatrmère, t. II. Paris, 1842.
603. Histoire de Yemineddoula Mahmoud, fils de Sébectéghin, trad. de l'arabe en persan, par Abouschéref Nassih Monschi Djebardécani. NE, t. IV, 1798—1799.
604. History of India, as told by its own historians. The Muhammadan period., ed. by J. Dowson: Calcutta, 1952.
605. History of the Nation of the Arches (The Mongols) by Grigor of Akan... Cambridge, 1954.
606. Hopkins J. P. The Almohade hierarchy. BSOS, vol. XVI, pt. I, 1954.
607. Horn P. Geschichte Irans in islamitischer Zeit. Grundriss der iranischen Philologie, Bd. II, Strassburg, 1896—1904.
608. Horst H. Die Staatsvervaltung der Grosselguqen und Horazmsahs, Wiesbaden, 1964.
609. Houtsma M. Th. Die Ghuzenstämme. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, Bd. II. Wien, 1888.
610. Howorth H. The Mongols proper. Geographical Magazine, 1877.
611. Hudud al-Alam min Mashrig ila al-Maghrib, ed. by M. Sotoodeh. Teheran, 1962.
612. Husaini Q. S. K. Life and works of Zahiruddin al-Bayhaqi. — IC, vol. XXVIII, № 1, 1954.
613. Ibn-el-Athiri Cronicon quod perfectissimum insribitur, ed. Tornberg C. J., vol. I—XIV. Lugduni Batavorum, 1851—1876.
614. Ibni Haldun. Mukaddima. Çeviren Z. K. Ugan. Istanbul, 1954.
615. Ibn-i Khaldoun. Mukaddima. Istanbul, (s. a.).
616. Ibn Jobair. Voyagés, trad. et annot. par M. Guadefroy-Demombynes, pt. I—III. Paris, 1949—1956.
617. Ibn Said el-Magribi. Libro de la extention de la tierra en longitud u latitud. Tetuan, 1958.
618. Inan A. Orun ve ülüs meselesi. THITM, cilt I, 1931.
619. Inan A. Güvey. TM, cilt IX, 1951.
620. Jacut's geographisches Wörterbuch. Herausg. von F. Wüstenfeld. Bd. I—IV. Leipzig, 1866—1873.
621. Julien St. Les Ouigours. JA, janv.-mars, 1848.
622. Kafesoglu I. Sultan Meliksah devrinde Büyük Selçuklu imparatorlugu. Istanbul, 1953.
623. Kafesoglu I. Selçuklu tarihının meseleleri. TTKB, cilt XIX, 1955.
624. Kafesoglu I. Büyük Selçuklu veziri Nizamü'l Mülk'ün eseri Siyasatname ve türkçe tercümesi. TM, cilt XII, 1955.
625. Kafesoglu I. Harezmsahlar devleti tarihi, Ankara, 1956.

626. Kafesoglu I. Türkmen adı manası ve mahiyeti. Jean Deny armağanı. Ankara, 1959.
627. Kafesoglu I. A propos du nom Türkmen. Oriens, vol. XI. 1958.
628. Kitab al-a'lak an-nafisa auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et Kitab al-boldan auctore Ahmed ibn Abi Jakub ibn Wadih al-Katib al-Jakubi. Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII).
629. Kitab al-masalik wa'l-mamalik auctore Abu'l Kasim Obaidallah ibn Abdallah ibn Khordadbeh et Excerpta e Kitab al-kharaj auctore Kodama ibn Djafar. Lugduni Batavorum, 1889 (BGA, VI).
630. Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore... al-Masudi, ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894 (BGA, VIII).
631. Kitab Zainu'l-Akhbar. Composed by Abu Said Abu'l-Hayy ibn ad-Dahhak ibn Mahmud Gardizi, ed. by M. Nazim. London, 1928.
632. Klaproth J. Beleuchtung und Wiederlegung der mittelasiatische Völker... Paris, 1824.
633. Köprülü M. F. Bizans müesseselerinin Osmanlı müesseselerine te'siri hakkında bazı mülahazalar. THITM, cilt I, 1931.
634. Köprülü M. F. Zur Kenntnis der alttürkischen Titulatur. KCsA, Bd. I, Hft. 1, 1938.
635. Köprülü M. F. Kay kabilesi hakkında yeni notlar. — TTKB, cilt VIII, № 31, 1944.
636. Köprülü M. F. Artukogulları. IA, cilt I, 1940.
637. Kossanyi B. XI—XII asirlarda uzlar ve kumanlar tarihine dâir. TTKB, cilt VIII, № 29, 1944.
638. Kowalski T. Sir A. Stein's Sprachaufzeichnungen in Ainally—Dialekt aus Süd-Persien. Krakow, 1937.
639. Köymen M. A. Büyük Selçuklular imperatorlugunda oguz isyani. Ankara Universitesi Dil ve Tarih-Gografya Fakültesi Dergisi, cilt V, № 2, 1947.
640. Köymen M. A. Büyük Selçuklu imparatory Meliksah devrinde dâir bir eser munasibetiyle. TTKB, cilt XVII, № 68, 1953.
641. Köymen M. A. Büyük Selçuklu imparatorilugu tarihi, cilt II. Ankara, 1954.
642. Kramers I. Cografya. IA, cilt, III, 23 cüz, 1944.
643. Kremer A. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, Bd. I—II, Wien, 1875—1877.
644. Krenkow F. Beruni and the Ms. Sultan Fatih. Al-Beruni Commemoration Volume. Calcutta, 1951.
645. Kudatgu Bilig. Misr nüshesi. Istanbul, 1943.
646. Kurat A. N. Peçenek tarihi. Istanbul, 1937.
647. Köprülü M. F. Anadolu Selçuklulari tarihinin yerli kaynakları. TTKB, cilt VII, № 27, 1943.
648. Lambton A. K. S. The administration of Sanjar's empire as illustrated in the «Atabat al-Kataba». BSOS, vol. XX, 1957.
649. Lambton A. K. S. Landlord and peasant in Persia. London, 1953.
650. Laoust H. Les gouverneurs de Damas sous les Mamlouks et les premiers Ottomans. Damas, 1952.
651. Lazard G. La langue de plus anciens monuments de la prose persane. Paris, 1963.
652. Le Cabous Name, ed. A. Querry. Paris, 1886.
653. Le Cog A. Türkische Manichaica aus Chotscho. AKAWPHK, Abh. VI, 1911.
654. Lelewel I. Géographie du moyen age. Bruxelles, 1850.
655. Les Prolégomenès d'Ibn Khaldoun, trad. par M. G. de Slane. Paris, 1883.
656. Le Tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati édité... par G. Ferrand. JA, t. CCVI, 1925.
657. Lewicki T. Polska i kraye sasiednie w swietle «Ksiegi Rogera» geografa arbskiego z. XII w. al-Idrisiego. Krakow, 1954.
658. Liber climatum, auctore Scheicho Abu Ishako el-Faresi vulgo el-Istachri. Gothae, 1839.

659. Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Jahya ibn Djabir al-Baladsori... Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866.
660. Lokkegaard F. Islamic taxation in the classik period. Cambridge, 1950.
661. Maçoudi. Les Prairies d'or. Texte arabe et traduction par. C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, t. I—IX. Paris, 1861—1877.
662. Maçoudi. Le Livre de l'avertissement et de la révision. Trad. par B. Carra de Vaux, Paris, 1897.
663. Maenchen-Helfen O. Pseudo-Huns. Central Asiatic Journal, vol. I, № 2, 1955.
664. Malcolm J. Geschichte von Persien von dem frühesten Zeiten bis zu den neuesten nach morgenländischen Quellen. Stuttgart und Tübingen, 1830.
665. Mansuroglu M. O. Some titles and names in Old Anatolian Turkish. UAJ, Bd. XXVII, Hft. 1—2, 1955.
666. Marguart I. Die Chronologie der alttüukischen Inschriften. Leipzig, 1898.
667. Marguart I. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge... Leipzig, 1903.
668. Marquart I. Guwaini's Bericht über die Bekehrung der Uiguren. SKAWPHK, Bd. XXVII, 1912.
669. Marquart I. Über das Volkstum der Komanen. AKGWGPHKNF, Bd. XIII, № 1. Berlin, 1914.
670. Masalik va Mamalik by Abu Ishaq Ibrahim Istakhri. Anonymos Persian translation from V—VI century A. H. Ed. by I. Afshar. Teheran, 1961.
671. Max van Berchem. La propriété territoriale et l'impot foncier sous les prémiers califes. Genève, 1886.
672. Mehmed Nesri. Kitab-ı Cihan-nüma. Hazirl. F. R. Unat ve M. A. Köymen. Ankara, 1949.
673. Memon M. al-Beruni and his contribution to medieval Muslim geography. IC, vol. XXXIII, № 4, 1958.
674. Ménage V. L. Neshri's History of the Ottomans. London, 1964.
675. Menges K. Etymological notes on some Päcänag names. Byzantion, vol. XVII, 1945.
676. Menzel T. Die erster Mystiker in der türkischen Literatur. KCsA, Bd. II, Hft. 4, 1927.
677. Menzel T. Die türkische Literatur in Kleinasien, KCsA, Bd. II, Hft. 5, 1930.
678. Meskükat-ı islamiye kısmından meskükat-ı turkmaniye katalogu. Istanbul, 1311.
679. Miller K. Mappae arabicae. Arabischewelt-und Länderkarten des 9—13 Jahrh. Bd. I—V. Stuttgart, 1926—1931.
680. Minorsky V. Hudud al-Alam. «The Regions of the World». A Persian geography 372 A. H. — 982 A. D. Transl. and explained by V. Minorsky. London, 1937.
681. Minorsky V. A civil and military review in Fars. BSOS, vol. X, pt. I, 1939.
682. Minorsky V. A soyurghal of Qasim bin Jahangir Aq-qoyunlu. BSOS, vol. IX, pt. 4, 1938.
683. Minorsky V., Cahen C. Le recueil Transcaukasien de Masud bin Namdar. JA, t. 237, 1942.
684. Minorsky V. Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyghurs. BSOS, vol. XII, pt. 2, 1948.
685. Minorsky V. A false Jayhani. BSOS, vol. XII, pt. 4, 1948.
686. Minorsky V. Studies in Caucasian history. London, 1953.
687. Minorsky V. Jihan-shah Qara-qoyunlu and his poetry. BSOS, vol. XVI, pt. 2, 1954.
688. Minorsky V. Addenda to the Hudud al-Alam. BSOS, vol. XVII, pt. 2, 1955.
689. Minorsky V. Pur-i Baha and his poems. Charisteria Orientalia. Praha, 1953.

690. Minorsky V. A history of Sharvan and Darband in the 10—11 th. centuries. Cambridge, 1958.
691. Minovi M. The Persian historian Bayhaqi. HME. London, 1962.
692. Mirchondi Historia Seldschukidarum persice. E codicibus manuscriptis Parisino et Berolinensi nunc primum edidit... J. A. Vullers. Gissae, 1837.
693. Mkhithar d'Airivank. Histoire chronologique, trad. par M. Brosset. St. Petersbourg, 1869.
694. Molla Salih. Es-süzür-üz-zehebiyye vel kitai'l Ahmediyye fil lugat-it-türkiyye. Istanbul, 1944.
695. Muqaddasi. Ahsan at-taqasim fi ma'rifat al-aqalim, trad. par A. Miquel. Damas, 1963.
696. Namik H. Über das Kitab-i Dede Korkut. KCsA, Bd. XV, 1926.
697. Nazim M. Hayat wa auqat-i sultan Mahmud Ghaznavi. Kabul, 1939.
698. Nemeth J. Das Volk mit den schekigen Pferden. KCsA, Bd. I, Hft. I, 1938.
699. Nesri Mehemed. Cihan-nüma, die altosmanische Chronik. Herausg. von F. Taeschner. Leipzig, 1955.
700. Oguz destanından bir parça. Türk tarih, arkeologya ve ethnografya dergisi. Istanbul, 1934.
701. Orkun H. N. Türk tarihi, cilt III. Ankara, 1946.
702. Osmanli tarihleri, cilt I. Istanbul, 1949.
703. Ouseley W. The Oriental Geography of Ibn Haukal. London, 1800.
704. Pavet de Courteille. Dictionnaire türk-oriental. Paris, 1870.
705. Pellat Ch. Le Kitab at-tarbi wa-t-tadwir de Gahiz. Damas, 1955.
706. Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'or... Oeuvres posthumes de P. Peliot, II. Paris, 1949.
707. Pulleyblank E. Some remains on the Toquz-oghuz problem. UAJ, pt. I—II, 1956.
708. Poppe N. Eine Viersprache Zamaxsari—Handschrift. ZDMG, Bd. 101. 1951.
709. Poppe N. On some Altaic names of dwellings. Studia Orientalia, vol. XXVIII. Helsinki, 1964.
710. Prakash B. Ibn Khaldun's philosophy of history. IC. vol. XXVIII, № 4, 1954.
711. Pritsak O. Karachanidische Streitfragen. Oriens, vol. III, № 2, 1950.
712. Pritsak O. Von den Karluk zu den Karachaniden. ZDMC, Bd. 101, 1951.
713. Pritsak O. Stammensnamen und Titulaturen der altaischen Völker. UAJ, Bd. XXIV, N 1—2, 1952.
714. Pritsak O. Die Karachaniden. DI, Bd. XXI, 1953.
715. Pritsak O. Kara-hanlılar. IA, 58 cüz, 1953.
716. Pritsak O. Der Untergang des Reiches des oguzischen Yabgu. Mélanges Fuad Köprülü. Istanbul, 1953.
717. Radloff W. Die alttürkischen Inschiften der Mongolei. St. Petersburg, 1894.
718. Radloff W. Über alttürkische Dialekte. BAI, I, 1890.
719. Rasony L. Selçuk adının menseine dâir. TTKB, № 10, 1930.
720. Rasid al-Din Fazlallah. Cami al-tavarih. Selçuklular tarihi. Ankara, 1960.
721. Recueil des histoiries des groisades. Historiens orientaux, t. IV. Paris, 1898.
722. Rocer de Tourneau. Damas de 1075 à 1154. Traduction annotée d'un fragment de l'histoire de Damas d'Ibn al-Qalanisi. Damas, 1952.
723. Rohr-Sauer A. Des Abu Dulaf Bericht über seine Reise nach Turkestan, China und Indien. Stuttgart, 1939.
724. Rosen V. Collection scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires etrangères. III. Les manuscrits persans. St. Petersbourg, 1886.
725. Rosenthal F. History of the Muslim historiography. Leiden, 1952.
726. Rosenthal F. The influence of the Biblical tradition on Muslim historiography. HEM, London, 1962.

727. Sadruddin Ebu'l-Hasan Ali ibn Nasir ibn Ali el-Hüseyni. Ahbar üd-devlet is-selçukiyye. Mütercim: Necati Lügal. Ankara, 1943.
728. S. de Sacy. Histoire des rois de Perse. NE, t. II, 1789.
729. S. de Sacy. L'Ordre de chronologiques, ou Chronologie de l'histoire par le Cadi Beidawi. NE, t. IV, 1799.
730. Safa Z. O. La domination des Turcs d'Asie Centrale des moitié du cinquième siècle jusqu'au commencement du septième siècle. Université de Téhéran. Revue de la Faculté des letters, t. IV, № 1, 1956.
731. Salemann C. Noch einmal die seldschukischen Verse. BAI, II, 1892.
732. Sanders J. The Seljuk Turks and their place in history. History Today, may, 1962.
733. Sauvaget J. Alep: essai sur le développement d'une grande ville Syrienne... Paris, 1941.
734. Sauvaget J. Quatre décrets Seldjoukides. Beyrouth, 1947.
735. Shaiq M. H. Ashkal al-alam ou Masalik-i mamalik, par Djaihani. Ariana, t. I, № 2—5. Kaboul, 1321—1322.
736. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A. D. 1120) with an English transl. and comment. by V. Minorsky. London, 1942.
737. Schlegel C. Tägin et töre. T'oung Pao, t. VII ,1896.
738. Skrine F. H. and Ross E. D. The Heart of Asia. A history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times. London, 1899.
739. Spuner Menke. Hand—Atlas für die Geschichte des Mittelalters und der Neuern Zeit. Gotha, 1880.
740. Spuler B. Historiography in Muslim Persia. Journal of the Pakistan Historical Society, vol. VI, pt. IV. Karachi, 1958.
741. Staenly Lane Poole. The coins of the Turkoman Houses of the Seljook, Urtuk, Zengee etc. in the British Museum. London, 1877.
742. Storey C. A. Persian literature. A bio-bibliographical survey, v. I—II. London, 1936—1958.
743. Sykes M. P. A history of Persia, vol. I—II. London. 1915.
744. Sümer F. Yiva oguz boyuna dâir. TM, cilt. IX, 1951.
745. Sümer F. Dogerlere dâir. TM, cilt X, 1953.
746. Sümer F. Kara-koyunlular. IA, 58 cüz, 1953.
747. Süssheim K. Prolegomena zu einer Ausgabe der im Britisch Museum zu London verwahrten Chronik des seldschukischen Reiches. Leipzig, 1911.
748. Tabakat-i-Nasiri: A General History Muhammadan Dynasties of Asia... by the Maulana Minhaj-ud-Din, Abu Umar-i-Usman. Transl. by H. G. Raverty, vol. I—II. London, 1881.
749. Taeschner F. Nesri tarihi elyazıları üzerine arastırmalar. TTKB, cilt XV, № 60, 1951.
750. Tamklarıyle tarama sözlugü, cilt VI. Ankara, 1957.
751. Tarikh-i Fakhru'd-din Mubarakshah being the Historical introduction. to the Books of Genealogies of Fakhru'd-din Mubarakshah Marvarrudi... London, 1927.
752. Tarikh-i Shaikh Uwais. History of Schaikh Uwais. The Haque, 1954.
753. Tavadia J. C. Die Mittelpersische Sprache und Literatur der Zaratustrier. Leipzig, 1956.
754. Taymas A. ve Eren H. Ibnu Mühenna lugati hakkında.— Türk dili tarihi hakkında arastırmalar. Ankara, 1950.
755. Telegdi. Eine türkische Grammatik in arabischer Sprache aus dem XV Jahrhundert. KCsA, Hft. 3, 1937.
756. Tekin S. (Rec.: R. Giraud. L'empire des Turcs célestes). TDAVB, sayı 240, 1965.
757. Tekindag M. C. S. Karamanlılar. IA, 58 cüz, 1953.
758. Temir A. Atabet ul-hakayık. TTKB, cilt XVIII, N 70, 1954.
759. The Eclipse of the Abbasid Caliphate. Ed., transl. and eleucid. by H. F. Amedroz and D. S. Margoliouth, vol. I—VIII. Oxford, 1920—1921.

760. The Tabaqat-i Nasiri of Aboo Omar Minhaj al-Din Othman ibn Siraj al-Din al-Djawzjani. Calcutta, 1864.
761. The History of Bukhara. Translated from a Persian abridgement of the Arabic original by Narshakhi R. N. Frye. Cambridge, 1954.
762. The History of the World-Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini. Transl. from text... by J. A. Boyle, vol. I—II. Manchester, 1958.
763. The Geographical part of the Nuzhat-al-Qulub composed by Hamd-Allah Mustawfi of Qazwin, transl. by G. Le Strange. Leyden, 1919.
764. The Geogarphical Works of Sadik Isfahani, transl. by W. Ouseley. London, 1832.
765. The Letters of Rashid od-Din Vatvat. Ed. Chassem Tooycerkani. Teheran, 1960.
766. The Rahat-us-Sudur wa Ayat-us-Surur, being a History of the Saljuqs by Muhammed ibn Ali ibn Sulayman al-Rawandi, ed. by M. Iqbal. Leyden—London, 1921.
767. The Tarikh-i-Guzida or «Select History» of Hamdu'llah Mustawfi-i-Qazwini. Leyden—London, 1910.
768. The Tarikh-i-Jahan-gusha of Ala'ud-Din Ata Malik-i-Juwayni... Ed. by Mirza Muhammad ibn Abdu'l-Wahhab-i-Qazwini. Leyden—London, 1912—1937.
769. The Tarikh-i Baihaki containing the life of Masaud, son of sultan Mahmud of Gaznin... Ed. by W. H. Morley. Calcutta, 1861—1862.
770. Togan A. Z. V. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939.
771. Turan O. Le droit terrien sous les Seldjoukides de Turquie. Paris, 1948.
772. Togan A. Z. V. Baskırt. IA, cilt I, 15 cüz, 1943.
773. Togan A. Z. V. Umumi türk tarahine giris. I. Istanbul. 1946.
774. Togan Z. V. Ibn al-Fakih'in türklere âit haberleri. TTKB, cilt XII, N 45, 1948.
775. Togan Z. V. Horezmce tercümeli Muqaddimat al-adab. Istanbul, 1951.
776. Tomaschek W. Centralasiatische Studien. I. Sogdiana. Wien, 1877.
777. Tria opuscula auctore Abu Othman Amr ibn Bahr al-Djahiz Basrensi. Ed. G. van Vloten. Leide, 1903.
778. Turan O. Türkiye Selcukluları hakkında resmi vesikalar. Ankara, 1958.
779. Ünal T. Karamanogulları tarihi. Ankara, 1957.
780. Uzunçarsılı I. H. Osmanlı devleti teskilatına medhal. Istanbul, 1941.
781. Velidi A. Z. Oguzların hristivanlıgı meselesine âit. TM, cilt II, 1928
782. Vie de Djenghiz-Khan, par Mirkhond. Paris, 1841.
783. Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abul'l-Kasim Ibn Haukal. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873 (BGA, II).
784. Vullers J. A. Lexicon Persico-Latinum, t. I. Bonnae, 1855.
785. Weil G. Geschichte der islamischen Völker von Muhammed bis zu Zeit des Sultan Selim. Stuttgart, 1866.
786 Wittfogel K. and Fêng Chia-Shêng. History of Chinese society Liao. Philadelphia, 1949.
787. Yakut ar-Rumi. Mudjam al-Buldan, t. I—VI. Beyrouth, 1955—1957.
788. Yaltkaya S. Eski türk ananelerinin bazı dini müesseselere tè'sirleri. ITTK, 1943.
789. Yinanc M. H. Türkiye tarihi Selçuklular devri. Istanbul, 1944.
790. Yule H. Cathay and the way thither, vol. I. London, 1866.
791. Yusuf Has Hacib. Kutadku Bilig. Ceviren R. R. Arat. Ankara, 1959.
792. Zajaczkowski A. Slownik arabsko-kipczacki z okresu Panstwa Mameluckiego Bulgat al-mustaq fi lugat at-turk wa-l-qifzaq. Warszawa, 1945.
793. Zajaczkowski A. Charakterystyka turków w swietle pismiennictwa arabskiego w sredniowieczu. Rozprawy Komisji Orientalistycznej. № 4. Warszawa, 1952.
794. Zajaczkowski A. Khazarian culture. The Inheritors of the Khazarian Culture. Varsova, 1961.
795. Zakarija Ben Muhammmed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Herausg. von F. Wüstenfeld, theil I—II. Göttingen. 1848—1849.
796. Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Kazwini's Kosmographie, übers. von H. Ethé. Leipzig, 1868.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАН УзССР	— Бюллетень Академии наук Узбекской ССР.
БСЩ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ВАН	— Вестник Академии наук.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВИ	— Вопросы истории.
ВОЛГУ	— Восточное отделение Ленинградского государственного университета.
ВСЭТН	— Всесоюзное совещание по этногенезу туркменского народа. Тезисы докладов и научных сообщений.
ВЛГУ	— Вестник Ленинградского государственного университета.
ДАН ТаджССР	— Доклады Академии наук Таджикской ССР.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЖС	— Живая старина.
ЗИАН ИФО	— Записки Императорской Академии наук. Историко-филологическое отделение.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества.
ИАН СССР	— Известия Академии наук СССР.
ИАН ТССР	— Известия Академии наук Туркменской ССР.
ИВАН УзССР	— Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР.
ИВГОО	— Известия Всесоюзного государственного географического общества.
ИВГО	— Известия Всесоюзного географического общества.
ИГГО	— Известия Государственного географического общества.
ИАН КазССР, СИАЭ	— Известия Академии наук Казахской ССР, серия истории, археологии и этнографии.
ИАН КазССР, СА	— Известия Академии наук Казахской ССР, серия археологическая.
ИАН КазССР, СБ	— Известия Академии наук Казахской ССР, серия биологическая.
И Каз АН	— Известия Казахской Академии наук.
ИНА	— Институт народов Азии Академии наук СССР.
ИООН	— Известия Отделения общественных наук.
ИТФАН	— Известия Туркменского филиала АН СССР.
ИЯЛ АН ТССР	— Институт языка и литературы Академии наук Туркменской ССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР.

КСИЭ АН	— Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
НАА	— Народы Азии и Африки.
ОНУ	— Общественные науки в Узбекистане.
ООН	— Отделение общественных наук.
ПС	— Палестинский сборник.
ПТКЛА	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.
РАН	— Российская Академия наук.
СА	— Советская археология.
СВ	— Советское востоковедение.
СИАЭ	— Серия истории, археологии и этнографии.
СОН	— Серия общественных наук.
СФИ	— Серия философии и истории.
СЭ	— Советская этнография.
ТИИАЭ	— Труды Института истории, археологии и этнографии.
ТИИАЭ АН ТССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР.
ТИИАЭ АН КазССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.
ТИИАЭ АН ТаджССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР.
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
УЗИВ АН	— Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР.
ФИТН	— Филология и история тюркских народов. Тезисы тюркологической конференции.
ГХ	— Год хиджры.
ГХС	— Год хиджры солнечной.
ЭВ	— Эпиграфика Востока.
AKAWPHK	— Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften Philologisch-historische Klasse.
BGA	— Bibliotheca geographorum arabicorum. Ediđid M. J. de Goeje.
BAI	— Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg.
BSOS	— Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies (Univesity of London).
DI	— Der Islam.
EI	— Enzyklopaedie des Islam. Geographisches, etnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker.
FO	— Folia Orientalia.
HEM	— Historian of the Middle East, ed. by B. Lewis and P. M. Holt.
IA	— Islam ansiklopedisi. Islam alemi tarih, cografya, etnografya ve biografya lugati.
IC	— Islamic Culture.
ITTK	— Ikinci Türk Tarih Kongresi.
JA	— Journal Asiatique.
KCsA	— Körösi Csoma Archivum.
MA	— Mèlanges Asiatiques, tirès du Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St. Petersbourg.
NE	— Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi (imperiale, nationale) et autres bibliothèques.
RTRHS	— Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seljoucides, par M. Th. Houtsma.
SK	— Seminarium Kondakovianum.

SKPAWPHC	— Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historischen Classe.
TDAYB	— Türk Dili Arastırmaları Yıllığı Belleten.
THITM	— Türk Hukuk ve Iktisat Tarihi Mecmuası.
TM	— Türkiyat Mecmuası.
TTKB	— Türk Tarih Kurumu Belleten.
UAJ	— Ural-Altaische Jahrbücher.
UJ	— Ungarische Jahrbücher.
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Введение. Историографический обзор. 8
Глава I. Историко-географический обзор страны огузов в X—XI вв. 49
Глава II. Общественный строй огузов и туркмен в X—XIII вв. 86
Глава III. Огузское государство Средней Азии в IX—XI вв. . 122
Глава IV. Сельджукское движение в X—первой половине XI в. 163
Глава V. Огузы и туркмены в середине XI—XIII вв. . 211
Послесловие 258
Библиография 268

АГАДЖАНОВ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОГУЗОВ И ТУРКМЕН СРЕДНЕЙ АЗИИ IX—XIII вв.

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук Туркменской ССР

Редакторы *В. Белова, Т. Завалищина*
Худ. редактор *В. Объедков*
Техредактор *Р. Санатулова*
Корректоры *Т. Реджепова, А. Аракелова*

Сдано в набор 16/XII 1968 г. Подписано к печати 27/III 1969 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Физ. печ. л. 18,5. Привед. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 22,1.
Заказ 204. Тираж 1500 экз. Цена 1 р. 87 к. И—03766.

Издательство «Ылым». Ашхабад, пр. Свободы, 77.
Типография издательства «Ылым». Ашхабад, ул. Энгельса. 2.

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
131	3-я снизу	баджгардалш	баджгардами
141	6-я сверху	титута кол-эркнн	титула коль-эркин
179	3-я сверху	понятым,	понятным,
233	7-я снизу	марз бан	марзбан